

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

(А.С. Пушкин)

Нестор-летописец.

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

А.М. Селиванов

Историческое краеведение:
накопление и развитие
краеведческих знаний в России
(XVIII – XX вв.)

Учебное пособие

Ярославль 2005

УДК 930
ББК Д 891я73
С 29

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2005 года*

Рецензенты:
кандидат исторических наук Н.В. Дутов;
кафедра истории России Костромского
государственного университета им. Н.А. Некрасова

Селиванов, А.М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII – XX вв.) / А.М. Селиванов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 367 с.
ISBN 5-8397-0395-8

Учебное пособие посвящено развитию исторического краеведения в России на протяжении трех столетий. Рассмотрены накопление, формирование и распространение краеведческих знаний, особенности этого процесса на различных этапах отечественной истории, в различной конкретно-исторической обстановке и в разных регионах страны.

Издание предназначено для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, в том числе обучающихся по специальностям: история, музеология, культурология, социально-культурный сервис и туризм. Может быть использовано преподавателями и учащимися средних учебных заведений, в учебные программы которых введено краеведение в качестве регионального компонента базовых образовательных программ.

Издание осуществлено в соответствии с планом деятельности научно-учебной исследовательской лаборатории по истории и культуре Ярославского края исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

УДК 930
ББК Д 891я73

ISBN 5-8397-0395-8

© Ярославский государственный университет, 2005
© Селиванов А.М., 2005

Введение

Вести разговор о краеведении, его предмете, методе, месте в системе научных дисциплин, его историческом развитии следует в тесной связи с развитием исторической науки, рассматривая краеведение как проявление и выражение той ее части, которую называют еще местной (или локальной) историей.

Вопрос о развитии исторического краеведения в последнее время в определенной степени актуализировался, что обусловлено обстоятельствами, связанными и с заметно растущей регионализацией общественной жизни, и с особым вниманием к изучению в исторической науке такого понятия, как «локальная история» и т.п.

Особо выделим и обстоятельство, связанное с необходимостью изучения истории развития отечественного краеведения, становления его теоретико-методологических основ. Рождение краеведения как массового явления относится ко второй половине XIX в. (хотя формирование и накопление краеведческих знаний началось значительно раньше). Однако в это время в центре внимания подавляющего большинства исследователей находилась общероссийская проблематика. Но уже тогда некоторые исследователи указывали на неполноту подобного подхода к отечественной истории, когда она сводилась исключительно к процессам общегосударственного масштаба.

Наиболее четко эти мысли выразил А.П. Щапов. *«У нас доселе, — писал он, — господствовала в изложении русской истории идея централизации; развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной об-*

ластной истории. Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подводились под одну идею правительственно-государственного централизованного развития. С эпохи утверждения московской централизации в наших историях всеобщее и общее говорится о внутреннем быте провинций... Местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей оставляются в стороне или становятся на втором плане; а вместо того на первом плане рисуется политическая деятельность правительства, развитие централизационного устройства и быта России, биографии царей и пр.» А русская история, утверждал А.П. Щапов, «в самой основе своей есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа – до централизации и после централизации» Таким образом, по мнению А.П. Щапова, в российской истории присутствует не одно, а, как минимум, два начала. Провинциализм, областность не придаток к началу общегосударственному, а самостоятельный фактор в истории России. Исходя из этого вполне возможно говорить и об особом его теоретико-методологическом обозначении.

О методологии местной истории говорил и В.О. Ключевский. Он выделял и подчеркивал ценность научного знания о развитии местной истории: «... Исторический наблюдатель..., – писал он в курсе по методологии русской истории, – перенося свое наблюдение на жизнь какого-либо отдельного общества, прежде всего будет смотреть на то, как действовали в истории этого общества исторические силы, какие общественные соединения возникали под их действием и какой момент общего исторического движения отразился в жизни этого общества. Следовательно, местная история представляет тем больше или тем меньше научного интереса, чем с большей или меньшей полнотой скрывается в ней природа каждой исторической силы, чем более или менее своеобразны слагающиеся в ней сочетания общественных элементов, чем больше или меньше новых, в других местах незамечаемых свойств обнаружили в этих сочетаниях составные элементы и, наконец, чем цельнее или мимолетнее, глубже или поверхностнее отразился в этой истории известный момент общего исторического движения. <...> ... Научное значение той или другой местной истории определяет-

ся, во-первых, степенью своеобразности ее явлений, во-вторых, ее связью с общим историческим движением.

Фактически у В.О. Ключевского уже идет речь о локальном методе изучения местной истории. Впоследствии, уже в 1920-е гг., он будет использован представителями школы исторического краеведения, в частности профессором Петроградского экскурсионного института И.М. Гревсом. Здесь впервые соединились краеведение и собственно история. Локальный метод подразумевал собирание фактов какого-либо узкого района, всестороннее их исследование как определенной системы и обязательное введение системы новых фактов в исторический оборот. Это должно было быть не простое описание достопримечательностей, а научно-значимый вклад в общероссийскую историю.

Однако последовательного разговора о местной истории и специфике подхода к ее изучению в кругу историков в пореформенный период не получалось. Многие из них впоследствии так или иначе высказывались о своеобразии исторической жизни отдельных российских областей, об особом роде «местном процессе», отличающем историю одной области от другой. Однако разговор часто переходил в совсем другое пространство – национально-политическое. За вниманием ученых к теме «областности», «областничества» власти стали усматривать национализм и сепаратизм, тем более, что такое явление, как сибирское областничество, возникшее в пореформенный период, вполне, казалось бы, давало основание для подобных утверждений.

В самой провинции во второй половине XIX – начале XX вв. наблюдался значительный подъем интереса к местной истории. Создавались исторические общества, работали губернские статистические комитеты, открывались музеи, организовывались губернские ученые архивные комиссии, выпускались специализированные исторические периодические издания, а в текущей периодике все больше места занимали сюжеты по местной истории. *«Усиленное внимание, – писал В.О. Ключевский, характеризуя русскую историографию пореформенного периода, – обращено на исторические источники, преимущественно неизданные и необследованные. Столичные и провинциальные учреждения, с Академией наук во главе, ученые комиссии и общества собирают, приводят в порядок и издают вещественные и письменные*

памятники старины. Губернские архивные комиссии ведут детальную работу над разнообразными местными материалами, образуя своими изданиями особый и уже значительный отдел в составе русской исторической литературы». Основные усилия местных исследователей были сосредоточены на поиске и введении в научный оборот множества исторических фактов.

Краеведческая наука того времени имела отчетливо нетеоретический характер. В значительной степени это было связано с состоянием российской исторической науки в целом. На рубеже XIX – XX вв. в ней были довольно сильны тенденции к фактографичности, преувеличенной осторожности в выводах и обобщениях, даже к отказу от всяких общих схем исторического процесса, от любых определенных концепций (правда, здесь не идет речь об историках, сформировавшихся как профессиональные исследователи в более ранний период). Большинство из историков предпочитало позитивистский подход с его преклонением перед фактом. В то же время *«истинная функция исторического исследования, – отмечает Р. Вейман, – может быть полностью осознана лишь при том непременно условии, что понимание исторического факта не является самоцелью...»*.

И тем не менее в начале XX в. многие провинциальные историки уже ощущали потребность в создании теоретической базы для овладения обширнейшим фактическим материалом, накопленным в предшествующий период. Стремясь избегать методологических крайностей, они, как отмечал современный исследователь В.П. Макарихин, *«настойчиво искали свой, единственно правильный метод из соединения частей различных методологий, которые проверялись на жизненность на местном историческом материале»*. Однако каких-либо определенных путей к решению данной проблемы найдено не было.

Послереволюционные события коренным образом изменили ситуацию в исторической науке, сказавшись и на судьбе исторического краеведения, хотя первые годы Советской власти были одним из самых значимых и продуктивных периодов его истории, о котором потом будут говорить как о «золотом десятилетии» советского краеведения.

В это время, особенно в 1920-е гг., делались плодотворные попытки с теоретико-методологических позиций подойти к про-

блемам местной истории. Весьма примечателен в этом плане подход историка и теоретика русской культуры и искусства Н.К. Пиксанова, автора формулы «культурно-исторический метод» и идеи «областных культурных гнезд». *«Несомненно, – писал он в 1925 г., – под давлением централистических тенденций истории и власти и наша научно-историческая мысль усвоила те же тенденции и готова скрадывать местные особенности в угоду государственной униформе».* В связи с этим Н.К. Пиксанов задавался вопросом: *«... как осознать отношение центра и областей в русской культуре? Этот вопрос застаёт нашу научную мысль врасплох».* Стремясь ответить на этот вопрос в книге «Областные культурные гнезда», он указывал на то, что *«для русской ... науки существенно утвердить областной принцип мышления и исследования и разработать культурно-историческую схему под этим углом зрения. Уже теперь наша наука может плодотворно синтезировать наличные материалы и перестроить изложение истории русской культуры. Это совершенно очевидно для многих эпизодов... Для каждого из этих эпизодов накопилось такое богатство опубликованных документов и частичных разысканий, что кому-нибудь оставалось бы только объединить их в своем индивидуальном научном сознании и тезировать выводы. Это, правда, еще не сделано, но сделать это легко и увлекательно, а результаты получились бы крупные: сразу бы осветились крупные моменты в истории общерусской культуры и были бы установлены типологические образцы и приемы для других исследований».* В это время существовала реальная возможность выработки теоретико-методологического обоснования исторического краеведения как яркого и отчетливого проявления местной истории.

Однако в это же время историческая наука стала рассматриваться как арена «самой ожесточенной классовой борьбы». *«Научную историографию, – писал в 1927 г. М.Н. Покровский, – можно построить, как и научную историю, только на классовом принципе. Только классовый подход поможет нам расшифровать бесчисленные исторические контroversы, найти ключ к бесконечным, тянущимся иногда веками, историческим спорам – показав нам эти споры как столкновения различных классовых точек зрения».* В этих условиях историко-краеведческие

исследования, как и большинство исторических работ прежнего времени, объявлялись буржуазными и взгляды их авторов подлежали идеологической «расшифровке» и корректировке с позиций марксизма. В другом случае эти взгляды объявлялись лженаучными и при переводе в соответствующую плоскость даже враждебными существующему строю. Во многом так получилось с краеведением, обвиненном в «идеализации старины» и стремлении противодействовать социалистическому строительству. Краеведам вменялось в вину то, что они стремились *«выдвинуть на первый план историзм, в ущерб изучению производительных сил и экономики, причем пропагандировались антимарксистские методы исторического исследования»*. В поисках особенностей развития местной истории виделись прежде всего националистические и сепаратистские происки. Разработка теоретико-методологических аспектов краеведения, как и многосторонние краеведческие изыскания, не вышли за пределы 1920-х гг.

Попытаемся обозначить методологическую основу современного краеведения, ориентируясь на определенную разработанность уже этого сюжета применительно к локальной истории (отметим, в частности, опубликованную в 1996 г. в журнале «Вопросы истории» статью *С.А. Гомаюнова. Местная история: проблемы методологии*). Философским основанием новой методологии местной истории является оппозиция «целое / часть» (а не «общее / особенное»). Хотя надо сказать, что здесь идет речь не о замене одной оппозиции на другую, а скорее о рассмотрении проблемы под несколько иным углом зрения. «Целое» и «часть» особым образом противостоят друг другу. Целое не есть механическая совокупность частей, поскольку обладает собственными характеристиками и закономерностями развития, которые не складываются из характеристик составляющих его частей. Но также и часть не проще целого, она обладает специфическими характеристиками и закономерностями развития, содержит в себе целое в снятом виде. При переводе этой философской оппозиции в плоскость историко-краеведческого исследования будет иметь место следующее соотношение: «целое / часть» – «Россия / край (регион)». И это, в свою очередь, очер-

чивает смысловые, содержательные контуры объекта исторического краеведения.

В качестве примера наполнения конкретным содержанием основных составляющих отмеченной оппозиции можно привести следующие их определения, могущие составить обозначенное соотношение. Прежде всего о России, соответствующее определение которой возьмем из учебного пособия по руссиеведению В.Ф. Шаповалова. Россия, пишет он, *«представляет собой самобытную цивилизацию, обладающую множеством специфических механизмов самоподдержания и саморазвития. Характер этих механизмов отличает ее от других обществ (цивилизаций) и изменяется значительно медленней по сравнению с тем, как происходят очевидные перемены. Россия не является простым собранием изолированных индивидов, связанных между собой лишь формальной связью. Совместное бытие людей предполагает множество взаимосвязей и взаимозависимостей. Очевидно, что характер этих взаимосвязей и взаимозависимостей, при наличии общих черт с их характером в иных странах, в России всегда был и останется отличным от тех, которые свойственны, например, Западной Европе, Китаю или Японии. Специфическими остаются и характеры людей, их привычки, обычаи, системы ценностей. На фоне исторических изменений уловить относительно устойчивые черты достаточно сложно, но тем не менее они есть, ибо при всех изменениях Россия остается Россией. <...>*

Задача комплексного цивилизованного изучения России ... исключительно сложна. Ее решение должно опираться на огромное множество данных самых различных наук: истории, культурологии, социологии, географии, экономики, демографии, литературоведения, языкознания, этнографии и др. Получить широкую панораму российской цивилизации можно лишь при условии обобщения значительного числа источников и материалов. <...> Наше внимание будет сосредоточено на самых разнообразных сторонах жизни российского общества с тем, чтобы выявить в них некоторое единство и специфику, характерные именно для России. Для того чтобы не утонуть в деталях, мы будем стремиться в каждом случае обнаружить основополагающие структуры, определяющие тот или иной аспект жизни

российского общества. Структуры, о которых идет речь, обусловлены коренными особенностями России: природно-географическими условиями, историческим наследием, этническим составом населения и другими, а также вытекающими из них особенностями исторического пути, культуры, традиций, ментальности.

Цивилизованный подход дает возможность представить Россию в качестве единого целого...».

И вторая составляющая отмеченной ранее оппозиции, которую мы свяжем в данном случае с определением региона, поскольку понятие «край» до настоящего времени толкуется чрезвычайно размыто и не очень определенно, о чем еще будет идти речь. Используем одно из синтетических определений региона, которое было дано А. Маркуzenом в 1987 г. и вполне может быть воспринято в плоскости историко-краеведческого исследования. Приведем это определение по учебнику Ю.Н. Гладкого и А.И. Чистобаева «Регионоведение»: *«Регион – это исторически эволюционирующее компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое содержание, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц...».*

И еще одно, своего рода дополнение к обозначению региона, которое в определенном отношении позволит выйти на тот аспект темы, который нас интересует. *«Регион, – пишет современный исследователь А.Е. Левинтов, – зиждется на идее самодостаточности... При этом самодостаточность ощущается региональным субъектом не относительно целого или центра и выражается в провинциальности (самобытности) сознания... <...> Региональный субъект – это не житель, не представитель населения, этноса... Региональный субъект обладает: волей и представлениями, целями, как представлениями, побуждающими к действию, позицией; региональный субъект – это прежде всего и главным образом деятель, осуществляющий помимо деятельности ее рефлексия». Все это, и особенно последний момент, может быть вполне увязано со сферой краеведческой деятельности и теми «региональными субъектами», которые эту деятельность осуществляют.*

Есть необходимость остановиться и на содержании самого понятия «краеведение», тем более, что в литературе существуют самые разнообразные точки зрения по этому поводу. Так, известный географ, педагог и методист А.С. Барков писал в 1946 г. о краеведении следующее: *«Это отрасль знания, значение которой многими теоретически признается, но до сих пор не имеет общепринятого понимания»*. Прошло уже почти шесть десятилетий со времени данного высказывания, но вопросы о предмете, методе и задачах дисциплины «краеведение», о специфике и месте краеведения в системе наук, о содержании самого понятия «краеведение» до сих пор не имеют «общепринятого понимания».

В XIX – начале XX вв. в русской педагогической литературе использовались такие термины, как «родиноведение», «отечествоведение», «отчизноведение». А термин «краеведение» впервые появился в 1914 г. в работах русского педагога В.Я. Уланова. Под «краеведением» первоначально понималось изучение уезда, губернии. «Родиноведению» же отводилась более важная роль в обучении и воспитании учащихся. Подобное деление на «краеведение» и «родиноведение» характерно для русской педагогической мысли предреволюционных лет, а также для первого периода строительства советской школы. В начале XX в. в провинции создавались специальные учебные издания по родиноведению. Так, в Ярославской губернии в 1907 г. появилось одно из лучших в России учебных пособий по родиноведению – книга учителя Ярославского городского училища П.А. Критского «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения», служившая руководством для учителей народных школ в их работе по краеведению, для школьников и окончивших начальную школу. Надо сказать, однако, что в структурно-содержательном отношении в этом издании достаточно трудно провести границу между родиноведческим и краеведческим подходом. Во всяком случае, по своей структуре и содержанию эта работа была безусловно краеведческой: первая часть представляла описание природы края, его населения, экономики и культуры, вторая – очерки по истории края и третья – попутный обзор губернии. Хотя надо сказать еще раз, что в это время понятия «родиноведение» и «краеведение» все-таки несколько

обособлялись друг от друга. В дальнейшем, начиная с середины 1920-х гг., термин «краеведение» утвердился окончательно и получил широкое распространение. А смысловое значение «родоведения» влилось в понятие «краеведение».

Научное представление о предмете, объекте и методике краеведения развивалось в процессе эволюции самого краеведческого движения и науки о краеведении. В энциклопедиях, словарях, учебных пособиях давались самые разные объяснения понятия «краеведение». Но, как уже отмечалось, появляется оно только во втором десятилетии XX века. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (вторая половина XIX в.) такого слова еще не было. Нет его и в «Энциклопедическом словаре», издававшемся на рубеже XIX – XX вв. Брокгаузом и Ефроном. В «Академическом словаре русского языка» (1916 г.) уже появляется слово «краеведение» и объяснение его: *«совокупность... знаний об отдельных местностях страны, всестороннее изучение отдельных частей страны, преимущественно силами местного населения»*. Близкое толкование этого понятия можно встретить в словарях русского языка и в энциклопедиях последующего времени.

Надо сказать, что определение краеведения в современных энциклопедических изданиях даже менее содержательно, чем в изданиях прошлого. Так, в современном «Словаре русского языка» (1982) оно выглядит следующим образом: *«краеведение – совокупность знаний о том или другом крае, изучение его природы, истории, экономики, быта и т.п.»*. Немногим лучше выглядит это определение и в специализированных энциклопедических справочниках. Стоит взять последнюю фундаментальную энциклопедию по отечественной истории (2000), где мы увидим, что краеведение – это *«изучение части страны, края, отдельной местности, города, деревни»* и подразделяется оно по объекту изучения на отрасли: географическое краеведение, историческое краеведение, этнографическое краеведение, топонимическое краеведение.

Теоретики прошлых лет, пытаясь сформулировать определение данного понятия, исходили в основном из предметной направленности краеведения (историческое, географическое, лите-

ратурное, художественное и т.д.) с учетом его деления по формам организации (государственное, школьное, общественное).

Наиболее подробно и последовательно к определению понятия «краеведение» и вопросу о его содержании подошел С.О. Шмидт. Он рассмотрел этот вопрос с историко-философских и культурологических позиций, выделив общие признаки, позволяющие приблизиться к современному пониманию сущности краеведения. Основные подходы к определению научной и социальной сущности краеведения базируются на выводах С.О. Шмидта о том, что краеведение является составной частью отечественной культуры, представляет собой ее мощный пласт, еще мало затронутый исследовательскими разработками. Кроме того, развитие краеведения во многом определяется уровнем социально-культурных отношений в обществе и поэтому оказывает значительное влияние на формирование нравственности и гражданских принципов как всего общества, так и каждого его индивидуума.

С точки зрения С.О. Шмидта, краеведение – это: 1) наука и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края, определенной местности – от деревни, небольшого города, даже улицы, фабрики, учебного заведения и т.д. до сравнительно крупного региона; 2) форма общественной деятельности, к которой причастны ученые специалисты и широкий круг лиц разного возраста и разной степени подготовки; 3) метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного, метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи.

С.О. Шмидт является автором статьи «Краеведение» в «Российской музейной энциклопедии» (2001), где определение данного понятия дано наиболее полно по сравнению с другими изданиями: *«Краеведение, изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории, «края» (от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома), главным образом силами местного населения. Краеведение опирается на междисциплинарные научные связи и учитывает выводы не только научных теорий, но и первичные наблюдения, житейскую практику; предполагает освоение местного исторического опыта и определение новых тен-*

денций, исходя из местных условий и традиций. Краеведческое знание – комплексное, объединяющее элементы ряда научных дисциплин, согласно которым выделяются разделы (отрасли) краеведения: историческое, литературное, географическое и др. По формам организации представлено государственным, общественным, школьным».

Обратим внимание на то, что краеведческое знание является знанием комплексным, объединяющим элементы целого ряда научных дисциплин. Дифференциация – неизбежное для любой науки явление. Для краеведения же, которое всегда базировалось на данных различных наук, это характерно в высшей степени. Именно поэтому краеведение воспринимается многими исследователями и педагогами как наука комплексная или даже как комплекс наук.

Что же все-таки позволяет говорить о краеведении как о единой науке и не дает ей распадаться на ряд самостоятельных разделов. Вспомним определение краеведения, которое дал С.О. Шмидт, в частности отметивший, что краеведение представляет собой метод познания от частного к общему – метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи, учитывающий и выводы научных теорий, и первичные наблюдения житейской практики.

Необходимо добавить, что краеведение отличается не только специфическим методом познания, но и своеобразными приемами поиска и распространения знаний, а также порой отличными от сугубо научных способами распространения накопленных сведений. Далеко не каждый современный краевед способен в общепринятой для науки форме изложить результаты своих изысканий. Порой ему доступнее представить собранный материал в виде выставки или экспозиции домашнего музея.

Итак, специфические методы познания, поиска и распространения знаний, объединяя различные науки, раскрывающие историю, культуру, экономику, природные особенности и т.д., дают целостное представление о каком-либо крае. Само понятие «край» не нашло до сих пор в литературе более или менее четкого определения. Поэтому под «краем» чаще всего подразумевается какая-либо единица местности – от населенного пункта (или части его) до целого региона.

Существует еще одна особенность, выделяющая краеведение из системы других наук, как точных, так и гуманитарных, и связанная с определенным морально-нравственным, этическим отношением исследователя к объекту краеведческого изучения. *«Краеведение, – писал С.О. Шмидт, – воспитывает уважение к истокам нашим, к родной земле, к ее преданиям, ее ландшафтам, к исконным занятиям предков. Это действует не только на ум – на душу. ... Настоящее краеведение – это всегда любовь к краю».* Здесь краеведение смыкается с таким понятием, как патриотизм. Об этом в свое время хорошо сказал известный историк и исследователь российских древностей И.Е. Забелин: *«Чувство своей жизни, своей истории, своей географии или местности, дома. Вы любите свой дом, свою деревню, свой город, уезд и т.д., распространяя эту любовь на всю родную страну. Если родная страна столько же вам дорога, как свой дом, своя семья, если вы чувствуете все ее выгоды и невыгоды и сердечно о них заботитесь – вот вы и патриот.*

Вера в народ, в его достоинства, в его дарование, в его силы политические, экономические, литературные, художественные, ученые и т.д., такая вера служит основой патриотического чувства».

В связи с этим еще несколько слов, сказанных другим знатком российской старины Б.В. Шергиным. *«Меня спрашивают, – говорил он, – «Для чего ты в старые книги, в летописи, в сказанья, в жития, в письма прежде отошедших людей, в мемуары, в челобитные, во всякие документы вникаешь? Надобны разве для жизни эти «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»? И я отвечаю: «Совершенно так же, как веселит и богатит меня жизнь-история моей семьи, отца-матери, бабок-дедов...».*

Сегодня, опираясь на опыт краеведов прошлого, краеведение можно воспринимать не как комплекс наук – совокупность предметов, явлений и свойств, образующих одно целое, а скорее как синтез – соединение отдельных элементов, сторон объекта в единое целое (систему), которое осуществляется как в практической деятельности, так и в процессе познания.

Отсюда и краеведение можно определить как синтез наук, раскрывающих историю, культуру, экономику, природные осо-

бенности какой-либо единицы местности, объединенных рядом специфических методов познания, поиска, распространения знаний и чувством сопричастности к судьбе изучаемого объекта.

Глава I

Накопление и развитие краеведческих знаний в XVIII – первой половине XIX вв.

*«Много вещей старых изрядных...». * И.К. Кирилов и его «Цветущее состояние Всероссийского государства». * В.Н. Татищев. * М.В. Ломоносов и работа по подготовке описаний страны и ее регионов. * Г.Ф. Миллер и его труды по региональной истории. * Камчатские экспедиции. «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова. * «Академические экспедиции» 1768 – 1774 гг. * Топографические описания. * Географические словари. * «Вольное экономическое общество» и региональное изучение страны. * Местные краеведческие описания второй половины XVIII века. * Н.М. Карамзин. * «...Уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». * «Краевые» описания начала XIX века. * «Краевые» описания 1830 – 1850-х гг. * Статистические органы МВД. * Губернские статистические комитеты. * Научные общества. * Провинциальные журналы. * Губернские ведомости. **

Как уже говорилось ранее, термин «краеведение» появился только в начале XX века, хотя краеведческая деятельность прослеживается в истории русской культуры гораздо раньше. С давних времен знания о своем крае лежали в основе конкретных представлений об его историческом прошлом. Это находило отражение в местных преданиях и летописях, которые велись на Руси в XI – XVII вв. Так, например, в летописном своде «Повесть временных лет», составленном в начале XII в., имеются сведения о расселении славян в период колонизации, о финно-угорских племенах – «насельниках» территорий, куда приходили славяне, о климате, реках, озерах и т.д.

Сведения краеведческого характера активно использовались государственной властью при определении государственных границ, описании дворов и земельных угодий в XV – XVII вв., при поисках рудных месторождений, строительстве новых городов и т.д.

Однако становление исторического краеведения как научного знания, неразрывно связанного с исторической (и не только исторической) наукой относится к XVIII веку. Уже в первой половине XVIII в. изучению и исследованию как страны в целом, так и ее отдельных частей стало придаваться государственное значение. Практика требовала исследования больших и малых территорий, изучения природы, населения, хозяйственной специализации отдельных регионов.

Важное значение для осуществления этого имело новое административное деление страны. По указу Петра I от 18 декабря 1708 г. было выделено 8 губерний, а потом число их было доведено до 11. Эти весьма обширные губернии, аналогичные позднейшим военным округам и призванные обеспечивать формирование и содержание войск, стали вскоре и хозяйственными единицами. Их территория постепенно все более индивидуализировалась. С выделением губерний описания отдельных районов страны и их исследования начали вестись уже не по частным владениям, а применительно к единому админист-

ративному делению страны. Характерно, что оно довольно точно отражало специфику отдельных частей страны. Впоследствии административное деление совершенствовалось, детализировалось, видоизменялось, но общая его схема сохранилась примерно такой же. Это обеспечивало возможность сопоставлять описания и характеристики страны и отдельных губерний, составленные в разные периоды.

Но внимание исследователей привлекали не только географические особенности и природные богатства для хозяйственного обустройства России. Укрепление государственности и возросшее национальное самосознание русского народа способствовали пробуждению все большего интереса к историческому прошлому своей страны.

«Много вещей старых изрядных...» Надо сказать, что уже с конца XVII в. Петр I обращал особое внимание на коллекционирование различных редкостей и художественных и исторических древностей. Первоначально коллекции, которые он приобретал, хранились в Москве. Большинство их (минералогических, этнографических, исторических, художественных и др.) находились в ведении Дворового приказа. В 1714 г. Петр I перевез в строящийся Петербург все свои личные коллекции и богатую библиотеку бывшего Аптекарского приказа. Вскоре после этого появляется целый ряд его указов об археологических поисках, коллекционировании старинных предметов культа и быта, древних книг и рукописей, о создании первых музеев. Так, указом Петра I от 13 февраля 1718 г. предписывалось о всех любопытных находках докладывать царю и награждать за поиск древностей в своем крае. В более поздних указах церковным и светским властям предписывалось *«прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные»* пересматривать, переписывать и доставлять в Сенат и Синод. Тем самым признавалось государственное значение местных памятников прошлого.

Очевидное стремление собрать и сохранить предметы старины было законодательно зафиксировано в апреле 1722 г., когда велено из церквей и монастырей доставить: *«...много вещей старых изрядных... а именно, старые манеты, камня хорошие, которые по старому обычаю не огранивали и сим подобное... дабы*

то все принесли в Синод, где мочно разобрат, что не куриозное отдат им, что куриозное денги дат достойной цены...».

В 1720 – 1722 гг. появились указы, направленные на собирательство вещественных и письменных источников для создания истории Российского государства. Именно в эти годы были изданы распоряжения о присылке в Синод рукописей из всех монастырей.

В 1718 г. вышел указ о сборе коллекций для Кунсткамеры, которая уже в следующем году открылась как публичный музей. Вскоре этот музей вошел в структуру создаваемой Петербургской Академии наук, что способствовало увеличению числа его коллекций и экспонатов. В 1727 г. в музей поступила богатая коллекция путешественника и исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта. В 1730-х гг. редкие этнографические материалы представили сюда Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин и С.П. Крашенинников.

Сам Петр I, как уже отмечено, весьма интересовался художественными и историческими древностями. С его именем связаны и первые попытки государственной реставрации памятников истории. Так, при посещении развалин древнего города Булгары в Поволжье, царь повелел в целях сохранения для истории произвести их реставрацию. В 1720 г. Петр предписал казанскому губернатору: *«Отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пеицись о сохранении оных и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда».*

В послепетровское время русская культура продолжала развиваться под сильным влиянием западной культуры. *«Новое поколение, – писал А.С. Пушкин в своих «Заметках по русской истории XVIII в.», – воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения».* Правда, имевшее место при Петре достаточно резкое их противопоставление стало гораздо более сглаженным. Активно внедрявшиеся при Петре начала европейской культуры не отошли на задний план, а скорее образовывали своеобразный симбиоз с национальной культурой. Так, князь Д.М. Голицын еще на рубеже XVII –

XVIII вв. привез из-за границы, отмечал В.О. Ключевский, *«живой интерес к устройству тамошних государств и к европейской политической литературе, сохранив при этом любовь к отечественной старине»*. Его богатая библиотека в 1730-е гг. содержала памятники русского права и летописания, а также обширную коллекцию книг европейских авторов по истории, философии, политике.

Сбор исторических материалов стал более организованным и целенаправленным после создания Академии наук. Характерно, что первоначальные штаты ее формировались в основном из немецких ученых, занимавших в то время ведущие позиции в развитии наук, исследующих памятники старины. Именно Академия наук и возглавила работу по накоплению сведений о древностях. В выпускаемых ею журналах (*«Местные генеалогические и географические примечания в Ведомостях»* – с 1728 г.; *«Календарь или месяцеслов исторический»* – с 1729 г.; *«Санкт-Петербургский календарь»* – с 1737 г.) помещались сведения по истории, этнографии, географии, а также публиковались выписки из летописей, описания монастырей, других сооружений и древностей. По мере того как исследовались отдельные области России, в частности Сибирь, Камчатка, области Каспийского и Балтийского морей, в Академии наук стал накапливаться материал об истории многих памятников древности, их географии, причем нередко этот материал носил отчетливый краеведческий характер.

В первой половине XVIII в. каждое конкретное краеведческое описание органично сочетало в себе одновременно знания географические, экономические и исторические. Здесь мы встречаемся с так называемым *«государствоведением»* – одним из ранних направлений в развитии статистики. Представители этого направления считали предметом статистики само государство, точнее, *«достопримечательности»* государства, влияющие на его благосостояние. В их числе было население страны, ее природно-климатические условия, ресурсы, государственный строй и управление, экономика. Выполнить работу по созданию таких *«государствоведческих»* описаний могли лишь ученые с разносторонними способностями и широким диапазоном научной практики. Такими учеными являлись И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер и М.В. Ломоносов. Первые крупные успехи в

накоплении краеведческих знаний на научной основе принадлежали именно этим выдающимся исследователям. Они первые предприняли попытку привлечь местное население к сбору научного материала, используя при этом метод рассылки в отдаленные края анкет и опросных листов.

И.К. Кирилов и его «Цветущее состояние Всероссийского государства...». И.К. Кирилов, сподвижник и последователь Петра I, обер-секретарь Сената, руководивший работами по созданию Генеральной карты (1733 г.) и первого атласа страны (1734 г.), стал создателем первого всеобъемлющего описания России. Еще в 1727 г. И.К. Кирилов написал сочинение с пышным названием: «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая», впервые опубликованное только в 1831 г., т.е. более чем через сто лет после написания. Современники знали его только по рукописным копиям.

Это было выдающееся для своего времени описание, составленное в форме статистического обзора, типичной для описаний в Западной Европе. Содержание работы прежде всего деловое, которое должно было помочь государственным органам в деле управления страной. В двух книгах «Цветущего состояния...» довольно полно описывались все губернии и провинции России того времени, с городами, гарнизонами, расположением воинских частей, артиллерийскими командами, монастырями, с приведением и других справочно-административных данных, включая «число душ» и «доходы».

Как и всякому обобщению, этой работе предшествовало накопление новых материалов, фактов и сведений, во многом получаемых с мест. В данном случае особо важно отметить, что одним из источников для составления «Цветущего состояния...» послужили данные, полученные в качестве ответов на специальную анкету, разосланную Сенатом еще при Петре I, с целью получения материалов для составления описания страны.

По своему содержанию работа И.К. Кирилова далеко вышла за рамки обычного статистического описания: в ряде мест в ней приводились настоящие экономико-географические характеристики, особенно условий сельскохозяйственного производства,

включая данные о выращиваемых культурах и их урожайности, о промышленных предприятиях, торгах, об охоте и пушных промыслах и т.д. Особенно много конкретных данных Кирилов приводил во второй книге, при описании Сибири и Камчатки, используя новые материалы исследований этих регионов. И только характеристик природных условий тех или иных мест И.К. Кирилов практически не приводил, ограничиваясь в лучшем случае описанием местоположения и топографии отдельных городов и т.д.

Вклад И.К. Кирилова в развитие отечественной науки, и в первую очередь географии и государствоведения, очень велик. Но еще большую роль сыграл его современник В.Н. Татищев – выдающийся ученый и вместе с тем крупный государственный деятель.

В.Н. Татищев. В.Н. Татищев был не только «отцом русской истории», но и географом, этнографом, ботаником и математиком. А.С. Пушкин приводит в своей статье о Татищеве свидетельство доктора Лерха, сопровождавшего князя М.М. Голицына в его поездке в Персию в 1744 г.: *«Прибыли мы в Астрахань. Губернатором был там известный ученый Василий Никитич Татищев, который пред сим образовал новую Оренбургскую губернию. Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку отличнейших книг и был в философии, математике и особенно в истории весьма сведущ. Он написал Российскую историю...»*.

Еще в 1719 г. Петр I хотел поручить своему ближайшему сподвижнику Я.В. Брюсу составить подробную географию России. Брюс в это время был очень занят и порекомендовал царю вместо себя В.Н. Татищева. Но осуществление этого поручения затруднялось отсутствием общего труда по российской истории, с работы над которым В.Н. Татищев и начал выполнять указание царя. И прежде всего он ознакомился с выделенной ему Петром I из своей библиотеки «Древней Несторовой летописью».

Стоит отметить, что в 1720-е гг. В.Н. Татищев переписал множество документов из уникальной библиотеки одного из самых образованных деятелей России князя Д.М. Голицына (6 тысяч книг: летописи, хронографы, переводы с иностранных языков). В 1720-м г. Брюс командировал Татищева на Урал для уст-

ройства горных заводов, где он также сумел найти время для сбора исторических и географических материалов. На Урале ему удалось раздобыть другой список «Несторовой летописи». К этому времени у него уже складывался план будущей «Истории Российской».

Но главной задачей В.Н. Татищева, как уже отмечалось, было составление обобщающего географического описания России. В связи с этим уместно будет сказать о том, как он представлял предмет географии, поскольку это во многом связано и с интересующим нас вопросом. В.Н. Татищев не считал возможным ограничивать географию традиционными рамками описательного государственоведения, хотя и весьма высоко оценивал его значение. Он разделял географию на общую, занимающуюся земным шаром, и частную, которую мы теперь отождествляем со страноведением. Кроме того, говорил он, существует и более подробная «топография или пределописание». Частная география, занимающаяся описанием страны, должна включать весьма широкий круг вопросов, как-то: описания природы и ее ресурсов, населенных пунктов, элементов этнографии, хозяйства, административного устройства. Весьма важны и исторические аспекты развития страны: время установления ее границ, основание городов и т.д.

Полезность таких описаний для государства, по мнению В.Н. Татищева, не ограничивается задачами административными, хозяйственными и военными. Описания, считал он, нужны и для образования дворянства, начиная со школьной скамьи, чтобы впоследствии, действуя на любом поприще, каждый представитель его класса *«удобней и порядочней о всех обстоятельных пользы и вреда, избытков и недостатков, возможности и неудобства совершенно зная, благоразумно рассуждать и правильные заключения и определения подать мог»*.

Поставив перед собой цель создать географическое описание страны, Татищев прежде всего критически оценил имеющиеся в центральных учреждениях фактические материалы, собранные различными ведомствами. Материалы эти были довольно случайными и разрозненными. Ряд новых данных для описаний должны были дать развернувшиеся в стране картографо-геодезические работы, часть – отчеты о различных путешествиях и исследованиях. Недостающие материалы Татищев решил до-

полнить, собрав необходимые сведения с мест. Надо сказать, что в своих сочинениях он не раз отмечал свои непрерывные занятия географией. *«Во время пребывания моего в Астрахани, – говорит он, – посылал я по земле и морю описывать искусных людей. Сочиня лан-карту, послал оную в Сенат и академию».*

В 1737 г. Татищев представил в Сенат «Предложение о сочинении истории и географии Российской», содержащее обширную анкету. Эту анкету он просил разослать по стране, сначала от имени Сената, а затем, получив отказ, от имени Академии наук. Сама эта анкета, отражающая тщательно продуманный план описания и состоящая из 198 вопросов, по существу открывала новую страницу в изучении страны, причем в первую очередь в изучении краеведческом. Предваряя анкету, он писал: *«история или деесказания в летописи без землеописания совершенного удовольствия к знанию нам подать не могут».*

*Монастырская деревянная шатровая церковь с звонницей и часовой.
Рис. В.В. Суслова*

Однако анкета так и не была размножена ни Сенатом, ни Академией наук и Татищеву пришлось использовать своего рода «обходной маневр». Используя свое положение управителя уральских заводов, он разослал анкету по уральским и сибирским городам, в известной мере подчиненным ему.

Ответы на анкету он использовал в своих научных трудах, крупнейшим из которых стала «История Российская с самых древнейших времен...» (опубликованная, правда, уже после смерти автора – в 1758 г.).

Нужно сказать, что В.Н. Татищев стал и первым историком российских городов, изучение которых он предпринял в результате краеведческих описаний и составления карт различных местностей страны.

И еще. В годы пребывания В.Н. Татищева на губернаторской должности в Астрахани (первая половина 1740-х гг.) он провел работу по созданию «Лексикона Российского исторического, географического, политического и гражданского» (доведя его до слова «ключник») – первого опыта составления российской энциклопедии. В «Лексиконе...» давались описания отдельных природных объектов (рек, озер, урочищ), приводились сведения о губерниях, провинциях, городах, об их хозяйстве, географическом положении и топографических особенностях.

В.Н. Татищев является автором целого ряда исторических и географических работ: «Россия, или, как ныне зовут, Россия», «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» и др. Отметим из них, в частности, неоконченное «Общее географическое описание всея Сибири» – региональную характеристику Сибири, составленную с использованием материалов различных наук, а также с привлечением краеведческих сведений, полученных по анкете-запросу. Написана была только общая часть работы, хотя Татищев предполагал подготовить и вторую ее часть – о сибирских губерниях, провинциях, уездах и слободах. С учетом этого можно сказать, что двучленная структура построения описания, с делением на общую и региональную часть, была задумана еще В.Н. Татищевым. Впервые же эта идея была реализована его учеником и последователем П.И. Рычковым.

М.В. Ломоносов и работа по подготовке описаний страны и ее регионов. Дальнейшее развитие работ по подготовке описаний страны и ее отдельных регионов связано с именем М.В. Ломоносова, который в 1758 г. возглавил Географический департамент Академии наук. Продолжая традиции И.К. Кирилова и В.Н. Татищева, он в 1760 г. разработал анкету из 13 вопросов с целью получить из губерний сведения, необходимые для карт и описаний. После замечаний, высказанных Академией наук, Ломоносов расширил анкету до 30 вопросов, и в январе 1761 г. она была разослана Сенатом во все губернии и провинции. В вопроснике Ломоносова были выделены такие моменты, как местонахождение города, система его укреплений, численность населения округа, количество домов, периодичность ярмарок и размер их оборота, степень развития судоходства, торговые связи, ассортимент культивируемых сельскохозяйственных растений, характер развития промыслов, перечень фабрик и заводов и т.д. Если сравнивать анкету Ломоносова с программой описания России И.К. Кирилова и анкетой В.Н. Татищева, то заметно, что у Кирилова преобладает интерес к истории и административным вопросам, а анкета Татищева рассчитана на сбор материалов для всестороннего описания. У Ломоносова же половина вопросов анкеты (15) посвящена экономике, пятая часть (6) – природе, остальные – положению границ и городов, составу населения, истории и археологии. В определенном отношении «академическую анкету» Ломоносова можно считать первой программой краеведческого изучения России.

Уже к началу 1763 г. было собрано четыре тома ответов на анкету Ломоносова. Некоторой помехой в сборе сведений оказалось появление еще одной «модернизированной» анкеты, подготовленной по предложению Г.Ф. Миллера и разосланной Сенатом на места через 11 месяцев после анкеты Ломоносова. По мнению Миллера, новая анкета должна была специально обеспечить создание «Географического описания Российского государства». Для этого в ней запрашивались еще более широкие и подробные сведения: многие вопросы анкеты Ломоносова были возвращены.

Помехи были связаны еще и с тем, что ответы на анкету Ломоносова должны были сосредоточиваться в Географическом департаменте, а в новой анкете указывался адрес Сухопутного ка-

детского шляхетского корпуса, в котором преподавал Г.Ф. Миллер. В результате на местах – в губерниях и провинциях – одновременно фигурировали две параллельные анкеты, а это неминуемо вело к путанице.

Впоследствии, на основании полученных шляхетским корпусом ответов, в 1772 – 1774 гг. были выпущены обработанные библиографом Л. Бакмейстером «Топографические известия, служащие для полного топографического описания Российской империи». Они охватывали территорию Московской губернии, Калужской, Угличской, Ярославской и Костромской провинций и части Новгородской губернии. В истории географического изучения центральных районов России, в том числе и Ярославского края, «Топографические известия» Бакмейстера представляют собой первую систематизированную сводку физико-географических и экономико-географических данных об этой части нашей страны. Это была попытка систематизации первичного краеведческого материала, своего рода схематическая основа для будущего описания. Эта попытка наглядно подчеркнула необходимость дополнительного сбора сведений в процессе полевых исследований и экспедиций, об организации которых Ломоносов ставил вопрос неоднократно. Можно сказать, что его деятельность подготовила широкие полевые обследования страны – так называемые «академические экспедиции», развернувшие работу уже после его смерти.

Во второй половине XVIII в. подготовка описаний страны и ее отдельных регионов оставалась на уровне общегосударственной задачи, о чем свидетельствовало появление соответствующих законодательных актов и распоряжений. Правда, многие из них не обозначали эту задачу непосредственно, напрямую, но косвенно они ориентировали на сбор исторических сведений и описаний прежних времен. Так, для составления нового атласа России 19 июля 1759 г. был издан указ «О присылке планов в Синод на монастырские и церковные здания», к котором говорилось, что *«потребно иметь в Академии Наук именной список всем Синодальным строениям во всем Российском государстве, а именно: Соборным и приходским церквам, а также и всем монастырям по всем городам и селам, где означить именно, каменные ли строения или деревянные монастыри состоят, при каких реках и*

при каких городах в каком от оных разстоянии и на которую сторону, дабы те по тому в атласе без ошибки назначить можно было...».

Конечно, здесь шла речь о сборе и получении сведений, характеризующих в первую очередь географическое месторасположение упомянутых сооружений, которые могли служить своего рода путевыми ориентирами для путешественников. Однако в конце указа была весьма характерная оговорка: *«... присланы бы были из монастырей копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории».*

Г.Ф. Миллер и его труды по региональной истории. В 1750 г. вышел в свет первый том «Описания Сибирского царства» немецкого историка Г.Ф. Миллера, посвятившего свою жизнь развитию российской исторической науки. Его история Сибири писалась на основе исследований, проведенных Миллером в течение десяти лет в составе «Второй камчатской экспедиции» Витуса Беринга. Е.Ф. Шмурло писал о значении этой экспедиции для самого Миллера и для науки: *«Не понав на Камчатку, Миллер объездил главнейшие пункты западной и восточной Сибири, в пределах: Березов – Усть-Каменогорск – Нерчинск – Якутск ... и тщательно перерыл местные архивы, открыв, между прочим, сибирскую летопись Ремезова. Десятилетнее (1733 – 1743) пребывание в Сибири обогатило Миллера массою ценных сведений по этнографии инородцев, местной археологии и современному состоянию края. Особенно важна была вывезенная Миллером громадная коллекция архивных документов, и если сам он использовал только ничтожную часть их, то в течение полутора столетий они служили и продолжают служить доныне важным подспорьем для отдельных ученых и целых учреждений».*

Высокий отзыв работе Миллера дал В.Н. Татищев. В письме к Шумахеру он писал: *«С великим моим удовольствием присланное от Вас начало Сибирской истории прочитал... Сие есть начало русских участных (областных) историй, и нельзя иного сказать как хваления и благодарения достойное в ней».*

Но надо отметить, что сам Миллер достаточно пессимистически относился к вопросу о возможности создания подробной и обстоятельной истории России на основе местных краеведческих материалов. В одной из своих статей он рассуждал: *«Весьма бы*

полезно было, когда бы кто, имеющий к сему довольно способности, сочинял достоверную о Российском государстве историю и географию, наперед, хотя сокращенную, а потом и пространную, и оных бы издать в печать. < ... > Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии...».

С другой стороны, деятельность самого Миллера свидетельствовала как раз о противоположном. Только в последние годы жизни с его помощью были изданы: три тома «Истории Российской» Татищева, «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева (историка, секретаря русского посольства в Швеции), «Степенная книга», переписка графа Б.П. Шереметева с Петром I, «Географический лексикон Российского государства» Ф.А. Полунина, «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова и др. Кроме того, в качестве руководителя архива Коллегии иностранных дел Г.Ф. Миллер совершил археографическую экспедицию по городам и монастырям Московской губернии и опубликовал значительное число найденных материалов в редактируемом им научно-литературном журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В результате этих исследовательских поездок по «московской провинции» в 1770-е гг. Миллер подготовил и опубликовал описания Коломны, Можайска, Звенигорода, Рузы, Савино-Сторожевского монастыря, Дмитрова, Троице-Сергиевой лавры, Переславля-Залесского и т.д., причем во многом он опирался на собранные на местах материалы.

В XVIII в. краеведческое изучение России углублялось и за счет проведения различных экспедиций, организуемых Академией наук. Организация и осуществление этих экспедиций была связана с именами таких ученых, как И.Г. Гмелин, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, И.И. Лепехин и др.

Камчатские экспедиции. «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова. Важнейшее значение для уточнения географического положения Российской империи и исследования ее северных и восточных окраин имели Камчатские экспедиции – первая (1725 – 1730), организованная Адмирал-

тейств-коллегией еще по указу Петра I, и особенно вторая (1733 – 1743), организованная совместно Сенатом и Академией наук. В состав второй экспедиции входило около 1000 человек. По масштабу решаемых задач и количеству участников экспедиция не имела аналогов в истории географических и естественно-исторических исследований. В академический отряд ее входили, в частности, историк Г.Ф. Миллер, натуралист И.Г. Гмелин, будущий автор «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинников и др. За десять лет экспедиции был собран обширный материал о Сибири, архивные материалы по истории ее освоения и русским географическим открытиям.

Прямым порождением второй Камчатской, или Великой северной экспедиции, стало появление одной из первых региональных работ – «Описание земли Камчатки», написанной С.П. Крашенинниковым и вышедшей в свет уже после смерти автора в 1756 г., причем достаточно скоро переведенной на немецкий, французский, английский и голландский языки. С.П. Крашенинников сочетал в себе черты путешественника, крупного ученого и хорошего писателя. Его «Описание земли Камчатки» явилось результатом многолетнего и на редкость многостороннего изучения полуострова и населяющего его народа.

Автор обследовал мало известную до него территорию и убедился, что она вполне пригодна и «удобна» для обитания не только местного населения, но и выходцев из Европейской части страны. Рассказано об этом в книге подробно и обстоятельно, с перечислением, чем богат и примечателен новый край, с объяснением особенностей местной природы и т.п. Крашенинников поделил свое «Описание...» на четыре части, причем выделение их имело прежде всего смысловое, содержательное значение, а не региональное, например, обоснование. Первые две части – «О Камчатке и о странах, которые в соседстве с нею находятся» и «О выгоде и недостатках Камчатки» – носят физико-географический характер. Третья часть работы посвящена этнографии и четвертая – истории Камчатки. Благодаря точности описания, работа Крашенинникова до сих пор сохраняет свое научное значение. *«Крашенинников не был гениальным ученым, – отмечал позже В.И. Вернадский, – но это был точный наблюдатель, работы которого выдержали веяние времени. Имена Гмелина, Стеллера и Крашенинникова – уче-*

ных первой половины XVIII столетия – сохранили для нас свое значение; вместе с тем их труды являются историческими документами, так как они научно точно описывали природу России в условиях ее существования уже исчезнувших, которые не повторяются».

«Академические экспедиции» 1768 – 1774 гг. В деле изучения страны и ее отдельных регионов особенно большую роль сыграли во второй половине XVIII в. так называемые «Академические экспедиции» 1768 – 1774 гг. Это было крупное государственное мероприятие с единой программой работ и заранее намеченной сеткой маршрутов. Во все губернии был разослан специальный указ Екатерины II. В нем местным властям предписывалось оказывать участникам экспедиций всемерную помощь, как в проведении работ, так и в сборе сведений, в отсылке коллекций и отчетов и т.д. (Не стоит, пожалуй, забывать, что именно в это время, уже (с 1765 г.) шла работа по генеральному межеванию страны, хотя она растянулась на более длительный срок. И практически сразу после завершения экспедиций в России была проведена новая административная реформа, которая породила волну обследований вновь выделенных административных единиц, стремление на местах создать описания своей территории. Не стоит искать прямую связь между проводившимися академическими экспедициями и отмеченными общегосударственными мероприятиями, хотя определенные соприкосновения и взаимодействия, конечно же, имели место). Кроме того, надо иметь в виду, что *«предпринятые под эгидой Академии наук, – отмечал американский историк Д.Х. Биллингтон, – эти основополагающие попытки собрать и освоить всевозможную научную информацию, разумеется, предполагали активное соучастие многих видных провинциалов, непосредственно знакомых с местными условиями и спецификой»*. Академические отряды П.С. Палласа, С.Г. Гмелина, И.Г. Георги, И.П. Фалька, И.И. Лепехина, И.А. Гильденштедта в течение семи лет (1768 – 1774 гг.) исследовали огромные территории – Архангельскую губернию, побережье Ледовитого океана от Двины до Урала, Поволжье и Заволжье, Башкирию, Южный Урал и Алтай, Южную Сибирь до Забайкалья, берега Каспийского моря, Северный Кавказ, Грузию, Приазовье, Причерноморье и Украину.

Для общего руководства экспедицией Академия наук выбрала немецкого естествоиспытателя-натуралиста П.С. Палласа. Его основной специальностью была зоология, но он стал активно заниматься также и ботаникой, геологией, палеонтологией, минералогией, географией, этнографией и языкознанием. В 1767 г. Паллас был избран членом Академии наук и перебрался из Берлина в Петербург.

Экспедиция состояла из двух главных отрядов. Во главе одного из них был поставлен сам Паллас, во главе второго – адъютант Академии наук И.И. Лепехин.

Деятельность академических отрядов регламентировалась тщательно продуманной «Инструкцией для отправленных от императорской Академии наук в Россию физических экспедиций», в которой излагалась и программа исследований. Примечательно, что при ее подготовке Паллас активно использовал инструкцию для участников Второй Камчатской экспедиции 1733 – 1742 гг., составленную Г.Ф. Миллером. Главные цели экспедиции Паллас обозначил в трех пунктах: 1) изучение народностей, населяющих Россию, их обычаев и обрядов; 2) исследование природы страны – сбор коллекций минералов, растений и животных; 3) изучение способов обработки и пользования естественными произведениями – работы в рудниках, горных заводах, соляных коях, изучение условий развития сельского и лесного хозяйства. Другими словами, «Инструкция ...» нацеливала участников экспедиций на изучение природных богатств страны, их состояния и перспектив использования, включая земледелие, скотоводство, рыболовство, различные промыслы, добычу полезных ископаемых и т.д., а также условия жизни населения и т.п. Она предписывала участникам экспедиций *«приметно примечать ... все, что может служить к объяснению общей и к поправлению частной географии»*, а также вести климатические, этнографические, археологические и другие наблюдения. Инструкция и весь характер организации работ академических экспедиций ориентировали их участников на сбор однотипного и к тому же в одно время собранного материала, чтобы на его основе создать географическое описание всей страны. Предполагалось, что их разработка развернется позднее.

Но фактически результаты экспедиций оказались отражены в работах, которые первоначально планировались как промежуточные. Обилие собираемых сведений, огромные площади, обследованные в ходе весьма протяженных маршрутов в сравнительно ограниченные сроки, вызвали к жизни достаточно специфическую форму фиксации добываемой информации. Такой формой оказались путевые записки, или дневники, т.е. помаршрутные описания. Эта форма, интересная для читателя и сравнительно простая для автора, конечно же, не была новой. Новым в данном случае было обилие отступлений (включений) не только хроникально-бытового, но и научного характера, содержащих нередко пространные и обстоятельные рассуждения. В ходе многолетних экспедиций (некоторые – до семи лет) их участники занимались не только сбором, но и обработкой материалов, редактированием своих дневников, особенно во время зимовок. Поэтому многие участники экспедиций прямо с маршрутов посылали свои рукописи в Академию наук. И у большинства авторов еще до возвращения в Петербург было опубликовано по две книги. Такая издательская оперативность свидетельствовала о большом внимании к работам экспедиций. Правда, потом темпы издания трудов замедлились, и, например, 4-я часть «Дневных записок» И.И. Лепехина вышла с интервалом в 34 года после публикации первой книги, уже после его смерти.

Это научное предприятие, как и предшествовавшая ему Вторая Камчатская экспедиция, оказалось беспрецедентным по масштабу и значимости результатов – собранных сведений о природе, естественных богатствах, способах хозяйствования, экономике, истории и этнографии обследованных, особенно новоприобретенных земель, а также частей Кавказа, еще не входивших в состав России. Одним из главных результатов этих экспедиций стало появление новой «Генеральной карты Российской Империи» (1776 г.).

Особо стоит сказать об условиях, в которых работали академические отряды и их члены – сложных природных условиях, болезнях и сложнейшей социальной обстановке, особенно на тех землях, которые недавно вошли в состав России. Как раз на это время приходится и крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева.

Вот только несколько штрихов, характеризующих эти условия. Тысячи верст преодолевали путешественники в жару под палящим солнцем или в сильные морозы, в проливной дождь или метель. Не раз они находились на краю гибели. Вот как описывал Паллас путешествие в горах Алтая: *«Места столь дикие и опасные, что в самую лучшую пору на лошадях проехать надобно, а в некоторые горы взбираться пешком и лошадь вести на поводу, дабы стремительно с камнем вниз не свернуться»*. Не вынеся сложностей путешествий, в припадке ипохондрии застрелился руководитель отряда И.П. Фальк, ученик Карла Линнея. Другая экспедиция, возглавляемая С.Г. Гмелиным, была ограблена, а Гмелин задержан в окрестностях Дербента хайтыцким (кайтатским) ханом Усмеем Амиром Амзою с целью получения за него выкупа. От всевозможных лишений в плену Гмелин заболел и умер в 1774 г. Академик-астроном Г.М. Ловиц, оказавшийся в районах, охваченных пугачевским восстанием, был схвачен и по приказу Пугачева сначала посажен живьем на кол, а затем повешен на высокой виселице. *«Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, – писал А.С. Пушкин в своей «Истории Пугачева», – он велел его повесить поближе к звездам»*. Нередки были случаи смертей участников экспедиций от различных болезней. Тот же Паллас несколько раз болел дизентерией, страдал хроническим колитом и болезнью глаз. В Петербург он вернулся совершенно изможденным и седым, хотя было ему только 33 года.

Однако, несмотря на все сложности и трудности, ученые двигались по намечаемым маршрутам. Все они обладали энциклопедическими знаниями, так как должны были ежедневно записывать разнообразные сведения, относящиеся к самым разным областям знаний, делать многочисленные сборы растений, животных и минералов, предметов этнографии, археологических памятников, упаковывать образцы, да еще и вести дневники своего путешествия.

Экспедиции имели, помимо научного, и сугубо практическое значение. Они дали возможность правительству России лучше узнать природные богатства Поволжья, Урала, Восточной Сибири, Алтая, Кавказа и др. Для современной науки непреходящую ценность имеет тот факт, что путешественники описывали области и регионы России, ее поля, степи, леса, реки, озера и горы в их пер-

возданности, когда их еще не сильно коснулось «преобразующее» воздействие человека и они были обильно населены видами, многие из которых исчезли уже через несколько десятилетий (например, дикая лошадь «тарпан»).

Деревянная шатровая церковь.

Рис. В.В. Сулова

Академический отряд И.И. Лепехина собрал много конкретных сведений о состоянии окружающей среды, которые послужили материалами для своего рода практических рекомендаций. Так, по наблюдениям И.И. Лепехина крестьяне Среднего Поволжья страдали от малоземелья и вырубали под пашню окружающий лес, что вело к истощению естественных богатств этой территории. Ученый предложил местным жителям расширять свое землепользование путем осушения болот, а урожайность повышать внесением в землю вполне доступных в природе извести и мергеля.

В своем путевом дневнике Лепехин описал свои наблюдения не только над природой тех местностей, где проходил его отряд, но и систематизировал собранные сведения о жизни населения, его быте, занятиях, социальных отношениях. Было собрано много ценных материалов по ботанике, этнографии, экономическом развитии изученных территорий. Итоги своих исследований И.И. Лепехин обобщил в книге «Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства» вышедшей в 4-х томах в течение 1771 – 1805 гг.

Разнообразный характер и большое значение имели материалы и коллекции, собранные и привезенные в Петербург П.С. Палласом. Ценнейшие сведения по географии, зоологии, ботанике, геологии, этнографии и археологии, полученные его отрядом, до сих пор сохраняют свое научное значение. Путевой дневник Палласа, содержащий и определенное обобщение проделанной экспедицией работы, Академия наук издала в 1771 – 1776 гг. на немецком и в 1773 – 1788 гг. на русском языках под названием «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях (пяти томах). Отметим здесь также публикацию дневников И.П. Фалька «Записки путешествия академика Фалька» (1785 г. – на немецком языке, 1795 г. – на русском языке), книгу С.Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств природы», а также «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи 1769 и 1770 гг.».

*Каменная трехпридельная церковь с звонницей.
Рис. В.В. Суслова.*

Участники экспедиций собрали огромный материал. Но требовалось его обобщение для создания географического описания всей страны. Для этой цели в 1777 г. при Академии наук был создан особый Топографический комитет, который разработал план описания России. Однако целый ряд сложностей и трудностей не дали возможностей осуществить поставленную задачу. Вскоре Топографический комитет распался.

Плодами научных экспедиций XVIII в. широко воспользовалась наука следующего, XIX столетия. В академическом Регламенте 1803 г. они названы подвигом Академии, доказывающим *«ту пользу, какую подобные заведения, благоразумно распоряжаемые и сильно подкрепляемые правительством, могут принести государству»*.

Топографические описания. Остановимся еще на одном аспекте проблемы подготовки описаний России и ее отдельных регионов, сбора и оформления необходимых для этого материалов. Своего рода толчком для поступления с мест массовых краеведческих материалов, необходимых для составления описания страны, послужила административная реформа 1775 г., когда развернулись работы по описанию наместничеств, губерний, областей и уездов. Речь идет о подготовке так называемых «топографических описаний», которые характеризовали более глубокое порайонное изучение экономики и природных богатств России.

Организация программы топографических описаний не была достаточно четкой, поскольку за подготовку их в конце 1770 – начале 1780-х гг. взялись одновременно и Сенат, и Кабинет императрицы, и Академия наук. В ходу было сразу несколько программ, что не обеспечивало единообразия собираемых сведений и вело к разнобою в их структуре и объеме.

Составлялись топографические описания «комбинированным» способом. Канцелярия губернатора посылала запросы в местные учреждения, а затем добивалась ответов на них. Пример процедуры составления описаний по Симбирску, Вятке, Ярославлю и другим городам показывает, что в основу топографических описаний были положены сведения местных губернских и уездных учреждений, добытые путем таких запросов.

В массе топографических описаний второй половины XVIII в. можно выделить группу описаний, характерной особенностью

которой является наибольшее единообразие программы. Каждое топографическое описание этой группы состояло из трех частей.

В первой давалось общее описание губернии (ее размеры, природные условия, население, города, уезды, реки, пути сообщения и т.п.).

Вторую часть составляло описание уездных городов. Много места уделялось топографии города, характеристике рельефа окружающей местности, истории этих городов, описанию достопримечательностей города (здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казенные присутственные места, училища, больницы). Весьма важными были те разделы описания, где освещалась численность жителей города и их занятия.

В третьей части описания характеризовался уезд. Приводилось много общих сведений о природно-географических условиях. К числу важнейших относился цикл вопросов о земледелии. Тщательно были подобраны вопросы по торгово-промышленному развитию уезда.

Степень подробности освещения вопросов в различных описаниях была неодинаковой. В большинстве случаев господствовал описательный метод с употреблением неопределенных критериев типа «мало», «много» и т.п. Тем не менее топографическим описаниям в целом свойствен обстоятельный и всесторонний обзор важнейших черт экономического развития того или иного района.

Надо отметить и такой важный момент, связанный с содержанием описаний. Наряду с материалом, который отвечал задаче изучения экономики и ресурсов отдельных регионов страны, некоторые топографические описания носили и чисто научный, исследовательский характер. Видимо, под влиянием «запросных пунктов» Академии наук программа описаний обнаруживала интерес к местной истории, достопримечательностям, особенностям нравов, обычаев и быта населения (к специфичности его одежды, утвари, поверий и обрядов и т.д.).

Во второй половине XVIII в. топографические описания были довольно популярным методом изучения хозяйственных и финансовых проблем регионов. На многие губернии Европейской России они составлялись неоднократно. Однако большая часть этих описаний так и не была опубликована. К середине XX в. в

центральных и областных архивах было обнаружено более 50 экземпляров рукописных топографических описаний наместничеств и губерний конца XVIII века. Наиболее ранними по времени появления были топографические описания Владимирской и Курской губерний, а также Тульского и Вятского наместничеств, относящиеся к 1784 году. Известно также более десяти печатных «описаний», опубликованных в конце XVIII, в XIX и XX вв.

В Ярославской губернии за сравнительно короткий срок – с 1784 по 1800 гг., т.е. за 16 лет, появилось два печатных издания (1786 г. – публикация в журнале «Уединенный Пошехонец» и 1794 г. – издание Ярославской губернской типографии, тираж которого, правда, почти полностью сгорел при пожаре типографии в 1795 г.) и девять рукописных экземпляров топографических описаний Ярославской губернии. Такого количества топографических описаний не обнаружено больше ни в одной губернии. Отметим еще, что «Сведения о Ярославском наместничестве» из «Уединенного Пошехонца» являются первым опубликованным физико- и экономико-географическим описанием Ярославского наместничества (губернии) и второй после «Топографических известий» Людвига Бакмейстера систематизированной сводкой географических данных о Ярославском крае.

Как уже только что говорилось, большинство топографических описаний так и не были опубликованы. А описания и обзоры страны публиковались в испытанной уже форме различных словарей.

Географические словари. К экономико-географическим описаниям России и ее отдельных регионов относится и группа географических словарей второй половины XVIII – начала XIX вв. Правда, собственно географическими их назвать еще трудно, так как это были типично государствоведческие обозрения России на тот или иной период.

Тематическая направленность таких сочинений видна из заглавия первого неоконченного словаря, созданного В.Н. Татищевым: «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский». В основе его лежали краткие описания губерний, провинций, уездов, городов, рек, озер и т.п. Значительное место занимала характеристика торговли и промышленности. В то же время точные цифровые характери-

стики у В.Н. Татищева встречались достаточно редко. Наряду с разнообразным литературным материалом автор включил в «Лексикон» и свои личные наблюдения.

В 1773 г., опередив публикацию «Лексикона...» В.Н. Татищева, вышел из печати «Географический лексикон Российского государства, или словарь, описывающий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, отроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопримечательные места обширной Российской империи...». Словарь был составлен воеводой города Вереи Ф.А. Полуниным и отпечатан в типографии Московского университета. Вполне естественно, что автор не успел еще использовать данные академических экспедиций. Но тем не менее, как свидетельствовал в предисловии редактор словаря Г.Ф. Миллер, в нем были подытожены многие новые сведения о стране, ранее нигде не публиковавшиеся.

Словарь Полунина был дополнен и отредактирован Л.М. Максимовичем и издан Н.И. Новиковым в 1778 – 1789 гг. под названием «Новый и полный географический словарь Российского государства». При этом объем его увеличился примерно в пять раз (он был выпущен в 6 частях, насчитывающих 2 023 страницы). Содержание словаря было приведено в соответствие с новым административным делением. Л.М. Максимович учел и использовал данные некоторых топографических описаний и материалы «ученых путешествий».

В 1801 – 1809 гг. в издании Московского университета в семи томах вышел в свет фундаментальный словарь А.М. Щекатова, увеличенный по сравнению с предыдущим словарем втрое и озаглавленный «Словарь географический государства Российского». Этот труд аккумулировал гигантский по тому времени объем информационного материала и оставил далеко позади все то, что до сих пор было издано в России. Тысячи статей и заметок словаря Щекатова были посвящены истории, географии, этнографии, сельскому хозяйству, промышленности, торговле и т.д. Основной костяк словника составляли статьи обо всех российских губерниях, уездах, их городах. Фактические данные многих статей опирались на топографические описания. Щекатов привлек ряд неопубликованных описаний (например, по

Тверской губернии). Стоит отдельно отметить, что некоторые материалы были собраны на местах специально для словаря. Этот словарь, дополненный, по сравнению с предыдущими, новыми сведениями об экономике, природе, торговле и путях сообщения страны и ее отдельных регионов, долгое время – вплоть до выхода знаменитого пятитомного «Географическо-статистического словаря Российской империи» П.П. Семенова-Тян-Шанского (1863 – 1885) – был главным, доступным для широкого использования источником систематизированных сведений по физической, экономической и исторической географии России и ее отдельных регионов.

«Вольное экономическое общество» и региональное изучение страны. Говоря о развитии нашей темы в пределах XVIII в., нельзя не сказать о начале изучения России и ее отдельных областей и регионов «Вольным Экономическим обществом к поощрению в России земледелия и домостроительства». Оно было основано в 1765 г. и создавалось с целью содействия развитию прежде всего сельского хозяйства. Все члены общества делились на действительных членов и членов-корреспондентов. Они должны были *«делать и сообщать опыты по всем частям народного хозяйства от земледелия, звериных и рыбных промыслов до горных дел и мануфактур, а также давать собственные сочинения по разным частям приватной и государственной экономики; делать извлечения из иностранных писаний»*. Общество организовывало конкурсы на лучшие сочинения по заданным темам, рассылало на места анкеты, вело переписку с русскими и иностранными корреспондентами, издавало «Труды Вольного экономического общества». Члены его считали, что знание местных особенностей природы, хозяйственных связей и т.д. является важным подспорьем для помещиков в деле внедрения прогрессивных по тому времени форм ведения хозяйства. В работе общества принимали участие различные специалисты, ученые и общественные деятели провинции. Вольное экономическое общество просуществовало до 1918 г., причем залогом его жизнеспособности во многом стала не только деятельность по развитию сельского хозяйства, но и работа по изучению экономики, статистики и этнографии России.

Общество провело в XVIII в. два анкетных обследования, более подробные, чем по анкетам М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера: первое – в 1765 г. с целью уточнения экономического положения отдельных районов страны, второе – в 1786 г. с целью сбора сведений для описания отдельных наместничеств. И хотя по этим запросам были собраны далеко не полные сведения, они свидетельствовали об интересе ВЭО к освещению конкретных различий в экономическом положении отдельных частей страны.

В 1790 г. Вольным экономическим обществом была составлена программа описаний наместничеств, губерний и уездов. Эта программа, как и в свое время анкета М.В. Ломоносова, представляла собой схему описания и предусматривала возможность отклонения от нее с учетом географической специфики объекта или вкусов автора.

Программа описания состояла из шести разделов, где первые два посвящались географическому описанию, третий – характеризовал сельское население, четвертый – города, пятый – сельское хозяйство и промыслы, шестой – вопросы торговли. Программа была разослана на места. Но для составления описаний на местах не было людей, способных справиться с довольно сложной программой (хотя ВЭО рассчитывало на «самодеятельность» и инициативность образованного дворянства), как и достаточно часто, необходимых данных для составления описания. Поэтому в 1801 г. программа «начертания» наместничеств, губерний и уездов была разослана повторно и вскоре были опубликованы первые описания, составленные на ее основе.

Описания, в основу которых была положена программа ВЭО, были созданы по многим губерниям (Московской, Тульской, Ярославской, Саратовской, Воронежской, Астраханской, Пермской, Волынской, Кавказской и др.), причем часть из них была опубликована. Однако создать сопоставимые описания на все губернии или тем более уезды ВЭО, конечно, не смогло и план единого описания России еще долго не был реализован. Но стоит заметить одну характерную деталь, что при ослаблении внимания к попыткам создать описания «сверху», обобщить имеющиеся материалы в масштабах страны стал нарастать встречный поток

описаний «снизу», носящих характер краеведческих изысканий, первые из которых появились еще в середине XVIII века.

В XVIII в. наряду с участниками академических экспедиций и путешественниками изучение отдельных районов и территорий начинает проводиться и провинциальными исследователями, любителями истории и природы своего края. Именно их усилиями и закладывались основы конкретного краеведения.

Местные краеведческие описания второй половины XVIII века. Во второй половине XVIII в. появляются научные труды, основанные на использовании краеведческих материалов и написанные уже не академическими учеными, а жителями тех мест, о которых шла речь в этих трудах. При этом они получают научное признание. Так, уральский краевед, автор работ по истории Урала и Поволжья, П.И. Рычков в 1759 г. был избран первым членом-корреспондентом Академии наук. Еще с 1734 г. Рычков сотрудничал в Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, ставшей затем при В.Н. Татищеве Оренбургской экспедицией и впоследствии преобразованной в Управление Оренбургской губернии. А с 1741 г. он был поставлен во главе всех работ по изучению обширного Оренбургского края.

В 1762 г. была опубликована книга П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», вызвавшая большой интерес в научных кругах. Сам П.И. Рычков, лично знакомый с В.Н. Татищевым, считал себя продолжателем его дела. Формально «Топография...» представляла собой описание, призванное дополнить сведения, содержащиеся в картах. Как было принято в работах по описательному государствоведению, в ней рассматривались история и административное устройство губернии, ее население и хозяйство, природа, торговля. Но при этом и в содержании, и в приводимых сведениях и обобщениях, и в построении работы, и в методах отбора материала было столько принципиально нового, что книга П.И. Рычкова стала событием для своего времени. Ее весьма высоко оценил М.В. Ломоносов, а Г.Ф. Миллер считал, что история и география России могут быть созданы только в том случае, если в каждой губернии найдется человек, подобный Рычкову. Прежде всего, как писал в биографической книге о П.И. Рычкове Ф.Н. Мильков, «Топография...» — первый в отечественной литературе *«образец регионального гео-*

графического описания, собранного на основе четкого плана и правильных принципов генерализации фактического материала – отбора наиболее важного и характерного». Рычков первым реализовал намеченное еще Татищевым разделение географического описания на две части – по масштабу изложения, с различной генерализацией материала. Первая часть была посвящена описанию губернии в целом, а вторая – входящим в нее провинциям, дистриктам и дистанциям. Для отбора материала, его генерализации автор использовал сравнительный метод. Он стремился, отмечал Ф.Н. Мильков, «давать в «Топографии...» только то, что наиболее существенно и примечательно по сравнению с другими губерниями».

В первой, или общей части работы Рычков кратко характеризовал историю, географическое положение, административное деление, природу, экономику и этнографию края. Вторая, или региональная часть работы представляла попытку дать описание всей площади губернии, топографическое описание ее частей и провинций, дистриктов и дистанций. Это описание содержало очень много сведений об отдельных городах, крепостях и монастырях, их истории и географическом положении, населении, прилегающих угодьях, источниках водоснабжения и о многом другом. Приводились сообщения о минералах и полезных ископаемых, о целебных источниках с рекомендациями об их использовании, сведения о хлебопашестве и т.д. Завершалась эта часть главой «О ведомстве Оренбургского горного начальства», в которой характеризовалось положение уральской горнодобывающей промышленности и описывались действующие металлургические предприятия.

Региональная часть «Топографии Оренбургской губернии» долгое время была образцом для подобных описаний по другим регионам.

Стоит, пожалуй, заметить, что, когда А.С. Пушкин писал свою «Историю Пугачева», он познакомился с записками П.И. Рычкова об осаде Пугачевым Оренбурга, очень высоко отзывавшись «о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию – достоинствами столь редкими в наше время».

В 1786 г. членом-корреспондентом Академии наук избрали и В.В. Крестинина – знатока прошлого Архангельского края, экономиста, публициста и общественного деятеля. Благодаря ему и под его руководством еще в 1759 г. в Архангельске была создана первая в России общественная научная организация – краеведческое историческое «Общество для исторических исследований» («Архангелогородское историческое клевретство»). К слову сказать, в Москве аналогичное «Вольное Российское собрание» при Московском университете появилось только в 1771 году. В рамках деятельности общества В.В. Крестинин подготовил и издал в 1785 г. «Исторические начатки о двинском народе», в 1790 г. – «Начертание истории города Холмогор» и в 1792 г. – «Краткую историю о городе Архангельском». По существу, это были чуть ли не первые в России краеведческие труды по истории городов и сел. Судьба одного из первых провинциальных историков-краеведов была трагичной. За свою борьбу с «власть предержащими» в Архангельске он был приговорен к телесному наказанию и ссылке в Иркутскую губернию. До ссылки дело не дошло, поскольку В.В. Крестинин умер в тюрьме.

Во многих регионах России стал проявляться интерес к истории и современному состоянию своего края, причем этот интерес заметно усилился после проведения губернской реформы Екатерины II во второй половине 1770-х гг. Приведем несколько примеров.

Выделим такой, например, регион, как тверское Поволжье, регион с богатым историческим прошлым, внимание к которому проявлялось издавна. Однако краеведческий подход у исследователей обозначился только во второй половине XVIII века. Первым тверским краеведом был Д.И. Карманов, внимательно ознакомившийся с трудами по российской истории и начавший собирать древние документы и памятники письменности. Результатом его историко-краеведческих изысканий стало создание описания Твери и других окрестных городов (Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории тверского края, 1775 г. Тверь, 1893).

В 1778 г. опубликовал книгу о своем родном городе Торопце священник П. Иродионов («Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округи касающие-

ся. Собраны из Российских летописей и достоверных свидетельств того же города Покровской церкви священником Петром Иродионовым». СПб., 1778). Примечательны слова автора, характеризующие необходимость изучения истории его родного города: *«Ибо сколько сей город ныне не мал и не славен, в рассуждении прочих городов, но несмотря на оное, было в нем довольно достопамятностей»*.

Стоит отметить, однако, что несколькими десятилетиями раньше в крае появилось сочинение, безусловно, историко-краеведческой направленности, посвященное другому городу края – Бежецку. Называлось оно «Книга записная достопамятным вещам различным Бежецкого воеводского правления канцелярии Петра Воинова. 1751 г. Автор книги, П.К. Воинов, так описал в своеобразном предисловии причины своего обращения к истории родного города: *«Горя ревностью и любовью к отечеству своему (г. Бежецку), к тому же принимая во внимание вообще отсутствие каких-либо повествований и сказаний, относящихся как в отдельности г. Бежецку (отечеству моему), так и тяготеющему к нему району, решился сам собрать в одну книгу все достопримечательности, поскольку наставил меня бог и поскольку способствовали тому древние источники... К вычитанному из доступных для меня источников я прибавил все свидетельства современников, памяти и внимания достойные, как относящиеся к прежде протекающим событиям, так и событиям нашего времени, местные и относящиеся к другим странам, свидетельства лиц, непосредственно наблюдавших эти события или слышавших о них от других»*.

Как видно, требование автора к своему краеведческому труду было основано на поиске и внимательном отборе необходимых источников, сопоставлении сведений и фактов. Все это могло свидетельствовать о постепенном закреплении во второй половине XVIII в. научного подхода к изучению истории своего края в среде провинциальных краеведов. Тогда же были созданы описания Пскова, Курска, Вологды, Архангельска, Вятки, Владимира и других городов.

Проведению и подготовке краеведческих исследований способствовало культурное развитие провинции и превращение некоторых губернских городов России в культурные центры с яр-

кой и своеобразной духовной жизнью. С 1780-х гг. в таких городах устраивались театральные представления и музыкальные вечера, создавались библиотеки, собирались коллекции рукописей и предметов старины. Рос интерес к изучению истории и природы края.

К таким городам принадлежала Кострома. Первое печатное произведение по истории края «История о первоначалии и происхождении города Костромы» было издано в 1787 г. и принадлежало Н.С. Сумарокову. В 1792 г. вышла книга И.К. Васькова «Собрание исторических известий, относящихся до города Костромы». Годом раньше было опубликовано «Описание Костромского наместничества», посвященное, главным образом, природе края и его хозяйству. Примерно в это же время А. Вильбрехт издал первую карту Костромского края.

В конце XVIII в. культурный расцвет переживал Ярославль, ставший с 1777 г. губернским центром. Во многом этому способствовала деятельность первого наместника (губернатора) А.П. Мельгунова. Началась архитектурная перестройка города по «регулярному плану». *«Ярославль, второй по размерам после Москвы город российской провинции, – писал позже Д.Х. Биллингтон, – замечательно преобразился путем наложения радиально рассеченного контура широких улиц на беспорядочную застройку, причем нарядным храмам позднемосковской эпохи была искусно отведена роль уличных терминалов и эспланад»*. В городе открылись новые учебные заведения, книжные лавки, а в 1784 г. – типография.

В 1784 г. в Ярославле стал выходить первый в России провинциальный журнал «Уединенный пошехонец», редактируемый В.Д. Санковским. На его страницах среди прочих материалов краеведческим уделялось вполне заметное место.

Крупным культурным центром на Средней Волге был Симбирск. Если говорить о Симбирске второй половины XVIII в., нельзя не упомянуть Н.М. Карамзина, который здесь родился и провел молодые годы. Другое дело, что говорить о важности работ Карамзина для развития и накопления краеведческих знаний приходится уже безотносительно к Симбирску. Однако стоит сделать одну оговорку. *«Мир, давший Карамзину первые сознательные впечатления, – отмечал Ю.М. Лотман в своем «Сотво-*

рении Карамзина», – был коренной мир русской провинции, и в будущем Карамзин всегда ощущал свое родство с московской и провинциально-дворянской образованной помещичьей средой».

Н.М. Карамзин. Роль трудов Н.М. Карамзина в привлечении интереса к местной истории и источникам для ее описания была весьма значительной. В первую очередь речь идет о его «Истории государства Российского» (и особенно примечаниях к ней), оказавшей серьезное влияние на развитие краеведения в России.

Однако сначала стоит особо отметить появление «Писем русского путешественника» (1791 – 1792), которые открыли для русского читателя культурно-исторический мир Западной Европы. Но дело было, конечно же, не только и не столько в этом. «Избрав в качестве точки зрения для своего повествования «молодого путешественника», «простодушного наблюдателя» и почти петиметра, – отмечали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, – Карамзин произвел, однако, характерную подмену, которая, конечно, не укрылась от взора современников. Для того чтобы занять позицию «мыслителя» и «мудреца», читателю надо было ознакомиться с философской, политической или мистико-этической литературой эпохи; для того чтобы оказаться на уровне «простодушного наблюдателя» «Писем русского путешественника», следовало овладеть всей культурой в неслыханном дотоле масштабе. При этом огромный пласт сведений переставал рассматриваться как удел небольшого слоя специалистов или педантов, он превращался в естественный уровень «простого» человека. Человек Карамзина – это человек, погруженный в культуру.

В связи с этим решительно меняется отношение к письменному источнику. Развалины замка, улицы незнакомого нам города становятся фактами культуры, если существуют документы, освещающие их историю, связанные с ними предания, их место в развитии цивилизации. Горы, реки, природа как таковая получают принадлежность к миру Культуры, если описаны в стихах, – поэт делает с пейзажем то же, что земледelec с полем и садом. Обработывая его он делает его частью культуры. Поэтому путешественник Карамзина – это путешественник с книгой в руках. Он смотрит на то, что уже знает по описаниям, и не стес-

няется книжных заимствований в своем произведении. Вся Европа расстилается перед ним, как обширный сборник цитат, и он наслаждается, узнавая уже знакомое и указывая неискушенному читателю на источники этих цитат, овеянных в городах, замках и исторических памятниках». Позже Карамзин попытался таким же образом открыть русскому читателю и историю отечественных памятных мест. «В этой связи, – отмечали далее Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, – получает особый смысл стремление Карамзина в дальнейшем в таких произведениях, как «Записка о московских достопамятностях», «Путешествие вокруг Москвы», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», а также в примечаниях к «Истории государства Российского», связать и памятники русской старины с определенными историческими воспоминаниями и тем самым ввести их в современную Карамзину культуру». Его «Путешествие вокруг Москвы» – очерки о странствиях вокруг древней столицы, «Записка о московских достопамятностях» (1818) – своеобразный культурно-исторический путеводитель по Москве – поднимали статус сочинений, рассказывающих о путешествиях по России, пробуждали интерес к местному краю, его истории.

Надо сказать, что с начала XIX в. число публикаций журнальных очерков о таких путешествиях (поездках-экскурсиях), как и отдельных изданий о них, заметно выросло. Литература путешествий естественно соединяла реальные впечатления и наблюдения автора с художественными образами. В основе таких очерков обычно лежали разнородные источники – исторические документы, исследования, рассказы очевидцев и старожилов (устные источники) и, конечно, собственные впечатления. Все это в определенной мере способствовало накоплению и расширению знаний об отдельных регионах, городах, примечательных местах.

Возвращаясь к Карамзину, следует сказать еще и о том, что в его книгах и статьях содержались интересные сведения краеведческого характера о современной ему Москве: «Записки старого московского жителя», «О московском землетрясении 1802 года» и др.

В познании отечественной истории Карамзин видел средство для просвещения народа и стремился использовать все возмож-

ности для ее популяризации. Он выступил с инициативой установления памятников-мемориалов и памятников замечательным людям отечества (предложения о сооружении памятника К.М. Минину и Д.М. Пожарскому, памятников героическому сопротивлению киевлян и владимирцев в годы татаро-монгольского нашествия).

Успех и значение «Истории государства Российского» и ее влияние можно объяснить еще и глубоким патриотизмом Карамзина, его личным, эмоциональным отношением к описываемым им событиям. Стоит привести его суждение, высказанное в 1824 г. на обеде у графа Румянцева, о том, как должно писать историю и чем должен руководствоваться автор труда по национальной истории: *«Мой способ писать возник из того представления, которое я имею о приемах историка. Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызывать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк».*

Незадолго до этого, когда Карамзин закончил основную часть «Истории государства Российского» (первые восемь томов), он в «Предисловии» к ней, обозначая свое кредо историка, определил свое личностное, эмоциональное отношение (и даже географически определенное) к изучению отечественной истории, *«которая украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы – красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами».* Здесь важно отметить, что для историка, по мне-

нию Карамзина, нет и не должно быть второстепенных событий и мест в отечественной истории. Каждый уголок страны связан с исторической судьбой отечества, несет частицу его прошлого и так же заслуживает внимания исследователя, как прославленные города и культурно-исторические центры.

К концу XVIII – началу XIX вв. в отчетах академических и других специальных экспедиций, в описаниях, выполненных в ходе Генерального межевания, в топографических описаниях губерний и уездов, в ответах на многочисленные анкеты-запросы, рассылавшиеся на места различными ведомствами, в публикациях государственного характера, в трудах провинциальных краеведов уже был накоплен значительный фактический материал.

Стоит указать и на такую характерную для конца XVIII в. деталь. В 1780-х гг. в городах России было открыто до 300 главных (средних) и малых (начальных) училищ. Утвержденные для них программы прямо рекомендовали учителям собирать и использовать сведения о *«древней истории губернии»*, о народах, *«тамо живущих»*, о *«древних остатках и курганах и что о них повествуют»*. Так закладывались основы для развития школьного краеведения.

Однако, прежде чем переходить в XIX в., следует сделать хотя бы одну оговорку. Большинство сведений по истории, археологии, этнографии России и ее отдельных регионов (особенно собиравшихся по линии Академии наук) были получены в ходе географических и естественно-исторических обследований и экспедиций. В структуре Академии наук с 1741 г. существовал даже специальный Географический департамент. В противоположность этому по уставу Академии 1747 г. из академической среды исчезли представители юридических, философских и исторических наук (так, в этом же году из структуры АН был упразднен Исторический департамент) и практически до начала XIX в. такое положение сохранялось.

«В условиях русской государственности и общественности XVIII и XIX столетий, – писал В.И. Вернадский в своих «Очерках по истории Академии наук», – свободная научная обработка очень многих вопросов, главным образом в области наук исторических, юридических, философских, была чрезвычайно затруднена в течение всего первого столетия существования Академии. Эти затруднения встречались в яркой форме даже для историков того времени, обращавших внимание почти исключительно на политическую, военную и юридическую историю или историю быта, семей государей, биографии деятелей. По самому развитию науки того времени история народных масс, общественных движений, умственных течений, изменение государственного строя мало обращали на себя внимания. И все же в той более узкой форме, в какой в это время двигалась научная мысль, с решением исторических вопросов связаны были живые интересы дня, касаться которых было опасно. Нечего было и думать об издании документов или исторической обработке явлений, связанных с историей носителей власти или историей церкви. На каждом шагу приходилось наталкиваться на интересы могущественных лиц, на предрассудки народной гордости, на навыки приказной тайны. Нельзя было касаться исторических вопросов, которые были связаны с происходившей, хотя бы и не признававшейся обществом и властью, борьбой за новые формы общественной жизни, за политическую или общественную свободу. На этих путях приходилось сталкиваться с затруднениями даже при изучении древней русской истории, как это пришлось на деле пережить не раз Миллеру, в конце концов собравшему огромный неизданный материал ишедшему всю жизнь по путям безопасного воскрешения прошлого. Не одной случайностью участия его в Великой Сибирской экспедиции является выдвигание им безопасной истории тогдашнего захолустья – Сибири.

Едва ли можно сомневаться, что трудность такой работы в области русской истории и смежных наук обуславливала многолетнюю непрочность положения этих наук в конструкции Академии 1724 – 1824 гг., приведшую одно время к совершенному исключению наук юридических, философских и областей, связанных ближайшим образом с изучением русской истории и русской литературы, из круга ведения Академии наук».

Только один пример. В 1801 г. А.Н. Радищев представил в комиссию по составлению новых законов свою работу «О законоположении». Здесь он предложил широкий план изучения наместничеств и губерний России, начиная от их природы и кончая социальными отношениями. Проекты Радищева в комиссии даже не обсуждались, а ему пригрозили новыми репрессиями.

Менее радикально настроенные, но достаточно объективные исследователи, путешествовавшие по стране, собирали и обобщали в своих «Дневниках», «Записках», «Путешествиях» многообразные материалы о социальном и экономическом развитии отдельных регионов. Путевые записки и дневники путешественников знакомили читателей с разными регионами России. В них описывались особенности поселений, природа, население и местные обычаи.

На рубеже XVIII – XIX вв. появляется целый ряд книг по истории отдельных городов (о чем уже шла речь ранее), где сведения о достопримечательностях перемежались известиями о городских промыслах, о «лучших людях», о посещениях государей, о местных святынях. Значительная часть этих трудов представляла из себя труды исторического характера, первые попытки историографической систематизации уже накопленных фактов местной истории. Рост интереса к собственной истории, как и к культурно-историческому наследию, был связан с необходимостью поиска решений проблем российской самобытности и национального своеобразия, проблем, которые в начале XIX в. обозначились вполне отчетливо.

«...Уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Весьма примечательно, что в первые десятилетия XIX в. внимание к старине, народности, местной истории становилось даже частью понятия гражданской добродетели. *«Нет ничего приличнее гражданину, как любопытное внимание к славным происшествиям, к древностям, к местным обстоятельствам и обыкновениям своего Отечества. Не знать сих особенностей народных – есть то же, что быть иностранцем!»* – подчеркнул поэт М.Н. Муравьев в своих «Опытах Истории, Словесности и Нравоучений». Несколько позже об этом же говорил историк М.П. Погодин, развивая эту мысль с ориентацией на самые широкие слои населения: *«...всякое примечательное место в*

России должно быть описано, сперва хоть как-нибудь, а потом лучше и лучше. Надо возбуждать в народе охоту к историческим знаниям – пусть каждый мещанин знает что-нибудь о своей приходской церкви, о городском соборе, о своем городе, когда он был построен, что с ним было, кто из жителей оставил по себе добрую память, какие есть в нем достопримечательности». По мнению Н.М. Карамзина, «добрые россияне» должны следовать «правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному».

К концу XVIII – началу XIX вв. интерес к отечественной (как в частности и местной) истории стал вполне очевидным. К этому времени уже были опубликованы некоторые летописные списки и памятники русского права. Расширялся круг любителей русской старины, которые искали в истории аргументы для защиты самобытности русской культуры. Один из таких любителей – граф А.И. Мусин-Пушкин, бывший обер-прокурором Синода и Президентом Академии художеств. Главной страстью его жизни стало собирание письменных памятников отечественной старины, причем основные поиски старинных рукописей велись им в провинции. В период его пребывания в должности обер-прокурора Синода Екатерина II по его совету издала указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов и посылке их в распоряжение Синода. Еще в 1775 г. А.И. Мусин-Пушкин начал свою собирательскую деятельность, которая привела к созданию крупнейшего в России частного хранилища древностей. Но особенно ценным было его рукописное собрание, в которое вошли коллекции рукописей многих известных собирателей того времени. Большое собрание ростовских и ярославских древностей он получил благодаря знакомству с ярославским архиепископом Арсением (Вережагиным). Среди старинных документов этого собрания оказалось и знаменитое «Слово о полку Игореве», хранившееся в Спасо-Преображенском монастыре. Находка и публикация (1800 г.) этого ценнейшего памятника древнерусской литературы принесли А.И. Мусину-Пушкину мировую известность.

Одним из первых проявил инициативу по собиранию в провинции сведений о древностях церковный историк архиепископ Е.А. Болховитинов. В 1819 г. он составил целую программу по-

следовательного изучения древней истории губернии. В программу входило собирание рукописей, эпиграфики, описание примечательных исторических мест: *«Места, которые любопытны, по преданиям и очевидностям, груды камней и возвышений, свидетельствующие о существовании какого-либо строения, например, города, крепости, монастыря и проч. Осмотреть и описать равномерно с наилучшим вниманием, заметив вид, положение, пространство, приметы и присовокупив свои замечания и непосредственно рассказы старожилов... В некоторых городах, селах и пустошах есть церкви и монастыри, сооруженные в древние времена. Им надобно сделать описание, когда и кем воздвигнуты они и по какому случаю, что имеют у себя отличительного и любопытного и в каком теперь положении...»*. Стоит отметить, что инициатива Е.А. Болховитинова была поддержана и реализована с помощью смоленского губернатора К.И. Аша, за подписью которого в журнале «Русский вестник» (1819) был опубликован характерный документ: «Приглашение смоленского гражданского губернатора к отысканию и представлению старинных документов».

В начале XIX в. темпы исследования отдельных регионов страны, особенно через организацию и проведение специальных экспедиций, заметно понизились. Зато, скажем для сравнения, за первые три десятилетия XIX в. только кругосветных плаваний было совершено около сорока.

Правда, и в это время Академия наук и другие правительственные учреждения организуют отдельные экспедиции внутри страны. Но теперь они не связаны ни общей программой, ни общим планом создания географического описания страны, как это было ранее. Тем более, что в начале XIX в. был упразднен Географический департамент при Академии наук.

В начале XIX в. наиболее выдающимися были экспедиции Н.Я. Озерецковского и В.М. Севергина, обследовавших северо-западные и западные губернии страны. Примечательно, что оба эти исследователя сочетали широкий круг наблюдений за природой, населением и хозяйством с более узкими интересами (Озерецковский углубленно занимался вопросами гидрологии исследуемых районов, Севергин – рельефом и минералогией).

Однако в это время организуются уже не только экспедиции с естественногеографическим уклоном. В 1809 – 1811 гг. специальной комиссией Академии наук под руководством К.М. Бороздина была проведена первая архитектурно-этнографическая экспедиция по древним городам с целью осмотра их исторических памятников, описания древних книг и документов. Два года путешествовали археолог А.И. Ермолаев, художник Д.И. Иванов и архитектор П.С. Максютин по древним южным и северным городам России. Они побывали в Киеве и Чернигове, Старой Ладогe, Вологде, Череповце, Белозерске и других городах. Ими были зарисованы виды городов, обмерены некоторые памятники и сделана первая попытка реконструировать план древнего Киева домонгольского периода. Одновременно были зарисованы народные костюмы, головные уборы, старинные вещи, церковная утварь.

В 1804 г. был введен новый университетский устав, согласно которому на университеты возлагалась обязанность изучать природные условия специально утверждаемых учебных округов, а также составлять описания входивших в них губерний. Но в течение нескольких десятилетий университеты не были особенно активны в этом направлении, а после принятия в середине 1830-х гг. «Положения об учебных округах» они лишались права управления учебными округами и соответственно переставали быть организующими центрами для проведения научных исследований в провинции.

«Краевые» описания начала XIX века. Здесь уже отмечалось, что в начале XIX в. при ослаблении внимания к попыткам создать описания страны «сверху», обобщить имеющиеся материалы в масштабе страны постепенно рос встречный поток описаний «снизу». В это время в них преобладали в основном описания справочного характера. Выделим некоторые из них.

Одним из первых по времени появления стало «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800), подготовленное преподавателем Петербургской духовной академии, недавним ректором Воронежской духовной семинарии Е.А. Болховитиновым.

В 1804 г. в Перми было опубликовано «Хозяйственное описание Пермской области», составленное местным преподавателем

лем географии Н.С. Поповым, с картами и таблицами. Оно содержало довольно подробные сведения о природе, населении, хозяйстве и истории Среднего Урала, включая характеристику уездов, городов и отдельных заводов.

Описания целого ряда губерний на материалах, присланных с мест, подготовил известный экономист, статистик и историк К.Ф. Герман. В описании Саратовской губернии, опубликованном в «Статистическом журнале» за 1806 г., он поделил территорию губернии на нагорную и луговую части, т.е. ввел внутреннее районирование, исчислил отношение городского населения к общему числу жителей, а также количество земли на каждого человека. В разделе с характерным названием «Народное богатство» рассматривались сельское и лесное хозяйство, табаководство и шелководство, рыболовство, фабрики и мануфактуры. Особый раздел был посвящен озеру Эльтон.

В описании Таврической губернии («Статистический журнал», 1806, 1808) К.Ф. Герман после обычного описания природы, населения, городов, сельского хозяйства, промышленности и торговли ввел новый раздел – «Всеобщее обозрение сказанного доселе», т.е. обобщение сказанного в виде кратких выводов.

В описании Ярославской губернии («Статистический журнал», 1808) К.Ф. Герман одним из первых в такого рода «краевых» описаниях провел ее сравнение с Саратовской и Таврической губерниями.

В 1810 г. было опубликовано «Статистическое обозрение Сибири», составленное М.Н. Бакаревичем. Оно делилось на две части: первая посвящалась описанию природы и хозяйственной деятельности населения, а вторая – этнографии, описанию административного устройства населенных пунктов, дорог, промышленных предприятий и сельского хозяйства.

В 1812 г. появилось «Статистическое описание Московской губернии», подготовленное С. Черновым. Автор его уделил большое внимание природным условиям: климату, рекам, полезным ископаемым. Далее следовало описание этнографии, сельского хозяйства, ввоза и вывоза товаров, описание ярмарок и торгов, фабрик и заводов.

В 1813 г. вышло в свет «Описание Архангельской губернии» К. Молчанова. Первая часть его посвящалась природным услови-

ям и рассмотрению хозяйства «по царствам природы»; вторая часть – описанию Архангельска и Холмогор и уездов губернии; в третьей части подробно описывались другие города и окружающие их территории: климат, почвы, леса, земледелие и скотоводство.

Заканчивая характеристику «краевых» описаний начала XIX в., нельзя не упомянуть о работе профессора географии и статистики Петербургского университета (впоследствии декана историко-филологического факультета, а затем ректора) Е.Ф. Зябловского «Землеописание Российской империи для всех состояний», впервые опубликованной в 1810 г. Этот объемистый труд в шести частях (около 3 тыс. стр.) содержал очень много фактического, тщательно систематизированного материала. Характерный признак структуры работы – очень дробная рубрикация, со многими разделами и подразделами. Принцип своего подхода к работе Зябловский изложил во введении к «Землеописанию», в котором опубликована и детально разработанная им программа описания губерний. Главное – ничего не забыть, описать каждый предмет под своей рубрикой.

Основных рубрик, в свою очередь делящихся на подрубрики, в программе Зябловского выделялось шестнадцать. В них давалось описание природных условий и территории, климата и хозяйства губернии, описание жителей, промыслов, заводов и фабрик, рукоделия. Особое место отводилось историческим сведениям, гербу губернии, ее уездам, включая топографическое, историческое и статистическое описание городов и описание примечательностей в уезде. По такому плану построено и само «Землеописание».

Во «Введении» Зябловский подробно рассказал об использованных источниках и их авторах, перечислил все опубликованные карты. Характерно, что автор заимствовал, иногда почти дословно, исторические сведения из работ Г.Ф. Миллера, конкретные описания из дневников и записок участников академических экспедиций, В.М. Севергина, а также из статистических отчетов МВД.

В 1820 – 1830-х гг. работы Зябловского, и в первую очередь «Землеописание», в которых содержались описания всех губерний России, неоднократно переиздавались, что позволяло вклю-

чать в них новый фактический материал. Кроме того, по его программе были подготовлены описания некоторых губерний и другими авторами.

Попытки описания страны в целом, как, впрочем, и ее отдельных регионов, начали предприниматься еще со второй половины XVIII в., о чем уже не раз говорилось. Напомним, что речь здесь идет о «государствоведческих» описаниях. «Государствоведение» – одно из ранних направлений в развитии статистики. Представители этого направления считали предметом статистики само государство, точнее, «достопримечательности» государства, влияющие на его благосостояние. В их числе было население страны, ее природно-климатические условия, ресурсы, государственный строй и управление, экономика.

К представителям государствоведения вполне можно отнести И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и др. В конце XVIII – первых десятилетиях XIX вв. появился целый ряд крупных работ государствоведческого характера (К.Ф. Германа, А.К. Шторха, Е.Ф. Зябловского, К.И. Арсеньева). Все эти работы продолжали и развивали комплексность описания, намеченного еще топографическими описаниями XVIII в., хотя сферы его сильно расширились. Вместе с тем эти труды не имели еще собственно статистического характера, поскольку в основе их лежало описание, оснащенное цифровым материалом.

«Краевые» описания 1830 – 1850-х гг. В 1830 – 1850-е гг. заметно активизировалась работа по созданию региональных описаний, подготовленных и опубликованных непосредственно на местах историками, географами и краеведами. Работы этого времени стали менее стандартными и более аналитическими, авторы их стремились уделять больше внимания особенностям природы и хозяйства своего региона.

В 1832 г. «Статистическую записку о Москве» опубликовал член кружка Н.В. Станкевича В.П. Андросов. Он стремился к анализу и обобщению фактов и на их основе пытался обозначить свои предложения по благоустройству. В первом разделе «Записки» – «Физическая топография» – описывались рельеф, климат, почвы и воды города, причем заканчивался он главой «Взгляд на улучшение физической топографии», где говорилось о необходимости уменьшить загрязнение Москвы-реки сточными водами,

ставился вопрос об осушении болот и изменении рельефа местности. Во втором разделе – «Политическая топография» – автор живо и образно рисовал довольно критическую картину состояния города. Добиваясь выразительности характеристики, он сопоставлял Москву с Парижем и Лондоном.

Исследовательский характер носили и «Статистические сведения о Санкт-Петербурге» (1836), автором которых был, по-видимому, А.П. Заблоцкий-Десятовский. В них давалось описание города, его застройки, населения и т.д., приводилось подробное описание природы местности, на которой построен город, и говорилось о том, какие изменения произошли со времени его основания: где осушены болота и выровнен рельеф, укреплены берега рек и углублен их фарватер. Отличало книгу довольно острое освещение социальных вопросов.

В 1833 г. была опубликована небольшая книжечка неизвестного автора «Опыт описания Вологодской губернии», которая делилась на две части: в первой давалась характеристика природы, населения и хозяйства губернии в целом, а во второй описывались отдельные города и уезды. Автор делал общие выводы о направлении развития губернии в связи с особенностями ее географического положения (на путях из южных губерний к Петербургу и Архангельску) и природными богатствами (пашня, заливные луга и главным образом леса).

В 1835 г. план статистического изучения Вятской губернии разрабатывал А.И. Герцен. Он был сослан в Вятку и там его привлекли к работе в только что созданном губернском статистическом комитете. Его программа и методическая записка к ней ориентировали краеведов на сбор разностороннего материала, необходимого для анализа экономики губернии, положения различных слоев ее населения и разных народностей. Большое внимание программа уделяла характеристике городов и сельских поселений, сельскому хозяйству, промышленности, ремеслу, производственным и торговым связям и т.д.

Герцен предполагал сам выезжать в уездные города для инспектирования исполнителей. Но осуществить это ему не удалось: он был переведен во Владимир. А вскоре в «прибавлении» к газете «Владимирские губернские ведомости» (1838. № 16, 17) было опубликовано обращение «О программе сообщений для со-

ставления общих заключений о губернии». В этом обращении, автором которого считают А.И. Герцена, редакция просила корреспондентов губернского статистического комитета присылать ей необходимые материалы для составления *«полной и отчетливой топографии Владимирской губернии»*. Это был своеобразный план привлечения к составлению описания широких слоев читателей газеты. Но завершить его Герцену опять не дали.

Одним из лучших краевых описаний, выполненных в дореформенный период, стало трехтомное «Статистическое описание Киевской губернии» Д.П. Журавского, опубликованное в 1852 году. Несколько ранее он составил подробный «План статистического описания губерний Киевского учебного округа – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской». В плане было 55 разделов и 418 вопросов, не считая подвопросов. Такая детализация имела целью обеспечить на подготовительной стадии сбор необходимых материалов и организовать многолетние дополнительные изыскания. На окончательной стадии должно было быть создано научное описание края как *«систематическое целое»*. Структура описания, по мнению Журавского, могла меняться, в зависимости от особенностей описываемой территории. Далее предлагалась примерная структура из девяти частей. Во введении рекомендовалось дать *«общий исторический взгляд на край»* и выделить *«главные различия и подобию между частями описываемого края и разделение его на полосы»*.

Составленный Журавским план описания края был крупным научным достижением своего времени. В числе его основных отличительных черт можно выделить: намерение организовать специальное комплексное изучение края, его природы, населения и хозяйства, причем природа изучалась в связи с возможностями ее хозяйственного использования; сопоставление различных частей края между собой, вплоть до выделения «полос», и, наконец, само построение описания в форме научного исследования. Эти идеи оказали большое влияние на подготовку региональных описаний во второй половине XIX века.

В 1830 – 1850-е гг. исследование и описание отдельных регионов, как и страны в целом, во многом связывалось с развитием государственной статистики в интересах административно-управленческой, налоговой и другой деятельности. Более активно

стали проявлять стремление получить достоверные описания своего края и губернские власти.

Статистические органы МВД. Задача создать географо-статистическое описание страны, необходимое для упорядочения управления государством, была поставлена перед Министерством внутренних дел. С этой целью в составе МВД были организованы специальные подразделения – сначала Статистическое отделение (с 1834 г.), а затем Временный статистический комитет по описанию России (с 1843 г.).

Статистическое отделение с 1835 по 1852 гг. возглавлял историк, географ и статистик К.И. Арсеньев. В задачу отделения входило *«составление подробных и по возможности точных»* состояний всех частей, подведомственных министерству. Вместе с создававшимися на местах губернскими статистическими комитетами отделение должно было составлять описание губерний, областей, городов, посадов, местечек и замечательных селений. Арсеньев разработал «План статистических работ Министерства внутренних дел», который по сути дела был планом создания описания России по губерниям. В нем подчеркивалась необходимость получения с мест точных материалов и приводился целый ряд указаний методического характера (как описывать те или иные объекты). Но состояние отечественной статистики, отсутствие квалифицированных кадров на местах и недостаточного числа исполнителей в самом отделении делали выполнение этого плана нереальным.

Для того чтобы добиться достаточно качественных работ, Арсеньев предложил составить описания-образцы, выбрав для этого типичные губернии. Этот прием создания описания-образца массовых работ, где весьма существенна однотипность, а подготовка исполнителей недостаточна, несколько ранее был применен при создании военно-топографических описаний.

В 1843 г. в МВД был учрежден специальный Временный статистический комитет по описанию России. Он работал недолго, и главным итогом его деятельности стала разработка детальнейших научных программ статистического описания мест. Отметим, что в отличие от формальной программы Зябловского эти программы во всех пунктах ставили требование показать не среднее состоя-

ние, а отличия, местные особенности, взаимосвязи, ориентировали на анализ и отбор важнейшего материала.

Временный статистический комитет по описанию России организовал экспедиционные исследования в Ярославской и Нижегородской губерниях для изучения их населения и хозяйства. Но свою основную задачу комитет так и не решил.

Отметим также, что статистическое отделение МВД, руководимое Арсеньевым, продолжало работать параллельно с комитетом. Сотрудниками отделения были собраны обширные материалы и составлен ряд монографических описаний по некоторым губерниям. Несколько таких же описаний было подготовлено и губернскими комитетами. Но объединить все эти материалы в какое-то единое целое в отделении, как и в МВД, оказалось некому.

Губернские статистические комитеты. Статистическому отделению МВД подчинялись создаваемые с 1834 г. при губернских и областных правлениях губернские и областные статистические комитеты, предназначенные для сбора и обработки местного статистического материала. Первоначально они находились в ведении Статистического комитета МВД (до 1852 г.), затем Статистического отделения МВД (1852 – 1857 гг.), а с 1857 г. стали подведомственными органами Центрального статистического комитета МВД. Председателем комитета являлся губернатор. В состав комитетов входили: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, почетный попечитель гимназий, прокурор, инспектор врачебной управы, директора народных училищ, член духовной консистории, губернский архитектор. Это были «непременные» члены каждого губернского комитета. В качестве же действительных членов чаще всего выступали местные историки, археологи, краеведы и др. Существовала еще категория почетных членов ГСК, к которой, как правило, относились известные ученые и общественные деятели. Так, в число действительных и почетных членов в период существования ГСК, в частности, входили: архитектор и реставратор Н.А. Артлебен, историк Д.И. Багалей, востоковед В.В. Бартольд, историк Д.И. Иловайский, этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин, общественный деятель Н.А. Костров, писатель и библиограф С.Р. Минцлов, археологи и краеведы А.А. Спицын, К.Н. Тихонравов, И.Ф. Токмаков.

Сбор данных возлагался на определенных должностных лиц в губернии: губернатора (как председателя ГСК), предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора и др. Это было связано с тем, что комитеты собирали сведения для составления ежегодных отчетов губернаторов, представляемых в МВД (в том числе о движении населения, торговых оборотах, жилым фондом и др.). Помимо того, комитеты готовили сводную информацию для подготовки к публикации регулярных «Обзоров» губернии или области, для ответов на различные запросы МВД. Сведения с мест собирались через полицейские управы, приходских священников, народных учителей, через запросы помещикам, а также через членов-корреспондентов ГСК, живущих в уездах.

Статистические комитеты изначально создавались как сугубо административные органы, но постепенно их характер менялся. *«Научная творческая работа, – отмечал В.И. Вернадский, – находила себе место в учреждениях, создаваемых государством с другой целью, или в государственных предприятиях, казалось, далеких от всяких научных интересов».* Статистические комитеты развивались в направлении превращения их в научно ориентированные административные учреждения. Эта тенденция была закреплена циркуляром МВД от 8 апреля 1861 г., в котором ГСК определялись как учреждения не просто административные, а административно-ученые. В «отсутствие других ученых учреждений» статистические комитеты являлись в губернских городах такими центрами, вокруг которых объединялись как ученые-профессионалы, так и любители-краеведы. За сбор сведений, как уже отмечалось, были ответственны многие должностные лица, что усиливало роль и значение комитетов в общественной и культурной жизни губернии. А участие в работе комитетов известных ученых во многом определяло научную значимость разысканий и исследований комитетов и их публикаций. Большое значение как первичная информация с мест (несмотря на встречающиеся неточности и фрагментарность) имели сведения, доставляемые в ГСК полицейскими урядниками (по долгу службы), священниками, учителями, купцами, являвшимися своего рода членами-корреспондентами статистических комитетов.

С момента учреждения статистических комитетов Статистическое отделение МВД ориентировало их не только на сбор сведе-

ний на местах и обработку их в виде таблиц, но и на более глубокое исследование губернии. Так, в мае 1841 г. на заседании Московского статистического комитета по предложению губернатора было поручено состоящему при его превосходительстве коллежскому советнику Зотову, *«известному литературными заслугами на поприще словесности отечественной»*, собрание статистических материалов о Москве и губернии в рамках предпринятого *«описания Московской губернии»*. В связи с этим предполагалось поручить ему следующие занятия: 1) извлечение из рукописей и старопечатных книг в Санкт-Петербургской публичной библиотеке всего относящегося до Москвы и ее губернии; 2) разработку для той же цели архивов разных правительственных мест, которые могут быть доступны; 3) приобретение от частных лиц замечательных рукописей, статей и 4) вообще всего, что он найдет полезным и чем может воспользоваться для предполагаемого описания.

Статистические комитеты были весьма своеобразными и многофункциональными учреждениями. Суть их довольно точно определил профессор Киевского университета В.С. Иконников: *«За отсутствием других учреждений в местных центрах, все сведения и известия о положении в том или другом отношениях губерний стекались в комитеты. Туда же доставлялись: монеты, оружие, древние церковные вещи, письменные памятники»*.

Наряду со сбором статистических сведений статистические комитеты вели исторические и этнографические обследования губерний, разбор местных государственных и частных архивов, описание и изучение памятников древности. В 1860 – 1870-е гг. они фактически играли в ряде губерний роль местных исторических обществ.

Одним из направлений деятельности статистических комитетов являлось коллекционирование. Из полицейских управлений и волостных правлений «куриозные» вещи и клады, поступавшие туда по неоднократно подтверждавшемуся указу Петра I и не принятые академическими музеями, направлялись в ГСК. Заметим предварительно, что во второй половине XIX в. при статистических комитетах стали создаваться археологические и этнографические музеи, архивохранилища. Первый музей открылся

при Московском ГСК еще в 1842 г. под руководством этнографа В.В. Пассека.

Результаты научной деятельности ГСК публиковались с 1837 г. в «Губернских ведомостях» и в «Журнале Министерства внутренних дел», а с 1850 г. – в обязательном порядке в губернских «Памятных книжках», издаваемых ГСК.

Из двух основных изданий, в которых статистические комитеты помещали свои труды в 1830 – 1850-е гг., особое место занимал «Журнал Министерства внутренних дел», издававшийся в 1829 – 1861 гг. Редакторами его в разное время были Н.И. Греч, А.А. Максимович, П.И. Гаевский, А.П. Заблоцкий-Десятовский. В отличие от «Губернских ведомостей», которые издавались как самостоятельные и независимые друг от друга газеты в каждой губернии, «Журнал МВД» помещал на своих страницах сведения и материалы, поступавшие в ГСК и Статистическое отделение МВД из всех губерний России. В отделе «Статистика» публиковались описания отдельных губерний и областей, их природы, населения, хозяйства, а также этнографические очерки, путевые заметки, информация о выставках и другие материалы. Можно отметить, что практически вся информация для этого отдела предоставлялась именно статистическими комитетами. В 1830 – 1850-е гг. в «Губернских ведомостях» и в «Журнале МВД» публиковались по сути одни и те же статьи и материалы. В журнале они выходили под названием «Статистическое обозрение» (сведения, записки, описания).

«Статистические обозрения» составлялись по определенному плану. В них выделялись соответствующие разделы: географическое положение, население, история, герб, церкви и монастыри, здания, учебные заведения и богоугодные заведения, в очерках об уездах примечательнейшие селения (например, «ярмарками и еженедельными базарами»), торговля, ремесла и промыслы, фабрики и заводы. Кроме перечисленных основных разделов, в статистические обозрения включались и другие: доходы города, памятники древности, купеческий капитал, достопамятные события, присутственные места и т.д.

Кроме этого, в «Журнале МВД» печатались исторические и этнографические исследования, очерки о городах и селах. Например, в 1838 г. был опубликован очерк «О Костромском Крем-

ле и старом городе Костроме», подготовленный членом-корреспондентом Статистического отделения МВД М.С. Травьянским. Это исторический очерк о церквях и монастырях, расположенных на территории Кремля, в котором давалась краткая история и описание его современного состояния, а также описаны церковные вклады, убранство, библиотеки и ризницы. Среди публикаций «Журнала МВД» можно еще отметить: «Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV века до настоящего времени» Н.Я. Бичурина (1833), «Исследование о городах русских» К.А. Неволлина (1844), «Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств» М.П. Погодина (1848). В 1853 г. «Журнал МВД» был преобразован в чисто ведомственное издание и число такого рода публикаций в нем практически сошло на нет.

Для подготовки публикаций ГСК использовали самые разнообразные материалы, собранные на местах, причем значительную часть этих материалов составляли документы, как архивные, так и опубликованные ранее. Статистические комитеты уделяли особое внимание разбору местных архивов, приобретали документы из частных собраний, готовили публикации документов. К 1850 г. статистические комитеты действовали в 54 губерниях и областях. Они действительно становились своеобразными научными и методическими центрами по изучению своего края.

Основными результатами деятельности статистических комитетов на первом этапе их истории, в 1830 – 1860-х гг., было, во-первых, формирование тематики краеведческих исследований. Комитеты распространяли в губерниях анкеты центральных учреждений по истории, археологии, этнографии края, часто по сбору сведений о памятниках древности и собирали ответы на эти анкеты. Таким образом они содействовали расширению интереса к такого рода темам у местных жителей. Во-вторых, благодаря комитетам было начато создание их общественного актива из любителей истории в крае. В-третьих, важным результатом стал опыт публикации немногих собранных материалов на страницах неофициального отдела местных «Губернских ведомостей», издание которых стало обязательным для всех губерний с 1837 года. Так, А.И. Герцен, готовя выпуск неофициальной части «Вятских губернских ведомостей», прежде всего использовал

статьи, полученные статистическим комитетом в 1836 – 1837 гг. из уездов губернии. Ряд статей он литературно обработал, и даже после его отъезда из Вятки эти статьи печатались здесь до 1842 года. Этот опыт в дальнейшем оказался очень полезным, так как на втором этапе истории губернских статистических комитетов (в 1860 – 1890-х гг.) издательская деятельность стала важнейшим направлением их работы.

Научные общества. В первой половине XIX в. стали все больше заявлять о себе такие общественные научные учреждения, как научные общества. Самой первой научной общественной организацией в России явилось уже упоминавшееся Архангело-городское историческое клевретство, созданное в 1759 г. А в 1765 г. в России впервые было основано «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства».

В дальнейшем научные общества возникали в основном при университетах. Так, в 1771 г. при Московском университете было открыто Вольное Российское Собрание, которое объединило многих видных ученых в области истории и русского языка, и предназначено было, по мысли организаторов, для подготовки к изданию и публикации письменных исторических источников. Существовало оно не столь долго (до 1783 г.), но успело подготовить и выпустить в свет шесть томов «Опыта трудов Вольного Российского Общества».

В начале 1780-х гг. при Московском университете создаются «Собрание университетских питомцев для литературных целей» (1781) и «Дружеское ученое общество» (1782), из трудов которых черпал материал для своих сборников Н.И. Новиков. Однако жизнь этих обществ была весьма кратковременной, так же как и возникшего в 1789 г. при Московском университете «Общества любителей учености».

В первые десятилетия XIX в. появилось несколько государственных археографических, историко-археологических, историко-географических и естественноисторических обществ. Они изучали отечественные древности, а также публиковали памятники письменности – летописи, государственные акты и другие материалы по истории России. Одной из первых таких организаций стало Общество истории и древностей российских (ОИДР),

открытое в 1804 г. при Московском университете. Оно занималось главным образом поиском и изданием письменных источников по отечественной истории, а с 1846 г. стало издавать «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», быстро получившие авторитет среди специалистов и любителей истории. Помимо его в это же время (1804 – 1805) при университете возникли общества: Испытателей природы, Соревнования медицинских и физических наук и др.

В 1817 г. было образовано Русское минералогическое общество (РМО), в 1846 г. – Петербургское археологическое общество (ПАО), в 1865 г. – Московское археологическое общество (МАО) и др.

В первой половине XIX в. изучением истории занималось только два общества: уже упомянутое Общество истории и древностей российских и созданное в 1839 г. по его образу и подобию Одесское общество истории и древностей, занимавшееся по преимуществу изучением археологических памятников Северного Причерноморья.

Функции научных обществ были весьма разнообразны. Это организация конкретных исследований, заслушивание и обсуждение научных работ и докладов, сбор коллекций, создание библиотек и музеев, участие в экспедиционной деятельности, чтение публичных лекций, издание научных трудов и тематических журналов, обмен литературой и коллекциями с другими научными организациями, международные контакты, организация выставок и пр.

С самого начала своей деятельности научные общества привлекали к себе внимание образованных людей страны. Хотя возможности их были ограничены, поскольку часто они не имели штатных сотрудников и твердой материальной базы, общества, как правило, выступали в качестве вдохновителей и инициаторов разработок определенных научных проблем и выполняли роль своеобразных методических центров. Они искали и устанавливали контакты с исследователями в провинции, выступали как консультанты и собиратели, а иногда являлись и инициаторами краеведческих начинаний. Так, в течение четырех зим (1841 – 1844 гг.) проводил бесплатные беседы, носившие характер публичных лекций, в Вольном экономическом обществе один из самых из-

вестных сельских хозяев России, агроном и писатель, автор «Народного руководства в сельском хозяйстве» Д.П. Шелехов, и беседы эти привлекали множество слушателей. К слову сказать, Д.П. Шелехов является автором одного из лучших очерков о жизни русской провинции Центральной России «Путешествие по русским проселочным дорогам», в котором, как он сам признавался, *«открыл Новый Свет посреди Старой Руси, и ... возвратился домой с дивными известиями для городских жителей о неизвестных доселе народах, обитающих совершенно в стороне от всякой большой дороги...»*.

Надо отметить, что общества появлялись не только при государственных учреждениях и учебных заведениях. Часто инициаторами их организации выступали и частные лица. Так, в 1820-е гг. в Москве пользовался широкой известностью салон З.А. Волконской. Сама княгиня активно интересовалась русской словесностью и отечественными древностями и была намерена организовать особое общество для обнародования памятников старины и народности.

Важнейшую роль в создании научной основы в деле собирания и исследования исторических памятников сыграл Румянцевский кружок, существовавший в 1820-х годах. В эту общественную организацию, созданную по личной инициативе государственного деятеля и покровителя наук графа Н.П. Румянцева, входило несколько десятков исследователей. *«Румянцева поддерживал их, – отмечал позже В.О. Ключевский, – снаряжал из них ученые экспедиции, тратил сотни тысяч на ученые предприятия и издания, заряжал их той страстью, которую сам называл «алчностью к отечественным древностям»*. Сам Н.П. Румянцева совершал частые поездки по городам России, и это позволяло обществу устанавливать тесные контакты с местными любителями древностей и договариваться с ними о выполнении ими краеведческих работ. Членам кружка и их добровольным помощникам удалось осмотреть более 130 архивохранилищ в различных губерниях России, что стало первым в истории российской исторической науки столь широким обследованием архивов.

Деятельность румянцевского кружка распространялась далеко за пределы Москвы и Петербурга. Самыми активными его сторонниками были исследователи западных регионов, особенно

в Гомеле, Полоцке и Вильно. Многочисленные поручения Н.П. Румянцева здесь выполнял будущий министр финансов Е.Ф. Канкрин. Они были связаны преимущественно с археологическими раскопками и описанием памятников.

Летом 1816 г. Н.П. Румянцев проехал по городам Поволжья. В Ярославле по его просьбе местные любители истории М.А. Ленивцев и А.С. Михайловский обследовали несколько архивохранилищ, в Угличе священнослужители скопировали документы соборной церкви, в Нижнем Новгороде описали документы архивов Спасо-Преображенского, Благовещенского и Арзамасского монастырей, а также Покровской церкви.

Н.П. Румянцев и члены его кружка своей деятельностью в этом направлении как бы предварили работу Археографической экспедиции 1829 – 1834 годов. Стоит коротко остановиться на ее деятельности, поскольку она сыграла заметную роль в сборе и накоплении архивных памятников провинции. В 1823 г. молодой историк П.М. Строев, получивший первый опыт археографических исследований как раз в Румянцевском кружке, представил Обществу истории и древностей российских проект археографической экспедиции для сбора древних исторических источников в провинциальных и столичных библиотеках и архивах. Однако эта идея не получила поддержки со стороны членов общества. Прошло еще пять лет, и в 1828 г. проект Археографической экспедиции по России был утвержден Советом министров и получил санкцию императора. Академия наук взяла под свою ответственность проведение экспедиции, предоставив в ее распоряжение свои средства. Результат археографического путешествия превзошел все ожидания. Было обследовано более 200 библиотек, монастырских и ведомственных архивов в 14 северных и центральных губерниях России и выявлено свыше 3 тысяч документов и рукописей XIV – XVIII вв. В 1834 г. была образована Временная комиссия для печатания материалов Археографической экспедиции. В 1837 г. она получила государственный статус и на долгие годы превратилась в ведущее археографическое учреждение при Министерстве народного просвещения.

Особо стоит сказать об одном из ведущих научных обществ страны, деятельность которого приобретала общегосударственное значение.

7 октября 1845 г. в Петербурге в помещении Академии наук состоялось первое собрание Русского географического общества (РГО), созданного для собирания и распространения в России географических сведений вообще, и в особенности о России. В связи с этим задача Временного статистического комитета по описанию России была передана из МВД в только что образованное РГО, в его статистическое отделение.

В январе 1846 г. сотрудники бывшего Временного статистического комитета П.И. Кеппен и А.П. Заблоцкий-Десятовский представили в РГО программу издания «Памятной книги Русской статистики», в основном повторяющей программу Временного статистического комитета по описанию России. Но замысел создания книги члены статистического отделения РГО не поддержали, посчитав его нереальным и ссылаясь на неполноту статистических материалов, недостаток кадров, способных обобщать материалы в масштабе страны и, конечно же, недостаток средств. Заметим в то же время, что на местах уже через несколько лет стали выходить ежегодные губернские «Памятные книжки», концентрирующие на своих страницах многообразные статистические данные.

Русское географическое общество уже в первые годы своей деятельности стало играть заметную роль в исследовании отдельных регионов России. Оно стремилось опереться на образованных людей в провинции, любителей природы, географии и истории. РГО организовало сбор исторического и географического материала по специальным программам и создало на местах целую сеть своих корреспондентов. Одной из первых опубликованных РГО программ краеведческих работ стала печатная «Программа для собирания этнографических сведений», появившаяся в 1847 г. и разосланная по губерниям в количестве семи тысяч экземпляров. Она вызвала большой поток корреспонденции и материалов с мест, где их собирали местные краеведы. Число полученных от местных исследователей рукописей составило в 1852 г. около двух тысяч, что позволило обществу в этом же году начать публикацию в своем «Этнографическом сборнике» лучших краеведческих описаний (всего вышло 6 выпусков этого сборника).

Научные общества и их издания оказывали заметное влияние на культурное развитие провинции. *«Статьи корреспондентов*

из провинции, описывавшие живую старину и новизну своих губерний, – отмечают В.Н. Козляков и А.А. Севастьянова, – появлялись в изданиях Русского географического общества, «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских», «Этнографическом сборнике». Научные труды второй половины 40-х и 50-х гг. о России и ее краях и территориях ... вводили в оборот новый пласт народной жизни, помогали распространению в обществе научного знания о провинции».

Провинциальные журналы. Периодическая печать возникла в России с начала XVIII века. Постепенно она стала играть важнейшую роль в общественно-культурной жизни. Первенцем русской периодической печати были «Ведомости» – газета, начавшая выходить в Москве с декабря 1702 года. В 1728 г. стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости». Важно отметить, что вскоре появились в качестве приложения к ним «Исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» – первый русский литературный и научно-популярный журнал, где уже появлялись сведения краеведческого характера.

Нередко публиковали историко-краеведческие материалы и литературные журналы: «Сын отечества», «Московский телеграф», «Московский журнал», «Москвитянин», «Отечественные записки» и др. Значительное место уделялось им в определенных ведомственных журналах, как в уже упоминавшемся «Журнале МВД».

Журнал «Уединенный Пошехонец». В первые восемь десятилетий своей истории вся русская периодика сосредоточивалась в Москве и Петербурге. Только с 1786 г. в Ярославле стал издаваться первый провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец». Журнал «Уединенный Пошехонец» стал первым русским научным провинциальным журналом. Он издавался в Ярославской типографии, открытой в 1784 г. (согласно указа Сената от 13 января 1783 г.) с разрешения ярославского наместника или генерал-губернатора А.П. Мельгунова. Эта типография была основана местными деятелями – Н.Ф. Уваровым, председателем верхнего земского суда, А.Н. Хомутовым, заседателем совестного суда (впоследствии директором ярославских училищ) и Н.И. Коковцевым, прокурором земского суда. Сотрудники журнала, кроме редактора В.Д. Санковского, его сына

Н.В. Санковского и архиепископа Ростовского Арсения (Верецагина), практически остались неизвестными, хотя с большой вероятностью ими являлись и названные выше губернские чиновники. Вдохновителем журнала был сам А.П. Мельгунов, давший средства для его издания. В 1786 г. вышло 12 номеров.

Редактор «Уединенного Пошехонца» В.Д. Санковский был секретарем Приказа общественного призрения. Помимо основной служебной деятельности он способствовал распространению образования в Ярославском крае, принимал участие в открытии Сиротского дома и первого в Ярославле главного народного училища, в котором стал преподавать «историю российскую, а также всеобщую». Журнал, который он начал издавать, был иронически назван «Уединенный Пошехонец» с намеком на то, что даже и самый захолустный провинциал-пошехонец, ставший синонимом социальной и культурной отсталости, решается подать свой голос в молодой российской журналистике.

В течение года Санковский почувствовал, что помещаемый в журнале материал не соответствует ироническому его названию. Он снял его и в следующем, 1787 г., дал нейтральное – «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле». За два года вышло 24 номера.

Программа и задачи журнала были достаточно обширны для провинциального издания. Одной из главных задач он ставил изучение Ярославского края в географическом, историческом и этнографическом отношении. В определенном плане он заложил основы ярославского краеведения. Сюда следует отнести сообщения о памятных событиях в Ярославском наместничестве. Так, подробно описывалось открытие 21 апреля 1786 г. Сиротского дома «*для призрения, воспитания и обучения в нем шестидесяти сирот и неимущих детей*», создание в городе главного народного училища. В январской книжке за 1787 г. напечатано стихотворение «*некоторого проезжающего через Ярославль*», в котором отмечались перемены, происшедшие в городе за четыре года после первого посещения.

Особенно ценными и интересными были очерки об уездных городах Ярославского наместничества – Угличе, Рыбинске, Мологе, Мышкине, Пошехонье и Любиме. Автором их был один человек, имя которого неизвестно, но которого можно вполне на-

звать одним из первых ярославских краеведов. Возможно, что этим автором был сам В.Д. Санковский. Все эти очерки строились по одному плану: обозначение географического положения каждого города, описание его герба, перечень фабрик, заводов, домов, церквей, монастырей, сведения о торговле, ярмарках, качестве почвы, количестве населения. В статье «О городе Ярославле» впервые встречается печатный пересказ легенды о борьбе князя Ярослава с медведем. В примечании сказано: *«Герб издревле дан великим князем Ярославом во время шествия его в Ростов по проливу из Которости в Волгу, по причине, что он, нашед на медведя, одного с помощью людей своей свиты убил; пролив же тот именовался Медведицей»*.

Все эти сведения краеведческого характера имели интерес для современников, да и сейчас не утрачивают своего исторического значения.

Особенно важно отметить, кроме того, что на страницах «Уединенного Пошехонца» была опубликована серия «историко-географических очерков» (как их потом назвал историк местного края Л.Н. Трефолев), объединенных общим названием «Сведения о Ярославском наместничестве». Как выяснил позже ярославский географ и историк А.Б. Дитмар, эти очерки представляют собой один из первоначальных текстов топографических описаний Ярославского наместничества (или губернии), подготовленных губернскими землемерами Н.Г. Арцыбашевым и Хомяковым и несколько сокращенных для издания скорее всего В.Д. Санковским.

В 1788 г. «Уединенный Пошехонец» прекратил свое существование. Уже к середине XIX в. он стал библиографической редкостью. Первым, кто вспомнил о В.Д. Санковском и его журнале был Л.Н. Трефолев. В 1870 г. он опубликовал в «Ярославских губернских ведомостях» статью о В.Д. Санковском, а в 1879 г. – статью о журнале в историческом журнале «Русский архив». Он намеревался даже осуществить переиздание этого уникального журнала. *«Следует вновь воспроизвести эту редкость, – писал он в 1882 г., – для того, чтобы она не исчезла окончательно... В этом журнале встречается много таких статей, которые и ныне могут пригодиться для истории и «исторической статистики» нашего Ярославского края»*. К 1883 г. он подготовил

«Уединенный Пошехонец» к переизданию, но однако, сделать это не удалось. Хотя «Сведения о Ярославском наместничестве» Л.Н. Трефолев все же переиздал в журнале «Вестник Ярославского земства» за 1883 год.

«*Иртыш, превращающийся в Ипокрену*». Еще один провинциальный журнал, появившийся практически вслед за «Уединенным Пошехонцем», но совсем в другом краю России, также имел весьма аллегорическое название «Иртыш, превращающийся в Ипокрену, ежемесячное сочинение издаваемое от Тобольского главного народного училища». Это был первый сибирский журнал, издававшийся в 1789 – 1791 гг. на средства Тобольского приказа общественного призрения. Инициатива его создания и редакторство связывается с именем поэта и журналиста П.П. Сумарокова, на долгие годы оказавшегося в тобольской ссылке. Правитель Тобольского наместничества А.В. Алябьев (отец композитора А.А. Алябьева) принял в нем участие и дал возможность заниматься преподаванием и литературой. П.П. Сумароков вместе с кружком молодых учителей, представителей немногочисленной местной интеллигенции в 1789 г. стал издавать журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», ставший по времени первым периодическим изданием Сибири и вторым провинциальным журналом. Есть предположение, что в журнале сотрудничал А.Н. Радищев, который в 1790 – 1791 гг. тоже находился в тобольской ссылке.

Журнал выходил тиражом в 300 экземпляров, но расходился очень медленно. В Тобольске, хотя он в те времена и был своеобразной культурной столицей Сибири, создать такой журнал, как «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», было легче, чем найти ему читателя. Не помогло даже то, что наместник А.В. Алябьев предписал всем комендантам, городничим и капитан-исправникам подведомственной ему территории в обязательном порядке подписаться на журнал и понудить к этому своих подчиненных. По подписке 1789 – 1790 гг. расходилось только 186 экземпляров, а в 1791 – 106 экземпляров. Журнал просуществовал два года (точнее, с сентября 1789 г. по конец 1791 г.) и закрылся. Как и «Уединенный Пошехонец», он не смог стать долгосрочным периодическим изданием, но сам факт их появления в конце XVIII в. говорил о многом. «*Провинциальные журналы XVIII в., –*

отмечал историк М.А. Алпатов, – *оставили свой след и в истории отечественной мысли, и в историографии. Они дошли до нас свидетелями-очевидцами современной им политической, общественной и культурной жизни на российской периферии*».

К слову сказать, П.П. Сумароков попытался вскоре издавать другой журнал – «Библиотеку ученую, экономическую, нраво-учительную, историческую и увеселительную в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793 – 1794). Но подписчиков и на этот раз оказалось мало, и новый журнал, также не выдержав двух лет, вынужден был прекратить существование.

Стоит, пожалуй, выделить еще один сюжет, связанный с этим вопросом. Журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» начал печататься в созданной в это время первой в Сибири Тобольской типографии, основатель которой просвещенный купец Василий Корнильев (прадед Д.И. Менделеева) первые четыре номера журнала отпечатал *«безвозмездно из благотворительности»*. Затем печатал «Иртыш...» в типографии уже сын В. Корнильева Дмитрий. Именно он выступил инициатором нового издания, называвшегося «Исторический журнал, или Собрание из разных книг, известий, увеселительных повестей и анекдотов». Собственно, это был не журнал, а, скорее, сборник исторических статей, причем подавляющее их большинство посвящалось истории и географии Сибири. Видимо, именно в связи с этим и появилось данное издание. Ведь если ярославский «Уединенный Пошехонец» публиковал множественные и разнообразные материалы по истории своего края, то «Иртыш...» вообще ничего не печатал ни по истории России, ни по истории Сибири, будучи литературно-просветительским журналом с сатирическим уклоном. И, видимо, поэтому патриот своего сибирского края, купец Дмитрий Корнильев попытался изданием своего «журнала» восполнить этот историко-краеведческий пробел. Другое дело, что дальнейшего развития эта идея не получила.

Губернские ведомости. Первые русские газеты возникли, как уже отмечалось, в Москве и Петербурге в начале XVIII века. Появление газетной периодики в провинции задержалось более чем на сто лет, причем первыми в провинции появились не газеты, а журналы. Только в начале XIX в. время от времени стали выходить: «Казанские известия» (1811), «Харьковский ежене-

дельник» (1812), «Восточные известия» (Астрахань, 1813). В 1820-х гг. за пределами столиц издавалось только две газеты: «Казанский вестник» (продолжение «Казанских известий») и «Одесский вестник» (с 1827 г.).

Однако экономические потребности государства, развитие культуры усиливали потребность в регулярной и упорядоченной информации. В административных органах и в общественной жизни все сильнее ощущалась необходимость публикации официальных и частных объявлений, рекламных известий о купле-продаже, о торгах и аукционах, о товарах и ценах, о зрелищах и выставках, текущих сведений о событиях и происшествиях. Особенно острой была потребность в создании печатных органов у правительственных учреждений, как столичных, так и местных. Их деловая переписка росла такими темпами, что разрастающийся чиновничий аппарат с ней уже не справлялся. Побуждало к этому и появление на местах отдельных газетных изданий, поскольку нельзя было упускать возникавшую провинциальную прессу из-под централизованного контроля. Поэтому Министерство внутренних дел приняло решение об издании местных газет под названием «Губернские ведомости».

На основании особого положения (1830) издание ведомостей вводилось постепенно, вначале лишь в шести губерниях Европейской России: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской (Харьков) и Ярославской.

Содержание газеты было строго регламентировано. Подчеркивалось, что в губернских ведомостях *«печатание политических статей, как не соответствующее цели оных, не допускается»*.

Первый отдел газеты должны были составлять правительственные и губернаторские указы и распоряжения. Вторым отделом включал *«объявления казенные»*. При этом особенно важными считались публикации о сыске людей, об отыскании беглых, о пойманных бродягах и ссыльных. В третьем отделе помещались *«известия, способствующие торговле, промышленности, хозяйству и могущие быть достойными любопытства»*, и они должны были относиться только к той губернии, в которой издаются ведомости. Четвертый отдел отдавался *«объявлениям частным»*.

Особо примечательным было содержание третьего отдела, где должны были помещаться известия о местной культурной

жизни, об открытии фабрик, о ремеслах и промыслах, о состоянии урожая, ярмарках, торговле в губернии, о состоянии погоды и необыкновенных явлениях в природе, статистические и исторические известия, сообщения о найденных древностях. Получалось, что только в этом отделе публиковалась информация о местной социально-экономической, общественной и культурной жизни. Все же остальные отделы должны были просто облегчить администрации губернии канцелярскую переписку, ускорить распространение ее распоряжений, предписаний и казенных объявлений.

Предписание об открытии новых газет осуществлялось достаточно неспешно. Практически первой из них стала выходить газета «Ярославские губернские ведомости» (с 6 марта 1831 г.). Издание находилось в ведении МВД. Редакция состояла при губернском правлении, в типографии которого печаталась газета.

В 1837 г. было принято новое «Положение о губернских ведомостях», утвержденное министром внутренних дел графом Д.Н. Блудовым и предписывавшее издание газеты во всех губерниях. Положение обязывало делить газету на две части: официальную и неофициальную. Официальная часть охватывала два первых отдела, а остальные приходились на неофициальную часть.

В штате губернского правления предусматривался редактор «Губернских ведомостей». Он же был начальником газетного стола и смотрителем типографии. Множество обязанностей, ложившихся на штатного редактора, не давало ему возможности обращать должное внимание на издание неофициальной части. Поэтому для ее редактирования разрешалось приглашать особое лицо. Так и поступали многие губернаторы, на которых возлагалась ответственность за качество статей неофициальной части и их цензура.

Большой проблемой для «Губернских ведомостей» был поиск корреспондентов. В провинции не хватало образованных людей, которые могли бы быть привлечены к написанию статей в местной газете. Примечательна в этой связи реплика А.И. Герцена, который сам был редактором неофициальной части Вятских и Владимирских губернских ведомостей: «... Блудов [министр внутренних дел в 1832 – 1838 гг.] велел, чтобы каждое

губернское правление издавало свои «Ведомости» и чтоб каждая «Ведомость» имела свою неофициальную часть для статей исторических, литературных и проч.

Сказано – сделано, и вот пятьдесят губернских правлений рвут себе волосы над неофициальной частью. Священники из семинаристов, доктора медицины, учителя гимназии, все люди, состоящие в подозрении образования и уместного употребления буквы «ъ» берутся в реквизицию. Они думают, перечитывают «Библиотеку для чтения» и «Отечественные записки», боятся, посягают и, наконец, пишут статейки.

Видеть себя в печати – одна из самых сильных искусственных страстей человека, испорченного книжным веком. Но тем не меньше решаться на публичную выставку своих произведений – нелегко без особого случая. Люди, которые не смели бы думать о печатании своих статей в «Московских ведомостях», в петербургских журналах, стали печататься у себя дома». Это достаточно ироничное замечание А.И. Герцена наглядно отражало одну из острых проблем, вставших перед провинциальными газетами.

Надо сказать, что налаживанию издания «Губернских ведомостей» и поднятию их уровня способствовали некоторые видные деятели отечественной культуры и науки. Иногда редакторами губернских газет оказывались лица, высланные в провинцию по политическим мотивам. Так, «Вологодские губернские ведомости» в 1838 – 1839 гг. редактировал ссыльный поэт В.И. Соколовский. Первым редактором неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей (с 1838 г.) был К.Е. Горегляд, выходец из Польши, высланный в Архангельск за «участие в злоумышленных обществах».

В 1838 – 1840 гг. неофициальную часть «Владимирских губернских ведомостей», называвшуюся «Прибавление к «Владимирским губернским ведомостям», редактировал А.И. Герцен, назначенный на эту должность губернатором в конце января 1838 года. Решив придать газете последовательно краеведческое направление, он разработал и напечатал в четырех апрельских номерах этого года особую программу сбора материалов о губернии, состоящую из следующих разделов: о быте народном, исторические памятники, торговля, сведения физические. Задачу

газеты А.И. Герцен видел в том, чтобы «раскрыть внутреннюю жизнь каждой части нашей родины... дать гласность всем особенностям своего края». Он указывал, что «ничего не должно пропадать из быта народного». Программа предполагала особое внимание к статьям и материалам по истории края и об его исторических памятниках. «Вся Владимирская губерния, – отмечал А.И. Герцен, – есть огромный памятник Суздальского великокняжества и веков последующих». Одним из главных требований, которые он предъявлял к историческим публикациям, была необходимость их документального обоснования и подтверждения.

Поставленные в программе задачи успешно разрешались. В 1838-1839 гг. в «Прибавлениях к ВГВ» появилась серия исторических очерков о городах губернии – Владимире, Суздале, Шуе, о древних соборах, старинных церквях и старых иконах. В газете печатались статьи о промышленности края, о быте народа. Сам А.И. Герцен вел статистический отдел и свое главное внимание уделял статистическому изучению края. За два года он опубликовал в газете не менее 30 своих авторских и редакционных статей.

Приходилось редактору и решать проблему с авторами и корреспондентами газеты. С его помощью в ней стали работать учитель Суздальского уездного училища Смирнов, чиновник губернской уголовной палаты Гаврилов, бывший семинарист Я.Е. Протопопов. Последний был его официальным помощником, а после отъезда А.И. Герцена из Владимира в марте 1840 г. стал редактором «Прибавлений к ВГВ».

В 1840 – 1850-х гг. редакторами неофициальной части «Губернских ведомостей» были: в Нижнем Новгороде – писатель П.И. Мельников, а затем краевед А.С. Гациский, в Саратове – краевед А.Ф. Леопольдов и историк Н.И. Костомаров, в Архангельске – политический ссыльный К.Е. Горегляд и краевед М.Г. Заринский, в Вологде – писатель-этнограф А.С. Афанасьев (Чужбинский), в Туле – украинский писатель и историк П.А. Кулиш, в Ярославле – журналист и исследователь местного края Ф.Я. Никольский и преподаватель Демидовского лицея, будущий классик педагогической науки К.Д. Ушинский.

Редакторы по-разному подходили к решению проблемы корреспондентов своих газет, но в большинстве случаев основная

тяжесть подготовки материалов для публикации ложилась на них самих. Так, П.И. Мельников, являвшийся редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» с 1845 по 1850 гг., поначалу полностью делал газету сам. *«Быть редактором «Губернских ведомостей», – писал он в своей «Автобиографии» (написанной, правда, от третьего лица), – дело трудное: надобно почти все самому писать. И действительно, первые 9 месяцев 1845 года от первого слова до последнего написано самим редактором, а в остальные затем годы по крайней мере две трети газеты были им писаны. < ... > Это были единственные «Губернские ведомости», которые издавали не один раз в неделю, как обыкновенно, а по два раза. В них заключается множество исторических, статистических и этнографических сведений, большей частью составленных П.И. Мельниковым, хотя он, как редактор, и не подписывал под ними своей фамилии».* При этом надо отметить, что многие из его материалов носили характер серьезных объемных статей, изданных затем отдельными книгами: «Нижегородская ярмарка» (1846), вышедшая в свет особой книгой под таким же названием, обратила на себя внимание ученых, и автор ее в том же 1846 г. был избран в члены императорских обществ: Русского Географического и Московского общества сельского хозяйства (позже он избирается еще в члены Императорского Археологического общества и назначается членом Временной Нижегородской Археографической Комиссии); «Нижегородские события с 1462 по 1700 год» (1846); «История Нижнего Новгорода до 1350 г.» (1847); «Нижегородское великое княжество» (1847); «Духов монастырь», статья, вышедшая затем отдельной книгой (1848); «Описание города Княгинина» (1849); «Балахна, уездный город Нижегородской губернии» (1849), статья, напечатанная в 1850 г. отдельной книгой и др. Добавим еще, что основная служебная деятельность П.И. Мельникова была связана с другой сферой. Он был чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе. *«Не ограничиваясь одной служебной деятельностью, – отмечал П.И. Мельников в «Автобиографии», – он в то же время издавал «Губернские ведомости», управлял статистическим комитетом, был распорядителем выставки сельских произведений, которую и описал, разбирал*

архивы и печатал найденные в них древние акты (до 150 в «Губернских ведомостях» 1848 г.)».

К слову сказать, и упоминавшуюся в начале проблему с корреспондентами газеты П.И. Мельников успешно решал. «В 1847 году П.И. Мельников имел уже 19 сотрудников и в том числе известных литераторов графа В.А. Сологуба и М.В. Авдеева. Известный археолог наш архимандрит Макарий при содействии П.Ив. Мельникова начал заниматься русскими древностями, и первые его сочинения печатались в «Нижегородских ведомостях». Можно сказать положительно, что до 1845 года нижегородцы не знали истории своего края, но с тех пор познакомились с прошедшим их родины, и в Нижег. губ. явилось много скромных, но полезных деятелей».

В 1850-х гг. «Саратовские губернские ведомости» редактировал известный историк Н.И. Костомаров, сосланный в Саратов за участие в деятельности Кирилло-Мефодиевского общества, одним из создателей которого он являлся. Находясь в Саратове, он активно занимался изучением края и проблемами местной истории по следующим направлениям: 1) фольклор (народные песни, сказки, легенды); 2) изучение природных особенностей края; 3) историческое описание Петровска и Вольска по материалам местных архивов; 4) написание очерка исторического развития Саратовского края, начиная с периода вхождения Нижнего Поволжья в состав Российского государства до 1825 года. В «Саратовских губернских ведомостях» и «Памятной книжке Саратовской губернии» (в это время Костомаров являлся еще и секретарем ГСК) он публиковал свои статьи по краеведению, статистике, а также фольклорные материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций. Из этих публикаций отметим: «Взгляд на состояние Саратовской вывозной торговли, в отношении предполагаемой железной дороги Между Москвою и Саратовом» (СГВ, 1856), «Заметки о торговле города Саратова преимущественно сырыми материалами, составленные в Саратовском статистическом комитете» (СГВ, 1857), «Поездка в Волгск» (СГВ, 1857); «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Русской державе до вступления на престол Императора Николая I» (Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год, 1858).

Н.И. Костомаров редактировал «Саратовские губернские ведомости» в течение сравнительно небольшого времени. Значительно протяженнее была редакторская деятельность писателя и публициста А.Ф. Леопольдова, с именем которого связано становление саратовского краеведения в 1820 – 1860-е годы. Первые его публикации по истории края появляются в столичных изданиях: в 1826 г. «Вестник Европы» опубликовал его статью «Краткое статистическое обозрение Саратовской губернии», в 1833 г. «Московский телеграф» – «Статистическую записку о народах, населявших Саратовскую губернию», а в 1839 г. в Петербурге вышла его двухтомная монография «Статистическое описание Саратовской губернии». Ему принадлежало более 250 научных публикаций, значительная часть которых была посвящена истории края и помещалась на страницах СГВ. Он первым среди историков показал причины, время и место основания города Саратова, проследил историю Саратовского Поволжья до присоединения его к России, изучал историю народных движений в регионе (относясь к ним, к слову сказать, крайне негативно). Свои редакторские обязанности А.Ф. Леопольдов совмещал с занятиями археологией, помещая на страницах СГВ результаты своих научных изысканий в этой области.

В течение пятнадцати лет, с 1842 по 1857 гг., редакцию «Архангельских губернских новостей» возглавлял М.Г. Заринский – автор многочисленных публикаций по статистике, истории и географии края. Можно отметить такие его статьи, как: «Веркольский монастырь», «Архангельские торговые цены в начале XVIII века», «Подвиг морехода Герасимова» и др. Помимо редактирования АГВ М.Г. Заринский принимал активное участие в деятельности губернского статистического комитета, в частности в составлении историко-статистических описаний различных местностей Архангельской губернии.

Уже в 1851 г. «Ведомости» издавались в 44 губернских городах Европейской России; с 1857 г. они появляются и в Сибири.

«Губернские ведомости» являются весьма ценным источником для историков. В них публиковались богатые собрания материалов для региональной истории и краеведения. В официальной части этих изданий печатались распоряжения местной администрации, сведения о перемещениях чиновников, объявления о зало-

гах имений, продажах, справочные цены, известия о приехавших и выехавших лицах. Неофициальные части этих изданий содержат этнографические, статистико-экономические статьи, исторические документы.

«Губернские ведомости» сыграли весьма положительную роль в стимулировании различных исследований местного края. Местные исследователи получили возможность публиковать свои краеведческие материалы в губернской газете. Примером может служить сотрудничество в «Ярославских губернских ведомостях» местного купца, знатока истории края, С.А. Серебренникова. И.С. Аксаков, который в 1849 – 1851 гг., выполняя предписание МВД (ревизия городского хозяйства губернии и изучение раскола в крае, причем последнее поручение было секретным) находился в Ярославской губернии и хорошо знавший местных любителей старины, отзывался о С.А. Серебренникове как об *«очень умном человеке, замечательном по своим историческим и археологическим знаниям и по своей любви к труду»*. В 1830 – 1840-е гг. С.А. Серебренников был одним из основных авторов краеведческих статей в ЯГВ. Начиная с описания обрядов и обычаев, обзора *«замечательных мест и исторических событий»* в Ярославской губернии. Затем он стал разыскивать и публиковать в ЯГВ многие интересные документы, связанные с историей ярославского посада, церковей и монастырей Ярославля, Ростова и других городов. С.А. Серебренников одним из первых обратился к изучению истории ярославского театра, деятельности «первого наместника ярославского» А.П. Мельгунова. С.А. Серебренников подготовил к изданию специальный труд по истории Ярославля «Исторические сведения о городе Ярославле», который должен был выйти в свет в 1845 – 1846 гг., но так и не был напечатан [как и еще один, более ранний труд по истории Ярославля – его историческое описание, подготовленное одним из первых ярославских историков-краеведов Д.И. Серебренниковым]. Когда редактором неофициальной части ЯГВ был К.Д. Ушинский (1848 г.), в газете, кроме статей С.А. Серебренникова, публиковались исторические документы, хранившиеся у местных любителей древности – А.В. Холщевникова и Е.В. Трехлетова.

После К.Д. Ушинского редактором неофициальной части ЯГВ снова стал журналист и исследователь местной истории,

служивший в губернской палате государственных имуществ, Ф.Я. Никольский, в течение 1842 – 1847 гг. занимавший эту должность. И теперь он был редактором ЯГВ с 1848 по 1862 годы. Отметим сразу, что именно он подготовил и опубликовал «Путеводитель по Ярославской губернии» (Ярославль, 1859), первый из серии путеводителей, написанных затем ярославскими краеведами. В газете появилось много новых авторов, которые далеко не всегда являлись учеными-исследователями, но были любителями истории, энтузиастами изучения своего края, обладавшими интересными документами или сведениями по истории края. В связи с этим будет уместно привести небольшое извлечение из «Ярославских писем» И.С. Аксакова. *«В Мологе отыскал я одного мещанина, Финютина, который любит занятия письменные, собирает старинные грамоты и намеревается писать историю своего города. Я сейчас поставил его в сношения с ярославскими любителями старины и дал ему некоторые способы, напр. открыл для него местные архивы и т.п. таким образом, отыскивая по всем городам и уездам людей любознательных и пишущих, я завожу между ними взаимную связь с целью, чтобы они могли друг другу помогать сообщать открытия и дружнее работать. Если б я долгие оставался в Ярославской губернии, то непременно учредил бы в Ярославле статистический комитет, членами которого были бы все эти разбросанные в разных углах господ. Таким способом можно было бы много сделать для разработки местной истории и статистики. Признаюсь, весело мне видеть, что и теперь моими стараниями эта часть довольно-таки оживилась. «Губернские ведомости» стали лучшие и беспрерывно наполняются статьями крестьян, купцов и мещан, большей частью мною вызванных и поощренных».*

Активнее стал сотрудничать с ЯГВ купец-самоучка из вольноотпущенных крестьян, краевед и коллекционер старины Е.В. Трехлетов, владелец обширного собрания рукописей. Ф.Я. Никольский привлек в газету авторов из разных городов губернии: В.И. Серебренникова из Углича, П.В. Хлебникова из Ростова, А.А. Фенютина из Мологи. Он стремился публиковать в неофициальной части ЯГВ как можно больше документов по истории края. Журнал «Современник» писал о «Ярославских губернских ведомостях», что *«по разнообразию и важности поме-*

ценных в нем сведений» они «принадлежат к числу самых лучших провинциальных газет». Со временем многое из опубликованного в ЯГВ было утрачено, и нередко теперь только в этой газете можно найти важные и интересные документы по истории Ярославского края, которых уже нет.

Авторы неофициальной части ЯГВ, в том числе С.А. Серебренников и Е.В. Трехлетов, участвовали в подготовке двух литературных сборников, вышедших в 1849 и 1850-х гг. Рядом с литературными произведениями в сборниках помещались этнографические заметки, статьи «о начале и основании города Ярославля», «О разорениях города Углича...» в смутное время, о пребывании в Ярославле в 1612 году ополчения Д.М. Пожарского и Кузьмы Минина, о театре Ф.Г. Волкова, о приездах в Ярославскую провинцию Екатерины II, «Отрывок из путешествия ярославца в Киев» и др.

Активно сотрудничал с ЯГВ автор многочисленных работ по истории края, священник и преподаватель Ярославского училища девиц духовного звания И.Д. Троицкий, один из самых авторитетных исследователей ярославской старины, автор первой опубликованной монографии по истории Ярославля.

Большинство его статей было напечатано в «Ярославских губернских ведомостях» и «Ярославских епархиальных ведомостях» (выходивших в Ярославле с 1860 г.).

Развитию краеведческих интересов И.Д. Троицкого способствовало участие в работе Ярославского ГСК. В 1858 г. он разработал программу статистико-этнографического описания Ярославской губернии, которая была одобрена и разослана для заполнения в органы местного управления. Затем он взял на себя труд составления «Историко-этнографического описания Ярославской губернии». Работа эта не была завершена, но собранные данные Троицкий использовал при написании очерков по истории городов Ярославской губернии. Первый из таких очерков, посвященных г. Мологе, был напечатан в «Памятной книжке Ярославской губернии на 1862 год»; остальные – опубликованы в ЯГВ.

Нельзя не упомянуть здесь и о самом значительном вкладе И.Д. Троицкого в местное краеведение – его «Истории губернского города Ярославля» (1853), которая, по словам историка и

издателя журнала «Русская старина» М.И. Семеvского, *«весьма долго была почти единственной книгой для желающих ознакомиться с историей древнего сего города»*. В своей работе автор привлeк современные ему источники по истории России и документы местной истории. В их числе были летописи, сказания, различные акты, рукописные сборники, большая часть которых хранилась в личных собраниях ярославских коллекционеров, в частности в коллекции Е.В. Трехлeтова. Кроме того, Троицкий широко использовал рукописи из собраний Ярославского архиеpейского дома, монастырей, церквей города. Ссылался также на работы Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова и других русских историков, на труды по истории русской православной церкви.

И.Д. Троицкому пришлось впервые подробно освещать многие неясные моменты истории города. Например, вопрос о времени основания Ярославля. *«Для определения времени построения города, – писал он в своей «Истории губернского города Ярославля», – надобно искать такого периода в жизни мудрого Ярослава, когда бы он действительно мог построить город Ярославль; и этот период мы находим во времени мира и согласия его с воинственным своим братом Мстиславом. Это было между 1026 и 1036 годами, когда русская земля наслаждалась тишиной и спокойствием; когда Великий Ярослав в цвете лет (около 40 лет), просвещенный Христианин, мудрый, сильный самодержец всей северо-западной Руси, мог свободно устраивать внутреннее благосостояние своего Государства; мог, как заботливый хозяин, обзрeвать свои владения, строить города и крепости, особенно нужные тогда на севере его обширных владений, сопредельных с дикими, воинственными и еще непокоренными народами»*. Первая печатная «История губернского города Ярославля» И.Д. Троицкого остается весьма ценным трудом по истории Ярославского края.

Стоит отметить в связи с этим сюжетом, что книга И.Д. Троицкого не являлась в то же время первым исследованием по истории городов Ярославского края. Таким исследованием, опередившим публикации работ Ф.Х. Кисселя «История города Углича» (Ярославль, 1844) и И.Д. Троицкого «История губернского города Ярославля» (Ярославль, 1853), стала книга рыбинского священника М.И. Гумилевского «Описание города Рыбин-

ска», выпущенная в Санкт-Петербурге в 1837 году. По существу, это были первые монографические издания по истории Ярославского края.

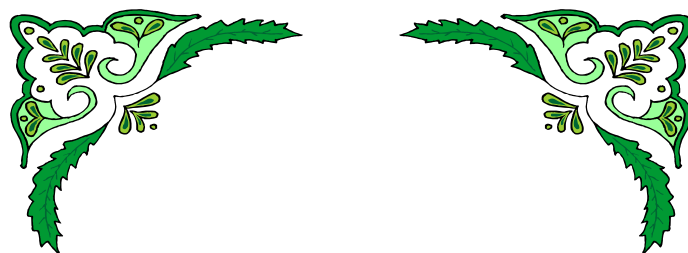
Обозначая цель и методику работы авторы этих трудов говорили о достаточно богатой источниковой базе своих «Историй» и «Описаний». *«Любя историю и проживши в Угличе восемь лет – писал учитель истории Угличского уездного училища Ф.Х. Киссель, – я с великим удовольствием собирал, покупал и с жадностью читал старинные полуистлевшие рукописи о древних событиях Углича, и, будучи обязан этим удовольствием древним летописцам, я и сам решился из полуислевших многих рукописей составить историю Углича, сколько возможно полную, в систематическом и хронологическом порядке; старался сверить, пояснить и распространить события и происшествия Историями Глинки, Карамзина и Полевого, заимствовал много также из собрания древних актов, из собрания государственных грамот и договоров».*

XVIII – первая половина XIX вв. явились для исторического краеведения прежде всего временем накопления богатейшего фактического материала самого разнообразного характера. Он содержался в отчетах академических и других специальных экспедиций, в топографических описаниях губерний и уездов, в ответах на многочисленные анкеты-запросы, рассылавшиеся на места различными ведомствами, в общероссийских и «краевых» описаниях государствоведческого характера, в публикациях письменных источников по древней и современной истории, в трудах провинциальных краеведов. Основные ориентиры подхода исследователя к его анализу и обобщению были уже обозначены в трудах В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина.

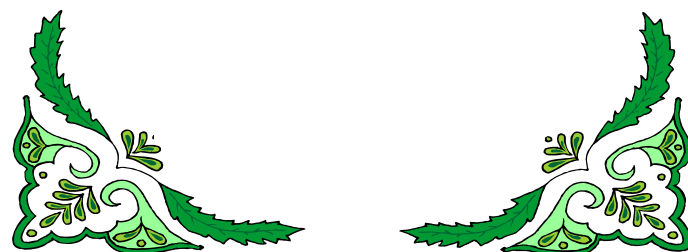
В конце XVIII – первой половине XIX вв. в провинции появился целый ряд книг по истории отдельных городов и местностей. Значительная их часть представляла из себя труды исторического характера, первые попытки историографической систематизации уже накопленных фактов местной истории. Рост интереса к собственной истории, как и к культурно-историческому наследию, был связан с необходимостью поиска решений проблем российской самобытности и национального своеобразия, проблем, которые уже в начале XIX в. обозначились

вполне отчетливо. Поиски ответов на эти вопросы оказывались во многом связаны именно с изучением местной истории, с краеведческими изысканиями. Пока же, однако, организующее начало в этой области было выражено довольно слабо. Обществ и кружков, занимающихся российской историей было еще очень немного, причем связаны они были со столичными городами. Провинциальная периодическая печать – один из каналов помещения сведений по истории и развитию края – делала еще свои первые шаги, а ведомственные издания, содержащие соответствующую информацию, были мало доступны не столь многочисленному кругу образованных людей провинции. И в то же время уже накопленный краеведческий материал требовал своего освоения и обобщения.

Глава II

Развитие исторического краеведения во второй половине XIX – начале XX вв.

*Провинциальная интеллигенция как социальная основа краеведческого движения. * Концепция «областной» истории А.П. Щапова. * Сибирское «областничество». * Государственная статистика. * Губернские статистические комитеты. * Секретари ГСК. * Издательская деятельность ГСК. * ГСК и «Губернские ведомости». * «Памятные книжки» ГСК. * Научные периодические издания ГСК. * Состав ГСК. * Научные общества. * Русское географическое общество. * Московское археологическое общество. * Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. * Археологическая комиссия. * Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. * Научные общества по изучению местного края. * Церковно-археологические и исторические общества. * Губернские ученые архивные комиссии. * Состав ГУАК. * Архивная деятельность ГУАК. * Издательская деятельность ГУАК. * Археологическая деятельность ГУАК. * Ярославская ГУАК. * И.А. Тихомиров. * Провинциальные музеи. **

Развитие и накопление историко-краеведческих знаний со второй половины XIX в. в значительной мере было связано с многоплановыми изменениями в жизни России на рубеже 1850 – 1860 гг., и особенно отчетливо проявившимся в ходе осуществления т.н. «великих реформ» – своего рода перестройки всех сфер жизни общества. Отмена крепостного права, создание органов местного самоуправления, изменение юридическо-правовой системы государства и т.д. реально способствовали и развитию общественного движения в стране.

Провинциальная интеллигенция как социальная основа краеведческого движения. Существенные изменения оказались связаны с положением и деятельностью той части общества, которая именовалась интеллигенцией. *«В России 1860-х гг., – отмечает культуролог Ю.С. Степанов, – слово и понятие «интеллигенция» приобрело социологический смысл, стало обозначать социально оформленную часть общества, взявшую на себя «миссию» (можно было бы сказать «функцию») выразителя и «формирователя» самосознания нации».* В социальном плане понятие интеллигенция оказалось наиболее устойчиво связано с разночинцами, точнее сказать, с их наиболее образованной и чувствующей нравственную ответственность за судьбы общества частью. *«Интеллигенция, – по словам Б.А. Успенского, – которая может рассматриваться как своего рода культурная элита, по существу своему не может принадлежать к социальной элите».*

Активизация интеллигенции во второй половине XIX в. во многом была связана с ее первоначальными надеждами на коренные преобразования в жизни русского общества в результате проведенных реформ и последующим разочарованием и неудовлетворенностью этими результатами. И это, в свою очередь, вызвало усиление ее активности, прежде всего общественно-политической, в плане оппозиционирования к власти и политическому режиму. И вот здесь, видимо, следует оговорить принципиальную разницу, отчетливо возникавшую между столичной и провинциальной интеллигенцией, с которой была связана основ-

ная деятельность по накоплению и обобщению краеведческих знаний.

Процесс активного формирования провинциальной интеллигенции, разночинной по своему происхождению, приходится на пореформенный период. В губернских и уездных городах стимуляторами этого процесса явились разного рода общественные объединения (особо стоит отметить роль земских органов), научные общества, органы городского самоуправления. Провинциальная интеллигенция формировалась в определенную социальную группу, объединенную общими мировоззренческими установками и интересами. Именно в ее составе появились в широких масштабах по всей России исследователи своего края, историки-любители, объединяющиеся в это время вокруг губернских статистических комитетов.

Именно в это время провинциальная интеллигенция стала остро ощущать отличие своих собственных целей и интересов от интересов столичной интеллигенции. Экономические, политические, общественные и научные интересы русской провинции стали осознаваться как идущие вразрез с интересами столичных центров страны. Однако оппозиционирование провинциальной интеллигенции, как правило, не приобретало характера политического противостояния, выражавшегося в активном общественно-политическом противодействии существующему политическому режиму и власти, как это имело место в столицах. Провинциальная интеллигенция искала выражение своей активности и проявляла ее в формах деятельности, вполне лояльных к власти. Так, идейное воздействие народничества на значительную часть представителей провинциальной интеллигенции выразилось прежде всего в обращении их к народной истории и этнографии своего края, в участии в деятельности земских органов, статистических комитетов и других государственных органов и общественных объединений, мало или совсем не связанных с общественно-политической деятельностью. И это вполне можно сказать о том осознаваемом «конфликте» интересов центра и провинции, разрешение которого даже не мыслилось политическим путем (за исключением разве что сибирского «областничества», о котором позже скажем особо).

В этом отношении весьма показательна полемика известного провинциального деятеля, секретаря Нижегородского ГСК А.С. Гациского с петербургским писателем Д.Л. Мордовцевым. Д.Л. Мордовцев считал, что согласно закону централизации все наиболее значительное в духовной жизни страны стягивается в Москву и Петербург. Критикуя это мнение, а по существу опровергая его, А.С. Гациский в своем открытом письме Д.Л. Мордовцеву от 14 октября 1875 г. утверждал, что кроме закона централизации существует и закон децентрализации. *«Мы находим, что рядом со значением столицы начинают иметь, а следовательно, и будут иметь и должны иметь значение и другие так называемые провинциальные центры. < ... > Как в науке, так и в других проявлениях человеческой жизни недавно преобладала централизация почти всецело, но начинает кончаться ее исключительное преобладание и заявляет свое право на существование самостоятельная жизнь и вне центра»*. Максимум реализации своего права на самостоятельное существование для «провинциальных центров» А.С. Гациский видел в своего рода «автономии», но автономии особого свойства. Он предлагал создать *«крупные земские статистические центры с районом деятельности в нескольких соседних губерниях, экономические и земские интересы которых наитеснейше взаимно связаны»*.

Надо сказать, что такого рода идеи вызревали еще в 1840 – 1850-е гг., но только в 1860-е гг., по мнению нижегородского историка и краеведа С.И. Архангельского, на смену идее народности пришла идея областничества, идея региональных изысканий.

Чтобы понять, как формировалась идея областничества, следует представить, насколько велики были расхождения между европейским уровнем развития науки в университетских центрах (а таких в центральных областях Европейской России в 1860 – 1870-е гг. было только три – Москва, Петербург и Казань) и весьма и весьма низким состоянием общественно-исторической мысли в российской провинции. Вполне правомерен в этом отношении вывод историка В.П. Макарихина: *«Во второй половине XIX в. обнаружилось резкое расхождение между уровнем развития науки в университетских центрах и состоянием общественно-исторической мысли российских провинций. Наука все более работала сама на себя, а провинциальная мысль обречена была*

сама решать проблемы местной и общероссийской истории. Расхождение уровней и интересов увеличивалось стремительно, и это породило сильное недовольство провинциальных мыслителей, медленно, но неуклонно избавлявшихся от уз духовного крепостничества».

Концепция «областной» истории А.П. Щапова.

Именно в это время возникает теория «областничества», или концепция «областной» (или местной) истории А.П. Щапова, стержнем которой явилась идея децентрализации исторической науки, стремление строить русскую историю не из Москвы и Петербурга, а снизу, начиная с русской общины. Став профессором Казанского университета, он первую же вступительную речь, с которой обратился к студентам, начал словами: *«Скажу наперед, не с мыслию о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории».* Основным содержанием русской истории Щапов считал «саморазвитие» областей, их самообразование путем колонизации. Отсюда необходимость изучать самодеятельность народа в русской истории, внутреннюю организацию этой самодеятельности. Местная история (например, рязанская, казанская, вологодская) провозглашалась не только предметом, достойным изучения, а предметом – важнейшим в русской истории.

«Русская история, – писал А.П. Щапов, – есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа – до централизации и после централизации».

Земско-областная форма общественной жизни (раннего периода государственности) противопоставлялась Щаповым государственно-союзной форме. По мысли Щапова, общество начинается с малых кругов, внутренне самобытных и в себе законченных миров сельских. Оно связывает общиной, естественно-бытовой связью миры сельские и городские (тоже внутренне самобытные и в себе законченные) в единый областной земский мир. Этот земский мир в свою очередь посредством федеративной связи распространяется во всенародный русский земский мир. Принципы мирского экономического и юридического самоуправления, принципы мирской совещательности и мирского выборного начала составляют естественную жизнь и историческую

природную потребность русского народа. России нужен освежительный, оживляющий, примиряющий дух мира, мирской социальной жизни, мирского социализма. Идеалом Щапова являлся строй областных самоуправляющихся миров-земств, объединенных в демократическое государство с представительными органами и выборностью всех общественных должностных лиц. Такой взгляд на политическое устройство России вряд ли мог привлечь внимание и симпатии провинциальной интеллигенции, в большинстве своем законопослушной и лояльной к существующей государственной власти. Ее могли привлечь в первую очередь научно-практические рекомендации, следовавшие из этой теории, где Щапов указывал на возможность и важность изучения «областной» жизни народа. Он писал: *«В высшей степени желательно, чтобы у нас ... в каждой провинции возникла своя историческая, самопознавательная литература и обогащалась областными сборниками..., историко-статистическими описаниями губерний и провинций..., изданиями областных памятников и актов»*.

Установка Щапова на конкретно-историческое и этнографическое изучение прошлого и настоящего отдельного села, волости, уезда и в конце концов всей области была воспринята на местах как призыв к практическому действию в этом направлении. А его концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей множества исследователей своего края, для попыток создать областную историю России.

Старый дом.
Рис. В.В. Сулова

Сибирское «областничество». Несколько по иному выглядела идея «областности», развивавшаяся сибирскими учеными и общественными деятелями. Она во многом вышла за рамки чисто научной концепции и приобрела общественно-политическое звучание, с чем была связана и соответствующая реакция власти. Возникла она в пореформенные годы среди членов сибирского землячества, созданного из студентов-сибиряков, обучающихся в Петербурге: Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова и др. Именно в это время они начали осознавать характер политики российского правительства в отношении Сибири. *«Мы сознавали, – писал позже Г.Н. Потанин, – что над Сибирью тяготеет три зла: деморализация ее населения как в верхних, так и в нижних слоях, вносимая в край ссылаемыми социальными отбросами Европейской России; подчиненность сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей встать на защиту интересов обездоленной родины».* Собственно, уже в Петербурге, в осознании особых, отличных от центральных и в определенной мере им противопоставляемых, областных интересов и зародилась идея сибирского областничества, которая впоследствии приобрела характер общественно-политического движения.

Зимой 1865 г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев вернулись из Петербурга в Томск. Г.Н. Потанин занял место секретаря Томского ГСК. Вместе с Н.М. Ядринцевым они стали активно сотрудничать в «Томских губернских ведомостях», и это сразу сказалось на содержании газеты, особенно ее неофициальной части, которая приобрела явно областнический характер. Их активные усилия были поддержаны томской интеллигенцией. По существу кружок, объединяющий сторонников областничества, стал Обществом независимости Сибири. Важное место в практической деятельности областников занимала культурно-просветительная работа, в частности организация публичных лекций. Политическая программа областников содержала требования уравнивать Сибирь с центром страны в правовом, экономическом и культурном отно-

шении. Эти требования были выражением явного противодействия официальной правительственной политике и последствия не заставили себя долго ждать.

В мае 1865 г. участники Общества независимости Сибири были арестованы по делу о «сибирском сепаратизме». Сибирская администрация назвала его «делом об отделении Сибири от России и образования республики, подобно Соединенным Штатам». Суд, состоявшийся только через три года, признал областников виновными в намерении отделить Сибирь от России и вынес суровые приговоры. Г.Н. Потанин, взявший на себя основную вину, был подвергнут гражданской казни и приговорен к 15 годам каторги, сокращенной затем до 5 лет. Другие осужденные также были высланы на длительные сроки в северные местности Европейской России. Однако все это не привело к затуханию идей сибирского областничества, они приобретали все большее число сторонников среди интеллигенции региона.

В соответствии с концепцией областников Сибирь рассматривалась как целостная областная единица с присущими ей особенностями, находившаяся в колониальной зависимости от метрополии. При этом областники стремились, противопоставляя интересы Сибири и Европейской России, обосновать право сибиряков на самостоятельное развитие. Правда, в начале XX в. они отказались от программного требования выделения Сибири и ее независимого развития, но идея ее особенности по-прежнему сохранялась. Важно отметить, что исходным моментом в сибирской областнической концепции была трактовка роли самобытных областей в русском историческом процессе, и это сближало ее с другими проявлениями теории «областности», которые, однако, не предполагали быть практически осуществленными в таком аспекте, как у сибирских «областников».

Организационными центрами, объединяющими исследователей своего края, в том числе и историков-любителей, стали реформированные в 1860 г. губернские статистические комитеты. Без их деятельности вряд ли можно представить картину развития исторического краеведения как достаточно широкомасштабного процесса. Но прежде чем переходить к характеристике их работы, следует в общих чертах осветить развитие государственной статистики в пореформенный период и выделить роль и зна-

чение той информации, которая концентрировалась в этой области, для изучения отдельных регионов и частей страны.

Государственная статистика. Ранее уже шла речь о том, что в XVIII – начале XIX вв. статистика рассматривалась как наука, изучающая очень широкий спектр общественных проблем. Такой подход сохранялся, по существу, и в течение всего XIX века. Крупнейший специалист по статистике в России XIX в. профессор Ю.Э. Янсон в своей работе «Теория статистики» отмечал, что *«предмет, подлежащий исследованию статистики, есть общество, его строение, уклад и все жизненные отправления, словом – все то, что совершается в обществе, во всей его совокупности, может служить предметом статистики»*.

Такое расширительное толкование позволяло относить к разряду статистических работ в той или иной мере исследования по географии, истории, археологии, этнографии России и ее отдельных регионов. Поэтому многие работы такого рода, выходящие и в пореформенный период, носили название «статистическое описание», «историко-статистический очерк» и т.п. Это было связано и с тем, что именно статистика по-прежнему в первую очередь обеспечивала возможность создания различных описаний страны и ее регионов.

Очень широко в пореформенный период развивалась правительственная статистика, во главе которой в течение более чем тридцати лет стоял П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1864 г. он возглавил вновь созданный Центральный статистический комитет (и на протяжении 17 лет являлся его руководителем), а в 1874 г. – Статистический совет. За этот период под руководством П.П. Семенова было проведено несколько крупных статистических обследований страны: поземельной собственности, посевных площадей, урожаев, конского поголовья и, наконец, в 1897 г. – единственная до 1917 г. всеобщая перепись населения России.

В это время различные звенья административно-хозяйственного аппарата: министерства, департаменты и управления (земледелия, торговли и промышленности, лесное, внутренних водных путей и шоссейных дорог, железных дорог и другие) – публиковали свои официальные статистические издания. Эти издания обеспечивали не только анализ состояния на данный

период, но и динамику за ряд лет. Они не содержали, как правило, глубоких научных обобщений, но давали обширный и систематизированный фактический материал по определенным вопросам.

Надо сказать еще, что к концу XIX в. правительственная статистика отошла от задачи создания обобщенного описания страны и в основном развивалась в сторону специализации.

В пореформенный период и в местной статистической литературе преобладала описательная статистика. Выпускались несколько типов изданий такой литературы. Так, губернские статистические комитеты, как уже отмечалось, с конца 1850-х гг. начали публиковать справочно-статистические «памятные книжки» губерний или областей. Обычно эти книжки имели три раздела: первый давал краткую справку об учреждениях и организациях губернии, второй был посвящен сведениям в таблицы статистическим данным о населении и хозяйстве губернии; иногда таблицы дополнял текстовый обзор. В третьем разделе публиковались отдельные статьи по истории губернии, ее городов и примечательных мест, по вопросам экономики и этнографии, библиографические указатели. В качестве авторов наряду с сотрудниками губернских комитетов выступали деятели земской статистики и местные знатоки края.

Другую форму официальной статистики, носящую так же, как и предыдущая, отчетливый краеведческий характер, представляли опубликованные материалы в «Губернских ведомостях»: статьи по истории, географии, экономике, этнографии, отдельные описания частей губернии и ее населенных пунктов.

С 1870-х гг. начали публиковаться материалы земской статистики. Постепенно сложился единообразный тип текстового описания земской статистики губернии или уезда. В нем рассматривались природные условия, население и его быт, землевладение и землепользование, средства производства, организация хозяйства и бюджет, растениеводство и животноводство и их отрасли, товарное хозяйство и рынок. Обычно после небольшого вводного текста, содержащего сопоставления или исторические данные, шли таблицы и цифровой справочный материал. Всего по 34 губерниям, имевшим земские учреждения, было выпущено более трех с половиной тысяч томов земских исследований.

После реформы изменилась направленность статистических работ и в Русском географическом обществе – также в сторону специализации. На смену планам создания единых обзорных работ, соответствующих развернутым программам Арсеньева и Надеждина, пришли целенаправленные исследования сельского хозяйства, торговли (особенно хлебной), населения. Отделение статистики РГО организовало ряд широких специализированных экспедиций. Стоит отметить организованную совместно с Вольным Экономическим обществом многолетнюю экспедицию для исследования хлебной торговли.

Сказанное, однако, не означает, что работа по подготовке обобщающих описаний России во второй половине XIX – начале XX вв. не проводилась совсем. Как раз в Русском географическом обществе были подготовлены при активном участии П.П. Семенова (с 1873 г. являвшегося вице-президентом РГО) три взаимно дополняющих, крупных обобщающих труда по географии России, далеко выходящие за рамки чисто географических работ и систематизировавшие обширные материалы по отдельным регионам страны. В создании их, помимо географов принимали участие специалисты самых разных отраслей знания – историки, экономисты, статистики, этнографы, геологи, биологи и т.д.

Первой из этих работ был пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи». Работу над ним начал еще в 1856 г. библиограф, этнограф и археолог П.И. Кеппен, а с 1860 г. работы по подготовке словаря возглавил П.П. Семенов. Первый том был опубликован в 1863 г., а последний – в 1885 г., т.е. издание растянулось на 22 года. Общий объем издания – более 3700 страниц печатного текста. В словаре был собран огромный материал о природе, населении, населенных пунктах и хозяйстве страны. По богатству и тщательности подачи материала он заметно выделялся среди аналогичных изданий, причем не только российских. Стоит подчеркнуть, что подготовка словаря предполагала поступление с мест конкретных и реальных сведений, собираемых губернскими статистическими комитетами. В свою очередь, словарь этот становился по выходу в свет настольным руководством в работе для многих, далеко не всегда широко образованных сотрудников таких комитетов. От-

метим еще, что под влиянием словаря П.П. Семенова-Тян-Шанского в провинции было создано несколько местных словарей.

Оригинальным произведением была «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении». Это двенадцатитомное популярное, богато иллюстрированное описание страны, рассчитанное на широкие круги читателей. Составлено оно было в форме хрестоматий из очерков, сгруппированных по географическим принципам. Самая высокая группировка – тома, посвященные крупным районам страны. Некоторые тома делились на части – по подрайонам. Каждая книга состояла из отдельных взаимно дополняющих очерков, посвященных описанию различных географических объектов или отраслевой характеристике района – «племенной», «исторической», «бытовой» и т.д. Оригинальные очерки для «Живописной России» писались специально видными писателями или учеными-географами, статистиками, историками, биологами, этнографами. Среди них можно упомянуть С.В. Максимова, В.И. Немировича-Данченко, Л.Н. Майкова, И.С. Полякова, Д.И. Иловайского и др. В свет «Живописная Россия» вышла под общей редакцией П.П. Семенова.

Среди всех дореволюционных описаний страны совершенно особое место занимает многотомная серия «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», первый том которой появился в 1899 году. По первоначальному замыслу редактора, которым стал сын П.П. Семенова В.П. Семенов (П.П. Семенов был научным руководителем издания и автором целого ряда его разделов) издание должно было состоять из 22 томов, каждый из которых посвящался одной из естественных и культурных областей России, т.е. группе губерний и областей. Тома «России» выходили не в последовательном порядке. Объясняя это, редакция указывала на трудности создания подобного многотомного издания, к подготовке которого привлекались авторы, жившие в разных районах страны.

Работа по составлению «России. Полного описания нашего отечества» так и не была завершена. За период с 1899 по 1914 гг. из печати вышло 11 региональных томов: Т. 1 – Московская промышленная область и Верхнее Поволжье, 1899; Т. 2 – Среднерус-

ская черноземная область, 1902; Т. 3 – Озерная область; Т. 5 – Урал и Приуралье, 1914; Т. 6 – Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье, 1901; Т. 7 – Малороссия, 1903; Т. 9 – Верхнее Приднепровье и Белоруссия, 1905; Т. 14 – Новороссия и Крым, 1910; Т. 16 – Западная Сибирь, 1907; Т. 18 – Киргизский край, 1903; Т. 19 – Туркестанский край, 1913. Начавшаяся первая мировая война прервала работу по подготовке издания, и оно так и осталось реализованным только наполовину.

«Россия. Полное географическое описание нашего отечества» была задумана как серия с жесткой программой. Во всех ее региональных томах четко соблюдалось деление на три отдела: «Природа», «Население» и «Замечательные населенные места и местности», которые делились на одни и те же главы с добавлением в каждом случае региональных уточнений.

Больше всего места в «России» было отведено описанию *«замечательных населенных мест и местностей»* (от 20 до 50% объема основного текста), т.е. региональному обзору. Описание в этом разделе строилось не по районно-территориальному признаку, а помаршрутно: описывались пункты, расположенные вдоль железных дорог и вблизи от них, расположенные близ судоходных рек, озер и морей и, наконец, расположенные в стороне от главных путей сообщения. Второе место занимало описание населения, причем этот отдел включал в себя и экономико-географические главы («Промыслы и занятия населения», где рассматривались землевладение, сельское хозяйство, промыслы, фабричная промышленность и торговля, и «Пути сообщения»).

Главное достоинство «России» – обилие хорошо систематизированного и умело поданного фактического материала. Это была по существу первая в России обзорная многотомная научная работа по географии нашей страны. Она была создана многими специалистами и по характеру информации, своему содержанию далеко выходила за рамки чисто географической работы.

Губернские статистические комитеты. 26 декабря 1860 г. Александр II утвердил новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», принятие которого положило начало второму этапу в деятельности губстаткомитетов. Что же представляли из себя ГСК в новых условиях? В состав губстаткомитета, работающего под председательством губерна-

тора, входили члены комитета: непременные, действительные, почетные и секретарь. Непременными членами по-прежнему являлись представители всех губернских административных учреждений (по должности), профессор статистики (если таковой имелся в городе), городской голова, уездные полицейские исправники и т.д. Непременные члены были ответственны за поступление из их ведомств необходимых статистических данных. Действительные члены избирались комитетом из местных обывателей губернии, которые могли своими познаниями принести пользу комитету. На них лежали все необязательные труды комитета. От их способностей и желания зависел успех или неуспех в общественной деятельности комитета. Действительные члены утверждались министром внутренних дел и получали на это звание диплом. Почетными членами избирались известные ученые или лица, сделавшие значительные материальные пожертвования для статистического комитета.

Все занятия комитета были разделены на «обязательные» и «необязательные». К «обязательным» относились сбор статистических сведений для ежегодного отчета губернатора, направляемого императору и в МВД, и составление «Обзора» губернии, прилагаемого к отчету.

Под «необязательными» работами, которые с этого времени также становились обязанностью комитетов, имелось в виду *«заниматься о составлении ... подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно по-чему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом сельскохозяйственном и прочем и об издании своих трудов в свет. Издание этих трудов может быть производимо: печатанием соответствующих статей и описаний в губернских ведомостях, составлением и печатанием «Памятных книжек» о губерниях и областях и об отдельных городах и, наконец, печатанием отдельных монографий или описаний губерний и областей или частей оных»*. Таким образом, ГСК наделялись правами ведения исследовательской работы в губернии по самой разнообразной тематике. Помимо того, они становились значительными издательскими центрами, публиковавшими преимущественно работы своих членов. По существу, новое «Положение» обеспечи-

вало возможность превращения ГСК в местные ученые общества, обладающие административными правами и обязанностями. Они могли стать своего рода центрами объединения местной интеллигенции, заинтересованной в изучении своего края, потому что давали широкие права личной исследовательской инициативе.

Секретари ГСК. Главной организующей силой и единственной штатной единицей комитетов был их секретарь, на которого прежде всего ложилась задача проведения обязательных работ. Кроме того, на них возлагалась обязанность производить все ученые работы по комитету и наблюдать за исполнением и изданием вообще ученых работ комитета, за ходом местных исследований. Секретарь назначался губернатором из лиц, имеющих ученые степени или, по крайней мере, окончивших курс наук в высших учебных заведениях.

Именно от секретарей ГСК во многом зависели объем, масштабы и эффективность деятельности комитетов. В худшем случае секретарь комитета был простым чиновником, который не делал практически ничего, кроме подготовки ежегодной статистической информации по губернии. В лучшем же случае он становился организатором широких научных исследований губернии, создавал прочную источниковую базу регионального краеведения. Имена многих секретарей губстаткомитетов были известны в научном мире далеко за пределами своих губерний. Это – П.С. Ефименко и П.П. Чубинский (Архангельск), А.С. Гациский (Нижний Новгород), Д.Д. Смышляев (Пермь), Н.А. Спасский (Вятка), А.П. Сапунов (Витебск), А.С. Тарачков (Орел), К.Н. Тихонравов (Владимир), Н.Г. Богословский (Новгород), И.Д. Троицкий и В.И. Лествицын (Ярославль) и др.

Приведем только один пример, взяв из обозначенного выше ряда секретарей ГСК Константина Никитича Тихонравова, который длительное время являлся секретарем Владимирского ГСК, а фактически руководил им. Одновременно он активно сотрудничал и во «Владимирских губернских ведомостях», редактором неофициальной части которых был более 25 лет, а со времени появления «Владимирских епархиальных ведомостей» распространил свое сотрудничество и на них. Печатался и в центральных изданиях и за все время своей творческой деятельности опубликовал более 700 статей и книг. В 1862 г. под его редакцией

вышла первая «Памятная книжка Владимирской губернии». Именно К.Н. Тихонравов обеспечил подготовку и выпуск «Трудов Владимирского статистического комитета», а затем и его «Ежегодника». Под редакцией Тихонравова вышли два тома «Ежегодника», а третий том, им же частично отредактированный, вышел уже после его смерти. Работу над ним закончил известный архитектор и краевед Н.А. Артлебен.

Другой стороной деятельности К.Н. Тихонравова были археологические изыскания. Он принимал участие в археологических экспедициях графа А.С. Уварова и археолога-нумизмата П.С. Савельева, а в начале 1860-х гг. сам занимался раскопками в Шуйском уезде.

Научная деятельность К.Н. Тихонравова получала заслуженное признание. В 1849 г. его избрали членом-сотрудником РГО, в 1850 г. – членом-сотрудником Санкт-Петербургского археологического общества, а в 1861 г. его действительным членом. С 1853 г. он являлся членом-соревнователем Московского общества истории и древностей российских. Сказанное о К.Н. Тихонравове можно вполне распространить на многих секретарей ГСК. Именно они внесли очень заметный вклад в развитие провинциальной историографии и краеведения.

Финансирование комитетов было достаточно скромным, особенно если учитывать круг вопросов, которые им приходилось решать. Ежегодно комитету выделялось от 1000 до 2000 рублей из губернских земских сборов. В ряде случаев сюда добавлялась определенная (но, как правило, очень небольшая) часть доходов от деятельности губернской типографии. До половины этой суммы (750 руб.) шло в виде жалованья секретарю, значительная часть оставшихся средств расходовалась на издание «Памятных книжек» и «Трудов» статистического комитета. Действительные члены трудились практически бесплатно. В этом отношении и структура комитета, и характер работы его членов (на общественных началах) во многом напоминали тип научных обществ того времени.

Одной из важнейших проблем, по-прежнему стоявших перед ГСК, перестроившимися по новому «Положению», по-прежнему оставалось формирование своего актива и круга «поставщиков информации». Для решения этой проблемы ГСК активно исполь-

зовали и официальные каналы. Для сбора статистических данных из уездов комитеты привлекали приходских священников, доставлявших сведения о населении, а также аппарат уездных полицейских исправников для получения остальной информации. Некоторые, пусть даже очень немногие, из приходских священников и волостных писарей сначала вовлекались в деятельность статистического комитета по части обязательной, административной статистики, а затем переходили к работам необязательным и составляли описания своих сел, городов и волостей, направляемые в губстаткомитет. Полицейские чиновники такой «необязательной» работой занимались крайне редко.

Издательская деятельность ГСК. Одним из главных показателей эффективности научно-исследовательской деятельности губстаткомитетов являлась их издательская активность. По своему характеру и направленности подавляющее большинство изданий ГСК были историко-краеведческими широкого профиля. Почти все исследования комитетов, а также работы провинциальных историков, археологов, этнографов-любителей печатались в периодических изданиях губернских статкомитетов. В.А. Бердинских делит все указанные издания на шесть групп.

Первая группа – это публикации, освещавшие текущую деятельность комитетов: «Отчеты», «Протоколы», «Журналы» заседаний, юбилейные издания к датам. Они выходили небольшим тиражом (50-100 экз.) и распространялись только между членами комитета.

Вторая группа – «Обзоры» губерний, прилагавшиеся ежегодно к всеподданнейшему отчету губернатора, и статистические материалы (таблицы) для ЦСК и МВД – бывшие обязательными работами ГСК. Они издавались тиражом 100 – 200 экз. сугубо для служебного пользования и находились в основном в государственных учреждениях.

ГСК и Губернские ведомости. *Третья группа* изданий – публикации «Губернских ведомостей». Неофициальная часть «Губернских ведомостей» в течение нескольких десятилетий являлась своеобразным периодическим органом ГСК. Там широко печатались материалы, освещавшие текущую жизнь статкомитетов, а также исторические работы членов местного статкомитета

и более широкого круга любителей истории и краеведов губернии.

Надо сказать, что в отличие от «Памятных книжек», куда отбирались краеведческие работы, значительные по объему, уровню анализа фактического материала, научному уровню автора, в неофициальном отделе «Губернских ведомостей» статкомитетом помещались практически любые работы краеведческой направленности.

В связи с этим весьма важным направлением научно-исторической деятельности губстаткомитетов являлась работа по подготовке краеведческих статей и созданию круга авторов для «Губернских ведомостей». Это было важно еще и потому, что практически во всех губерниях «Губернские ведомости» были самым распространенным и читаемым грамотной частью населения периодическим изданием. Здесь особая роль принадлежала секретарю статистического комитета, который часто был и редактором неофициальной части «Губернских ведомостей» (такое совмещение рекомендовалось МВД). Секретарь сам отбирал исторические и другие краеведческие материалы для публикации в «Губернских ведомостях» из тех рукописей, которые приходили в статкомитет. Нередко сами секретари выступали в качестве авторов публикуемых материалов. *«Я знаю только одного путешественника по России, приготовленного к своим работам, – отмечал этнограф и писатель П.И. Якушкин, характеризуя секретаря Орловского ГСК, – г. Тарачкова, учителя естественных наук Орловского кадетского корпуса, ездившего по средней полосе России, писавшего в «Орловских губернских ведомостях» и издавшего впоследствии свои записки в Орле».*

Некоторые губстаткомитеты издавали свои методические рекомендации в помощь местным авторам. Вологодским ГСК в 1880 г. было издано специальное *«руководство к собиранию сведений для корреспондентских сообщений в неофициальную часть Вологодских губернских ведомостей»*. Так грамотные, но недостаточно образованные, люди в уездах губернии, завязавшие контакты со статкомитетом, получали специальные знания, формирующие у них умения и навыки, необходимые исследователю-любителю.

Активно публиковались в «Губернских ведомостях» и местные исследователи. Молодой вятский учитель А.А. Спицын в 1880 – 1890-е гг. поместил в «Вятских губернских ведомостях» 42 только подписных статьи по проблемам истории и археологии Вятского края. Мелких заметок и информации без подписи было у него значительно больше.

Пермский историк Д.Д. Смышляев в конце жизни (1891 г.) составил специальный сборник своих исторических статей, напечатанных в «Губернских ведомостях». Во введении он указывал: *«В разных изданиях, преимущественно в местных губернских ведомостях, в течение тридцати лет мною напечатано до сотни статей о Пермском крае, в большинстве касающихся его истории».*

Активно публиковался в «Ярославских губернских ведомостях» Л.Н. Трефолев, который в 1868 – 1871 гг. являлся редактором их неофициальной части и, кроме того, с 1872 г. и на протяжении тридцати лет – редактором «Вестника Ярославского земства». В 1870-е гг. Л.Н. Трефолев задумал издать сборник статей или даже несколько выпусков их, объединенных общим названием «Ярославская старина», по образу и подобию аналогичных изданий, уже выходивших в других губерниях. Эту идею он обсуждал с редактором журнала «Древняя и Новая Россия» С.Н. Шубинским, который предложил свое посредничество в таком издании. Сборник этот так и не был издан. Но весьма уместно будет привести здесь отрывок из письма Л.Н. Трефолева С.Н. Шубинскому от 27 января 1876 г.: *«Историей Ярославского края занимались многие. Ваш покорный слуга – только капля в нашем историческом ручейке. Собрание одних моих статей не много помогло бы исследованию местных исторических памятников. Громада документов, сырых материалов и обработанных статей бесследно потонула в «Губернских ведомостях», где и я редакторствовал несколько лет. Все это я говорю к тому, что мысль об издании «Ярославской старины», явившаяся сначала чисто-эгоистическою мыслию – собрать исключительно одни мои статьи, приняла затем другую форму. Оказалось гораздо полезнее соединить исследования (по части истории и археологии) всех ярославских писателей-обывателей, собрать их труды – бывшие и настоящие. Конечно, в этом сборнике потерялось*

бы мое скромное Я, да зато выиграло бы историческое дело. Всех материалов собрано на 4 книжки, каждая до 15-ти листов. Я предполагал разделить «Ярославскую старину» на следующие три отдела: 1) Исторические исследования (Обработанные статьи значительного объема); 2) Исторические материалы (Сырье, дополненное необходимыми примечаниями и разъяснениями); 3) Мелкие статьи (Старинные песни. Сказки. Предания. Биографии знаменитых ярославцев. Письма их. Надписи на старинных памятниках. Описания редких книг, изданных в Ярославле и т.д.)».

Неудача со сборником не уменьшила исследовательскую активность Л.Н. Трефолева. Многие из его работ, посвященных истории Ярославского края, затем печатались в ведущих российских исторических журналах и в тех же «Ярославских губернских ведомостях».

Стоит упомянуть, что во второй половине XIX – начале XX вв. в губерниях выходило (с 1860-х гг.) еще одно периодическое издание – газета «Епархиальные ведомости», имевшая, правда, историко-краеведческую направленность в значительно меньшей степени, чем «Губернские ведомости». Сам характер издания накладывал определенный отпечаток на тематику и содержание его неофициальной части. Кроме того, ведомственный тип издания предполагал и более узкий круг читателей, прежде всего местное духовенство И, наконец, очень многое в этом издании зависело от личности редактора.

Так, «Вологодские епархиальные ведомости» (ВЕВ) были в своей неофициальной части по существу краеведческим журналом, но все это только благодаря своему редактору и основателю Н.И. Суворову, активному исследователю своего края, автору почти трехсот работ по его истории. ВЕВ во многом стали изданием, популяризирующим исторические материалы о Русском Севере.

В значительной мере историко-краеведческую направленность имели «Ярославские епархиальные ведомости» (ЯЕВ), выходившие с 1860 года. С первых же номеров неофициальная часть газеты стала заполняться историческими документами и материалами о церковной старине, исследованиями и статьями по церковной истории края. Издание было начато ярославским ар-

хией епископом Нилом и редактировалось знатоками истории края секретарем Ярославской Духовной Консистории А.П. Крыловым с 1860 по 1864 гг., а впоследствии, с 1871 по 1898 гг., – профессором Духовной семинарии Н.Н. Корсунским. Среди его авторов были в основном священники и выходцы из духовной среды, в том числе уже упоминавшийся И.Д. Троицкий, автор первой печатной «Истории губернского города Ярославля» (1853) и А.Н. Лебедев, подготовивший несколько специальных исследований о ярославских монастырях и церквях (в частности: «Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле» (Ярославль, 1877), «Успенский кафедральный собор в Ярославле» (Ярославль, 1896), «Ярославский Казанский женский монастырь» // ЯЕВ. 1863. № 46, 50, 51, 52. Ч. неоф.).

С 1877 г. стали издаваться «Тверские епархиальные ведомости» (ТЕВ), основателем которых и многолетним редактором был член Тверского ГСК, протоиерей В.Ф. Владиславлев, благодаря которому газета превратилась в издание, ориентированное во многом на публикации по церковной истории местного края.

В целом же следует отметить безусловное влияние «Губернских ведомостей», как уже сложившегося издания, на «Епархиальные ведомости».

«Памятные книжки» ГСК. Четвертая группа изданий является широко распространенной и очень значительной по объему содержащегося здесь материала. Это - «Памятные книжки» и «Календари», издававшиеся тиражом от 300 до 1500 экз. и содержавшие результаты «обязательной» и «необязательной» деятельности комитетов: исторические археологические, этнографические, статистико-географические описания и исследования, а также многообразный актовый и архивный источниковый материал. Тип «Памятной книжки» уже с конца 1850-х гг. был официально рекомендуемым для всех губстаткомитетов типом издания.

В отличие от «Сборников» и «Трудов» «Памятные книжки» издавались практически повсеместно по России, с большей или меньшей регулярностью в большинстве действующих губстаткомитетов страны. По данным ЦСК в 1874 – 1883 гг. «Памятные книжки» издавали 23 губстаткомитета. Отдельно зафиксированы «Адрес-календари» и «Календари», которые издавало 14 комите-

тов. Существенных различий между этими изданиями не было. Структура их в основном зависела от редактора, хотя содержание и программы «Памятных книжек» контролировались МВД, в ведении которого были статкомитеты.

В 1880 – 1890-е гг. «Памятные книжки» окончательно сформировались как обязательные, регулярные и долговременные издания большинства губернских статкомитетов. Они издавались в губерниях и областях: Архангельской, Астраханской, Бессарабской, Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Киевской, Ковенской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Области Войска Донского, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Черниговской, Ярославской, а также Кубанской области (всего 41 губерния и 2 области). Регулярное издание «Памятных книжек» было показателем активности губстаткомитета, наличия у него общественного актива.

Стоит обратить внимание, что основная масса перечисленных губерний – это великорусские центральные и северные губернии Европейской части России. На Кавказе и в Средней Азии деятельность эта была чрезвычайно слаба. Прибалтика же, польские области и Сибирь обладали очень значительной спецификой развития научно-исторической деятельности местной общественности. Возможно, что большая активность ГСК Центра и Севера России связана и с наличием в этих регионах значительного слоя разночинной демократической интеллигенции, которая являлась основной социальной базой в научной деятельности губстаткомитетов.

Следует отметить еще, что в столичных и университетских центрах (Москве, Петербурге, Казани, Одессе, Томске) статкомитеты не смогли активно развернуть свою работу. Видимо, местным историкам-любителям было здесь трудно конкурировать с учеными-профессионалами.

Во многих губерниях «Памятные книжки», издававшиеся в течение пяти с лишним десятилетий более или менее регулярно

(ежегодно), превратились в ценнейшие своды исследовательского и источникового материала о своей губернии во всех отношениях. Так, Тамбовский ГСК, основанный еще в 1837 г., за время с 1861 по 1894 гг., издал семь «Памятных книжек», где был опубликован целый ряд исследовательских статей по истории края.

Научные периодические издания ГСК. *Пятая группа* изданий (также одна из основных для исследователей истории краеведения) включает научные периодические издания статкомитетов: «Сборники», «Труды», «Ежегодники», «Известия», «Записки» (тиражом от 300 до 2500 экз.), – в которых печатались результаты научно-исследовательской работы комитетов. Чаще всего это целостные оригинальные научные издания, по определенной тематике и проблематике, характерной для более или менее постоянного круга авторов данного комитета. Как правило, в этих изданиях отсутствовал официальный отдел и наглядно отражались особенности исторического развития данного края. Так, в 1866 г. вышел в свет первый выпуск «Трудов Ярославского губернского статистического комитета», составленный из двух больших работ – А.А. Фенютина «Увеселения города Мологи» и Л.Н. Трефолева «Странники. Эпизод из истории раскола». Обе работы были посвящены бытовой истории края, но особенно примечательно исследование Л.Н. Трефолева, характеризовавшее один из радикальных старообрядческих толков, появившихся в Ярославском крае в конце XVIII в. Официальные власти и церковь не поддерживали появление в печати сведений о расколе и раскольниках. И поэтому материалы о старообрядческой секте в с. Сопелки под Ярославлем были, по существу, первыми свидетельствами об этом явлении и его традициях в крае. Следует отметить, что в отличие от «Памятных книжек», которые издавало большинство статкомитетов, периодические сборники трудов такого рода издавались менее чем в половине комитетов страны. Как правило, это были самые активные и деятельные комитеты.

В 1860 – 1880-х гг. 18 губернских статкомитетов из 50 в Европейской части России имели свои периодические научно-исторические издания. По данным первого русского профессионального библиографа В.И. Межова в конце 1850 – начале 1870-х гг. выходили следующие издания такого рода: «Архангельский сборник» (6 частей) и «Труды» Архангельского статкомитета (3

выпуска); «Труды» Казанского губстаткомитета (5 выпусков); «Новгородский сборник» (5 выпусков); «Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии»; «Материалы для истории и статистики Симбирской губернии» (4 выпуска); «Симбирский сборник» (2 тома); «Записки» Черниговского губстаткомитета (2 книги); «Труды» Ярославского губстаткомитета (7 выпусков).

По сведениям ЦСК в 1874 – 1883 гг. издавали свои «Труды» шесть губстаткомитетов: Астраханский (5 выпусков), Владимирский (2 выпуска), Курский (4 выпуска), Ярославский (12 выпусков), Акмолинский (2 выпуска), Войска Донского (2 выпуска). Четыре комитета издавали в это время свои периодические «Сборники»: Вологодский, Нижегородский, Псковский и Олонецкий. Вышли в свет 5 выпусков «Ежегодника» Владимирского ГСК и т.п.

Шестая группа изданий статистических комитетов – это отдельные издания исторических, археологических, этнографических и других научных книг и брошюр. Они издавались небольшим тиражом (от 100 до 1000 экз.) и без всякой регулярности.

«Размах издательской деятельности статкомитетов во многих губерниях Европейской части России – констатирует В.А. Бердинских – привел к формированию там очень значительных по объему научных комплексов краеведческих материалов, которые стали серьезной основой для работы местных исследователей края уже в XX веке».

Состав ГСК. Издательская деятельность была конечно же не единственным показателем, характеризующим эффективность и значение деятельности ГСК. Даже количественный и сословный состав статистических комитетов давал определенное представление об их влиянии, авторитете и деятельности. Чаще всего в центральных губерниях России в период расцвета деятельности губстаткомитетов в 1870 – 1880-х гг. количество действительных членов колебалось от 30 до 50 человек. Так, во Владимирском комитете в 1875 г. число действительных членов составляло 37 человек. В Тульском комитете в 1880 г. было 50 действительных членов. Правда, дополнительно к ним членами-сотрудниками комитета зачислялись 46 священников Тульской епархии. Последние, как и полицейские уездные исправники, зачислялись не в за-

висимости от личных качеств, а по должности. В Пермском статкомитете, благодаря активной деятельности его секретаря Дмитрия Дмитриевича Смышляева, всего за один 1891 г. число действительных членов увеличилось в полтора раза и составило 80 человек, хотя местных жителей из них было только 49 человек.

Самой массовой социальной группой в составе статкомитетов чаще всего было сельское приходское духовенство. Специфика русского историко-культурного контекста, отмечал Б.А.Успенский, проявляется в том, что *«значительная роль в формировании русской интеллигенции принадлежит выходцам из духовного сословия»*. И в данном случае этот тезис вполне подтверждался. В качестве показательного в этом плане примера можно упомянуть члена Костромского ГСК М.Я. Диева, священника села Сипаново Нерехтского уезда Костромской губернии, активно занимавшегося краеведческой работой и известного в столичных научных кругах, ставшего членом ОИДР, ОЛРС, РИО. За духовенством в составе губстаткомитетов шли дворяне и чиновники. И третьей группой лиц, связанной с деятельностью ГСК, являлись учителя и преподаватели, которые хотели повысить свой образовательный уровень и найти выход творческой активности.

Количество купцов и выходцев из купеческой среды, а также крестьян, в составе статистических комитетов России было очень невелико. Чаще всего это личности талантливые, ярко одаренные и разносторонние. Такими были художник-самоучка, археолог-любитель владимирский крестьянин И.А. Голышев, пермский купец-литератор Д.Д. Смышляев, вятский купец из Елабуги И.В. Шишкин, археолог-любитель и отец знаменитого художника и т.д.

Характерной организационно-структурной особенностью статистических комитетов являлось то, что они объединяли любителей истории, археологии, этнографии очень разного уровня и общественного положения. В составе одного губстаткомитета одновременно могли быть и генерал-адъютант, и губернский чиновник, и образованный купец, и сельский священник, и грамотный крестьянин. Так, в 1874 г. в действительные члены Вятского губернского статистического комитета были приняты одновременно два человека: генерал-лейтенант граф Г.А. Милорадович,

составивший во время проводимого им в Вятке рекрутского набора очерк «Вятка и ее достопримечательности» (автор активно занимался и научной деятельностью в области истории и генеалогии, являлся членом многих научных обществ, был председателем Черниговской ГУАК) и писарь Сизнерского волостного правления из дальнего Малмыжского уезда К. Гуляев, автор обзорно составленного и обширного статистико-этнографического описания своей Сизнерской волости.

Значительная часть членов статкомитета проживала в уездах, а не в губернском городе. Именно они и обеспечивали для комитета поступление информации непосредственно с мест. В свою очередь, для живущих в селах и уездных городах любителей старины ГСК был в тех условиях единственно возможным объединяющим научным центром, который мог опубликовать их работы, а также координировать их краеведческую деятельность.

В отличие от многих научно-исторических обществ России, возникавших в 1860 – 1880-х гг., для статкомитетов не была характерна практика проведения регулярных заседаний и обсуждения докладов. Основной формой работы в комитетах была индивидуальная творческая деятельность их членов. Тематика их научных работ не планировалась сверху, а избиралась, как правило, совершенно самостоятельно. Для статкомитетов было важно и то, что власти официально поддерживали их общественно-научную деятельность. Статус члена ГСК, имевшего официальный диплом, имел на местах большой вес для священников и учителей, мелких чиновников и писарей, защищал от враждебно настроенного порой к их занятиям окружения.

Губернские статистические комитеты стали важными опорными центрами для работы с провинцией ведущих научных обществ России того времени: императорского Русского географического общества, Московского археологического общества, Московского общества любителей естествознания и др.

Научные общества. В первой половине 1860-х гг. наиболее известным и деятельным для провинции было Русское географическое общество. Но уже со второй половины 1860-х гг. положение меняется. Появляются новые массовые научные общества, ориентированные в своей деятельности на провинцию.

Современный исследователь А.Д. Степанский предложил схему деления всех научно-исторических обществ (НИО) России того времени на две группы: 1) собственно исторические общества и 2) общества, занимавшиеся также и историей, причем обществ второго типа было подавляющее большинство. Надо помнить также, что в это время существовали и работали не только исторические и гуманитарные научные общества, но и общества другого профиля: экономические, сельскохозяйственные, естественно-научные, медицинские и т.д. Хотя, безусловно, общества гуманитарной многоцелевой направленности имели преобладающее влияние.

В целом за период 1859 – 1917 гг. в России А.Д. Степанским зафиксировано 71 научно-историческое общество, но *«активное развитие НИО началось лишь в пореформенную эпоху»*, причем в 1863 – 1904 гг. возникло 35 новых обществ, а в 1905 – 1915 гг. – 26.

Деятельность многих научных обществ перекрещивалась, интересы их совпадали, работы дополняли друг друга. Поэтому нередко одни и те же ученые состояли в нескольких научных обществах. Так было как в центре, так и в провинции. Общее число членов научных обществ составляло во второй половине XIX в. более 7 000 человек (не считая 18 000 врачей – членов медицинских обществ). В стране функционировало примерно 100 реально действующих научных обществ разного профиля. Это была значительная научная сила, превосходившая по меньшей мере вдвое число высших учебных заведений разного типа в России (к 1896 г. их было 52).

Только в ведении Министерства народного просвещения было зарегистрировано открытых до 1895 г. 85 научных обществ. Из них гуманитарную направленность и отношение к истории, археологии, этнографии, антропологии имели 36 научных обществ.

Назовем, используя данные, приводимые В.А. Бердинских, основные из них, открытые как в центре, так и в провинции к 1895 году: 1) Общество истории и древностей российских при Московском университете (осн. в 1804); 2) Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811); 3) Вольное общество любителей российской словесности в СПб

(1818); 4) Общество истории и древностей Остзейских губерний (Рига, 1834); 5) Одесское общество истории и древностей (1839); 6) Русское археологическое общество (СПб, 1846, преобр. в 1866 г.); 7) Нарвское археологическое общество (Нарва, 1863); 8) Общество древнерусского искусства при Московском публичном музее (1864); 9) Московское археологическое общество (1864); 10) Общество для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении (1864); 11) Русское историческое общество (СПб, 1866); 12) Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1868); 13) Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге (1870); 14) Историческое общество Нестора-летописца (Киев, 1872); 15) Историко-филологическое общество при Харьковском университете (1876); 16) Общество любителей древней письменности (Москва, 1877); 17) Псковское археологическое общество (1880); 18) Общество любителей истории и археологии Крыма (Симферополь, 1883); 19) Общество изучения Амурского края (Владивосток, 1887); 20) Русское антропологическое общество при Петербургском университете (1887); 21) Московское нумизматическое общество (1888); 22) Историко-филологическое общество при Новороссийском университете (Одесса, 1888); 23) Новгородское общество любителей древности (1893); 24) Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878).

В этом перечне не упомянуто самое крупное российское научное общество – Императорское Русское географическое общество, имевшее самые прочные научные связи с провинцией, а также Вольное экономическое общество, поскольку оно имело негуманитарный профиль основной деятельности.

Стоит отметить, что из 24 перечисленных обществ 7 находилось в Москве, 4 – в Петербурге, а остальные – в провинции. Москва и в научном отношении являлась лидером российской провинции.

Научные общества создавались и при университетах. Так, к концу XIX в. при Московском университете было создано 10 научных обществ, при Харьковском, Киевском и Казанском – по 5 обществ.

По данным энциклопедического словаря «Россия» к концу XIX в. в России существовало уже 340 различных научных обществ. Географически распределялись они следующим образом: Санкт-Петербург – 60, Москва – 44, Киев – 14, Варшава – 12, Одесса – 12, Казань – 9, Тифлис – 8, Рига – 6, Харьков – 6, Юрьев – 6, Саратов – 5, Нижний Новгород – 5, Омск – 5, Ярославль – 4, Вильно – 4, Калуга – 4, еще в 8 городах было по 3 общества, в 30 – по 2 и в 36 – по 1.

Если говорить о разворачивании работы научных обществ в российской провинции, то следует прежде всего выделить своего рода лидеров в этом отношении. Это три научных общества: 1) Императорское Русское географическое общество; 2) Московское археологическое общество и 3) Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Основная часть всех научных контактов губернских статистических комитетов, а затем и губернских ученых архивных комиссий во второй половине XIX – начале XX вв. приходится именно на эти три общества. В конечном счете именно они в значительной мере определили характер и направленность научной деятельности и научных занятий провинциальной интеллигенции. Остановимся более подробно на деятельности этих обществ, ориентированной на провинцию.

Русское географическое общество было создано, как уже отмечалось, в 1845 году. По мысли учредителей оно должно было стать своего рода Академией наук в области географии, статистики и этнографии. Оно должно было само разрабатывать и создавать методики исследований, организовывать сбор материалов (в том числе материалов с мест), их обработку и издание. Уже к 1860-м гг. РГО смогло стать важнейшим исследовательским центром страны.

Значительная часть секретарей губстаткомитетов была членами-сотрудниками РГО. Уже к 1870-м гг. РГО открыло свои провинциальные отделы на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири, Оренбурге, на северо-западе и юго-западе России, активно привлекая к сотрудничеству местную интеллигенцию. Все четыре отделения РГО – математической географии, физической географии, статистики и этнографии – были автономными самостоятельными научными центрами. В той или иной мере исто-

рический подход был характерен для деятельности всех отделений Общества. Но главным центром его научно-исторической деятельности стало отделение этнографии.

Именно отделение этнографии рассылало, начиная с 1847 г., свои программы и анкеты по всей стране, и прежде всего в губернские статистические комитеты. Именно оно обеспечивало широкую публикацию присланных с мест материалов. За лучшие из них провинциальные исследователи награждались медалями РГО. Так, в 1860-е гг. медалями РГО были награждены П.С. Ефименко, П.П. Чубинский, М.И. Куроптев, И.А. Голышев, Н.Н. Блинов – секретари и активисты Архангельского, Владимирского, Вятского статистических комитетов.

Отделение этнографии занималось археологической, археографической и самой разнообразной научно-исторической деятельностью, что вытекало из очень широкой трактовки задач этнографии как науки. Многие видные историки, археологи и археографы России того времени входили в руководство этого отделения. С 1848 г. его возглавлял этнограф и литератор, профессор Московского университета Н.И. Надеждин, а с 1860 г. археограф Н.В. Калачов. Характерно, что выдающиеся ученые Н.И. Надеждин, Н.В. Калачов, Н.И. Костомаров, Д.Я. Самоквасов, например, не просто работали на стыке истории, археологии и этнографии, но вносили в деятельность общества свою научную проблематику.

На всем протяжении дореволюционной истории РГО существовала и развивалась традиция работы с провинциальными корреспондентами, сохранения и публикации их материалов. Впервые (об этом уже шла речь ранее) в 1847 г. Общество разослало в губернии России более 7 000 экземпляров программы по этнографии, составленной Н.И. Надеждиным. *«План этой программы, изложенный довольно подробно, – цитировал первый выпуск «Этнографического Сборника» в своей статье в журнале «Современник» К.Д.Ушинский, – обнимал следующие предметы: наружность жителей; отличительные особенности их наречия; домашний быт; юридические обычаи; умственные и нравственные способности и образование; наконец, местные народные предания и памятники»*. Уже к началу 1852 г. было получено около 2000 ответов. Частью они были обработаны и

напечатаны в изданиях РГО (прежде всего в «Этнографическом сборнике»), частью сохранены в архиве РГО. Приведем для примера содержание первого «Этнографического Сборника», статьи которого редактировали Н.И. Надеждин и К.Д. Кавелин: «1) Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии Нижегородского уезда (помещика В. Бабарыкина), 2) Село Ульяновка, Нижегородской губернии Лукояновского уезда (священника М. Доброзракова), 3) Волость Покрово-Ситская, Ярославской губернии Моложского уезда (священника Преображенского), 4) Приход Станиславовский на Сити, (той же губернии и уезда, воспитанника семинарии А. Преображенского), 5) Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда (священника Н. Лебедева), 6) Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда (старшего учителя Воронежской гимназии П. Малыхина), 7) Село Бобровки и окружный его околоток, Тверской губернии Ржевского уезда (священника С. Разумихина), 8) Приход Остринский, Виленской губернии Лидского уезда (профессора Литовской семинарии Н. Юркевича), 9) Село Кобылья, Волынской губернии Новоград-Волынского уезда (протоиерея И. Морачевича), 10) Местечко Александровка, Черниговской губернии Сосницкого уезда (священника Г. Базилевича), 11) Домашний быт малоросса, Полтавской губернии Хорольского уезда (священника А. Иваницы)». А к 1853 г. было получено еще более 300 рукописей. Наибольшее число статей пришло из Нижегородской губернии (44), а также – из Тульской, Вятской, Тверской, Тамбовской, Воронежской, Московской и Пермской губерний. К слову сказать, именно в этих губерниях сложился сильный общественный актив губернских статистических комитетов.

В середине 1860-х гг. на места была разослана программа Н.В. Калачова по собиранию народных юридических обычаев (норм обычного права). Она стимулировала появление значительного количества работ, частично опубликованных ГСК в губернской печати. Были и другие программы. Таким образом, как в центре, так и на местах накапливался исследовательский краеведческий материал, сбор которого инициировали программы РГО.

В 1890 г. отделение этнографии РГО основало и в течение 27 лет издавало журнал «Живая старина», ориентированный на

материалы из провинции. К этому времени в провинции уже была сформирована широкая социальная база читателей и авторов этнографической и исторической литературы. Особо выделим вышедшее в 1914 – 1916 гг. в качестве приложения к журналу «Живая старина» 6-томное издание *«Материалы по этнографии, находившиеся в руках местных жителей, а также случайные записи исследователей-специалистов, касающиеся посторонних для них областей этнографии»*.

Гравюра худ. И.Я. Билибина

Академик В.Ф. Миллер (впоследствии, с 1912 г. – председатель отделения этнографии РГО; до этого, с 1881 г. возглавлял этнографическое отделение ОЛЕАЭ), выступая на XII съезде естествоиспытателей и врачей так сказал на открытии подсекции этнографии: *«Спросим себя, откуда берутся эти многочисленные работники в области этнографии, эти лица, присылающие ученым обществам свои наблюдения, записи, коллекции, обогащающие музеи. Эти скромные труженики, рассеянные по всему лицу русской земли, эти добровольцы науки... принадлежат к просвещенному классу народа, так называемой интеллигенции. Интерес к этнографическим наблюдениям поддерживается и питается в этом классе работников не одним научным влечением, а, главным образом, глубоким сочувствием к жизни низших слоев народа, сохраняющих в своем быту много переживаний старины, и высоко гуманным отношением нашего общества к инородческому населению России. Этой духовной работой нашей интеллигенции мы имеем полное право гордиться. Едва ли в какой другой культурной стране мы найдем такие кадры тружеников работающих безвозмездно, ради идеи, и поставленных притом в тяжелые материальные иногда нравственные условия».*

Серьезное влияние РГО на развитие краеведения в провинции было связано и с тем, что оно публиковало работы местных историков и исследователей в своих многочисленных изданиях, помогало им в разработке методик и т.п. В орбиту научной деятельности РГО втягивались тысячи представителей провинци-

альной интеллигенции страны. К 1917 г. Русское географическое общество имело около 1000 членов и 11 местных отделений, в том числе очень крупных, охватывающих своей деятельностью большие территории. Так, в Сибири отделения РГО играли роль основных организаций, занимающихся исследованиями в области археологии, этнографии, фольклористики, т.е. роль своеобразных центров по научному изучению края. И позже развитие краеведческого движения в Сибири будет связано прежде всего именно с отделениями РГО.

Московское археологическое общество. Несколько по другому строились взаимоотношения с провинциальной интеллигенцией и местными научными учреждениями у *Московского археологического общества*. Задачи этого научно-исторического Общества отчетливо выразил его основатель граф А.С. Уваров в своей вступительной речи при открытии Общества. Первой задачей нового Общества он поставил занятия археологией вообще, и преимущественно русской археологией. Вторую цель он сформулировал как возбуждение сочувствия в обществе к останкам старины, изучению всего касающегося произведений русского духа, русского искусства и уничтожение в населении равнодушия к этим произведениям. Третья важнейшая задача Общества заключалась в устройстве периодических археологических съездов с целью более тесного общения между учеными и возбуждения интереса к археологии в различных районах России.

Стратегической, принципиальной установкой в деятельности МАО было установление прочных двусторонних контактов с русской провинцией. Регулярными были его обращения в губ-статкомитеты, редакции «Губернских ведомостей», духовные консистории с просьбой о содействии, высылке предметов древности, обмене изданиями, указании лиц, которые могут заняться изучением древних памятников. Обращения не оставались без ответа, налаживалась прочная двусторонняя связь.

МАО смогло создать эффективную систему индивидуальной работы с провинциальными любителями истории и археологии края. Весьма известным было, например, сотрудничество с МАО в 1880-е гг. вятского учителя А.А. Спицына, который стал впоследствии одним из известнейших археологов России.

Количество членов Общества было не столь велико для общероссийского объединения, но в то же время это было самое массовое объединение провинциальных любителей истории и старины. В 1890 г. в МАО насчитывалось свыше 300 членов (в том числе 72 заграничных). Показательно, что из российских членов МАО в Москве жило 76 человек, в Петербурге – 35, а в провинции – 121 человек. За 1901 – 1915 гг. в Общество вступили 140 новых членов, и к 1915 г. в нем было, не считая почетных, 163 действительных члена, 132 члена-корреспондента и 56 заграничных. Биографический словарь членов Общества, изданный в 1915 г., включал 839 имен, причем 699 человек вступили в него до 1900 года.

В изданиях МАО помещалось множество статей по научно-исторической проблематике, значительная часть которых принадлежала провинциальным деятелям. МАО сумело подготовить из местных любителей-краеведов многих вполне профессиональных исследователей.

Система деятельности Общества предусматривала наличие двух центров: одного – в Москве, где находился Совет и руководство; другого – перемещающегося по стране подготовительного комитета будущего археологического съезда. Работа с провинциальной интеллигенцией и создание местных научных обществ велись прежде всего не в Москве, а в Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле – местах проведения археологических съездов, вовлекавших в научную работу широкие слои местной интеллигенции. Создание научно-исторического общества в Казани и попытка организации его в Ярославле явились прямым результатом проведения в них археологических съездов.

Первый археологический съезд состоялся в 1869 г. в Москве, второй – в 1871 г. в Петербурге, третий – в 1874 г. в Киеве, четвертый – в 1877 г. в Казани, пятый – в 1881 г. в Тифлисе, шестой – в 1884 г. в Одессе, седьмой – в 1887 г. в Ярославле, восьмой – в 1890 г. в Москве, затем – в Вильне, Риге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Чернигове, Новгороде и т.д. Всего с 1869 по 1911 гг. было проведено 15 археологических съездов и до первой мировой войны их регулярность не прерывалась, однако назначенный на 1914 г. съезд в Пскове уже не состоялся. Съезды стали

настоящей школой научной работы для провинциальной интеллигенции.

Остановимся для примера на проведении VII археологического съезда в Ярославле (6 – 20 августа 1887 г.), первого съезда после кончины основателя МАО и инициатора проведения съездов А.С. Уварова. Определяя город, где желательно было бы подготовить съезд, писала потом П.С. Уварова, *«остановились на Ярославле, во-первых, как городе, имеющем высшее учебное образовательное учреждение, во-вторых, расположенном поблизости от Москвы, что немного облегчит работу подготовительного комитета...; и в-третьих, потому, что храмы Ярославля и близлежащего Ростова требуют особого изучения и внимания со стороны ученых и художников»*. На съезде были рассмотрены наиболее важные в тот период для провинции научные проблемы: о формировании археологических коллекций в России (Д.Н. Анучин), проблемах исторической географии (Д.И. Багaley), создании провинциальных музеев (П.С. Уварова), о деятельности губернских ученых архивных комиссий (И.И. Дубасов), о крупных археологических раскопках и многое другое. По сути дела, на съезде подводились итоги определенного этапа археологической деятельности на местах. Д.Н. Анучиным был сделан анализ раскопок А.А. Спицына в Вятской губернии, Ф.Д. Нефедова в Оренбургской и Самарской губерниях, где он раскопал около 70 курганов. А.С. Гациский рассказал о раскопанном им Колычевском городище и поездке на реку Сить. Стоит отметить, что все перечисленные раскопки проводились местными археологами по поручению МАО специально к VII съезду и финансировались Московским археологическим обществом.

На VII съезде было принято решение о создании Ярославского общества археологии и этнографии. Сочувствие ярославской общественности к проводимому съезду проявилось в разных формах. *«Более других заинтересовались съездом и его выставкой И.А. Шляков и А.А. Титов, – вспоминала П.С. Уварова, – которые не только поработали для их местного съезда, но и сохранили о нем добрую память и остались верны и благорасположены к Московскому археологическому обществу и устраиваемым им съездам до конца своей жизни»*. Внимание к

съезду выразилось и в предоставлении частных коллекций для выставок на нем (например, значительной коллекции купца Ф.В. Москательникова), и крупных пожертвованиях для научных целей. Ярославский купец С.Н. Сорокин пожертвовал 5 000 рублей на издание трудов VII съезда. Само же проведение съезда в Ярославле обошлось в 2 496 рублей.

Обозревая деятельность первых 12 археологических съездов в России (1869 – 1902), руководитель МАО графиня П.С. Уварова в качестве особой заслуги Общества отмечала что из 12 съездов только три прошли в столицах, а остальные девять в провинции. По ее мнению, МАО завязало прочные связи с провинциальным обществом, нашло на местах исследователей и направляло их деятельность, обеспечило общение этих тружеников со столичным научным миром.

Подготовка и проведение археологических съездов позволили МАО стать авторитетным всероссийским научным центром. По всей стране съезды стали, по выражению историка, археолога и археографа И.Е. Забелина, *«пробудителями общего сочувствия именно к местной, областной старине, что особенно важно и дорого»*. Целенаправленный курс Общества (как при А.С. Уварове, так и после его смерти в 1884 г., когда во главе Общества стала его жена П.С. Уварова) на изучение малоисследованной русской провинции позволил сосредоточить в МАО множественный материал о раскопках в Смоленской, Нижегородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Тамбовской и ряде других губерний. Общество финансировало, пусть в небольшом объеме, деятельность ряда местных археологов: А.Ф. Лихачева и И.А. Износкова в Казани; А.А. Спицына и Н.Г. Первухина в Вятке; Ф.А. Теплоухова в Перми, а также ряда других провинциалов-любителей.

Наиболее массовый приток молодых, энергичных ученых-профессионалов и историков-любителей (надо отметить, что Общество вело не только археологическую, но и широко направленную научно-историческую деятельность) в состав МАО, ставших его основой и костяком, происходил в 1860 – 1880-е гг. К началу XX в. вместе с основоположниками произошло постарение и значительной части членов Общества. Процесс обновления его состава резко замедлился.

Показательно, что такие же процессы происходили и в составе губернских статистических комитетов: формирование общественного краеведческого актива, на плечах которого, по сути дела до самого 1917 г. лежала основная научно-историческая работа в провинции, пришлось на 1860 – 1880-е гг. В начале XX в. эти же люди входили в состав местных научных обществ и ученых архивных комиссий.

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Любителей истории своего края вовлекали в орбиту своей деятельности (в разной степени) не только специализированные исторические, но и естественно-научные, экономические, сельскохозяйственные, медицинские центральные общества. Деятельность некоторых из них была многопрофильна и включала занятия этнографией или историей. Прежде всего это касается работы одного из самых крупных научных обществ России второй половины XIX – начала XX вв. – *Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете* (до 1867 г. называлось – *Общество любителей естествознания*). Открытое 15 октября 1863 г. Общество определило в качестве важнейшего направления своей работы организацию и проведение Всероссийских выставок. Возглавляли Общество известные ученые: в 1864 – 1884 гг. – геолог Г.Е. Щуровский, в 1886 – 1889 гг. – антрополог А.П. Богданов, в 1889 – 1890 гг. – фольклорист-филолог В.Ф. Миллер, в 1890 – 1923 гг. – антрополог, этнограф, археолог и географ Д.Н. Анучин.

Первым крупным мероприятием Общества стала организация и проведение в Москве в 1867 г. Всероссийской этнографической выставки. Эта выставка, как и все последующие выставки Общества, стала важнейшим событием в истории русской этнографической науки. В конце 1864 г. был создан подготовительный комитет этой выставки. Он планировал сбор материала для нее путем отправки специальных экспедиций в разные губернии России. За два года были обследованы губернии Северной, Центральной и Южной России. Идею выставки широко поддержала и местная администрация через губернские статистические комитеты. ГСК сумели организовать отбор и отсылку на выставку значительного количества местных экспонатов. Для этого проводился сбор экс-

понатов в уездах, а также привлекались уже сложившиеся коллекции местных любителей-краеведов.

Выставка имела огромный успех. На местах же подготовка этой и последующих выставок Общества давала толчок коллекционерской, собирательской работе местных любителей, стимулировавший формирование губернских музеев. Статистические комитеты стали более активно заниматься музейной деятельностью.

Отметим еще, что переданные в Румянцевский публичный музей коллекции этнографической выставки послужили основой для создания первого русского Этнографического музея. В 1872 г. Общество любителей естествознания к 200-летию со дня рождения Петра I устроило Политехническую выставку, собравшую экспонаты и коллекции со всей России. Затем они послужили основанием Музея прикладных знаний (в будущем – Политехнического музея). Таким же образом в 1879 г. была проведена Антропологическая выставка, которая стала базой для Антропологического музея при университете.

Помимо этнографической направленности научных интересов Общества можно выделить и археологический аспект его деятельности. Таким образом, Общество устанавливало широкие контакты с местными любителями, научными обществами, губстаткомитетами не только с целью формирования этнографических коллекций, но и по линии археологических раскопок и коллекций.

Археологическая комиссия. На развитие краеведения в конце XIX – начале XX вв. оказала влияние деятельность *Императорской археологической комиссии* (1859), Комиссии по сохранению древних памятников при Московском археологическом обществе и Общества древнерусского искусства. В 1889 г. по императорскому указу Археологическая комиссия получила исключительное право на реставрацию памятников старины и археологические раскопки. Деятельность комиссии заметно активизировалась в 1901 г., когда при ней была создана Реставрационная комиссия, которая, как и Комиссия по сохранению древних памятников МАО, специализировалась на решении вопросов, связанных с памятниками архитектуры. Организатором работы комиссии был архитектор П.П. Покрышкин, а в состав ее входили

Н.И. Веселовский, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский. Уже через несколько лет она вместе с действовавшей параллельно Комиссией по сохранению древних памятников МАО контролировала подавляющее большинство работ по архитектурным памятникам в стране. Как и Комиссия МАО, Реставрационная комиссия ИАК пользовалась услугами своих провинциальных членов или же местных любителей старины, пользовавшихся доверием ИАК. Работы на памятниках поручались опытным профессионалам, квалифицированным деятелям губернских статистических комитетов, ученых архивных комиссий и научных обществ. Благодаря их усилиям были восстановлены и реставрированы многие произведения древнерусской архитектуры и живописи, открыты археологические памятники. В практику вошла выдача «открытых листов», дающих право проводить археологические раскопки.

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В 1910 г. было создано Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Председателем его был избран великий князь Николай Михайлович, товарищами председателя А.Н. Бенуа и Е.Н. Волков (управляющий кабинетом его величества), секретарем – Н.Н. Врангель. В уставе Общества говорилось: *«Общество имеет своей целью защищать памятники искусства и старины, имеющие художественное, бытовое и историческое значение, от разрушения и искажения, а также сохранять их в России»*. Реализовать эти цели для Общества было достаточно сложно, поскольку у него было мало возможностей влиять на принимаемые решения в области охраны и реставрации памятников, да и средства его были весьма ограничены. Нам же особенно важно отметить факт появления вскоре после организации Общества его провинциальных отделений или филиалов в Смоленске, Туле, Казани, Орле, Рязани, Вильно, Ярославле и Ростове-Ярославском. Коллективным членом Общества стало Псковское археологическое общество. Общество защиты способствовало тому, чтобы в этих городах постепенно, по мере накопления опыта, складывалась научная теория реставрации памятников.

Крупные научные общества России оказывали значительное влияние на провинцию всей своей деятельностью. Во второй половине XIX – начале XX вв. провинция старалась скопировать их

опыт, структуру и основные направления деятельности в местном масштабе. По образцу Московского Общества любителей естествознания были созданы общества естествоиспытателей и при других университетах России: в Петербурге, Киеве, Казани, Харькове, Одессе, более или менее регулярно собиравшие съезды естествоиспытателей. Для провинции большое значение имела деятельность с 1882 г. Уральского общества любителей естествознания (Екатеринбург), главной задачей которого было изучение Урала, а также Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, основанного в 1878 году.

Формирование и расширение сети научных обществ в провинции было одной из характерных черт развития науки в пореформенный период. Еще в начале 1860-х гг. министр народного просвещения А.В. Головин констатировал, что *«число научных обществ весьма ограничено, большая часть их находится в столицах и в северо-западных губерниях, в остальных же частях России их почти вовсе нет»*. В последней четверти XIX в. в провинции существовало уже более двух третей всех научных обществ страны. В середине 1890-х гг. они работали более чем в 100 городах России, включая и уездные. Как правило, они были невелики по количественному составу и ограничены по материальным возможностям, но именно они позволили ощутимо продвинуться в изучении страны и ее отдельных регионов в самых разных направлениях: истории, археологии, этнографии, фольклора, природной среды и полезных ископаемых, экономической и культурной жизни населения.

На первом плане в деятельности губернских статистических комитетов, научно-исторических обществ и возникших в 1880-е гг. губернских ученых архивных комиссий находились история, археология, этнография и археография. В какой-то степени эти науки проникали и в деятельность возникавших в провинции естественно-научных обществ и многопрофильных обществ по изучению местного края.

Здесь можно упомянуть многостороннюю деятельность Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении. Создано оно было в 1864 г. под председательством профессора ботаники Демидовского лицея А.С. Петровского и занималось главным образом изучением фло-

ры и фауны края. Особенно выделялась группа энтомологов, собравшая весьма представительную коллекцию.

Естественно-научное направление в изучении края преобладало в деятельности Общества естествоиспытателей и любителей естествознания при Саратовском университете (1895), Пензенского общества любителей естествознания (1905), Рыбинского научного общества (1909) и др.

Научные общества по изучению местного края. Наряду с однопрофильными научными обществами в это время возникают общественные организации с задачами всестороннего исследования края, так называемые «*научные общества по изучению местного края*». Они стали появляться в губернских городах – центрах научной и культурной жизни того или иного региона.

Стремление провинциальной интеллигенции изучать край во всем его многообразии проявилось в организации и деятельности: Петровского общества исследователей Астраханского края (1872), Общества изучения Амурского края (Владивосток, 1887) Общества для изучения Тобольской губернии (1890), Общества любителей исследований Алтая (1891) Архангельского общества по изучению русского Севера (1908), Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1908), Вологодского общества изучения северного края (1909), Костромского научного общества по изучению местного края (1912).

Сотрудниками этих общественных краеведческих организаций являлись преимущественно преподаватели вузов, учителя, общественные деятели, агрономы, купцы, врачи, художники, студенты и учащиеся гимназий и духовных училищ, т.е. прежде всего представители местной интеллигенции, хотя в их составе встречались и представители крестьян, рабочих и ремесленников. Организация научных обществ с целью многостороннего исследования края и участие в них представителей различных социальных слоев означали качественно новое состояние отечественного краеведения.

Остановимся для примера на деятельности Костромского научного общества по изучению местного края, открытого 5 мая 1912 г. и ставившего своей целью «*изучение Костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, этно-*

графическом, культурном и прочих отношениях, ... а также распространение естественно-исторических знаний и научных сведений». Уже в 1913 г. в Обществе было зарегистрировано 265 человек и работа его велась по секциям. Появились архив и музей общества, было начато анкетирование уездов для изучения губернии в естественно-историческом отношении. До 1917 г. КНОИМК опубликовало 8 выпусков своих «Трудов». В 1916 г. в Обществе было зарегистрировано 310 действительных членов, причем 164 из них проживали за пределами губернского центра, в уездах.

Стоит отметить один примечательный момент. В 1915 – 1916 гг. КНОИМК совместно с Ярославским естественно-историческим Обществом выступило инициатором объединения деятельности северных провинциальных научных обществ. Первое общее собрание представителей северных научных обществ состоялось в Ярославле 3-4 января 1916 г. На нем было решено в качестве первого шага к объединению созвать в Вологде в 1917 г. съезд представителей северных обществ – Архангельской, Вологодской, Владимирской, Вятской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Пермской, Тверской и Ярославской губерний. Однако события 1917 г. не дали возможности практически осуществить эту перспективную идею.

Церковно-археологические и исторические общества. Особо следует сказать еще об одной категории объединений, связанных с изучением истории края и краеведческой деятельностью. В 1850 г. в Святейший Синод было представлено «Предположение» об устройстве церковно-археологических комитетов для приведения в известность церковно-исторических материалов. С 1869 г. в программу обучения в духовных академиях была введена археология. А в 1880 – 1890-е гг. началось создание особых церковно-археологических обществ и комитетов, сыгравших значительную роль в охране религиозных памятников местного края. Это – Подольский епархиальный историко-статистический комитет (1863), Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии (1872), Нижегородская церковно-археологическая комиссия (1887), Могилевский археологический историко-статистический комитет (1888), Новгород-

ское и Воронежское церковно-археологические общества (1890) и другие. Всего до 1900 г. было создано 16 такого рода учреждений.

Особенно заметный рост числа церковно-археологических обществ и комитетов наблюдался с 1914 г., когда при Синоде была создана Архивно-археологическая комиссия и одновременно принято решение о создании соответствующих обществ во всех губернских городах. Уже в 1914 г. число церковно-археологических обществ в России выросло до 40. Так, в 1912 г. было создано Костромское церковно-историческое общество. Как явствовало из его устава, общество имело целью *«изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии в ее прошлом и настоящем, обследование, хранение и собирание памятников местной церковной древности и истории»*. При обществе был открыт музей, который располагался на территории Ипатьевского монастыря, в «Палатах бояр Романовых». Фонды его комплектовались преимущественно за счет поступлений предметов церковной старины из разных монастырей Костромской губернии.

Движение за создание особых научных церковно-исторических учреждений, древлехранилищ и музеев стало развертываться в епархиях еще с 1890-х гг. К 1917 г. в 64 епархиях было 43 древлехранилища при различных церковных организациях, семинариях, духовных академиях, из них 14 древлехранилищ – при церковных братствах.

В числе первых был создан по инициативе энергичного архангельского епископа Нафанаила II (Соборова) Архангельский Епархиальный церковно-археологический комитет с древлехранилищем (1886). С 1887 по 1891 гг. Комитет существовал под именем «Комиссии» или «Совета попечительства по собиранию и хранению памятников церковной древности Архангельской епархии», а хранилище древностей помещалось в архиерейском доме. Древлехранилище располагало архивом и библиотекой Антониево-Сийского монастыря – *«более 25000 отдельных документов XV – XVIII вв. и 359 книг XVIII в.»* С 1891 г. Комиссия была преобразована в Комитет, а древлехранилище перенесено в Михайло-Архангельский монастырь. В 1905 г. был разработан Устав Комитета, утвержденный Святейшим Синодом.

Как правило, сначала возникали церковно-исторические общества и комитеты и только потом они создавали свои музеи и древлехранилища. По-иному получилось в Тульской губернии. Здесь еще в 1886 г. было создано Тульское епархиальное древлехранилище, и только в 1898 г. при нем возникло Историко-археологическое товарищество с широкой исследовательской программой *«для изучения всяких, а преимущественно церковно-археологических памятников Тульского края»*. Товарищество издавало свой научный сборник «Тульская старина» (за 1899 – 1911 гг. вышло 22 выпуска). Характерно, что все исторические исследования, публикуемые в сборнике, должны были предварительно появляться на страницах «Тульских епархиальных ведомостей».

Отметим также в числе первых Владимирское церковно-историческое древлехранилище при Братстве святого Александра Невского (1886), где имелось 350 рукописей XV – XVIII вв., а также Воронежский церковно-историко-археологический комитет с древлехранилищем, библиотекой и архивом (1890), издавший 14 томов «Воронежской старины». Церковно-археологическая комиссия при Вологодском епархиальном древлехранилище, созданная в 1896 г. под председательством Н.И. Суворова, издала 13 выпусков сборника документов «Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище» (1899 – 1917 гг.). В Тверском древлехранилище, открытом в 1902 г. при епархиальном историко-археологическом комитете, находились 4 рукописных Евангелия XV – XVI вв., Апостол XV в., старопечатные книги XVII века. Новгородское древлехранилище, созданное в 1913 г. при церковно-археологическом обществе, владело уникальной коллекцией икон Новгородской школы. По мнению Синода древлехранилища учреждались *«для собирания местных исторических памятников и для развития в местном обществе, в духовенстве и среди воспитанников духовно-учебных заведений археологического интереса и знаний»*. Они оказали благотворное влияние на разработку исторических памятников, относящихся к истории России и местного края, в частности к краеведческому аспекту истории русской церкви.

Губернские ученые архивные комиссии. Губернские статистические комитеты второй половины XIX в. создали краеведческий актив в губерниях России, которому к 1880-м гг. становилось тесно в рамках государственных учреждений, каковыми являлись ГСК. Провинциальные научные общества возникали на губернском уровне далеко не часто и не везде. Разрешение ситуации было связано с созданием научных обществ нового типа – губернских ученых архивных комиссий, причем обеспечили их появление во многом именно губернские статистические комитеты. Характерно, что в тех губернских центрах, где с 1890-х гг. существовали одновременно статистический комитет, научно-историческое общество и архивная комиссия, активным ядром всех этих учреждений были одни и те же люди, как правило, 5 – 10 человек. Невелик был круг просвещенных любителей края в провинции.

*Сергиев-Посад.
Гравюра худ. В.А. Фаворского*

«Статистические комитеты, – отмечает В.П. Макарихин, – явились своего рода подготовительным курсом для многих сотрудников губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) и их председателей». Надо, правда, указать, что широкая направленность научной деятельности статкомитетов (история, археология, этнография) в ученых комиссиях стала меняться на более узкую (хотя и более профессиональную) научно-исследовательскую деятельность с отчетливым уклоном в археографию. Кроме того, за 1884 – 1916 гг. была открыта 41 ученая архивная комиссия, а в то же время статистические комитеты продолжали существовать во всех губерниях России. В Самаре, например, статистический комитет по существу подменил собой ученую архивную комиссию.

Инициатором создания губернских ученых архивных комиссий был выдающийся русский ученый-археограф Н.В. Калачов, который выступил в 1870-е гг. с проектом реформы архивного дела в России на основе его централизации. Однако, не дойдя до рассмотрения в правительстве, проект его был отклонен на уровне министерства финансов, которое сочло его несвоевременным по состоянию государственного казначейства. Для того чтобы хоть в какой-то мере способствовать спасению местных документов от гибели, Н.В. Калачов предложил создавать комиссии из местных любителей старины для собирания архивных материалов и создания исторического архива.

Впервые идею создания при областных и губернских архивах особых исторических обществ, предназначенных для разбора местных документов и спасения наиболее ценных из них, Н.В. Калачов высказал на III Археологическом съезде, проходившем в Киеве в 1874 году. При обсуждении доклада Н.В. Калачова участники съезда высказались за расширение сферы деятельности губернских научных обществ. Так, председатель МАО граф А.С. Уваров предложил, чтобы губернские общества *«не вдавались в одностороннее изучение только одного архивного материала»*, но изучали также вещественные памятники старины.

Н.В. Калачову пришлось предпринять немало усилий, чтобы довести свою идею до уровня практической реализации. Он добился поддержки министров внутренних дел и юстиции, одобре-

ния своего предложения Академией наук и, в конечном счете, согласия Комитета министров на реализацию проекта. 13 апреля 1884 г. император Александр III утвердил «Положение о губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях», определявшее состав, функции и обязанности ГУАК.

Основной целью создаваемых научных обществ являлось собирание и приведение в порядок не требующихся для текущего делопроизводства документов и создание на их основе губернских исторических архивов. В их обязанности входили: а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению для выделения из их числа тех, которые представляют научный интерес и подлежат передаче в исторический архив; б) составление к таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для научных занятий. Кроме того, допускалась возможность включить в круг занятий комиссии *«разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины»*. Состав определялся из числа служащих и не состоящих на службе лиц, могущих *«быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу»*. Отчеты о своей деятельности ГУАК должны были предоставлять в Археологический институт, директор которого направлял их в Академию наук.

Н.В. Калачов с 1877 г. являлся директором императорского Археологического института, и созданные в губерниях архивные комиссии до 1912 г. находились в подчинении этого института. Затем они были переданы под руководство Русского исторического общества (РИО).

Практическая работа по созданию ГУАК началась уже весной 1884 г. после выхода в свет 6 мая специального циркуляра министра внутренних дел, предназначенного губернаторам. В нем говорилось, что в виде опыта в Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях учреждаются ученые архивные комиссии и исторические архивы.

Правила, на основании которых учреждались комиссии (обозначенные в упомянутом циркуляре министра внутренних дел губернаторам), давали комиссиям некоторые права на инициативную работу. В них оговаривалось, что архивные комиссии, *«независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным*

обстоятельствам, включить в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины». Однако права комиссии на исследовательскую работу и собственные научные выводы правилами не предусматривались.

Надо сказать, что деятельность создаваемых комиссий во многих случаях приобретала гораздо более широкий содержательный характер, чем тот, который был обозначен в Положении и циркуляре министра внутренних дел. Так, подводя итоги двадцатипятилетней деятельности Рязанской ГУАК, ее председатель С.Д. Яхонтов в 1909 г. говорил: *«Комиссия давно перестала жить тем, что обозначено словом архивная... Мы делаем, однако ж, науку, мы делаем дело ученое...»*.

Губернские ученые архивные комиссии создавались прежде всего там, где деятельностью статкомитетов был сформирован значительный краеведческий актив. В 1884 г. комиссии были открыты в Орле, Тамбове, Рязани, Твери; в 1885 г. – в Костроме; в 1886 г. – в Саратове; в 1887 г. – в Нижнем Новгороде, Оренбурге, Симферополе; в 1888 г. – в Перми; в 1889 г. – в Ярославле; в 1891 г. – в Калуге. А впоследствии ГУАК были открыты в Симбирске, Владимире, Воронеже, Пензе, Екатеринославе, Полтаве, Вятке, Витебске и ряде других городов. Очевидно преобладание в этом списке городов центра Европейской части России, где активно проявляла себя провинциальная интеллигенция со сформированным интересом к истории и культуре своего края. Так, возникшая в 1885 г. Костромская ГУАК объединила костромских краеведов и сыграла важнейшую роль в деле изучения Костромского края, создав основу для появления позже Костромского научного общества по изучению местного края. Костромская ГУАК обеспечила создание в городе исторического архива, организацию музея и библиотеки. Она установила контакт со многими научными учреждениями России (Академией наук, РГО и т.д.). Весьма примечателен рост членов комиссии: если в 1896 г. в нее входил 121 человек, то в 1904 г. – уже 301). И это явление было достаточно характерно для многих ГУАК, особенно центра Европейской России.

Состав ГУАК. Состав комиссий, как и состав статкомитетов, был по преимуществу разночинный и состоял из представителей местной интеллигенции. Вот как выглядел, например, пер-

воначальный состав Тамбовской ГУАК, открывшейся 12 июня 1884 г. (первая ГУАК – Орловская открылась 11 июня). Председателем комиссии был назначен директор Екатерининского учительского института И.И. Дубасов. Товарищем председателя стал А.П. Муравьев, занимавший должность председателя Тамбовского окружного суда. Правителем дел был избран преподаватель гимназии В.В. Соловский. Непременным попечителем Тамбовской ГУАК стал губернатор А.А. Фредерикс. Действительными членами комиссии были утверждены: управляющий государственными имуществами Тамбовской губернии А.К. Горецкий, преподаватель гимназии М.П. Григоровский, инспектор классов Александринского института благородных девиц К.Р. Вернадер, исполняющий обязанности директора реального училища В.А. Заринский, законоучитель реального училища Г.В. Хитров, помощник классного наставника гимназии А.И. Сатин, бывший городской голова Д.И. Тимофеев, председатель Тамбовской губернской земской управы Л.В. Вышеславцев, исполняющий обязанности инспектора духовной семинарии Д.Н. Астров, заведующий приходским училищем Н.В. Быстров, архитектор А.И. Карапетов, врач Н.А. Покровский, старший нотариус окружного суда М.Г. Розанов, директор гимназии И.Ф. Тихий, исполняющий обязанности инспектора гимназии Г.М. Холодный. Несколько позже в состав комиссии вошли и иногородние члены: начальник отделения Московского архива Министерства юстиции И.Н. Николаев, библиотекарь Московского Главного архива Министерства иностранных дел И.Ф. Токмаков, священник из Козлова Ф.П. Пацюков, бывший штатный смотритель Козловского уездного училища П.И. Пискарев. Как видно, из 23 человек состава Тамбовской ГУАК первого года ее существования большинство составляли представители местной интеллигенции (в основном преподаватели училищ и гимназий), два члена были духовного звания и четверо представляли городскую администрацию.

Количество членов ГУАК по мере развертывания их работы постоянно росло по восходящей линии. В той же Тамбовской ГУАК в 1884 г. насчитывалось 23 человека, в 1885 г. их было 39, в 1886 г. – 46, в 1887 г. – 87, в 1889 г. – 153, в 1901 г. – 165, в 1904 г. – около 200 (к 1915 г. численность ее сотрудников соста-

вила более 300 человек). В Нижегородской ГУАК при ее открытии осенью 1887 г. состояло 20 человек, а к осени 1912 г. она насчитывала уже 330 членов (154 местных и 176 иногородних). Весьма показателен рост числа членов Костромской ГУАК: в 1896 г. – 121 человек, в 1897 г. – 135, в 1898 г. – 152, в 1899 г. – 185, в 1900 г. – 194, в 1901 г. – 224, в 1902 г. – 257, в 1903 г. – 257, в 1904 г. – 301 человек.

Надо сказать, что к началу XX в. темпы роста членов ГУАК несколько замедлились, поскольку стал действовать тот же фактор, который тормозил увеличение состава ГСК и местных научных обществ. По данным, приведенным на II областном археологическом съезде в Твери, членство в различных ГУАК на 1903 г. выглядело следующим образом: Орловская ГУАК – 170 человек, Костромская – 250, Таврическая – 128, Нижегородская – 244, Оренбургская – 110, Пермская – 125, Ярославская – 177, Симбирская – 157, Екатеринославская – 63. Опять же весьма показательна динамика членского состава Костромской ГУАК, который по сравнению совсем с недавним временем начал заметно сокращаться: в 1907 г. членов комиссии было 248 человек, в 1908 г. – уже 197, а в 1909 г. – 176.

Сотрудники губернских ученых архивных комиссий подразделяли деятельность своих общественных учреждений на внутреннюю, связанную с выполнением их основных функций и научными задачами, и внешнюю, направленную на популяризацию и пропаганду знаний по истории своего края.

Архивная деятельность ГУАК. Главным направлением «внутренней» деятельности ГУАК было сохранение от гибели исторических материалов, приведение их в порядок и научная обработка. Все это реализовалось в создании исторического архива. Кроме архивов различных губернских и уездных учреждений, комиссии обследовали и обрабатывали фамильные и частные архивы, добывали документы, связанные с историей края, из центральных архивов и даже из-за границы.

Местные архивы, деятельность которых ГУАК должны были поднять на более высокий уровень, находились далеко не в лучшем состоянии, изменить которое в общем и целом создаваемые комиссии вряд ли могли. В 1914 г. императорское Русское Историческое общество (РИО) поставило вопрос об упорядочении де-

ла хранения архивных материалов в губернских ученых архивных комиссиях и создало для выяснения этого вопроса особую комиссию. Она провела обследование архивных комиссий анкетным путем и выяснила, что *«из 2500 архивов, в которых было проведено обследование, только 900 находятся в сносных условиях, 500 хранятся в помещениях, совершенно неудовлетворительных, и во многих архивах наблюдается бесследная пропажа целых архивных фондов»*. На этом фоне роль губернских ученых архивных комиссий по спасению архивных источников, безусловно, росла.

6 – 8 мая 1914 – г. состоялся Первый съезд представителей ГУАК, созванный по инициативе Русского исторического общества. В повестку дня съезда были включены весьма важные для ГУАК вопросы: порядок производства осмотров местных архивов и необходимое состояние архивных помещений; полномочия ГУАК и процедуры, связанные с ревизией архивов, отбором дел, уничтожением старых дел; материальное положение архивных комиссий и должностные лица при них; создание центральных (в губернских городах) исторических архивов; объединение деятельности ученых архивных комиссий.

На съезде особо был поднят вопрос о значении документальных материалов, выявляемых и сохраняемых на местах для деятельности ученых-историков. В первый же день работы съезда об этом говорил в своем выступлении С.Ф. Платонов: *«Я хотел бы, как общий историк России, сказать, что местные материалы, и чем дальше, тем больше, получают в общенаучном обороте все большую и большую важность. Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни. Надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять, как должно, явления местной социальной или даже государственной жизни... Я хочу сказать, что местные документы, какими бы они на первый взгляд ни казались мелкими и ничтожными, составляют первостепенную научную важность в глазах историка. Они представляются такой же драгоценностью русского государства и общества, как и фонды центральных архивов...»*.

В связи с этим деятельность ГУАК по выявлению, отбору и спасению древних (да и не только древних) документов приобретала все большее значение.

Общая масса документов, сохраненных и опубликованных комиссиями, была столь велика, что подсчитать и перечислить их не представлялось возможным. За двадцать пять лет существования Рязанской ГУАК было разобрано 223 099 дел, из них оставлено на хранение 15 983 дела, т.е. немногим более 7%. Нижегородская комиссия к 1912 г. в трех башнях Нижегородского кремля собрала 113 328 дел, а в дальнейшем, утратив счет, измеряла объем архива длиной полков в башнях (1 верста и 125 сажен). Саратовская ГУАК за двадцать пять лет собрала более 30 000 архивных дел, Симбирская – около 5000. Тверская архивная комиссия к 1900 г. обработала 70 480 дел, из них 6 728 были отобраны в архив комиссии (т.е. около 9%). Таким образом архивные комиссии сберегали ценнейшие архивные источники, особенно важные для изучения своего края.

Издательская деятельность ГУАК. Весьма активной была издательская деятельность ГУАК. Из 41 губернской или областной комиссии, открытых до 1917 г., свои труды в виде сборников и отдельных изданий выпускали 29 комиссий. Сборники носили название «Трудов», «Известий» или «Действий». Малыми тиражами комиссии периодически выпускали свои журналы заседаний и отчеты. Об издательской деятельности комиссий могут свидетельствовать следующие данные: Тверская ГУАК (осн. в 1884 г.) – 101 издание (все отдельные); Рязанская (1884) – 99 изданий (54 сборника и 45 отдельных изданий); Тамбовская (1884) – 74 издания, из них – 40 сборников; Орловская (1884) – 84 (58 сборников и 16 отдельных); Костромская (1885) – 36 (6 сборников и 30 отдельных); Саратовская (1886) – 44 (26 сборников и 18 отдельных); Нижегородская (1887) – 70 (46 сборников и 24 отдельных); Таврическая (1887) – 59 (57 сборников и 2 отдельных); Оренбургская (1887) – 38 (35 сборников и 3 отдельных); Пермская (1888) – 27 (12 сборников и 15 отдельных); Ярославская (1889) – 37 (13 сборников и 24 отдельных); Калужская (1891) – 22 (все сборники); Симбирская (1895) – 44 (все отдельные); Черниговская (1896) – 11 (10 сборников и 1 отдельное); Бессарабская (1898) – 3 (все сборники); Владимирская (1898) – 57 (18 сборни-

ков и 39 отдельных); Воронежская (1900) – 13 (4 сборника и 9 отдельных); Пензенская (1901) – 3 (все сборники); Екатеринославская (1903) – 10 (все сборники); Курская (1903) – 2 (все сборники); Полтавская (1903) – 38 (15 сборников и 23 отдельных); Вятская (1904) – 44 (все сборники); Новгородская (1904) – 1 (сборник); Витебская (1908) – 11 (6 сборников и 5 отдельных); Смоленская (1908) – 6 (4 сборника и 2 отдельных); Иркутская (1911) – 3 (все сборники); Тульская (1913) – 2 (все сборники); Псковская (1916) – 1 (сборник); Якутская (1916) – 1 (сборник).

Особенно плодотворной была издательская деятельность комиссий Волго-Окского региона и юга Европейской части России. Наибольшее число изданий (без учета журналов и отчетов) обеспечили архивные комиссии, возникшие в первые годы их существования: Тверская – 101, Рязанская – 99, Тамбовская – 74, Нижегородская – 70, Таврическая – 59, Владимирская – 47. Из комиссий, возникших в начале XX в., наиболее активными оказались Вятская – 44 и Полтавская – 38.

Наиболее крупные и содержательные труды, как правило, издавались в виде отдельных книг. Какими же были по характеру отдельные издания ГУАК? Публикации архивных источников и документов заняли 14% отдельных изданий ГУАК. Публикации очерков, описаний и исторических исследований составили 18,8%. Остальное приходилось на каталоги, указатели, путеводители, отчеты, мемуарные публикации, археологические публикации, юбилейные и памятные сборники и т.д. Другими словами, публикации, не связанные непосредственно с архивными источниками, составляли основную часть изданий архивных комиссий.

Довольно сложно обозреть все публикации в сборниках ГУАК, поскольку даже в тех 493 сборниках, сведения о которых приводились выше, содержится около 6 000 статей. Но можно для примера рассмотреть сборники некоторых комиссий.

Так, шесть выпусков сборника «Костромская старина» включали 51 публикацию, в том числе 11 публикаций архивных документов (21% от общего числа публикаций). Примерно 26% составляли исследования-очерки, 10% – археологические публикации, 16% – церковно-религиозные материалы и т.д. Более 40% включали описи, описания коллекций документов и указатели.

Другой пример. «Действия» Нижегородской ГУАК (46 выпусков) содержали 373 статьи различного объема, где 43,4% – публикации архивных документов, 41,8% – исследования-очерки, археологические публикации – 2,1%, материалы церковно-религиозного характера – около 8%.

Вполне очевидно, что архивные комиссии, безусловно, перешагнули уровень чисто «архивный» и активно «делали науку».

Оценивая вклад ГУАК в развитие отечественной исторической науки, следует отметить, что они не создали обобщающих трудов по истории России. Это объясняется прежде всего тем, что губернские архивисты изучали не историю страны, а историю своих губерний и регионов, историю своего края. Они стремились, во-первых, как бы «прописать» в общерусской истории свой край и выделить моменты его особой роли в истории России. Во-вторых, это объясняется тем, что деятели ГУАК большое время тратили на работу с архивными документами. Это способствовало развитию эмпиризма, накладывавшего отпечаток на научные труды. В-третьих, надо учитывать влияние на них позитивистской методологии, господствовавшей в то время в исторической науке. Провинциальные историки не только восприняли идеи этой методологии, но и сумели выпукло продемонстрировать ее сильные стороны. Прежде всего это проявилось в усиленной работе с историческими источниками, в постоянном поиске новых исторических фактов.

ГУАК поддерживали тесные контакты с университетами и научно-историческими обществами, что содействовало поддержанию должного научного уровня в их деятельности.

Архивные комиссии внесли большой вклад в развитие местных краеведческих исследований. Значительное место они уделили изучению древнейшего, «доисторического» периода в истории своего края. Главным источником информации о нем были археологические раскопки.

Археологическая деятельность ГУАК. Почти все архивные комиссии вели археологические раскопки на территории своих губерний, а иногда и соседних. Тверские архивисты вели раскопки у д. Савинские горки (В.А. Плетнев). А.А. Спицын руководил раскопками на Юрьевецком городище Старицкого уезда. П.С. Уварова обобщала археологические данные по Тверской гу-

бернии. Была создана археологическая карта Тверской губернии, в разработке которой приняли участие многие члены Тверской ГУАК.

Раскопками в Ярославской губернии плодотворно занимались члены ЯГУАК В.А. Городцов (самое крупное его исследование «Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях села Великого Ярославской губернии и уезда». Ярославль, 1898), И.А. Тихомиров (автор работ «Кто насыпал ярославские курганы». Ч. 1. Тверь, 1905; Ч. 2. Владимир, 1908; «Раскопки в Угличском Кремле». Тверь, 1904 и др.) и другие исследователи.

Курганные раскопки в Костромской губернии вели В.Г. Пирогов, И.В. Миловидов, И.Д. Преображенский, Н.М. Бекаревич.

В Нижегородской губернии первыми начали курганные раскопки члены Нижегородской ГУАК А.С. Гациский и В.Г. Короленко, затем А.А. Савельев и другие члены комиссии. Была открыта неолитическая стоянка под Балахной, проведены раскопки на р. Пьяне. Велись археологические работы на территории Нижнего Новгорода. Раскопки у озера Светлояр в поисках легендарного града Китежа проводил А.И. Поливанов.

Проводили археологические изыскания Саратовская, Симбирская и другие ГУАК.

Археологическая деятельность членов ГУАК, раскопки могильников и становищ создавали основу для широких научных обобщений, для выявления ареалов распространения отдельных культур и направлений их миграции. Особое внимание губернские ученые архивные комиссии уделяли проблеме заселения своих регионов, славяно-русской колонизации. Эта тема получила наибольшее подтверждение в исследовательской деятельности членов ГУАК Поволжья.

Обобщением работ целого ряда местных исследователей явился труд академика А.И. Соболевского «Древнейшее население Верхнего Поволжья», вышедший в 1912 г. в Твери. До этого времени деятелями Тверской ГУАК был выпущен целый ряд работ, посвященных разработке «исторического» периода в истории Тверского края, об основании Твери, отдельных городов и посадов, монастырей и храмов. Примечательны в этом плане публикация работы краеведа и исследователя XVIII в.

Д.И. Карманова «Исторические известия Тверского княжества, почерпнутые из общих российских летописцев с приобщением новейших оного приключений» (Тверь, 1903), работа исследователя древних водных путей В.И. Колосова «Стерженецкий и Лопастницкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжье» (Тверь, 1890).

*Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь. Собор.
Гравюра худ. С.А. Глушкова*

В Ярославле создавались очерки по древней истории края. Одними из первых на этом пути были: К.Д. Головщиков, член ЯГУАК, в 1881 – 1882 гг. – редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей», автор множества изданий по истории края, в частности: «История города Ярославля» (Ярославль, 1889), «Ярославская губерния: Историко-этнографический очерк» (Ярославль, 1898) и др.; И.Ф. Барщевский, член-корреспондент МАО, член Ярославской, Костромской и Смоленской ГУАК, автор книги «Исторический очерк города Ярославля» (Ростов-Ярославский, 1900); С.М. Шпилевский, член-учредитель ЯГУАК и ее первый председатель, член МАО, Тверской и Нижегородской ГУАК, автор нескольких работ по истории края, в частности: «Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле» (Ярославль, 1893), «Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный» (Ярославль, 1899) и др.

Губернские ученые архивные комиссии стремились к налаживанию тесной и регулярной связи друг с другом. Особенно тесно были связаны архивные комиссии, имевшие свои печатные издания и регулярно обменивавшиеся ими. Через переписку и встречи своих представителей ГУАК согласовывали свои действия и по научной работе в регионах, и по организации архивного дела.

ГУАК организовали и провели четыре региональных съезда: 1901 г. – в Ярославле, 1903 г. – в Твери, 1906 г. – во Владимире, 1909 г. – в Костроме. На 1912 г. намечался региональный съезд в Нижнем Новгороде, но он был перекрыт широко отмечавшимися в Поволжье торжествами в честь 300-летия освобождения Москвы нижегородским ополчением под предводительством Минина и Пожарского. На 1915 г. был запланирован региональный съезд в Вятке, но и он не состоялся в связи с начавшейся первой мировой войной.

Ярославская губернская ученая архивная комиссия. Для того чтобы составить представление о характере деятельности губернских ученых архивных комиссий, рассмотрим в качестве примера Ярославскую ГУАК. Ее открытие состоялось 15 ноября 1889 г. Первое заседание, как об этом записано в протоколе, состоялось *«под председательством Непременного По-*

печителя Ученой Архивной Комиссии г. Ярославского Губернатора А.Я. Фриде, при наличии 8 лиц, изъявивших желание быть членами Комиссии, именно: Ф.А. Бычкова, А.Л. Гурко, Н.Н. Корсунского, Л.С. Котляревского, М.А. Липинского, Н.С. Суворова, Л.Н. Трефолева и С.М. Шпилевского, а также приглашенного в это заседание губернского инженера А.М. Достоевского». Первым председателем комиссии был избран директор Демидовского юридического лицея С.М. Шпилевский, несколькими годами раньше предложивший создать в Ярославле общество любителей археологии и этнографии. Идея была одобрена VII Археологическим съездом, проходившим в Ярославле в 1887 году. Однако это общество так и не было создано. А идея реализовалась в 1889 г. созданием Ярославской губернской ученой архивной комиссии. С.М. Шпилевский возглавлял комиссию до 1894 г., когда его сменил на посту председателя профессор Демидовского юридического лицея Э.Н. Берендтс (с 1904 г. – директор ДЮЛ). Правителем дел комиссии был избран Ф.А. Бычков, редактировавший в 1887–1890 гг. неофициальную часть «Ярославских губернских ведомостей». Но довольно скоро его сменил А.А. Титов, богатый ростовский купец, коллекционер и меценат, увлеченный краевед.

Комиссия начала свою работу на субсидию из губернского земства. В дальнейшем доходы ее складывались из пособий от Ярославской губернской земской управы (от 100 до 500 рублей в год), от городской управы (100 – 300 рублей в год), от уездных земств (7 – 8 земств по 25, а иногда и по 10 рублей каждое). В текущие расходы входила выплата жалованья архивариусу (180 – 240 рублей в год), сторожу (108 – 156 рублей в год). И сюда же включалась стоимость отопления (от 51 до 266 рублей в год). При столь небольших доходах комиссии было очень сложно заниматься любой другой деятельностью, кроме архивных занятий. Однако Ярославская ГУАК практически сразу вышла за пределы своей архивной специализации и стала издавать «Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии». Два первых выпуска их вышли в свет под редакцией А.А. Титова на средства И.А. Вахрамеева в Москве в 1890 и 1892 гг. и содержали угличский летописец XVIII в., писцовые книги по Угличу XVII в. и другие материалы. Но после того как через некоторое время

А.А. Титов перестал поддерживать комиссию материально, а Ф.А. Бычков вообще уехал из Ярославля, она не смогла вплоть до начала XX в. продолжать издание своих трудов. Но свою работу она не прекратила, хотя материально-финансовые трудности существенно ее осложняли.

За первые десять лет работы комиссия выпустила, как уже отмечено, два сборника своих трудов и подготовила к выпуску третий, собрала нумизматическую коллекцию из 1500 старинных монет, составила библиотеку из 50 тысяч книг по истории, археологии и этнографии России и Ярославля.

Особое внимание комиссия уделяла изучению местных архивов. В этой работе приняли участие многие ярославские краеведы. К концу XIX в. комиссия сосредоточила в своем архиве более 8 000 документальных актов и 800 столбцов XVII века. В 1899 г. в своей речи на десятилетнем юбилее комиссии Э.Н. Берендтс особо подчеркивал важность сохранения исторических документов: *«Задача архива – спасти от тления и гибели все те документы, которые могут дать возможность любознательному исследователю восстановить картину того, каким образом общегосударственные дела, события и предприятия отражались на местной жизни... Такого рода древлехранилище окажет громадную услугу исторической науке»*. А всего за 25 лет существования комиссии (1889 – 1914) было разобрано и рассмотрено по описям 321 795 дел, 82 017 бумаг, 3 600 книг и свыше 9 000 столбцов; из них оставлено на хранение 29 525 дел и 6 077 бумаг.

Среди трудов комиссии, которые заслуживали особого внимания, на торжественном заседании по случаю ее десятилетия, были названы работы: С.М.Шпилевского «Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный», каталог Пушкинской выставки в Ярославле 1899 г. с объяснениями С.А. Мусина-Пушкина, «Описание монет коллекции И.А. Вахрамеева», составленное Э.А.Берендтсом и труд К.Д.Головщикова «Деятели Ярославского края».

В 1899 г. архивная комиссия организовала празднование 600-летия со дня смерти князя Федора Черного и приняла активное участие в проведении столетнего юбилея А.С. Пушкина.

В 1900 г. председатель ЯГУАК Э.Н. Берендтс был переведен на службу в Государственный Совет и покинул Ярославль (прав-

да, через несколько лет он сюда вернется и возглавит Демидовский юридический лицей). После его отъезда председателем комиссии был избран доцент Демидовского лицея М.А. Липинский, автор целого ряда работ по местной истории, долгое время являвшийся секретарем Ярославского ГСК. Отметим, в частности, его книги по истории Углича и его уезда, а также указатель к неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей», напечатанный в трудах Ярославского ГСК. М.А. Липинский возглавлял комиссию в 1900 – 1903 гг. После него в течение 1903 – 1905 гг. обязанности председателя комиссии исполнял Л.Н. Трефолев, а в 1906 – 1908 гг. председателем ЯГУАК являлся И.А. Вахрамеев, богатый купец, археограф, коллекционер и меценат, один из учредителей комиссии.

В 1901 г. в Ярославле состоялся первый областной археологический съезд, на котором присутствовали видные ученые России и представители ряда губернских статистических комитетов и архивных комиссий. Решающую роль в подготовке и проведении съезда сыграла ЯГУАК.

Ярославская ГУАК проводила активные археологические исследования в губернии. Их результатом явились, в частности, публикация В.А. Городцова о раскопках на Черной горе, отчеты о раскопках, проводимых секретарем комиссии И.А. Тихомировым и др.

Комиссия собрала большое количество письменных источников по истории и этнографии края. Ее коллекция включала ряд царских грамот, начиная с XVI в., списки с дозорных книг, писцовые книги и списки с них, ревизские сказки, переписные книги по уездам, станам и волостям. Собраны были переписные и сотенные книги XVII – XVIII вв. по Ярославлю и Угличу. Наиболее ценные источники комиссия издала, в том числе: Угличский летописец, писцовая книга г. Углича (XVII в.), переписная книга Угличского уезда 1710 г., акты Угличской провинциальной канцелярии.

Членами ЯГУАК был опубликован ряд исследований-очерков по истории Ярославля. В 1900 г. в Ростове-Ярославском вышел в свет монографический очерк И.Ф. Барщевского. А еще раньше рукопись по истории Ярославля представил в комиссию К.Д. Головщиков, и она была опубликована в 1889 году.

Благодаря комиссии увидели свет материалы по истории ярославских монастырей и храмов. Были изданы книги Г.Н. Преображенского «Монастыри и храмы г. Ярославля, их святыни и древности» (Ярославль, 1901); А.А. Израилева «К истории ярославских храмов» // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 1, вып. 6; И.А. Вахрамеева «Церковь во имя святого и славного пророка Божия Ильи в г. Ярославле (Ярославль, 1906) и др.

24 мая 1912 г. ЯГУАК провела торжественное заседание, посвященное приходу в Ярославль «земского ополчения 1612 г.». Празднование готовилось заранее. Комиссия осуществляла переписку с научными учреждениями, собирала исторические материалы, издала брошюру для общедоступного чтения «Триста лет тому назад в г. Ярославле (Об участии Ярославля в великом народном движении 1612 года)».

Через год комиссия активно готовилась к приезду в Ярославль императора Николая II и его семьи.

Свои научные труды ЯГУАК перестала выпускать в 1914 г. после начала первой мировой войны. Но за время, прошедшее со времени ее создания, комиссия издала 7 томов своих трудов, вышедших в виде 15 выпусков и 24 отдельных изданий. Это был важный результат ее активной и целенаправленной деятельности по изучению истории и культуры Ярославского края.

И.А. Тихомиров. Среди деятелей ЯГУАК необходимо особо выделить ее активнейшего члена Иллариона Александровича Тихомирова, краеведа и музейного деятеля, крупного ученого, известного своими трудами в области археологии, этнографии, истории искусства, реставрации памятников. Это был, по словам другого ярославского краеведа Н.Г. Огурцова, *«знаток ярославской старины, всю жизнь отдавший разработке истории края и собранию ее памятников»*. В 1890 – 1919 гг. он был ученым секретарем ЯГУАК, в 1895 – 1932 гг. – библиотекарем, архивариусом и хранителем Исторического музея-древлехранилища. Собственно и древлехранилище, и Ярославский архив обязаны своим возникновением именно И.А. Тихомирову. Под его руководством проводились раскопки археологических памятников Ярославской, Тверской и Новгородской губерний. По инициативе И.А. Тихомирова и И.Ф. Барщевского в 1897 г. при ЯГУАК была создана специаль-

ная подкомиссия по охране памятников древнего зодчества. Он собирал материалы по местному фольклору, этнографии географии и истории Ярославского края, был участником областных историко-археологических съездов. Являлся членом Ярославского естественно-исторического общества и целого ряда губернских ученых комиссий и научных обществ. С именем И.А.Тихомирова связано становление и развитие архивного и музейного дела в Ярославской губернии.

Такие люди, как И.А. Тихомиров, были в каждой ученой комиссии, каждом статистическом комитете, каждом научном обществе, но было их не столь много. Стоит привести вполне справедливое высказывание второго (после И.И. Дубасова) председателя Тамбовской ГУАК А.Н. Норцова о том, что судьба местных исторических обществ в основном зависит от активности и инициативности трех-четырех человек, бескорыстно преданных научной деятельности. *«В большинстве случаев, – говорил А.Н. Норцов, – эти скромные труженики – лица служащие, занятые, связанные между собой одной общей любовью к исторической науке, не получающие за это не только жалованье, но даже подчас и никакого поощрения, зато иногда критику из высших научных сфер. Однако благодаря только этим скромным труженикам создалась деятельность, почет и известность архивных комиссий и до сего дня многие из таких, быть может, мало известных Петербургу, но глубокоуважаемых в комиссиях лиц, существуют в провинции и вывозят на своих плечах репутацию своей комиссии».*

Можно сравнить деятельность ГУАК с многочисленными научно-историческими обществами того времени, и это позволит выявить целый ряд общих черт в их деятельности. И те и другие возникли в большинстве своем в пореформенное время. В составе и тех и других присутствовали как профессионалы, так и любители. Как общества, так и комиссии обсуждали научные труды, выпускали периодические и непериодические издания, собирали документальные источники и памятники старины, создавали библиотеки и музеи, организовывали чтение лекций и научные экспедиции.

Однако в отличие от научных обществ ГУАК имели и свои характерные особенности деятельности. «Локальность» положе-

ния и научной тематики обусловили их определенную уникальность. У каждой из архивных комиссий объектом научного исследования выступал свой регион. А через изучение истории отдельных регионов открывался путь к углубленному изучению общерусского исторического процесса. *«Локальность положения, – отмечает В.П. Макарихин, – обуславливала появление в деятельности архивных комиссий своеобразного «внутреннего универсализма», связанного с задачами «прописки» истории региона в общерусской исторической схеме».* Примечательно, что в 1920-е гг. бывший сотрудник Нижегородской ГУАК профессор С.И. Архангельский активно выступал за использование «локального метода» в исторических исследованиях.

Провинциальные музеи. Показателем активности статистических комитетов и архивных комиссий во второй половине XIX – начале XX вв. стал быстрый рост количества провинциальных музеев. Если в 1840-х гг. в России был организован только один музей местного края, в 1850-х гг. – 4, в 1860-х – 4, то с 1870-х гг. кривая роста стремительно идет вверх: в 1870-е гг. – 8 музеев, 1880-е гг. – 13, 1890-е гг. – 14, в 1900-е гг. – 16.

Именно статистические комитеты открыли музеи в Архангельске (1859), Уфе (1865), Вятке (1864), Твери (1866), Владимире (1862) и ряде других городов. Среди музеев, открытых при губернских статистических комитетах: Уфимский губернский музей (1865), Тверской историко-археологический музей (1866), Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей (Петрозаводск, 1871), Кубанский этнографический и естественно-исторический музей (Екатеринодар, 1879), Воронежский губернский музей (1886). Сразу отметим разнообразие названий музеев, поскольку обобщающий термин «краеведческий музей» появится только в середине 1920-х гг. Правда, в описываемое время было в ходу определение «музеи местного края», что в определенной степени объединяло музеи, создаваемые разными ведомствами, обществами и организациями.

Музеи, открытые при губернских ученых архивных комиссиях: Тамбовский историко-археологический музей (1879), Костромской музей древностей (1891), Ярославский исторический музей-древлехранилище (1895) Курский историко-археологический и кустарный музей (1903).

Музеи, открытые при научных и научно-просветительских обществах: Музей при обществе исследователей Астраханского края (1888), Музей при обществе изучения Смоленской губернии (1908), Музей Петровского общества распространения научных и практических знаний (Липецк, 1909).

Музеи при местных отделениях Русского географического общества: Омск (1879), Кяхта (1890), Хабаровск, Чита (1895).

Музеи при органах городского самоуправления: Череповец (1870), Минусинск (1877), Самара (1880), Нерчинск (1887), Казань (1895), Ставрополь (1904).

Впервые публично идею образования краеведческих музеев высказал естествоиспытатель, географ и почвовед В.В. Докучаев в 1882 г. в проекте «Земского губернского музея». В проекте говорилось о том, что в губернском музее естественно-научные экспозиции должны быть тесно увязаны с историческими, этнографическими и экономическими, так как природные условия края непосредственно влияют на быт, хозяйство, культуру местного населения. Таким образом, впервые в России была сформулирована концепция структуры краеведческих музеев, предполагавшая создание музейных экспозиций, всесторонне характеризующих край. В 1885 г. В.В. Докучаев разработал «Примерный устав земского естественноисторического музея», который был разослан во все земские управы и губернские статистические комитеты.

Вскоре В.В. Докучаев приступил к реализации своей идеи. Под его руководством в 1882 – 1886 гг. была проведена комплексная экспедиция по многостороннему изучению Нижегородской губернии. Перед этим им была разработана программа научно-исследовательских работ, которая стала, по существу, первой в российской науке программой краеведческого изучения большого региона. По результатам экспедиции были изданы 14 томов трудов. А В.В. Докучаев стал также инициатором организации в Нижнем Новгороде в 1885 г. естественноисторического

музея. В 1888 – 1894 он снова руководил комплексной экспедицией, но теперь уже по изучению Полтавской губернии. И одним из ее результатов стало создание естественноисторического музея в Полтаве в 1890 году.

Инициаторами создания музеев выступали энтузиасты-краеведы из среды местной интеллигенции: провизор Н.М. Мартьянов в Минусинске, политический ссыльный А.К. Кузнецов в Нерчинске, археолог А.Ф. Лихачев в Казани (Казанский городской научно-промышленный музей), советник губернского правления Н.И. Второв и священник С.Е. Зверев в Воронеже, нотариус Г.К. Пправе в Ставрополе (Ставропольский городской музей наглядных пособий), врач М.П. Трунов в Липецке, ученый секретарь ГУАК И.А. Тихомиров в Ярославле (Исторический музей-древлехранилище при ГУАК), краеведы В.И. Колосов в Твери, П.А. Александров в Симбирске, А.А. Титов в Ростове-Ярославском (Ростовский музей церковных древностей), секретарь губстаткомитета А.С. Гациский в Нижнем Новгороде, председатель ГУАК Н.Н. Селифонтов в Костроме (Музей древностей), управляющий государственными имуществами Владимирской и Рязанской губерний, организатор Рязанской и Владимирской ГУАК А.В. Селиванов и др.

Музейные собрания формировались во многом стихийно и несли отпечаток научных интересов своих создателей и организаций, при которых они существовали. Однако общая тенденция заключалась в интересе к археологическим и этнографическим исследованиям, а также памятникам архитектуры. *«Чем более развивается страсть к коллекторству, – писал в 1895 г. один из инициаторов создания Минусинского музея Д.А. Клеменц заведующему этим музеем Н.М. Мартьянову, – чем тщательнее изучаются древности местными деятелями и на месте, тем полнее наши сведения о нашем прошлом, тем более в народе, в провинциях возрастает уважение к тем исчезнувшим поколениям, труды которых создали наше настоящее. Таким путем в сознании общества возникает идея духовного родства и преемства не только между нашими непосредственными предками, но и исчезнувшими расами, от которых дошли до нас смутные, но драгоценные для нас следы».*

В конце XIX в. исторические музеи возникали во многих местах. Так, в 1895 г. при Ярославской ГУАК был открыт свой исторический музей-древлехранилище, организатором и хранителем которого стал ученый секретарь ЯГУАК И.А. Тихомиров. Главную задачу музея председатель ЯГУАК Э.Н. Берендтс обозначил так: *«Музей при архивной комиссии должен быть культурно-историческим. В нем должно быть собрано все, что дает нам представление о деталях минувших поколений»*. Развивая эту мысль и рисуя картину будущего музея, Э.Н. Берендтс отмечал: *«Представьте, что задача исполнена. Возле комнаты, в которой собраны найденные в пределах Ярославской губернии остатки каменного, бронзового, железного веков и многочисленные предметы отдаленнейшей исторической эпохи (III – XVI вв.), перед Вами откроется ряд помещений, из которых каждое восстанавляет перед Вами полный облик обихода различных наших сословий на различных ступенях их культурного развития...»*.

Исходя из этих положений, И.А. Тихомиров формировал музей-древлехранилище. Его задача облегчалась тем, что основу первых поступлений составили пожертвования любителей старины, многие из которых были членами ЯГУАК. Одним из первых поступлений стала нумизматическая коллекция известного ярославского мецената И.А. Вахрамеева, подробное описание которой сделал и опубликовал председатель ЯГУАК Э.Н. Берендтс (*«Описание русских монет музея Ярославской ученой архивной комиссии, пожертвованных почетным членом и казначеем комиссии И.А. Вахрамеевым»*. Ярославль, 1898).

Отдел этнографии, которому комиссия придавала особое значение, также формировался в значительной степени за счет пожертвований членов комиссии: антикваров Н.Ф. Дубровина, В.П. Мосягина, священника А.Н. Ливанова, этнографа Е.И. Якушкина, самого И.А. Тихомирова и др. Сам хранитель музея проводил и отбор археологического материала для отдела *«доисторических древностей»*.

Несмотря на все сложности и особенно отсутствие необходимых средств, музей-древлехранилище развивался и пополнялся. К началу XX в. он имел 4 800 экспонатов, нумизматическая коллекция насчитывала 1 895 монет, а в библиотеке музея было уже более 15 000 книг. Отметим сразу, что в Ярославской губер-

нии существовали и исторические музеи в уездных городах. В 1883 г. был открыт Ростовский музей, в создании которого приняли участие археолог, коллекционер и меценат А.А. Титов, историк искусства и реставратор И.А. Шляков, генеалог и коллекционер Д.А. Булатов, а в 1892 г. открылся музей древностей в Угличе, организатором которого был археолог и коллекционер К.Н. Евреинов.

В ряде губернских и уездных центров создание музеев становилось одним из важнейших направлений деятельности земских органов. Так, в Костроме, начиная с 1868 г., на заседаниях губернского земства неоднократно поднимался вопрос о создании собственного музея широкого профиля, который включал бы в структуру своих экспозиций зоологические, минералогические, археологические и другие коллекции. Особое значение придавалось экспозициям по истории края, которые должны были раскрыть причины хозяйственного отставания губернии, а изучение природы и местных традиций – выявить скрытые возможности. Надо сказать, что в Костромской губернии было создано несколько земских музеев: естественно-исторический, кустарный, пчеловодства, лесной и др.

Подобные задачи ставили перед собой и земцы Пензенской губернии. В 1903 г. небольшой кружок из преподавателей, чинов лесного ведомства и представителей земства организовал Общество любителей естествознания, задачами которого стало изучение местного края и распространение среди населения естественно-научных знаний. В сентябре 1905 г. Общество открыло музей, где были широко представлены экспонаты по зоологии, ботанике, геологии, почвам, орудиям труда и пр., которые всесторонне характеризовали природу и историческое прошлое края.

Наибольшее распространение среди музеев, создаваемых земскими органами, получили так называемые кустарные музеи, ориентированные на помощь мелкой крестьянской промышленности. Через посредство этих музеев земские деятели пытались пропагандировать продукцию ремесленников, знакомить их с образцами лучших кустарных изделий. К началу 1900-х гг. кустарные музеи уже функционировали в 15 губернских и 5 уездных земствах. В систему этих учреждений вошли и научно-

промышленные музеи в Екатеринбургской, Пермской и Казанской губерниях.

На 1915 г. местные музеи, организованные земствами и состоящие на их балансе, существовали уже в половине земских губерний (в 21 из 40). По содержанию и характеру деятельности их можно с достаточной степенью условности разделить на несколько групп: естественноисторические, сельскохозяйственные, музеи исторических древностей, по истории развития кустарных промыслов (кустарные), музеи наглядных пособий, а также ветеринарные, санитарно-гигиенические и музеи моделей дорожных сооружений.

Открытие музеев земствами продолжалось вплоть до 1917 года. Одним из последних таких музеев, организованных в предреволюционный период, явился Дмитровский краеведческий музей в Московской губернии, открытый как раз в 1917 году. На Урале, по инициативе и при помощи земства, В.И. Бирюков открыл Шадринское научное хранилище, получившее затем широкую известность.

Постоянное внимание уделяло местным музеям Московское археологическое общество. В докладе П.С. Уваровой на VII археологическом съезде в Ярославле (1887) «К вопросу о провинциальных музеях» был поднят, как она отмечала потом в своих воспоминаниях, вопрос о *«желательности и необходимости устройства, по возможности, в более мелких центрах провинциальных музеев, желательных для развития любви к родной старине»*. Это был один из тех вопросов, по которым участники съезда пришли к заключению, что ему *«следует уделить внимание ученых не только в Ярославле, но дать ему дальнейший ход и привлечь к его обсуждению дальнейшие работы нашего ученого мира»*. В докладе был дан обзор всех существующих в России музеев и высказано опасение, что некоторые из этих музеев, созданные трудом энтузиастов, не имея средств, приходят в упадок, а порой и ликвидируются вообще. Она предложила добиваться решения правительства о принятии музеев, с согласия владельца, на государственное попечение. Позже доклад П.С. Уваровой был опубликован в сборнике «Труды VII Археологического съезда» под названием «Областные музеи».

Помимо доклада П.С. Уварова представила VII Археологическому съезду проект «Положения для губернских и областных музеев», согласно которому задача музея заключалась *«в наглядном ознакомлении публики с историей страны и развитием в ней культуры... На этом основании музей принимает, смотря по местным требованиям... характер или более церковный или историко-археологический или естественно-промышленный и этнографический»*. Проект был съездом одобрен и принят. Он определил статус музеев, их цели и задачи как *«ученых центров для окружающей местности»*.

Крупнейшими провинциальными музеями второй половины XIX в., обладавшими значительными археологическими коллекциями, были Тверской (около 7 000 археологических предметов), Рязанский, Тамбовский. Значительной спецификой обладали церковные музеи и их коллекции.

По данным музееведа Д.А. Равикович, с конца XVIII в. до 1861 г. в России было основано 12 музеев, а с 1861 по 1905 гг. создано 45 музеев местного края. Из них открыто статкомитетами было 15 музеев, Обществами изучения края – 8, органами городского самоуправления – 15 и губернскими земствами – 2 музея. По данным историка и музееведа А.М. Разгона, в пореформенное время в России существовало более 60 краевых музеев. По данным же, которые приводят Т.А. Размустова и А.И. Фролов, авторы статьи «Краеведческие музеи» в «Российской музейной энциклопедии», число местных музеев России к 1917 г. колебалось (по разным источникам) от 65 до 94, в то время как общее количество музеев России к началу первой мировой войны приближалось к 500.

В конце XIX – начале XX вв. краеведение и краеведческое движение занимали определенное и достаточно заметное место в научной и общественной жизни российской провинции. В пореформенный период организация науки и общественная жизнь России прошли большой период развития. Ведущей тенденцией стал постоянный рост количества общественных объединений, в том числе и тех, которые в той или иной мере были связаны с краеведческим движением. Развитие краеведческого движения наглядно отражало один из заметных векторов развития общественной самодеятельности образованных людей провинции. Воз-

никновение негосударственных институтов, обществ и организаций, ориентированных на краеведческие изыскания и сохранение историко-культурного наследия и расширение поля их деятельности, способствовали динамичному развитию российской исторической науки, в том числе и той ее части, которую В.О. Ключевский называл «местной историей».

Глава III

Историческое краеведение в 1917 – 1930-х гг.

Краеведческое движение в новых условиях

*Общественные организации в годы гражданской войны. * Институт исследования Сибири. * «Золотое краеведческое десятилетие». **

Организация и руководство краеведческим движением

*Центральное бюро краеведения при РАН. * От Академии наук к Главнауке НКП. * ЦБК – орган Главнауки. * Формирование задач «нового краеведения». * «Общественность для нас не фетиш». **

Развитие исторического краеведения

*В годы гражданской войны. * Костромское научное общество по изучению местного края. * Саратовское общество истории, археологии и этнографии. * Вологодское общество изучения Северного края. * Краеведческие организации и общества Ярославской губернии. * Краеведение в Сибири. * Краеведные учреждения СССР. * Соловецкие краеведы. * Местные краеведческие съезды и конференции. * Направления деятельности и состав краеведческих обществ. * Эволюция программных задач исторического краеведения. * Два краеведения. * «... Внимание на те вопросы краеведения, которые тесно связаны с хозяйством». * Производительные силы края – главный объект изучения. * «Академическое дело». * Против «краеведческой контрреволюции». **

Краеведческое движение в новых условиях

К 1917 г. краеведение и краеведческое движение были одним из ярких явлений в научной и общественной жизни российской провинции. Развитие краеведческого движения наглядно подтверждало мысль В.И. Вернадского, высказанную им в 1912 г.: *«Русская умственная культура в XIX и начале XX века может считаться созданием общественной самодетельности»*.

Общественные организации в годы гражданской войны. После октября 1917 г. многие общественные организации и объединения прекратили свою деятельность и распались. Для многих из них существование и работа в новых условиях стали невозможными из-за враждебности их к большевистскому режиму и обратной враждебности большевиков по отношению к ним. Тем более, что уже в декабре 1917 г. местные органы власти получили право распускать те общественные организации, которые поощряли сопротивление новому режиму или призывали к его свержению. Значительная часть этих организаций перестала функционировать из-за тяжелых условий разрухи и гражданской войны.

Общее число прежде действовавших общественных организаций за короткое время резко сократилось. Так, в Петрограде к началу 1918 г. насчитывалось до 500 различных обществ и научных учреждений, к концу того же года их число сократилось до 308, а к концу 1920 г. осталось только 50.

Основные требования к общественным организациям, которые позволяли им сохраниться и продолжить работу, заключались в признании Советской власти, руководящей роли партии большевиков и в подчинении советским законам. При соблюдении этих требований общества официально утверждались, хотя иногда возникали и дополнительные условия. Так, от Русского географического общества потребовалась перерегистрация его устава.

*Ярославль. Церковь Николы "Рубленый город".
Гравюра худ. С.А. Глушкова*

В чрезвычайных условиях гражданской войны даже наиболее сильные всероссийские общества не могли вести свою работу в прежних масштабах. Деятельность их сузилась до уровня местного значения, публикации сделались нерегулярными, уменьшилось количество членских взносов и т.д. В отчете Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1922 – 1923 гг. отмечалось: *«В 1918 – 1919 гг. члены общества встречались в глухих закоулках и щелях города без отопления, света или еды, избегая передвижения по улицам. 1920 год был довольно плохим...»*.

«Я работаю лишь временами, – писал Н.П. Лихачев в ноябре 1919 г. в письме А.В. Орешникову, – когда не охватывает вполне отчаяние. А иногда испытываю тупой ужас и трепещу. В холоде и недоедании, усталый от хождения на лекции и заседания, сидишь и мрачно наблюдаешь, как портишься физически и даром пропадают приобретенные мысли и познания».

Тем не менее, несмотря на объективно неблагоприятные условия, общественная жизнь сохранялась. В 1918 – 1920 гг. продолжили свою работу более 60 известных дореволюционных организаций – научные культурно-просветительские, художественные и т.д.

Параллельно с ними довольно быстро стали возникать новые общества и союзы в научной, творческой, культурно-просветительской и других сферах: Ассоциация натуралистов, Общество российских архивных деятелей, Научное общество марксистов, Пролеткульт и др. В Петрограде был зарегистрирован целый ряд добровольных обществ: Астрономическое, Археологическое, Географическое, Историческое, Техническое, Энтомологическое и др.

Институт исследования Сибири. Стоит упомянуть и о создании в Томске такого уникального во многих отношениях общества, как Институт исследования Сибири (ИИС), тем более что возник он и начал функционировать после падения Советской власти в Сибири и установления белогвардейского режима. Учредительный съезд по организации ИИС проходил в январе 1919 года. Организаторы института разработали такую форму, которая в случае ее реализации могла стать примером сочетания государственных интересов с местной инициативой. Она отража-

ла главную задачу института: *«планомерное научно-практическое исследование природы, жизни населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития»*. В составе ИИС намечалось несколько отделов: 1) географический; 2) бальнеологии и курортоведения; 3) естественно-исторический; 4) промышленно-технический; 5) историко-этнографический; 6) статистико-экономический. В обязанности ИИС входили: организация экскурсий и обследований; устройство станций, лабораторий, опытных заводов и полей, заповедных участков, ботанических и зоологических садов, музеев, архивов, книгохранилищ; содействие подготовке кадров исследователей и инструкторов по различным специальностям. Особо оговаривались задачи института, связанные с учетом и систематизацией добытых в ходе научных исследований данных.

Институт исследования Сибири был создан, но смог приступить к работе только в конце июня 1919 г., после утверждения его устава белогвардейским правительством. Он сохранился и после восстановления Советской власти в Сибири, но все же был закрыт в июне 1920 года.

В июле 1918 г. была принята первая советская Конституция. Она гарантировала свободу создания союзов и объединений, но и закрепила классовый принцип создания разного рода организаций. Преимуществами в социальном и любом другом творчестве теперь обладали рабочие и крестьяне. Однако в 1918 – 1920 гг. это право и преимущество реализовывались, в основном, в неформальных движениях, в «митинговом демократизме».

Новые возможности общественной деятельности и новые направления развития системы российских общественных организаций отчетливо проявились после окончания гражданской войны, в условиях мирного строительства и перехода к новой экономической политике. Это вполне можно отнести и к организациям и объединениям, связанным с изучением и исследованием России и ее отдельных регионов.

«Золотое краеведческое десятилетие». С этого времени краеведческое движение в стране развивалось в общем и целом по восходящей линии. Нужно подчеркнуть при этом, что развивалось оно в 1920-е гг. еще более высокими темпами, чем в

дореволюционный период, становясь составной частью общественной, культурной и научной жизни страны. Именно краеведение многие представители российской интеллигенции считали важной формой проявления творческой инициативы и даже в какой-то мере проявления свободы личности в условиях укрепляющейся «диктатуры пролетариата». *«Время кажется снисходительным, – писал историк Ф.Ф. Перченко, – к ...новой научно-культурной системе ... своеобразном общественном организме, пустившем корни по всей стране. Имя ему – массовое краеведческое движение: две тысячи местных организаций, 50 тысяч активистов, множество музеев, держащихся на общественной инициативе. ... Из этого движения обещает вырасти «вольная народная русская академия»; пока же оно дает смысл существованию провинциальной и выброшенной в провинцию интеллигенции: спасение повсеместно гибнущих памятников культуры, сбережение старины, охрана природы...».*

Уместным будет привести слова С.О. Шмидта о том, что *«не принимающие революции или напуганные всем, что происходило вокруг, отторгнутые от привычного дела и привычных жизненных удобств, некоторые деятельные по натуре, образованные интеллигенты находили именно в этой сфере применение своих знаний и культурных навыков, не поступаясь при этом, по существу, общественно-политическими принципами, как бы уходили от активной жизни (в прежних ее формах) в краеведение и сферу охраны памятников».*

Краеведение и краеведческая работа стали для интеллигенции одним из возможных путей сотрудничества с Советской властью в деле преобразования страны. Другое дело, что такие возможности и связанная с ними «эйфория искреннего сотрудничества» просуществовали сравнительно недолго и уже к концу 1920-х гг. для краеведения (и не только для краеведения) наступили иные времена.

В современной исследовательской литературе первые годы развития краеведческого движения после октября 1917 и до 1927 (даже до 1929 г.) были названы «золотым десятилетием» отечественного краеведения. И для этого утверждения у С.О. Шмидта были все основания. Стоит здесь процитировать редакционную статью журнала «Известия Центрального бюро краеведения»

(1927. № 8) под названием «Краеведение за десять лет Советской власти», где говорилось: *«Из всех общественных явлений в жизни СССР за десять лет, истекающих со дня Октябрьской революции, рост краеведения является наиболее показательным»*. В доказательство этого в статье приводились следующие количественные данные: до Октябрьской революции в России насчитывалось 155 обществ, кружков и музеев (обществ и кружков – 61, музеев – 94), а к концу 1927 г. их число выросло до 1688 (обществ и кружков – 1112, музеев – 576). Таким образом, масштабы краеведческого движения за десять лет революции выросли более чем в 10 раз.

Организация и руководство краеведческим движением

В дореволюционные годы краеведческое движение в России не имело своего координирующего и научно-методического центра. В первые годы Советской власти роль такого руководящего и координирующего центра выполняла Российская Академия наук, которая в свою очередь находилась в ведении Научного отдела Наркомата просвещения РСФСР, созданного весной 1918 г. и переименованного в следующем году в Отдел научных учреждений, а затем уже в Главнауку Наркомпроса. В 1919 г. в ведении Наркомпроса было более 80 научных организаций, среди которых Академия наук, музеи, архивы, обсерватории и др.

Для координации деятельности многочисленных и разрозненных научных учреждений советское правительство с 1919 г. стало проводить съезды и конференции специалистов различного профиля под непосредственным контролем государственных органов. В отличие от дореволюционных съездов такого типа непосредственным их организатором выступало государство, а не общественность. В 1921 г. состоялось около 50 съездов и конференций агрономов, химиков, металлургов, ботаников, физиков, гидрологов и т.д. В решениях многих из них указывалось на необходимость создания ассоциаций научных работников по специальностям.

В августе 1921 г. на одном из заседаний коллегии Академического центра Народного комиссариата просвещения (Нарком-

проса) был создан Организационный комитет Всероссийских научных обществ и учреждений по изучению местного края и решено начать работу по организации и проведению I Всероссийской конференции краеведов.

Конференция состоялась с 12 по 20 декабря 1921 года. На ней было принято решение о создании Ассоциации научных учреждений, обществ и отдельных ученых Республики, возглавлять которую должна была Российская Академия наук. На период до создания этой Ассоциации несколько позже (в январе 1922 г.) было учреждено Центральное бюро краеведения при Российской Академии наук. Забегая вперед, отметим, что Ассоциация так и не была создана и ЦБК при РАН функционировало до января 1925 года.

В речи при открытии конференции нарком просвещения А.В. Луначарский подчеркнул, что после окончания гражданской войны *«мы приступаем к планомерному строительству России, ... к планомерной государственной работе. В эту государственную работу, как часть ее, разумеется, входит и работа культурная, и основанием такой планомерной работы должно быть чрезвычайно точное, чрезвычайно живое знание страны. < ... > Факт тот, что наша гигантская, необъятная страна была плохо изучена, и еще теперь мало известна ее подлинному хозяину, трудовому народу. Нужно эту работу поставить как можно тщательнее во всех областях: и в отношении знаний края, относящихся к области культурной работы, и в деле популяризации России. < ... >*

Со всех этих точек зрения ясно, что нужно призвать общественные силы, потому что никаким бюрократическим путем этого сделать нельзя. Необходимо для выяснения естественных богатств страны призвать к этому изучению и популяризации этого изучения, к суммировке полученных данных для надобностей государства и народных масс. Это могут выполнить на девять десятых местные научные общества краеведения...».

Центральное бюро краеведения. Как уже отмечалось, вскоре после конференции, в январе 1922 г. было создано ЦБК при РАН, в состав которого вошло 29 человек, среди них ученые С.Ф. Платонов, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман,

Ю.М. Шокальский и др. Структурно ЦБК разделялось на два отделения: Петроградское и Московское.

14 января 1922 г. Общее собрание Академии наук, заслушав доклад академика А.Е. Ферсмана о I Всероссийской конференции краеведов, решило: *«признать желательным единение работы Академии наук с краеведческими организациями»*.

16 февраля 1922 г. состоялась 1-я сессия ЦБК, на которой был избран президиум бюро. В него вошли: почетный председатель географ Д.Н. Анучин, председатель – востоковед С.Ф. Ольденбург, заместитель председателя – этнограф В.В. Богданов (он же стал руководителем Московского отделения ЦБК), товарищи председателя – геохимик и минералог А.Е. Ферсман, географ Ю.М. Шокальский, геолог и палеонтолог А.П. Павлов, физик Т.П. Кравец. В последующие годы и состав ЦБК, и состав президиума неоднократно изменялись. В должности ученого секретаря ЦБК общим собранием Академии наук был утвержден астроном, метеоролог, историк Д.О. Святский.

«Положение о Центральном бюро краеведения при Российской Академии наук» было утверждено на 4-й сессии ЦБК, проходившей 27 – 30 марта 1923 г. В нем констатировалось: *«В целях установления учета совершающейся на местах краеведческой работы, ее общего направления и координации, а также содействия обществам, кружкам, музеям, архивам, библиотекам и другим организациям краеведения и отдельным лицам в их научной работе и представительстве интересов краеведения перед высшими государственными и другими учреждениями при Российской Академии наук состоит Центральное бюро краеведения»*. Таким образом, Центральное бюро краеведения должно было прежде всего активно способствовать развитию научной, творческой деятельности краеведов на местах.

Характеризуя правовую основу для создания и деятельности краеведческих организаций, следует упомянуть Циркуляр НКВД от 30 мая 1923 г. «О порядке утверждения научных, литературных и художественно-научных обществ, не преследующих цели извлечения прибылей». Позднее на его основании тремя ведомствами (Наркоматами юстиции, внутренних дел и просвещения) был разработан и утвержден «Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих

целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса».

Устав давал краеведческим организациям вполне достаточные для нормальной работы права, такие, например, как: организовывать публичные чтения, диспуты, исполнительные собрания; устраивать лаборатории, обсерватории, опытные станции, наблюдательные пункты, музеи, выставки; печатать свои труды; открывать филиальные отделения.

Следует сразу же отметить, что было одно важнейшее обстоятельство, которое не давало возможности полностью реализовать упомянутые права – это острый недостаток материальных средств, в том числе и финансовых ассигнований. Поэтому часто работа велась на общественных началах, на энтузиазме местной интеллигенции, ее патриотизме и преданности своему делу.

После окончания гражданской войны, в условиях мирного времени краеведческое движение в стране приобретало все больший размах. По данным ЦБК (на март 1923 г.) в России (кроме городов Москвы и Петрограда) было зарегистрировано 231 краеведческое общество, имелось 285 местных музеев, 21 биологическая станция, 16 заповедников. Хотя надо сказать, что уже с начала 1920-х гг. заметно растет количество отклоненных органами власти заявлений обществ и союзов с просьбой об их официальной регистрации. Причиной отказа во многих случаях был социальный состав их учредителей.

В 1922 – 1923 гг. не были утверждены уставы Русского историко-художественного и археологического общества *«ввиду наличия компрометирующего материала на учредителей общества»*, Московского археологического общества в связи с его социальным составом и т.п. В 1923 г. административный отдел НКВД сообщил Русскому обществу распространения естественно-исторического образования, что его устав может быть утвержден, а само общество зарегистрировано при условии исключения из его состава ученых Г.Н. Боча, М.Н. Римского-Корсакова, В.Л. Комарова, А.А. Яхонтова и других. В 1924 г. НКВД отказал в регистрации Обществу истории и древностей российских. В том же году было закрыто Владимирское научное общество по изучению местного края *«вследствие общей политической неблагонадежности состава учредителей»*. По той же причине была за-

прещена деятельность Московского общества сельского хозяйства, Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова и др.

От Академии наук к Главнауке НКП. В конце 1924 г. Главным управлением по делам науки (Главнаукой) Наркомата просвещения было принято решение изменить ведомственную принадлежность ЦБК и передать его в прямое подчинение самой Главнауке. Это было связано с тем, что у руководителей Наркомпроса стали меняться оценки краеведческого движения, понимание его целей и задач.

Это изменение взглядов на краеведческое движение было связано во многом с решениями XIII съезда РКП(б), проходившего в мае 1924 г. и обсуждавшего вопрос о роли и месте общественных организаций в Советском государстве. Уже к этому времени в стране сложилась уникальная по количественному и видовому многообразию, по масштабам деятельности система общественных организаций. В постановлении XIII съезда РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства» был четко обозначен один из основных принципов деятельности непартийных объединений – принцип партийного руководства общественными организациями. В нем говорилось: *«Партия должна всячески помочь надлежащему развертыванию работы этих организаций. Члены партии должны принимать в них активное участие. Партийные организации должны оказывать содействие правильному организационному строительству их, действительному втягиванию в их работу как партийных, так и беспартийных рабочих и на деле стать их идейно-политическими руководителями»*. По существу, съезд обозначил концепцию новой общественности, главными элементами которой становились партийное руководство и всесторонний контроль.

Как раз в это время, о чем уже шла речь, и происходят определенные организационные изменения по руководству краеведческим движением, связанные с изъятием его из ведения Академии наук и передачей непосредственно Главнауке Наркомпроса. При Научном отделе Главнауки, который возглавлял А.П. Пинкевич, было создано Постоянное совещание по вопросам краеведения, первое заседание которого состоялось 20 мая 1924 года. А 21 августа 1924 г. на очередном заседании этого совещания было принято окончательное решение: *«Допуская орга-*

низационную связь ЦБК с Академией в отношении научном и методическом, признать необходимым обеспечить за Главнаукою общее административное и политическое руководство краеведною сетью через ЦБК и непосредственно». Примечательно, что на этом же заседании был утвержден циркуляр, направленный затем во все краеведческие организации с запросом о планах их работы.

Здесь нужно иметь в виду еще и то, что Академии наук в данное время было во многом не до ЦБК и краеведческого движения. Близились торжества по случаю ее 200-летия, и все силы уходили на их подготовку. Но дело даже не в этом. В 1924 г. Академия наук находилась в ведении (или, точнее сказать, в полном подчинении) Главнауки Наркомпроса РСФСР и всеми силами старалась освободиться от ее опеки. С другой стороны, в январе 1924 г. на заседании коллегии Наркомпроса было принято постановление о необходимости укрепления связей Главнауки и Академии, точнее, о мерах ужесточения контроля над нею со стороны Наркомпроса и его органов – Главнауки, Главного ученого совета (ГУС) и его коллегии. 20 февраля 1925 г. вице-президент Академии наук В.А. Стеклов и ее непременный секретарь С.Ф. Ольденбург направили в Совнарком СССР записку о всесоюзном характере работы Академии и необходимости передачи ее из системы Наркомпроса РСФСР в ведение Совнаркома СССР. В июне 1925 г. А.И. Рыков поднял вопрос о придании Академии наук всесоюзного статуса и, несмотря на резкие возражения со стороны ряда союзных республик и в первую очередь Украины, 3-я сессия ЦИК СССР, проходившая в Тифлисе, поддержала его. 8 июля 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало необходимым преобразовать Российскую Академию наук во Всесоюзную, а 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». Академия наук передавалась в непосредственное подчинение СНК СССР. Это была явная победа руководства Академии наук над Наркомпросом. Другое дело, что руководство краеведческим движением так и осталось в ведении Наркомпроса.

В начале 1925 г. ЦБК было переведено из главного здания Академии в Мраморный дворец, где располагалось в то время Ленинградское отделение Главнауки.

Журнал «Краеведение» с четвертого номера за 1924 г. также начал издаваться от имени Главнауки. Кроме того, по решению II Всесоюзной конференции краеведов (декабрь 1924 г.) Главнаукой начал издаваться еще один журнал – «Известия Центрального бюро краеведения». В отличие от журнала «Краеведение», на который возлагалось решение задач научно-методического характера, новый журнал должен был быть оперативно-информационным изданием.

Ярославль. Дом общества врачей.
Гравюра худ. С.А. Глушкова

Руководители краеведческого движения неоднозначно оценивали факт выхода ЦБК из системы Академии наук. Так, член ЦБК профессор Д.А. Золотарев, выступая на VI сессии ЦБК в январе 1926 г., отмечал, что переход руководства краеведческим движением непосредственно к Главнауке нанес ущерб самому движению. Это проявилось и в снижении уровня научной работы, и в плане утраты авторитета за пределами РСФСР. Он, в частности, предложил: *«Надо восстановить всесоюзность ЦБК, вновь присоединив его к Академии наук»*.

О неудовлетворительности работы Главнауки Наркомпроса по руководству краеведческим движением неоднократно говорил и академик Н.Я. Марр, также являвшийся одним из руководителей ЦБК. В своем письме председателю СНК А.И. Рыкову (сентябрь 1926 г.) он, в частности, писал: *«Наркомпрос не понял всей сущности этого движения и поэтому пытается строить здесь что-то без ориентировки на прошлое, без перспектив на будущее»*.

Надо сказать, что и после перехода ЦБК в прямое ведение Главнауки Наркомпроса еще несколько лет его связи с Академией наук не ослабевали. Сохранялись действенное влияние и активное участие Академии в деятельности этого руководящего краеведческим движением органа. Непременный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург до 1927 г. являлся председателем ЦБК.

В декабре 1927 г. на III Всероссийской конференции по краеведению был избран уже новый состав ЦБК. В свою очередь, на его сессии был избран новый президиум, председателем которого стал П.Г. Смидович. Правда, заместителем председателя был избран академик Н.Я. Марр, а академик А.Е. Ферсман вошел в число четырех товарищей председателя. А С.Ф. Ольденбург остался в руководстве ЦБК в качестве члена президиума.

В то же время С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр еще несколько лет редактировали оба периодических краеведческих издания — «Краеведение» и «Известия ЦБК».

С января 1928 г. «Известия ЦБК» стала готовить к печати редколлегия в составе девяти человек, в том числе академиков Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана. Однако уже в марте 1928 г. все трое были из редколлегии выведены.

При активном участии Академии наук и поддержке с ее стороны в конце 1925 г. был издан справочник *«Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций»*. Всего по стране было учтено 1303 краеведческих организации: общества, музеи, институты. Кроме того, отмечалось, что 130 центральных научных учреждений в той или иной степени по роду своей деятельности имели отношение к краеведческому движению. Из общего числа учтенных организаций 493 находились в губернских и областных городах, 519 – в уездных городах и поселках, 288 – в сельской местности. Эти данные свидетельствовали о достаточно большом размахе краеведческого движения, которое к середине 1920-х гг. охватило широкие слои населения.

ЦБК – орган Главнауки. Как раз к этому времени, как уже отмечалось, руководство краеведческим движением практически целиком переходит к Главнауке Наркомпроса. В то же время у руководства Наркомпроса еще не сложилась однозначная позиция в формулировании главных задач краеведческого движения, в определении его места в общественной жизни страны. Пока же главным для него являлось закрепление своей руководящей роли в этом движении.

12 февраля 1926 г. Главный ученый совет (ГУС) Наркомпроса утвердил новое «Положение о Центральном бюро краеведения РСФСР», в котором констатировалось, что ЦБК является органом Главнауки в ее работе в области краеведения. Весной этого же года было опубликовано еще и «Положение об областном бюро краеведения», подчеркнувшее ведомственную подчиненность краеведческого движения и указавшее, что все региональные бюро также состоят в ведении Главнауки.

По инициативе Наркомпроса 11 августа 1927 г. СНК РСФСР принял постановление «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР». Само по себе характерное постановление опять же подчеркивало: *«Все специально краеведческие учреждения и организации на территории РСФСР, в чьем бы ведении они не находились, должны быть переданы Народному Комиссариату Просвещения и в дальнейшем должны открываться только по линии Наркомпроса»*.

На развитии краеведческого движения отчетливо сказалось изменение подходов правящей партии и государственной власти к науке и просвещению. В апреле 1927 г. состоялся XIII Всероссийский съезд Советов, на котором с докладом о работе Наркомпроса выступил А.В. Луначарский. Съезд отметил по докладу, что общий уровень образования не соответствует задачам индустриализации, и в то же время одобрил решение правительства о включении в общий план индустриализации страны и плана развития народного просвещения.

Во исполнение данного постановления XIII съезда Советов Наркомпрос направил в исполкомы местных Советов циркулярное письмо, в котором предлагалось проводить планомерное развитие сети краеведческих организаций путем создания фабричных, заводских и сельских краеведческих обществ, ячеек, музеев, библиотек. При этом признавалось необходимым вовлекать их в разработку основных вопросов местного хозяйственного и культурного строительства.

В то же время финансирование краеведческих учреждений, и без того достаточно скудное, продолжало сокращаться. Так, к 1927 г. в ведении Наркомпроса РСФСР находилось 634 краеведческие организации, из которых на государственном бюджете было только 25, остальные же получали нерегулярные субсидии (53) или просто находились на учете и под идеологическим контролем Наркомата (556). В отношении краеведческих музеев, находящихся в ведении Наркомпроса (308), картина была похожей: на государственном бюджете – 24, получающих субсидии – 11, на учете и под идеологическим контролем – 273. За 1926 – 1928 гг. количество краеведческих музеев, находящихся на госбюджете, сократилось с 53 до 10, причем по контрольным цифрам первого пятилетнего плана до конца пятилетки число таких музеев не должно было превышать 15. Кроме того, в течение 1928 г. практически все краеведческие общества были сняты с финансирования по госбюджету. А переход на местный бюджет чаще всего означал только одно – полное отсутствие какой-либо финансовой поддержки со стороны местных органов власти.

Продолжались существенные изменения и в руководстве краеведческим движением. Уже говорилось о том, что в декабре 1927 г. председателем ЦБК был избран П.Г. Смидович.

С.Ф. Ольденбург был избран только членом президиума ЦБК. Кроме того, с марта 1928 г. академиков С.Ф. Ольденбурга, Н.Я. Марра и А.Е. Ферсмана вывели из состава редколлегии журнала «Известия ЦБК».

Формирование задач «нового краеведения». Весной 1929 г. краеведческим организациям было разослано письмо ЦБК «О годовых отчетах краеведческих организаций». Здесь обозначался перечень «минимальных сведений», которые следовало включать в отчеты. Перечень состоял из 12 весьма сложных в структурно-содержательном плане позиций. Например, позиция 5 – «О связях с плановыми, административными, партийными, профсоюзными органами».

В это же время коллегия Наркомпроса приняла постановление «Об изучении культурного профиля районов РСФСР». В нем предписывалось всем краеведческим организациям принять самое активное участие в этом «изучении». Перечень вопросов, подлежащих изучению, включал в себя 18 разделов, содержащих в совокупности 132 вопроса, на которые следовало дать ответ. Получалось так, что энтузиасты-краеведы должны были на общественных началах провести всесторонний профессиональный анализ в этой сфере общественной жизни и результаты его доложить Наркомпросу. Надо сказать, что в этом отношении Наркомпрос занимал вполне определенную позицию, когда высказывался за увеличение числа научных и краеведческих обществ: *«Принимая во внимание, что научно-общественная работа является наиболее дешевой, так как дает значительные результаты при сравнительно небольших затратах, мы должны и в дальнейшем стремиться к расширению сети научных и краеведческих обществ»*. Однако «дешевизна» получения результатов не сумеет перевесить «политическую целесообразность» скорого уже видоизменения, или, можно даже сказать, упразднения, краеведческих организаций.

1929 год явился последним для «Известий ЦБК» и журнала «Краеведение». С января 1930 г. вместо них начал выходить новый журнал – «Советское краеведение». В первое время его редактировал А.Ф. Вангенгейм, а осенью 1930 г. его сменил И.Г. Клабуновский.

Передовая статья первого номера «Новый этап в краеведении» была весьма красноречивой. Она четко формулировала цели нового издания, а по существу обозначала задачи «нового краеведения»: *«Обращение краеведения лицом к социалистическому строительству, перестройка рядов краеведения для активного участия в социалистическом строительстве, замена старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата».*

«Новый» этап в развитии краеведения не обошелся без академического руководства и участия. Другое дело, что это было уже совсем иное академическое руководство со стороны другой академии. На этот раз координирующие и направляющие функции были возложены на Коммунистическую Академию. Перед ней была поставлена, в частности, задача *«укрепления идеологической выдержанности краеведения».* Для этого в Комакадемии была создана Краеведческая секция.

11 февраля 1930 г. президиумом Комакадемии было утверждено руководящее бюро секции под председательством П.Г. Смидовича, заместителем его был назначен Б.В. Максимов. Позднее на базе этой секции было организовано Общество краеведов-марксистов Комакадемии как общесоюзный центр по подготовке кадров краеведов-марксистов для научной разработки и пропаганды марксистско-ленинской методологии в области краеведения. Именно на него практически легло идеологическое руководство краеведением.

22 – 25 марта 1930 г. состоялась IV Всероссийская краеведческая конференция, на которой был избран новый состав ЦБК в количестве 26 человек. Председателем вновь был избран П.Г. Смидович, а его заместителями – А.Ф. Вангенгейм, Б.В. Веселовский, И.Г. Клабуновский. Весьма примечательно, что эта краеведческая конференция практически вообще не поднимала вопросов исторического краеведения. В докладе П.Г. Смидовича, посвященном роли краеведов на путях социалистического строительства, были четко обозначены основные направления деятельности краеведческих организаций: промышленность, сельское хозяйство, горное и промысловое строительство. Краеведы должны были принимать участие в реконструкции и реорганизации промышленности, в коллективи-

зации, механизации и рационализации сельского хозяйства, в развертывании городского строительства и в общекультурной работе в рамках «культурной революции».

Новые руководители ЦБК и идеологи из Комакадемии настоятельно требовали увязывать краеведческую работу с конкретными планами социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза, при максимальном вовлечении в нее широких масс рабочих, колхозников, комсомольцев и пионеров.

Новые директивные установки и призывы руководителей краеведения вели к отчетливому искажению идеи краеведческого движения и его перерождению, тем более что обстоятельства, в которых оно развивалось, к концу 1920-х гг. стали существенно меняться. Многих представителей российской интеллигенции, готовых искренне сотрудничать с Советской властью и доказавших это на деле, на рубеже 1920 – 1930-х гг. постигло горькое разочарование в таком сотрудничестве. Начались аресты и судебные преследования многих ученых, и в том числе ученых-краеведов.

«Общественность для нас не фетиш». Этого вполне следовало ожидать, поскольку идеологическая обстановка в стране и в обществе была уже совсем не такой, как в первой половине 1920-х годов. И краеведческое движение не могло не быть этим затронуто. Так, один из руководителей Главнауки Наркомпроса А.П. Пинкевич в статье в журнале «Советское краеведение» выступил против бесспорного совсем недавно положения о том, что *«краеведение должно сделать науку достоянием широких масс населения»*. Исходя из четких идеологических установок Комакадемии, он подчеркивал: *«Мы можем признавать только ту общественность, которая исходит из интересов диктатуры пролетариата»*. И еще, в качестве окончательного вывода: *«Общественность для нас не фетиш»*.

Краеведческие организации и общества были, безусловно, общественными организациями. И весьма характерно, что к концу 1920-х гг. они, по существу, исчезают даже из перечня общественных организаций. Отметим, как это происходило.

24 апреля 1924 г. нарком внутренних дел А.Г. Белобородов направил на имя И.В. Сталина отчет об обществах и союзах, за-

регистрированных в НКВД РСФСР в 1922 – 1923 гг. Перечисленные в нем организации были классифицированы двояко – по масштабу деятельности (всероссийские и местные) и по роду деятельности:

всероссийские – научные, культурно-просветительные, литературные, художественные, религиозно-философские, национальные, спортивные, научно-промышленные, сельскохозяйственные, технические, общества помощи и взаимопомощи, юридические, антирелигиозные, религиозные, разные;

местные – научные, медицинские, юридические, краеведческие, общества инженеров и строителей, общества охраны здоровья, объединения художников и писателей, культурно-просветительные, благотворительные, сельскохозяйственные, спортивные, национальные, эсперанто, деловые объединения, прочие.

Как видно, классификация была очень дробной и охватывала всевозможные объединения, существовавшие в то время в России. Краеведческие организации занимали свое место среди местных организаций.

В отчете НКВД для ЦК ВКП(б) в апреле 1926 г. всероссийские и местные организации уже классифицировались несколько иначе:

всероссийские – научные, литературные, художественные, технические, национальные, помощи и взаимопомощи, содействия органам власти, культурно-просветительные, сельскохозяйственные;

местные – научные и научно-технические, помощи и взаимопомощи содействия органам власти, культурно-просветительные, музыкально-художественные, литературные, сельскохозяйственные, спортивные, деловые клубы, изучающие международный язык.

Из классификации общественных организаций за это время исчез целый ряд объединений, таких как благотворительные общества, религиозные общества и др. Как видно, краеведческие организации из перечня также исчезли. Зато появились новые организации, как, например, организации содействия органам власти.

В статистическом отчете НКВД на 1 января 1928 г. классификация общественных организаций заметно сузилась. Общества, не преследующие целей извлечения прибыли, были разделены на 9 видовых групп: научные и научно-технические, помощи и взаимопомощи, культурно-просветительные, музыкально-художественные, литературные, сельскохозяйственные, массовые добровольные общества, спортивные, национальные.

Такая классификация сохранялась и использовалась до начала 1930-х гг. Краеведческим организациям в ней места уже не находилось.

В феврале 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». Положение отказывало в праве существования обществам, если их задачи, цели и методы работы признавались противоречащими интересам строительства социализма. Все объединения, кроме массовых общественных организаций типа «Друг детей», «Долой неграмотность», Осоавиахим, находившихся под непосредственным контролем партийных органов, должны были в шестимесячный срок пройти перерегистрацию.

Основные направления Положения 1928 г. были уточнены в постановлениях 1930 г., которые по сути узаконили государственное руководство общественными объединениями. Это констатировалось в постановлении ЦИК и СНК СССР от 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли». А 30 августа 1930 г. было принято «Положение о добровольных обществах и союзах». Как указывалось в нем, это было сделано «... в целях привлечения добровольных обществ и союзов к активному участию в социалистическом строительстве и ввиду необходимости в соответствии с этими целями коренной перестройки форм и методов работы названных объединений, на основе широкого вовлечения в эти общества и союзы трудящихся масс и обеспечения пролетарского руководства ими».

В конце марта 1930 г., как уже отмечалось, прошла IV Всероссийская краеведческая конференция. Она заслушала доклады о роли краеведов на путях социалистического строительства и о взаимосвязи социалистического строительства и краеведения, с которыми выступили П.Г. Смидович и Г.М. Кржижановский, об-

судила теоретические и организационные вопросы. Было решено перестроить сеть краеведческих организаций так, чтобы обеспечить их подлинную массовость. Областные общества краеведения упразднялись. Создавались краеведческие ячейки на фабриках, заводах и в колхозах, учреждениях, вузах и школах. Руководство их деятельностью осуществляли районные, окружные и областные бюро краеведения.

Решения IV конференции были конкретизированы X пленумом Центрального бюро краеведения (25 – 28 января 1931 г.), который констатировал наличие *«классовой борьбы на фронте социалистического краеведения»*, требующей *«решительного и смелого разоблачения со стороны всех краеведных организаций и упорной борьбы с идеологически чуждыми и классово-враждебными элементами»*. Пленум указал на необходимость уже в 1931 г. реорганизации краеведческих обществ в систему бюро и краеведных ячеек и создания в каждом районе своего бюро краеведения. Кроме того, пленум предписал до 1933 г. создать в каждом районе не менее 10 краеведческих ячеек с минимальным числом краеведов до 150 человек, из которых 50% должны были составлять рабочие и колхозники.

Все это значило, что с 1930 г. отчетливо меняется политика государственной поддержки развития краеведческого движения в его прежних формах (хотя во многих случаях эта поддержка уже давно превратилась в «сдерживание» этого движения со стороны государства) и происходит переход к политике закрытия центральных и местных краеведческих обществ, политике репрессий против краеведов, политике строительства «нового социалистического краеведения».

Развитие исторического краеведения

Период организационного становления краеведческих обществ на местах, формирование их структуры, определение целей и задач в новой обстановке революционной России пришлось на конец 1917 – 1920 годов.

В годы гражданской войны. Внешние условия, в которых происходило складывание обществ и их первоначальная работа, были весьма сложными. В стране шла гражданская война,

усиливался экономический и социальный кризис. Однако краеведческая деятельность и в этих условиях не затухала, причем в провинции общества и организации нередко проявляли большую «живучесть», чем в центре. Незадолго до созыва I Всероссийской конференции по краеведению (1921 г.) Наркомат просвещения РСФСР отмечал, что развитие научной деятельности *«особенно сильно проявилось в провинции, где, начиная с 1918 г. возникает целый ряд научных и научно-художественных обществ и учреждений... Нет почти губернии, где бы не возникало такого общества или учреждения, иногда даже с целым рядом уездных отделений»*. В 1918 г. было создано Общество исторических, философских и социальных наук в Перми, Историко-философское общество в Саратове, в 1919 г. – Общество археологии, истории, этнографии и естествознания в Самаре, Общество истории и древностей в Минске, в 1920 г. – Общество изучения Рязанского края. В некоторых местах происходило преобразование бывших ГУАК в научно-исторические общества.

Подобная картина наблюдалась во всех регионах России. К началу 1918 г. существовало около 200 научных краеведческих обществ. В 1918 г. их возникло 87, в 1919 г. – 86, в 1920 г. – 124. Причем даже для этого времени можно констатировать иногда количественный рост членов краеведческих обществ.

Костромское научное общество по изучению местного края. Так, численность Костромского научного общества по изучению местного края, открытого еще в 1912 г., за 1917 – первую половину 1918 гг. выросла с 364 до 441 человека. При этом общества в новых условиях и применительно к ним продолжали свою активную деятельность. Уже упомянутое КНО-ИМК в своем отношении в Российскую Академию наук от 11 апреля 1918 г. сообщало о том, что в соответствии с «Обязательным постановлением Комиссариата земледелия Московской области» требовалось немедленно вывезти в Москву большие комплексы архивных документов, связанных с владением землей и недвижимостью (планы, купчие, дарственные и т.п.). В письме общества указывалось, что все эти документы имеют важное практическое и научное значение для Костромского края и было бы целесообразнее хранить их в Костроме. Письмо костромских краеведов было рассмотрено в Академии наук, которая решила

«просить Совет Народных Комиссаров об оставлении документов в Костроме».

Стоит сказать, что Костромское научное общество по изучению местного края и в дальнейшем оставалось одной из самых активных краеведческих организаций в России. Уже в начале 1920-х гг. ему удалось создать 7 своих уездных отделений, в 1921 – 1922 гг. организовать 11 небольших краеведческих музеев в уездных и заштатных городах края, сохраняя свой актив в количестве более 400 человек. В определенной степени активность общества зависела и от помощи, которую оказывали ему органы местной власти. Так, Костромской городской Совет в 1918 г. выделил КНОИМК на его работы 15 800 рублей, а в 1919 г. эта сумма выросла уже до 60 000 рублей. Горсовет способствовал открытию КНОИМК Костромского губернского общества народных университетов для организации лекционной работы среди населения, а также созданию с его же помощью при городском отделе народного образования особого Экскурсионного бюро для проведения экскурсий по краю. С 1918 г. стали публиковаться «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», выходившие вплоть до 1929 года. В 1928 г. в КНОИМК состояло 787 членов.

Саратовское общество истории, археологии и этнографии. Работать в условиях гражданской войны для краеведческих обществ было нелегко. О том, в каком положении находились они в это время, наглядно свидетельствует отчет Саратовского общества истории, археологии и этнографии за 1921 год. Среди общих условий, *«среди которых в 1921 году складывалась работа общества»*, отчет выделял последствия военных действий на территории губернии, множественные крестьянские восстания, дезорганизующие обстановку в крае, продовольственные затруднения и голод, вызванные неурожаями 1920 – 1921 гг., эпидемии (особенно холерную) и т.д. *«Эти общие условия чрезвычайно осложнили всякую работу в крае. Особенно тяжело они отразились на работе и самом существовании нашего Общества, а иногда делали ее для некоторых мест совершенно невозможной... Материальное положение многих работников Общества дошло до величайшей остроты. Старые члены Общества, много для него поработавшие в прошлые годы и продолжавшие в*

нем работать до конца, Г.Г. Дыбов и Ил.Ив. Кириштейн во второй половине года скончались на почве истощения от недоедания. Правление Общества с тревогой видело, как истощение медленным, но верным шагом подкрадывалось к ряду новых работников Общества из среды университетской молодежи, самоотверженно – часть в порядке службы, часть в порядке любительства – отдавшей Обществу свои свежие силы. Да и сами члены правления Общества оказались в весьма тяжелом положении. В июле месяце остро болел и был едва спасен от смерти виднейший работник Общества, заведующий его этнографическим музеем и отделом, создатель его Музея голода, проф. Б.М. Соколов».

Однако и в этих условиях сотрудники Саратовского общества продолжали вести научную работу. Особую тревогу у них вызывало состояние памятников истории и культуры. В уже цитированном отчете говорилось: *«Окопы гражданской войны прорезали массу курганов и ряд городищ... Переход земли к крестьянам повел за собой вскрытие курганов и распаху других... Гибли архивы и правительственных учреждений, и частных лиц, и иные: их по-прежнему продавали и жгли».*

Необходимо было торопиться спасти от гибели или хотя бы зарегистрировать погибающие памятники прошлого. Членам общества удалось произвести в это время научное описание 10 церквей в некоторых населенных пунктах Саратовской губернии, продолжить археологические раскопки и упорядочить музейный материал.

Вологодское общество изучения Северного края. В других регионах краеведческая деятельность проявлялась менее активно, как, например, в Вологодской губернии. Созданное в 1909 г. и весьма активно действовавшее до 1917 г. Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК) (до революции насчитывавшее до 500 членов и имевшее несколько уездных отделений) практически полностью прекратило свою деятельность. 1917 год, по выражению самих членов общества, захватил их революционной волной, но обычная исследовательская и культурно-просветительская работа замерла. За три года гражданской войны появилось только одно краеведческое издание по линии

общества – книга члена правления ВОИСК В.Н. Трапезникова «Наш край».

Активизировало свою деятельность ВОИСК только после окончания гражданской войны. Прежде всего оно восстановило свою издательскую деятельность. В 1921 г. вышел в свет библиографический указатель П.А. Дилакторского «Опыт указателя литературы по Северному краю», рукопись которого общество приобрело еще в 1914 г. по совету известного писателя и искусствоведа И.В. Евдокимова. В 1922 г. был утвержден новый устав ВОИСК. И с того же года начал выходить журнал «Северный край», переименованный в 1923 г. в «Север». Ведущее место в работе общества стала занимать издательская деятельность. До 1929 г. оно выпустило 22 книги по различным отраслям краеведения: истории, географии, археологии, экономики. Стоит отметить появившийся в 1923 г. биобиблиографический словарь Александра Александровича и Алексея Александровича Веселовских «Вологжане-краеведы». Вообще за 1922 – 1929 гг. из 496 вышедших в Вологодской губернии книг 61 (12,3%) имела краеведческий характер.

Краеведческие организации и общества Ярославской губернии. Быстрый рост краеведческих организаций и обществ переживала после окончания гражданской войны Ярославская губерния. Продолжали свою деятельность основанные еще до революции Ярославское естественно-историческое общество (1864) и Рыбинское научное общество (1909). Кроме того, в начале 1920-х гг. возникает целый ряд краеведческих организаций уездного, волостного и даже сельского уровня: Мологское общество изучения родного края (1920), Мышкинское естественно-историческое и краеведческое общество (1920), Бюро краеведения при Рыбинском научном обществе (1921), Ростовское научное общество изучения местного края (1924), Петровское общество изучения местного края (с. Петровское Рыбинского уезда, 1924), Угличское общество изучения местного края (1924) и др. К 1925 г. в губернии действовали 45 различных краеведческих организаций: обществ, музеев и т.д. Несколько сотен краеведов вели в губернии активную собирательскую, просветительскую и исследовательскую деятельность. Среди них такие известные в крае деятели, как И.А. Тихомиров, А.А. Золотарев, Н.В. Перцев,

Н.Г. Первухин, Н.Г. Огурцов, А.Е. Богданович, В.Н. Бочкарев, И.А. Лазарев и др.

С 1923 г. при Ярославском естественно-историческом обществе появилась секция краеведения, а еще через некоторое время (в 1924 г.) общество было преобразовано в естественно-историческое и краеведческое общество. В то время Ярославль относился наряду с Москвой, Владимиром, Тверью к важнейшим центрам краеведческого движения в стране.

Первая половина 1920-х гг. характерна динамичным ростом краеведческих организаций. В 1921 г. появилось 80 новых краеведческих учреждений, в 1922 г. – 73, в 1923 г. – 113, в 1924 г. – 244, в 1925 г. – 281.

В 1923 г. в губерниях и областях РСФСР насчитывалось 516 краеведческих организаций. Под это определение подпадали собственно краеведческие общества, кружки, местные музеи, а также некоторые научно-исследовательские институты, биологические и метеорологические станции. Сеть краеведческих организаций была особенно густой в центральных губерниях РСФСР. На территории некоторых губерний находилось до 20 – 30 краеведческих обществ, музеев и других учреждений. Для координации их деятельности в ряде регионов создавались бюро или союзы краеведения: Союз краеведческих обществ и организаций Воронежской губернии, Северо-Кавказское бюро краеведения, Башкирское областное бюро краеведения и др.

Краеведение в Сибири. В Сибири краеведческой деятельностью в первую очередь занимались отделы Русского географического общества и связанные с ними организации. В начале 1920-х гг. в собственно Сибири действовали два отдела РГО – Восточно-Сибирский в Иркутске с Красноярским подотделом и Западно-Сибирский в Омске с Алтайским и Семипалатинским подотделами. Кроме того, два отдела с четырьмя подотделами имелись на территории за Байкалом. Существовали и самостоятельные научные общества, такие как Общество изучения Сибири и улучшения ее быта в Иркутске, Общество изучения Приенисейского края в Красноярске, Орнитологическое общество в Томске и др. Для этого времени можно говорить об увеличении их численного состава: количество членов Западно-Сибирского отдела РГО с 1922 по 1923 г. выросло с 15 до 80 человек, а Восточ-

но-Сибирского отдела РГО – со 177 до 220 человек. Сравнивая деятельность краеведов различных регионов страны, Центральное бюро краеведения в 1923 г. отмечало *«ту часто энергичную работу, каковая при самых неблагоприятных условиях ведется многими краеведческими учреждениями Сибири»*.

В интересах координации краеведческой деятельности во всероссийском масштабе краевед Н.Б. Бережной (впоследствии известный историк и архивист) в 1924 г. предложил даже создать Всероссийский институт краевой истории. Эта идея не была осуществлена, хотя создание во второй половине 1920-х гг. региональных научно-исследовательских институтов, занимающихся краеведческими изысканиями (таких как НИИ Верхнего Поволжья и Русского Севера, Вятский НИИ краеведения и др.) свидетельствовало об определенном движении в этом направлении.

Краеведные учреждения СССР. По данным справочника «Краеведные учреждения СССР» на 1 января 1925 г. во Владимирской губернии действовало 19 краеведческих обществ и кружков, Калужской – 6, Рязанской – 18, Воронежской – 4, Курской – 5, Орловской – 7, Тамбовской – 9, Смоленской – 12, Вологодской – 12, Московской – 25, Иваново-Вознесенской – 10, Костромской – 10, Нижегородской – 5, Пензенской – 3, Самарской – 4, Саратовской – 7, Тверской – 9, Ярославской – 19 и т.д. Всего по стране было учтено 1303 краеведческих организации: общества, музеи, институты. Кроме того, отмечалось, что 130 центральных научных учреждений в той или иной степени по роду своей деятельности имели отношение к краеведческому движению. Из общего числа учтенных организаций 493 находились в губернских и областных городах, 519 – в уездных городах и поселках, 288 – в сельской местности.

Еще через год, по данным ЦБК на 1 марта 1926 г., в стране существовало 1405 краеведческих обществ и музеев, три четверти из которых находились в пределах России.

К осени 1927 г. на территории РСФСР было зарегистрировано 814 краеведческих организаций. Несколько меньше было краеведческих музеев. Всего на территории СССР их насчитывалось 576, из них 456 находились в России. 111 краеведческих музеев находились в областях и губерниях, 227 – в уездных и окружных центрах, 118 – в волостях.

К этому времени краеведческое движение еще развивалось по восходящей линии. Пока оно не нарушало идеологических планов правящей партии. Надо сказать, что как раз с идеологической стороны изучение родного края и основ народной жизни вполне устраивало большевиков и демократичностью, и любительской простотой. С другой стороны, краеведческое движение усиливалось возросшим участием в нем профессионально подготовленной научной интеллигенции страны, которая шла на сотрудничество с большевиками. И вот здесь уже возникали определенные идеологические «сомнения». Представления об интеллигенции, ее месте и роли в общественном развитии и культуре у большевиков не менялись. *«Монопольной хранительницей и рассадницей культурных ценностей, – писал в 1923 г. будущий академик-марксист В.М. Фриче, – была буржуазная интеллигенция. Она задавала тон во всех областях интеллектуально-эмоционального творчества и налагала печать своего социального «я» на содержание и форму культуры. В высших учебных заведениях, в литературных кружках, в государственных и частных театрах, в редакциях журналов и издательствах, везде и повсюду руководящую роль играла интеллигенция буржуазии, считавшая культурное дело своей неотъемлемой монополией и распространявшая культуру исключительно свою. Плоть от плоти господствующего класса была и среда, приобщавшаяся к культурным ценностям и достижениям. ... Красным мечом проложил октябрь нестираемую грань между прошлым и настоящим. Совершенно изменилась, во-первых, социальная среда, являющаяся носителем и восприимчиком культуры, и совершенно изменился и самый характер культуры, покоящейся ныне на иных идеологических началах».* Как видно, «смены вех» в отношении интеллигенции у правящей партии не произошло, что она в течение 1920-х гг. демонстрировала с завидной последовательностью и очевидностью. В свою очередь, интеллигенция несмотря ни на что стремилась сохранить свои надежды на сотрудничество с властью. *«В те годы, – писал позже известный историк и краевед Н.П. Анциферов, – я принадлежал к среде, которая не верила в возможность в бурях гражданских войн большевикам уцелеть. История учила, что всякая революция кончается каким-нибудь термидором, либо каким-нибудь брюмером. Однако я и мои то-*

варищи и друзья считали своим радостным долгом помочь Советской власти в области культурной революции. «Радостным», т.к. все мы были захвачены сознанием, живым ощущением пробуждения могучих сил народа. Все бурлило. Открывались новые возможности для применения своих сил. Создавались новые учреждения, где мы могли работать, новой жизнью закипали старые. < ... > Новые люди, нет, не люди, а социальные слои хлынули в культуру». Действительно, революция, подчеркивает В.А. Бердинских, «всколыхнула всю толщу народной массы, и разбуженная народная инициатива устремилась в том числе и в разного рода краеведческие кружки и организации. Одни изучали историю своего села, записывали предания и частушки; другие организовывали музеи (своеобразный «музейный бум»), создавали журналы, вели археологические раскопки, искали полезные ископаемые. Созданная до революции 1917 года своеобразная матрица тематики и проблематики краеведческих работ (архивы, издания источников, музеи, раскопки, этнографические и статистические описания по анкетам и научным программам) масштабно и по-государственному развернулась в 1920-е годы».

Соловецкие краеведы. Краеведческая работа велась повсеместно, даже там, где трудно было представить себе подобную деятельность. Во время 2-го областного краеведческого съезда в Архангельске (июнь 1925 г.) большой интерес у его участников вызвал доклад представителя Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения (СОАОК) А. Глаголева, «который познакомил съезд с условиями работы отделения, состоявшего из вольных и невольных жителей Соловецких островов, показал возможность энергичной работы людей даже в таких совершенно исключительных условиях». Местные краеведы активно участвовали в издании журнала «Соловецкие острова» и газеты «Новые Соловки», хотя это были печатные органы Управления Соловецкими лагерями особого назначения (СЛОН). С третьего номера журнала «Соловецкие острова» в нем появился постоянный отдел «Краеведение», который постоянно расширялся. Авторами этого отдела являлись члены Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения, возникшего на основе «Комиссии по изучению флоры и фауны Соловецких островов» 13 марта 1925 года.

Объем научной работы СОАОК был весьма обширен, причем отчетливо было заметно преобладание производственного краеведения над историческим, поскольку основные направления исследований определялись хозяйственными интересами лагеря.

На одном из заседаний ЦБК в апреле 1926 г. обсуждался доклад П.А. Петрова о деятельности соловецких краеведов. В докладе отмечалось, что работа главным образом ведется политическими ссыльными, а актив общества составляют 150 человек. Энтузиастами-краеведами были созданы Биологический сад и станция, питомник чернобурых лисиц, в трех церквях были открыты музейные экспозиции, активно велись геологическое изучение территории и гидрологические исследования озер, прилагались усилия по охране древних скитов и т.д. Находившийся в то время в соловецкой ссылке журналист М.М. Розанов позже вспоминал: *«Все научные работники нашли приют под сенью СОКа – Соловецкого общества краеведения. Ученые старички копошились в музее, реставрировали богатую коллекцию древних икон, изучали островную флору и фауну и выполняли специальные поручения Всесоюзной Академии Наук, отпускавшей для СОКа специальные средства».*

В этой связи можно сказать, что ироническое замечание американского историка Д.Х. Биллингтона о том, что *«порой в лагерях сталинской эпохи, кажется, было больше ученых, чем в университетах»*, вполне соответствовало действительности. Тем более, что в данном случае Д.Х. Биллингтон имел в виду как раз Соловки.

Д.С. Лихачев, вспоминая о своем пребывании в Соловецком лагере, писал: *«Самым примечательным для меня местом на Соловках был Музей. Много в его существовании, если не загадочно, то во всяком случае удивительно. Во главе Соловецкого общества краеведения в середине 20-х гг. стоял эстонец Эйхманс... Человек относительно интеллигентный. Получилось так, что из заведующего Музеем он стал начальником лагеря и при этом чрезвычайно жестоким. Но к Музею он питал уважение, и Музей даже после его отъезда ... сохранял особое положение. < ... >*

Примерно с 1927 г. заведующим Музеем стал заключенный Николай Николаевич Виноградов. < ... > Знаток этнографии, старых вещей, фольклора, древней литературы он был очень

большой. < ... > Н.Н. Виноградов ... делал очень много для оказавшейся на Соловках интеллигенции, в том числе и для молодых художников и поэтов, которых было в лагере немало».

Авторитет и значение деятельности соловецких краеведов подтвердила комиссия, прибывшая в Соловки летом 1926 г., в состав которой входили: профессор П.Ю. Шмидт (АН СССР), Д.Д. Руднев (ЦБК) и А.Ф. Бенкен (ЛГУ). Комиссия поставила вопрос о преобразовании СОАОК в самостоятельное Соловецкое общество краеведения (СОК). В октябре 1926 г. это преобразование было проведено.

С 1926 г. стали издаваться отдельными сборниками «Материалы СОК» и выходили они до 1929 г., всего вышло 23 выпуска. Затем издание сборника прекратилось. К этому времени исчезают и историко-краеведческие работы из содержания журнала «Соловецкие острова».

Местные краеведческие съезды и конференции. Важнейшей составной частью научной деятельности краеведческих обществ являлись губернские и уездные краеведческие съезды и конференции, которые созывались прежде всего для координации краеведческой работы. На них избирались правления губернских краеведческих обществ, в состав которых входили также представители филиалов. Правления контролировали исполнение постановлений съездов, ведали научными, финансовыми и хозяйственными делами.

В задачу ревизионных комиссий обществ, избираемых на съездах, входил контроль за административно-хозяйственной деятельностью обществ, расхождением денежных средств, ведением делопроизводства и отчетности.

Материальные средства обществ состояли из членских взносов, поступлений от продажи печатных изданий, субсидий Наркомата просвещения РСФСР и ассигнований местных органов власти.

На съездах и конференциях обсуждались вопросы изучения природных условий края, охраны памятников истории и культуры, организации музеев в уездах и волостях, развития экскурсионной работы, проблем школьного краеведения. Приведем в качестве примера I Костромской губернский краеведческий съезд, состоявшийся в уездном городе Галиче 15 – 17 июня 1924 г. В

работе съезда приняли участие представители почти всех уездов Костромской губернии, Костромы, а также Центрального бюро краеведения из Москвы. Было заслушано 20 докладов на научно-краеведческие темы, большинство из которых имело практическое значение, в том числе и для решения экономических проблем губернии.

Так, председатель Галичского уездного исполкома Бушуев выступил с докладом «Результаты экономического обследования Галичского уезда». Съезд в своей резолюции призвал все уездные краеведческие общества последовать примеру Галича и провести подобные экономические обследования, имеющие большое народнохозяйственное значение.

Стоит отметить еще один доклад, сделанный на съезде В.В. Касторским, – «Об охране памятников старины, природы и быта».

Значение съезда заключалось не только в подведении итогов работы костромских краеведов за 1917 – 1924 гг. и в констатации ее состояния ко времени работы съезда, но и в том, что он разработал целый ряд деловых рекомендаций. Так, было рекомендовано составить краткие путеводители по всем уездам, составить библиографию и историко-географический словарь по каждому уезду и, кроме того, начать сбор материалов для биографического словаря замечательных людей Костромского края. Большинство постановлений и рекомендаций съезда было впоследствии выполнено.

Направления деятельности и состав краеведческих обществ. Результаты научной работы краеведов фиксировались и активно обсуждались не только на их съездах и конференциях, но и на общих и секционных собраниях краеведческих обществ. Так, Костромское общество за период с 1917 по 1928 гг. провело 143 общих собрания, на которых обсудили 209 докладов. На собраниях Иваново-Вознесенского общества с 1924 по 1929 гг. было заслушано около 100 докладов.

Большинство докладов и сообщений, делавшихся на заседаниях обществ, носило краеведческий характер, поскольку опиралось на материалы местных архивов и личные исследования авторов. Тематика докладов была чрезвычайно разнообразной, что отражало сущность деятельности краеведческих обществ – изу-

чение края во всем его многообразии. Практически каждое краеведческое общество структурно состояло из нескольких секций – первичных научно-исследовательских подразделений. В этих секциях и проходила вся краеведческая работа.

В составе Иваново-Вознесенского общества с момента его создания (1924 г.) существовали четыре секции: естественно-историческая, историко-археологическая, экономическая и библиографическая.

Работа Нижегородского общества проходила в пяти секциях: природы и сельского хозяйства, исторической, промышленно-экономической, школьного краеведения и этнографической.

Ярославское естественно-историческое и краеведческое общество имело *«кроме своего основного ядра, две секции – краеведческую и физико-математическую»*. За 1923 – 1928 гг. краеведческая секция, насчитывавшая к концу периода 64 члена, заслушала 66 докладов.

Наличие внутри краеведческих обществ определенных секций свидетельствовало, что работа обществ велась по трем основным направлениям – естественно-историческому, культурно-историческому и экономическому. В то же время каждое общество имело какое-то приоритетное направление в своей работе. Так, деятельность Нижневолжского научного общества в Саратове носила преимущественно культурно-исторический характер. Отчасти это можно объяснить тем, что значительную часть его составляли профессора и преподаватели гуманитарных факультетов Саратовского университета. Надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев краеведческие общества состояли в основном из местной интеллигенции.

Среди руководителей и членов краеведческих обществ было много выдающихся ученых и специалистов по разным отраслям знания. Так, в Ярославском естественно-историческом и краеведческом обществе работали историки И.А. Тихомиров, В.Н. Бочкарев, Н.Г. Первухин, И.И. Полосин, А.И. Смирнов, С.С. Дмитриев, археолог Д.Н. Эдинг, географ М.Е. Кадек, биологи А.В. Шестаков, Н.И. Шаханин, Б.Л. Бернштейн, библиограф Н.Г. Огурцов, этнограф Д.А. Золотарев, искусствоведы и музейные работники В.А. и Н.В. Перцевы. Членами Общества изучения Тверского края были историк А.Н. Вершинский и педагог

В.А. Герд. В Костромское научное общество по изучению местного края входили историки Е.Ф. Дюбюк, И.В. Мешалин, статистик Н.И. Воробьев, экономист Н.Д. Кондратьев, почвовед А.А. Красюк, ихтиолог И.Ф. Правдин, этнограф В.И. Смирнов, археологи А.А. Спицын и П.Н. Третьяков, антрополог Е.М. Чепурковский, искусствовед А.И. Некрасов, лесовед Г.Ф. Морозов, педагог П.В. Иванов. Председателем Нижегородского научного общества был историк С.И. Архангельский. Председателем Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания – археолог А.С. Башкиров. Председателем Саратовского общества истории, археологии и этнографии (с 1923 г. – Нижневолжское научное общество краеведения) – историк С.Н. Чернов. В это общество также входили историки С.В. Юшков, В.И. Веретенников, А.А. Гераклитов, В.В. Буш, Е.Н. Кушечкина, П.Г. Любомиров, археологи П.С. Рыков, А.А. Кротков, этнограф, филолог и музейный деятель Г.Г. Дингес, фольклористы Б.М. Соколов и Ю.М. Соколов. В Переславле-Залесском активнейшим краеведом являлся М.И. Смирнов.

На достаточно высоком уровне находилось информационное обеспечение краеведческих организаций. Информация о деятельности ЦБК и местных краеведческих обществ, хроника их съездов и конференций регулярно помещались в центральных органах ЦБК – журналах «Краеведение» и «Известия ЦБК». Весьма активной была и издательская деятельность краеведческих организаций. В 1920-е гг. более 150 из них имели свои периодические издания: «Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края» (1921 – 1923), «Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения» (1925 – 1934), «Труды Научного общества по изучению Вятского края» (1926 – 1928), «Известия Красноярского отделения Русского Географического общества», «Летопись краеведения» (Тверь), «Пермский краеведческий сборник» (Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, 1924 – 1928), «Сибирская живая старина» (Восточно-Сибирского отделения РГО; Иркутск, 1923 – 1929), «Материалы по изучению Орловского края», «Воронежский краеведческий сборник» (Общества для изучения Воронежского края, 1924 – 1927), «Вестник рязанских краеведов» (Общества исследователей Рязанского края, 1923 – 1925), «Ярославский

край», «Труды Иваново-Вознесенского научного общества краеведения» (1924 – 1929), «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения» (Саратов, 1923 – 1930), «Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края» (1926 – 1927), «Московский краевед» (Общества изучения Московской губернии, 1927 – 1930) и т.д. Свои издания имели некоторые уездные и даже волостные общества: «Ветлужский край», «Родной край» (г. Рыбинск Ярославской губернии), «Труды Дмитровского краеведческого музея» (г.Дмитров Московской губернии), «Материалы по изучению Муромского края» (Муромского научного общества по изучению местного края, 1926 – 1927), «Записки Северо-Двинского общества изучения местного края» (Великий Устюг, 1926 – 1929), «Известия Общества изучения местного края» (г. Порхов Псковской губернии), «Материалы по изучению Тагильского округа» (Тагильского музея краеведения и Тагильского общества изучения местного края, 1927 – 1930), «Наш родной край» (Софринская волость Московской губернии) и т.д.

Эволюция программных задач исторического краеведения. Вернемся к началу 1920-х гг., а точнее, ко времени работы I Всероссийской краеведческой конференции, которая состоялась в Москве в период с 12 по 20 декабря 1921 г. Она созывалась с целью *«привести к согласованию и планомерной работе сеть краеведных обществ и учреждений и тем начать новую реальную организацию изучения России»*. Стоит отметить весьма примечательный доклад, который сделал на конференции академик М.М. Богословский, «Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи». Высказанные в докладе «пожелания» выглядели как своеобразная программа развития исторического краеведения. Он отметил: *«Во-первых, необходимо собирание материалов по отдельным местностям, по отдельным краям, как бы мелки эти края не были, собирание материала этнографического, имеющего столь существенное значение при изучении исторических явлений, затем археологического материала в виде различных вещественных памятников старины, затем собирание различных исторических документов в виде письменных памятников, сохранившихся на местах. С собиранием ближайшим образом должно быть связано и изучение*

на местах этих памятников истории, быта, археологических, разных произведений искусства и пр. Предметов, из которых звучит и глядит на нас местная старина. Желательно, чтобы это собирание не прекратилось, а продолжалось, расширялось и шло оживленным темпом. Затем на следующей, более высокой ступени стоит научная обработка этого первоначального материала, этих первоначальных источников, производство местных исследований, научных работ по истории отдельных областей. < ... > Научные исследования по местной областной истории я и ставлю, как второе пожелание. Затем я выдвигаю необходимость поощрения этих местных исследований и устройства такой обстановки, при которой они были бы более возможны и которые сообщали бы им движение. Я подразумеваю тут местные ученые общества, которые ставили бы себе задачей такие изыскания по истории того или иного края. Такие местные общества у нас существовали в виде ученых архивных комиссий или в виде местных археологических и этнографических обществ и т.д. Их работа была бы, я думаю, очень полезна прежде всего в том отношении, что объединяла бы силы местных историков и давала бы общий фон. Вот те пожелания, с которыми можно обратиться к тем лицам, которые посвящают свою деятельность изысканиям по областной и местной истории».

Надо, однако, сказать, что уже с начала 1920-х гг. руководство Наркомата просвещения РСФСР предпринимало неоднократные попытки изменить тематику краеведческих исследований преимущественно в сторону изучения производительных сил страны и ее отдельных регионов. В адрес II краеведческой конференции в Москве (1924 г.) Главнаука Наркомпроса направила письмо, в котором говорилось, что «краеведческим обществам необходимо концентрировать основное, если не все внимание, на изучении производительных сил СССР, уделяя минимальное внимание, чтобы не распылить сил и средств, любительству и академизму (занятия фольклором, академическим изучением фауны и флоры и т.д.)». В письме далее отмечалось, что «некоторые общества сделали в этом отношении большие достижения, например, Архангельское, Иваново-Вознесенское. Другие же, наоборот, не изменили своей физиономии со времен царских и остались любительски-

ми до сего времени. Главнаука будет субсидировать и поддерживать только первые, что же касается вторых, Главнаука даже склонна поставить вопрос о их закрытии». Совсем не случайно II краеведческая конференция в своей резолюции подчеркнула необходимость «тесной связи краеведения не только с научными учреждениями Республики, но и с хозяйственным, просветительным и партийным строительством». Уже в это время краеведческим исследованиям все чаще начинают придавать конкретно-прикладной характер, подчинять их изучению и решению конкретных вопросов хозяйственного строительства.

Два краеведения. Как раз в это время в краеведении возникают два заметно обособляющихся направления – «производственное» и «историко-культурное». Представители первого из них настаивали на полном подчинении задачи изучения края «нуждам социалистического строительства» (составление карт полезных ископаемых и т.п.). Известный историк и краевед, сотрудник существовавшего в первой половине 1920-х гг. Петроградского Экскурсионного института Н.П. Анциферов позже писал: «Мы боролись с Московским ЦБК, которое хотело свести краеведение с его широкими задачами лишь к «производственному краеведению», исключаящему из своей программы изучение прошлого края. Мы, ленинградцы, выдвигали тезис: край нужно изучать не краешком, а целокупно, только тогда краеведение сможет превратиться в краеведение...». В другом случае, характеризуя взгляды культуролога и краеведа, заведующего Гуманитарным отделом Петроградского Экскурсионного института И.М. Гревса, Н.П. Анциферов подчеркивал, что «он возлагал особые надежды на это [краеведческое – А.С.] движение в деле культурного строительства страны. Он настаивал на целокупном изучении края. < ... > Для понимания настоящего, для подготовки будущего необходимо знать прошлое края. Некоторые краеведы Москвы и Сибири, сторонники так называемого «производственного краеведения», стремились сузить рамки краеведения, ограничив его изучением производительных сил и производства. Иван Михайлович был одним из тех членов ЦБК, которые требовали в интересах социалистического строительства этого «целокупного» краеведения. Лишь всестороннее изучение края может обеспечить глубокое познание производительных

сил и [решение] задач производства. Только тогда «краеведение может стать краеведением». За эти идеи приходилось вести трудную борьбу». О том, что за идеи приходилось бороться, свидетельствует судьба самого И.М. Гревса. В 1920-е гг. он и его ученики подвергались частым нападкам за «идеализм». Гревс был теоретиком и активным проводником экскурсионного метода в преподавании истории и в краеведении. В 1921 – 1924 гг. он возглавлял Гуманитарный отдел Петроградского Экскурсионного института (1920 – 1925). С 1925 г. являлся членом ЦБК и активно работал в нем. В 1930 г. был арестован, как и многие другие краеведы и деятели культуры. Правда, в заключении пробыл не столь долго и после освобождения до конца жизни занимался только преподавательской деятельностью в университете. К слову сказать, аналогичной была судьба и Н.П. Анциферова, который также был арестован и провел определенное время в тюрьме и ссылке.

В конце 1924 г., формулируя цели и задачи краеведения, И.М. Гревс писал: *«Краеведение – один из самых действенных органов развития просвещения в широких массах, это дело вызывает интерес, труд и вдохновение, оно поднимает и организует силы. Это совсем естественно и очень отрадно в стране, переживающей жестокий кризис».*

Споры и дискуссии о целях и задачах краеведения возникали не только в центре. Провинция в этом плане была не менее активной, хотя на местах дискуссия приобретала зачастую несколько иные, далеко не теоретические оттенки. Так, в 1924 – 1925 гг. на страницах вологодской газеты «Красный Север» развернулась дискуссия «о путях развития краеведения». Сторонники «новой волны» обвиняли старых краеведов в «оторванности от жизни» и «гробокопательстве». Они предложили поставить краеведческую работу «на службу строительства социализма», подчинив ее партийным и советским органам и «расширив социальную базу краеведения». Представители же «старого» краеведения возражали против такого утилитарного подхода и отстаивали идею сотрудничества, а не подчинения краеведческих обществ партийным и государственным органам. Они весьма скептически относились к массовому вовлечению в краеведческую работу широких масс рабочих и крестьян. В конечном счете, в краевед-

дению и искусству, краеведению и обороне страны, роли библиотек в краеведческой работе, краеведению в национальных объединениях и др. При этом весьма характерно, что на первый план в работе конференции вышел организационный вопрос, вызвавший ожесточенные споры. Резолюция о путях и задачах краеведения согласовывалась и уточнялась почти трое суток. В конечном счете, победили те, кто выступал за переориентацию краеведения в сторону разрешения ближайших конкретных экономических проблем, появляющихся в ходе строительства социализма.

Такого исхода следовало ожидать, поскольку вопрос о подчинении краеведения решению конкретных задач хозяйственного строительства возник далеко не в 1927 году. Еще в 1921 г., закрывая I Всероссийскую краеведческую конференцию, нарком просвещения А.В. Луначарский подчеркнул: *«Конечно, совершенно очевидно, что вам придется в первую голову обратить внимание на те вопросы краеведения, которые тесно связаны с хозяйством. < ... > Чисто исторические или научные условия, которые, косвенно или частично, связаны с этими конкретными условиями хозяйства, должны отступить на задний план».*

Председатель Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР Н.К. Крупская неоднократно указывала на необходимость нового подхода к целям и задачам краеведения в условиях социалистического строительства. *«Подход с точки зрения краеведения, как мы его теперь понимаем, – говорила она 19 ноября 1926 г., выступая на конференции заведующих уездными центральными библиотеками, – не в старом смысле, когда центр внимания краеведной работы был направлен только на археологию, фольклор, памятники старины и т.д., а в новом его понимании, когда в понятие краеведения входит в первую очередь изучение экономики, общественной жизни, недавнего прошлого и т.д., – что такой подход даст возможность лучше организовать удовлетворение потребностей населения. < ... > Краеведение мы должны понимать ... как изучение всей суммы экономических и политических факторов».*

В декабре 1927 г., обращаясь к делегатам III Всероссийской краеведческой конференции, она еще раз подчеркнула, что *«во времена царской власти»*, когда возникло краеведение, *«вопросы*

хозяйственных условий, условий политических не затрагивались краеведами. Область краеведения искусственно суживалась. Теперь же жизнь требует расширения круга тех вопросов, которые изучает краевед».

Производительные силы края – главный объект изучения. По этой причине краеведческие общества были вынуждены «расширять круг вопросов», которыми они занимались и, в частности, активизировать свою деятельность по изучению производительных сил местного края. Результаты ее часто обобщались и систематизировались на губернских конференциях по изучению производительных сил, где обсуждались, главным образом, вопросы экономики и изучения природных ресурсов.

Однако сначала эти вопросы были поставлены на организованной Госпланом 20 – 26 марта 1923 г. I Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил страны. На ней были рассмотрены вопросы о необходимости централизованного учета результатов работы в плановых органах Республики, а также при губернских и областных экономсоветах, о публикации материалов по изучению производительных сил, об организации дальнейшей работы. Было предложено выделить центральные научно-исследовательские учреждения, определяющие направления работ в каждой научной области и систему местных краеведческих организаций.

Одной из первых таких губернских конференций стала I конференция по изучению производительных сил Костромского края (1 – 3 декабря 1923 г.), которая рассмотрела вопросы изучения природы, сельского хозяйства, промышленности, промыслов. Конференция дала высокую оценку деятельности Костромского научного общества по изучению местного края, отметив, что успешное выполнение работ по изучению края могло осуществиться лишь благодаря энергии краеведов.

В 1924 г. конференция по изучению производительных сил состоялась в Иваново-Вознесенске.

Две конференции (1924 г. и 1927 г.) по изучению производительных сил края были проведены в Ярославле. Первая конференция по изучению производительных сил, народного хозяйства и природы Ярославского края была организована Ярославским губпланом и Ярославским естественно-историческим и краевед-

ческим обществом, отмечавшим свой 60-летний юбилей, и проведена 1 – 5 июня 1924 г.

В работе конференции приняли участие 56 человек, в том числе: представителей краеведческих и научных организаций – 43, представителей высшей школы – 5, государственных учреждений: культурно-просветительных – 5, административно-хозяйственных – 8, представителей прессы – 1, прочих – 3.

Примечательны основные направления работы конференции, по которым было сделано 46 докладов: Климат Ярославского края; Недра и воды Ярославского края и их использование; Флора и фауна Ярославского края; Этнография и краеведение; Сельское хозяйство; Промышленность Ярославского края; Пути сообщения и транспорт; Вопросы народного здоровья; Народное образование.

Весьма содержательными и конкретными были резолюции по большинству заслушанных докладов. Выделим некоторые из них, взяв для примера доклады по направлению «Этнография и краеведение». Одним из основных здесь стал доклад Н.Г. Первухина «Музейное строительство в Ярославской губернии», по которому было принято следующее решение: *«Учитывая, во-первых, что всякий музей какого бы то ни было типа, является исследовательской лабораторией, необходимой в изучении края и его производительных сил, во-вторых, Ярославская губ., в силу своей историко-географической особенности занимает исключительное положение во всей Центрально-Промышленной области, как музейный резервуар, издавна питающий наши культурные центры и, в-третьих, что в пределах губернии и за последние годы проявилось могучее музейно-краевое строительство даже в волостях, признать необходимым: 1. Всемерную поддержку всех музеев в губернии. 2. Установление твердой губернской сети музейных учреждений. 3. Направить особое внимание в работах музеев на изучение производительных сил губернии и народного быта. 4. Организацию в каждом краеведческом музее экономического отдела»*. Кроме того, на секции были заслушаны такие доклады, как: «Местные архивы и их значение для изучения Ярославского края» (А.И. Смирнов), «Литература о Ярославском крае» (Н.Г. Огурцов) и «Родной язык в школьном краеведении» (А.М. Смирнов). В резолюциях по каждому из них были намече-

ны конкретные мероприятия по развитию архивного дела, издательской и библиографической деятельности в краеведческой сфере и школьного краеведения в Ярославской губернии. Другое дело, что выполнить потом эти развернутые «программы действий» удалось далеко не полностью.

Конференция высказалась за объединение *«всех местных сил и средств, направленных на исследовательскую работу по изучению местного края»* посредством создания *«губернской организации по изучению производительных сил»*.

Аðîðàÿ конференция по изучению производительных сил Ярославской губернии состоялась 15 – 20 мая 1927 года. Теперь она созывалась уже Комитетом Ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии, созданной при Ярославском губплане. В ней принимало участие 85 человек, в том числе: представителей краеведческих, музейных и научных организаций – 21, представителей высшей школы и техникумов – 8, государственных, административно-хозяйственных и профессиональных учреждений – 10, членов сотрудников Ассоциации – 21, гостей – 25 человек. Конференция констатировала, что за время между двумя конференциями: *«В изучении производительных сил Ярославской губ. сделаны значительные достижения: выполнено свыше 60 исследовательских работ по природе, экономике и культурно-бытовым вопросам края, причем ряд работ отвечал назревшим хозяйственным потребностям края; создана Ассоциация по изучению производительных сил, объединявшая за два последние года исследовательскую работу и содействовавшая ей и организационно и материально; в объединение организаций, ведущих исследовательскую работу, вовлечены живые исследовательские силы в виде института членов сотрудников Ассоциации»*. В то же время было отмечено, что большинство сложностей и трудностей в деятельности по изучению местного края связано со скудостью средств, отпускавшихся на исследования, что *«исследовательские работы, выполняемые в общественно-научном порядке, не только не имели надлежащей материальной базы, но почти всецело покоились на бесплатном труде исследователей и их самоотверженной работе по изучению местных производительных сил»*.

С учетом этого важнейшей задачей, поставленной перед Ассоциацией по изучению производительных сил, было поставлено надлежащее материально-финансовое обеспечение исследовательских работ. В качестве же организационных задач были определены следующие: «1. Учреждение Научно-Исследовательского Института Верхнего Поволжья. 2. Расширение и укрепление краеведческих организаций губернии. 3. Усиление исследовательской работы отдельных научных организаций, местных учреждений и хозорганов и более тесная увязка ее с Ассоциацией по изучению производительных сил».

В 1928 г. был создан Научно-Исследовательский Институт Верхнего Поволжья и Русского Севера с центром в г. Иваново. В Ярославле находился его филиал, которым руководил профессор В.Н. Бочкарев. Институт развернул исследовательскую работу по трем направлениям: природа, экономика, человек. К этому времени в ведении Главнауки Наркомпроса находилось 4 комплексных исследовательских института, занимающихся краеведческими изысканиями (включая НИИ Верхнего Поволжья и Русского Севера, Вятский НИИ краеведения и др.) и еще 5 аналогичных НИИ было создано при высших учебных заведениях (Краеведческий институт изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете и др.) До конца первой пятилетки предполагалось открыть еще 6 новых областных исследовательских институтов краеведения.

Две губернские конференции по изучению производительных сил края состоялись в Нижнем Новгороде (28 ноября – 1 декабря 1925 г. и 2 февраля – 1 марта 1927 г.). В работе конференций участвовали ведущие нижегородские ученые – преподаватели университета и краеведы: геологи Н.М. Романов, Б.П. Серебряков, антрополог Б.С. Жуков, эколог В.П. Ногтев. На конференции была создана Ассоциация по изучению производительных сил, которая работала в тесном контакте с Нижегородским обществом по изучению местного края. Ассоциация опубликовала 11 выпусков печатных трудов «Производительные силы Нижегородской губернии». Стоит также отметить, что при Ассоциации была организована библиографическая комиссия по учету печатных работ, имеющих отношение к историческому прошлому Нижегородского края. В работе Ассоциации самое активное

участие принимали Нижегородское научное общество по изучению местного края (1924 – 1932) и Археолого-этнологическая комиссия (1921 – 1930). Последняя существовала самостоятельно до 1930 г., когда была присоединена к Обществу краеведения в качестве секции истории и материальной культуры.

В Новосибирске проходил 15 – 21 декабря 1926 г. Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд, основной темой которого стали производительные силы Сибири: их учет, регистрация, исследование и рациональное использование в связи с индустриализацией. Одобрив идею подключения ученых к выработке генерального плана развития хозяйства Сибири, съезд высказался за то, чтобы поручить работу по координации и формам организации исследовательской деятельности Обществу по изучению производительных сил Сибири, созданному в 1925 году. В связи с этим было решено расширить состав Общества и превратить его в ассоциацию всех научно-исследовательских организаций. Наряду с вузами и краеведческими организациями в Общество вошли представители от советских, хозяйственных и плановых организаций. Расширение рамок деятельности Общества и привлечение новых членов обусловило переименование его в Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Здесь нужно особо подчеркнуть, что решение важнейшего вопроса о координации и планировании исследовательской работы шло через расширение сферы деятельности краеведческой организации, какой являлось Общество по изучению производительных сил Сибири, и превращение ее во всесибирский координационный центр.

В 1930 г. в стране насчитывалось 2 334 краеведческих организации. К этому времени они представляли собой самую многочисленную категорию общественных организаций. Действуя практически повсеместно, они объединяли в своей работе значительное число людей, и прежде всего представителей интеллигенции. Во многих губерниях, уездах и городах они нередко были единственными научными и культурными центрами. Гонения на научную интеллигенцию, начавшиеся в конце 1920-х гг., ощутило коснулись этой группы общественных организаций и связанных с ними общественных деятелей, профессуры и преподавателей, музейных работников.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) потребовал усилить борьбу с враждебным влиянием интеллигенции на социалистическое строительство. Примечательно, что уже через несколько месяцев, в апреле 1928 г. была создана новая организация – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО), которая и занялась деятельностью в этом направлении. I Всесоюзная конференция ее (апрель 1928 г.) заявила в своем обращении к работникам науки и техники, что *«в знаменательный период мирного хозяйственного и культурного развития интеллигенция не должна быть нейтральной, а должна принять активное участие в деле планирования и осуществления капитального строительства всей промышленности страны»*.

Всех ученых ВАРНИТСО поделила на три группы, взяв в качестве критерия отношение к партии и Советской власти: *«1) группа активных советских работников, идейно солидарных с Коммунистической партией и Советской властью; 2) группа промежуточных и колеблющихся; 3) группа противников Советской власти, тайно или явно враждебных социалистическому строительству»*. И отношения с каждой из этих групп выстраивались соответствующим образом.

Стоит упомянуть и о том, что в 1930 г. ВАРНИТСО разработала даже классификацию вредительства в научной области. К понятию «вредительство» в ней относились: псевдомарксистские теории, ослабление требовательности к студентам, понижение качества руководства аспирантами и т.п. Более того, указывалось, что диалектика революционного строительства приводит к неизбежному расширению понятия вредительства, в связи с чем устанавливалась категория «потенциальных вредителей».

Расширительное толкование вредительства привело не только к массовым репрессиям членов многих общественных организаций, но и к ликвидации самих этих организаций. Под этим флагом были сфабрикованы многие следственные дела и организованы массовые аресты. Причем процессы над краеведами оказались одними из самых крупных на рубеже 1920 – 1930-х гг.

«Академическое дело». Но прежде чем говорить об этих процессах, следует сказать о том «деле», с которым они оказались взаимоувязаны – «деле Академии наук» («деле историков»,

или «деле Платонова – Тарле»). Его формирование прошло несколько этапов. Первый был связан с провалом на выборах в Академию в январе 1929 г. трех кандидатов-коммунистов, избравшихся в числе 42 новых академиков. В газетах немедленно появились требования *«реорганизовать Академию наук»*, *«провести там тщательную политическую проверку»*, а затем и политические характеристики многих академиков с указанием на их *«контрреволюционное прошлое»*. Однако уже в феврале 1929 г., когда А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче были благополучно переизбраны, политическая кампания против Академии сразу прекратилась. Но уже через четыре месяца последовал следующий газетный штурм Академии наук.

В августе 1929 г. появились сообщения о работе комиссии по чистке Академии: из 259 проверенных к 23 августа было «вычищено» 71. Вычищали преимущественно гуманитариев, а основным удар был направлен на учреждения, которые возглавлял С.Ф. Платонов: Библиотеку Академии наук и Пушкинский дом. К тому же выяснилось, что в этих учреждениях хранятся документы, *«имеющие важное политическое значение»*. Газеты писали, что их хранение там должно *«каратся военным судом»*. В конце 1929 г. начались аресты сотрудников Академии наук, в основном историков-архивистов. Но в первые же недели следствия выяснилось, что большинство документов, о которых шла речь, попало в учреждения Академии до 1917 года. Обвинение в незаконном хранении документов отошло на второй план.

В Москве в это время шла активная подготовка к будущим показательным процессам «вредителей» («Промпартии» и др.). Стараясь не отставать от столицы, Ленинградское ОГПУ, начало «создавать» из арестованных ученых *«монархическую контрреволюционную организацию»* – *«Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»* во главе с учеными-историками С.Ф. Платоновым и М.М. Богословским (ко времени возникновения дела уже умершим). В середине января 1930 г. был арестован С.Ф. Платонов и вскоре его ближайшие сотрудники, а в конце января еще два академика Н.П. Лихачев и Е.В. Тарле. Н.П. Лихачев был не только известным историком и специалистом по сфрагистике и дипломатике, но также и одним из крупнейших собирателей и искусствоведов, на момент ареста заведо-

вавшим созданным им же Музеем палеографии. В свое время, еще до победы Советской власти, в июле 1917 г. в одном из писем Н.П. Лихачева прозвучала весьма примечательная фраза: *«Работаю насколько позволяет политика»*. Теперь «позволение политики» для него, как и для многих других «попутчиков» Советской власти из числа интеллигенции, закончилось. Е.В. Тарле же с самого начала разворачивания кампаний против интеллигенции следствие прочило в министры иностранных дел чуть ли не всех несостоявшихся «контрреволюционных правительств»: сначала «Промпартии», затем «Трудовой крестьянской партии», а затем – «правительства Платонова». Для придания большего веса «организации» в нее «включили» в качестве «филиалов» провинциальные отделения Центрального бюро краеведения. Поэтому в феврале-марте 1930 г. по всей стране были проведены дополнительные аресты краеведов.

«Дело было задумано с большим охватом, – писал впоследствии также арестованный член ЦБК Н.П. Анциферов. – Из всего, что мне удалось узнать, я создал такую картину. Во главе заговора стояли академики и близкие им люди. Захват власти должен был произойти через вооруженное восстание, подготовленное группой военных во главе с Н.В. Измайловым. Немецкая группа связывала с германским генеральным штабом, который субсидировал организацию, и занималась шпионажем в его интересах. Римский Папа, заинтересованный в свержении советской власти, также субсидировал организацию ... Она имела массу ячеек в виде краеведческих организаций, руководимых ЦБК. Наши экскурсионисты вели монархическую пропаганду, готовили восстановление царизма. Престол должен был получить вел. кн. Андрей Владимирович. Какой бред! Бессмысленный бред!»

На следствии С.Ф. Платонов вел себя твердо и ложных показаний не давал. 2 февраля 1931 г. он, как и другие арестованные академики, был исключен из Академии наук, и осенью сослан в Самару, где и умер. Е.В. Тарле был сослан в Алма-Ату, откуда в 1933 г. был возвращен в Ленинград. Дальнейшая его судьба сложилась благополучно: в сентябре 1938 г. ему было возвращено звание академика. Н.П. Анциферов писал в своих воспоминаниях: *«Верхушка «заговорщиков» получила наиболее легкие наказания. Платонов, Тарле, Лихачев и другие академики получили*

вольную высылку в большие города. В общем, чем серьезнее было обвинение, тем легче наказание. Так, ученый секретарь ЦБК Святский получил 3 года концлагеря, а я – его подчиненный – уже 5 лет. А совсем рядовые обвиняемые, как например, Тхоржевский – по 10 лет с конфискацией всего имущества».

В 1929 – 1930 гг. по этому делу было арестовано и осуждено 115 человек. Но оно не закончилось на «академическом» столичном уровне, а скорее повлекло за собой множество аналогичных процессов в провинции, направленных против краеведов и краеведческих организаций.

Против «краеведческой контрреволюции». «Весной и летом 1930, – отмечал Ф.Ф. Перченко – удар обрушился на главные нервные узлы краеведения и одновременно на массу практических работников и в столицах и на периферии. Были арестованы ученый секретарь ЦБК Д.О. Святский, ведущий градовед страны Н.П. Анциферов (взят в Соловках), глава исторического краеведения в Москве С.В. Бахрушин, краеведы Бабенчиков (Севастополь), В.И. Смирнов (Кострома), М.И. Смирнов (Переяславль), Г.Э. Петри (Ленинград, Б.Ф. Чирсков (Детское Село) и многие-многие другие, которых мы с равным основанием могли бы включить в списки пострадавших историков, или «националов», или «религиозников», или «бывших» (в краеведческом движении были представлены они все)».

Весьма примечательны документы процессов над краеведами, которые практически всегда заканчивались тюремным заключением и ссылкой обвиняемых. Обратимся, например, к обвинительному заключению по делу членов Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества (1931 г.), документу весьма показательному и, что надо особо отметить, очень типичному для множества такого рода дел, организуемых в то время. В нем, в частности, говорилось: «В системе работы Ярославского Естественно-Исторического и Краеведческого общества образовалась антисоветская группировка, поставившая себе задачей использовать деятельность указанного общества и соприкасающиеся с ним организации – Музей, Реставрационные мастерские, Педагогический институт в контрреволюционных целях.

В состав группировки вошли:

Бочкарев Валентин Николаевич, профессор истории Ярославского института, из дворян, б. кадет.

Первухин Нил Григорьевич, научный работник Музея, бывший директор гимназии, из дворян.

Перцев Василий Александрович, бывший купец-подрядчик, научный работник Музея.

Соколов Александр Арсеньевич, бывший ректор Духовной Семинарии, сотрудник Музея.

Политическая физиономия участников, хотя и была разной, от кадета до монархистов, но представляла собой одно целое, направленное против Соввласти.

Антисоветская работа группы по краеведению выражалась, в первую очередь, в борьбе с новым советским краеведением и в отстаивании старых методов краеведческих работ. В этих целях группа стремилась выдвинуть на первый план историзм, в ущерб изучению производительных сил и экономики, причем пропагандировались антимарксистские методы исторического исследования, в области музееведения сохранение старого типа исторических музеев и возражала против объединения исторических музеев с музеями естественно-историческими и создания единых краеведческих музеев, настаивала на неприкосновенности существующих коллекций, возражала против реконструкции экспозиции на новых началах и центр тяжести в музейном деле на местах переносила на экспонаты историко-художественного значения, оставляя без внимания актуальные темы, в частности историко-революционные, наконец, отстаивала сохранение в целостности памятников старины (церквей и т.п.), не считаясь с политическими и экономическими потребностями момента, и оставлении в церквях исторических ценностей...». Решением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1931 г. все обвиняемые были приговорены к трехлетней ссылке в Сибирь. За месяц до этого Ярославское естественно-историческое и краеведческое общество уже было ликвидировано. В это же время были арестованы и приговорены к трехлетней ссылке в Северный край члены Рыбинского научного общества: А.А. Золотарев (председатель общества), А.Ф. Виноградов (секретарь общества), Л.А. Альбицкий, Е.В. Соснина-Пудило, П.М. Битюцкий.

Весьма показателен пример Воронежского «дела краеведов», которое стало фактически «делом» краеведов Центрально-Черноземной области. Еще в феврале 1929 г. губернские краеведческие общества региона как самостоятельные организации перестали существовать. Был создан единый руководящий орган – Областное бюро краеведения ЦЧО. В январе 1930 г. в Воронеже состоялся краеведческий съезд, который поставил в качестве своей задачи разоблачение *«лжекраеведов, вредительских элементов»* и борьбу за настоящее краеведение. В связи с этим съезд переименовал Общество краеведения в «Общество по изучению местного края в целях социалистического переустройства страны». Вскоре представитель Воронежа рапортовал в Москве о заслугах *«организации ЦЧО в деле решительного поворота краеведения к проблемам социалистического строительства и самоочищения краевых организаций от чуждых нашим задачам элементов»*. Вскоре последовали множественные аресты на местах.

В Воронеже в ноябре 1930 г. были арестованы многие люди, известные своей научной и общественной деятельностью, в том числе и в области краеведения (А.Н. Аверин, Н.М. Беззубцев, С.Н. Введенский, Г.А. Замятин, М.Н. Крашенинников, В.В. Литвинов, Т.М. Олейников, А.М. Путинцев, С.Н. Шестова, В.А. Долгополов). До революции многие из них входили в состав Воронежского ГСК, Воронежской ГУАК, Церковного историко-археологического комитета, а в 1920-е гг. являлись одними из самых активных краеведов. Через несколько месяцев, в феврале-апреле 1931 г., были произведены аресты еще в 8 городах ЦЧО, что позволило объявить о существовании «Воронежской областной контрреволюционной монархической организации "Краеведы"».

Вполне естественно, что такой организации не существовало, хотя среди арестованных по ее делу было действительно много краеведов. В Острогожске были арестованы практически все члены местного общества краеведения. Всего же по этому делу в ЦЧО было привлечено 92 человека.

Руководителем «монархической организации» объявили С.Н. Введенского – историка и краеведа, специалиста по гражданской и церковной истории Воронежского и Тамбовского кра-

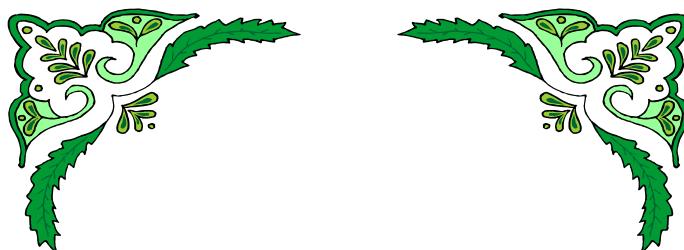
ев, руководителя Воронежского краеведческого общества. Следствие закончилось в мае 1931 г. обвинением по нескольким пунктам 58-й статьи УК: пропаганда монархических идей среди населения, создание контрреволюционных групп, использование научных учреждений как легального прикрытия для группировки контрреволюционных сил, захват в этих учреждениях руководящих постов с антисоветскими целями, связь со «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России».

Приговор был вынесен коллегией ОГПУ в Москве без вызова обвиняемых. Расправа была жестокой: из 92 человек пятеро были расстреляны, двое умерли в тюрьме после вынесения приговора, остальные отправлены в лагеря на срок от 3 до 10 лет, несколько человек высланы в Северный край, Западную Сибирь и Казахстан.

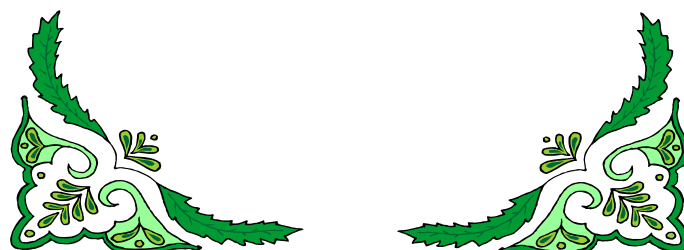
Бессменный руководитель Костромского научного общества, член ЦБК первого состава при РАН В.И. Смирнов был уволен с работы и в сентябре 1930 г. арестован. Более восьми месяцев провел он в разных тюрьмах, пока «шло следствие по его делу». В конечном счете постановлением Особой комиссии ОГПУ «за аполитичность и децентрализацию науки» он был выслан на три года в Архангельскую губернию. Всего за несколько лет ситуация изменилась настолько, что слова, сказанные В.И. Смирновым в мае 1927 г. на 15-летнем юбилее Костромского общества, могли восприниматься уже как нечто, весьма далекое от реальности: *«Мы, отравленные краеведением, знаем, что в то время как миры, цивилизации, культуры будут рождаться, расти и исчезать, истина будет жить и науке краеведение будет нужно, как инструмент при работе, как надежная связь с массой. И мы надеемся, что мысль наша останется и будет пытливей все выпуклее и отчетливее будет осуществляться в жизни наш краеведческий лозунг: «Вместе за мировую науку в рамках местного края»»*. Краеведческое движение разрушалось, и этот процесс приобретал необратимый характер.

*Ярославль. Художественный музей
(бывш. Дом губернатора).
Гравюра худ. С.А. Глушкова*

Глава IV

Историческое краеведение в 1930-е – 2000-е гг.

*Уничтожение краеведческого движения. * К «новому краеведению». * В условиях ликвидации. * В годы Великой Отечественной ... * Школьное краеведение. * 1960 – 1980-е гг. * Союз краеведов России. * Краеведческие общества и организации. * Краеведческие конференции. * Краеведческая литература. * Краеведение и образование. **

Н а рубеже 1920 – 1930-х гг. историческому краеведению, как и краеведческому движению в целом, был нанесен ощутимый удар. Аресты крупных ученых, связанных в своей деятельности с краеведческой работой, многих местных краеведов, закрытие или реформирование местных краеведческих обществ, прекращение их исследовательской и издательской деятельности, свидетельствовали о массированном и целенаправленном наступлении на краеведческое движение. Все это было неизбежным в условиях становления тоталитарного режима в нашей стране и усиления бюрократизации общественной жизни.

Уничтожение краеведческого движения. Существование краеведческих обществ и продолжение краеведческой работы в прежних формах становилось немыслимым и невозможным прежде всего потому, что они изначально были выражением демократической самодеятельности населения, основанной на традициях, сформировавшихся еще в дореволюционное время.

В обстановке всеобщего нивелирования краеведческое движение становилось ненужным для власти еще и потому, что первоочередной задачей краеведов всегда было выявление своеобразия и специфики исторического развития того или иного региона, края и т.д. *«Всем опытом своего дела, – говорил С.О. Шмидт, – краеведы предостерегали от попыток унификации приемов хозяйствования, от забвения местных особенностей – природных, социальных – выверенных временем трудовых навыков. Не случайно массовая насильственная коллективизация повлекла погром знатоков сельской жизни, наступление на промысловую кооперацию оказалось трагическим для тех, кто эти промыслы изучал и популяризировал».* Массовое разрушение или губительное использование старинных и особенно церковных зданий было связано и с первоочередным наказанием тех, кто выступал против этого и видел в них прежде всего памятники истории и культуры, боролся за их сохранение.

В краеведении конца 1920 – начала 1930-х гг. четко обозначилась тенденция ограничения его удовлетворением текущих хозяйственных и политико-просветительных потребностей, что

препятствовало свободному развитию историко-культурного направления в краеведческой работе. Определенную роль в этом сыграло фактическое прекращение в 1920-е гг. преподавания истории в учебных заведениях и закрытие исторических факультетов в высших учебных заведениях.

Новые идеологические подходы к исторической науке, заданность и запрограммированность исследований, ориентированных на уже имеющиеся выводы («Краткий курс истории ВКП(б)»), не нуждались в тщательном и добросовестном изучении исторического конкретного материала, в привлечении данных региональной истории.

Однако в 1930 г. краеведение было введено в программы педагогических вузов. В этом же году при Коммунистической академии организовалась секция по краеведению. В 1931 г. появилось Общество краеведов-марксистов (ОКМ) как общесоюзный центр по подготовке кадров краеведов-марксистов для научной разработки и пропаганды марксистско-ленинской методологии в области краеведения. Характерно, что в это же время Центральное бюро краеведения было переведено из Ленинграда в Москву.

К «новому краеведению». В конце марта 1930 г. состоялась IV Всероссийская краеведческая конференция, на которой был избран новый состав ЦБК в количестве 26 человек. Председателем вновь был избран П.Г. Смидович, а его заместителями – А.Ф. Вангенгейм, Б.В. Веселовский, И.Г. Клабуновский. Вопросы исторического краеведения на конференции практически не поднимались. Она заслушала доклады о роли краеведов на путях социалистического строительства и о взаимосвязи социалистического строительства и краеведения, с которыми выступили П.Г. Смидович и Г.М. Кржижановский, обсудила теоретические и организационные вопросы. Было принято решение так перестроить сеть краеведческих организаций, чтобы обеспечить их подлинную массовость. Областные общества краеведения упразднялись. Создавались краеведческие ячейки на фабриках, заводах, в колхозах, учреждениях, вузах, школах. Руководство их деятельностью осуществляли районные, окружные и областные бюро краеведения.

Достаточно скоро это решение было переведено на правительственный уровень, и уже 30 марта 1930 г. СНК РСФСР при-

нял постановление «О мерах по развитию краеведного дела», согласно которому все прежние краеведческие общества ликвидировались. Краеведческая работа концентрировалась теперь в низовых краеведческих ячейках, координацию которых осуществляли бюро краеведения с проверенным в идеологическом отношении составом. В качестве главной задачи краеведов ставилась следующая: *«Изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны...»*. Наркомату просвещения предписывалось всемерно разворачивать краеведческую работу в школах. В перспективе реальная краеведческая работа в течение нескольких десятилетий будет осуществляться именно в рамках «школьного краеведения».

25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», которое предусматривало введение элементов краеведения в школьное преподавание. В нем, в частности, говорилось: *«Признать необходимым в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения СССР (природные особенности, промышленность, сельское хозяйство, социально-экономическое развитие и т.д.)»*. Кроме того, после принятого в следующем году правительственного постановления «Об учебниках в начальной и средней школе» начали издаваться и применяться на уроках «Краевые учебные книги для начальных школ», где содержались историко-краеведческие материалы.

*Ярославль. Церковь Рождества Христова.
Гравюра худ. С.А. Глушкова*

Примечательно, что помимо этих изданий в учебном процессе и краеведческой работе пользоваться было фактически нечем. Состоявшийся в 1931 г. пленум ЦБК принял резолюцию о пересмотре на предмет «политически вредных изданий» и фактическом изъятии из обращения всей литературы по краеведению, вышедшей до 1931 г. Надо сказать, что изъятие из библиотек «вредной» в политическом отношении литературы началось задолго до этого, практически сразу после прихода большевиков к власти, и к началу 1930-х гг. многих изданий, особенно дореволюционных, в библиотеках уже просто не существовало. Приведем для примера только один директивный документ этого времени – «Инструктивное письмо о пересмотре книжного состава массовых политпросветских и профсоюзных библиотек», принятое 29 марта 1930 г. и подписанное председателем Главполитпросвета Н.К. Крупской и председателем Центральной библиотечной комиссии М.А. Смушковой. Примечательно, что упор при проведении чистки библиотек теперь должен был делаться уже не на изъятии дореволюционных изданий, как это чаще всего делалось в предшествующий период, а на чистку массовых библиотек от книг, вышедших в советское время, как быстро устаревающих в связи со *«стремительным темпом социалистического строительства»*. Из обращения изымались все старые дореволюционные журналы и календари (до предыдущего года). Обще-ственно-литературные, исторические, педагогические и научные журналы сохранялись только в крупных центральных библиотеках, но в ограниченном количестве и *«лишь для научной и учебной работы»*. В массовых энциклопедиях (кроме словарей Брокгауза и Ефрона, Граната, хотя и их выдача была резко ограничена), состоявших из отдельных выпусков, следовало ликвидировать выпуски, посвященные общественно-политическим знаниям и истории. Общий критерий изъятия большинства литературы, в которую, безусловно, попадала и краеведческая, был связан с ее *«устарелостью»*, признаками которой являлись *«в основном уже отжившие установки и формы работы, опирающиеся на совершенно устаревший фактический материал»*. Так что решение пленума ЦБК 1931 г. было, скорее, простой констатацией уже случившегося факта.

Историческое, историко-культурное краеведение все более отчетливо заменялось краеведением производственным. *«Краеведение, основываясь на производстве, – подчеркивала в 1930 г. в своей книге, посвященной истории одной из нижегородских фабрик, краевед Т.А. Фомина, – приучает не замыкаться в небольшом масштабе, а видеть в нем часть целого планового хозяйства, связанного со всеми хозяйственными отраслями. ... Краеведение выполняет служебную роль, и задача его сводится к тому, чтобы: «научить уметь не только объяснять мир, но и перестроить его». <...> Прошлое края ... должно быть изучено, но не как самоцель, а как подсобный момент, для правильного понимания настоящего, использования местных условий и производительных сил в будущем. <...> Отсюда значит, и заняться краеведением, одной из очередных задач которого должно являться изучение местных фабрик и заводов».* Так, смена ориентиров для краеведов вела к тому, что изучение деревни и городов трансформировалось в изучение колхозов, фабрик и заводов. Но даже эта работа (в частности, подготовка многотомной серии трудов по истории фабрик и заводов, инициированная и поддерживаемая А.М. Горьким) к середине 1930-х гг. была практически свернута.

Ущерб, нанесенный деятельности краеведов, стал еще более ощутим уже в середине 1930-х годов. К этому времени практически не стало уже прежних краеведческих организаций, закрыты многие музеи (к слову сказать, отдел по охране памятников при Наркомпросе, в ведении которого находились краеведческие музеи, был упразднен еще в 1930 г., а уже в 1932 г. число краеведческих музеев во всей стране сократилось до 383, продолжая неуклонно уменьшаться), усилились репрессии не только в отношении представителей старой интеллигенции (в их орбиту попадали даже те исследователи и специалисты, которые занимались историей революционного движения). Краеведение отодвигалось как от основной сферы научных исследований, так и от активной общественной жизни. Правда, в последнем случае все зависело от того, какой смысл вкладывался в понятие «активная общественная жизнь» и какое место отводилось в ней краеведческим организациям. Так, Сектор науки Наркомпроса в конце марта 1933 г. разослал своим подведомственным учреждениям подробное распоряжение, в котором, в частности, напомнил «всем

краеведческим музеям о необходимости самого широкого использования опыта передовых музеев Наркомпроса (Ленинградского музея социалистической реконструкции сельского хозяйства, Государственного Политехнического музея в Москве, Государственного музея по передовому опыту в Москве, Музея краеведения в Истре) в деле борьбы за повышение урожайности колхозных полей (организация выставок, консультаций, массовой агротехпропаганды и т.д.). Используя опыт этих передовых музеев, краеведческие музеи должны преломить его под углом зрения местных условий». Задачи «нового краеведения» меняли облик и деятельность краеведческих организаций порой до неузнаваемости.

В то же время вновь созданные бюро краеведения за несколько лет показали свою полную несостоятельность и была предпринята попытка вернуться к прежним формам объединения краеведов. В 1934 – 1935 гг. возникли оргбюро по созданию краеведческих обществ, во главе которых обычно стояли председатели плановых комиссий или заместители председателей исполкомов. Был даже утвержден типовой устав общества изучения края, но возрождения краеведения так и не произошло. Краеведческая сеть и кадры были растеряны. В условиях новой волны репрессий в 1937 г. прекратилось издание журнала «Советское краеведение», а затем дело дошло и до руководящих краеведческим движением органов.

В условиях ликвидации. В 1937 г. было ликвидировано Центральное бюро краеведения. Вслед за этим появилась новая организационно-научная структура, связанная с краеведением – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы Наркомпроса РСФСР (НИИКМ). Хотя новой эту структуру назвать, пожалуй, нельзя. По существу, ей было уже несколько лет. Еще 3 мая 1932 г. СНК РСФСР создал в Москве своим постановлением Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы Наркомпроса РСФСР. Но к 1937 г. его название да и статус несколько изменились. По сравнению с ЦБК статус его был уже иным, хотя программа деятельности оставалась достаточно широкой: изучение и обобщение опыта музеев и краеведческих организаций, разработка методических материалов, непосредственные контакты с музеями, организация

подготовки кадров. В какой-то мере НИИКМ осуществлял централизованное руководство музеями, составлявшими музейную сеть. Следует подчеркнуть, что, несмотря на присутствие в названии института слов «краеведческая работа», о краеведении и самостоятельных краеведческих организациях речи уже не шло. Краеведение теперь связывалось во многом с музеями краеведческого профиля. Стоит сказать, что институт не раз менял свое название и переживал многочисленные реорганизации, превратившись, в конечном счете, в Российский институт культурологии, в котором краеведческим исследованиям в отличие от музееведческих места уже не оказалось.

Примечателен еще один документ – письмо-директива Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» от 25 апреля 1938 г. В нем Наркомпрос предписывал развернуть краеведческую работу в школах, вузах, культпросветучреждениях, производственных коллективах под научно-методическим руководством местных краеведческих музеев. Это существенно ограничивало возможности краеведения и усложняло краеведческую работу. Она становилась делом сравнительно узкого круга лиц – работников музеев, архивов, кафедр педагогических институтов.

Во второй половине 1930-х гг. несколько изменилась ситуация в сфере исторического образования и преподавания исторических дисциплин. Появление постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах свидетельствовало о признании несостоятельности прежней политики, связанной с фактической отменой исторического образования, и о необходимости возвращения к преподаванию истории в школах и вузах и подготовке кадров историков в традиционных формах, пусть даже на основе марксистско-ленинской методологии. Теоретико-методологическую основу преподавания истории и проведения исторических исследований вскоре обеспечил «Краткий курс истории ВКП(б)», появившийся в 1938 году. В этом же русле следует рассматривать восстановление исторических факультетов в высших учебных заведениях связанных с подготовкой преподавательских кадров. Так, в 1934 г. был восстановлен исторический факультет Московского государственного университета. А в 1939 г. в дополнение к пяти ис-

торическим кафедрам факультета было добавлено еще четыре, о появлении которых следует упомянуть особо: кафедры археологии, этнографии, истории южных и западных славян и музейно-краеведческая кафедра. Появление музейно-краеведческой кафедры свидетельствовало о позитивных тенденциях, связанных с развитием исторического краеведения. Но пока это был, по существу, единственный факт появления учебно-структурного подразделения, ориентированного на соприкосновение с краеведением. Однако большинство лекционных курсов и практикумов по данной кафедре было связано с историей и организацией музейного дела и соприкосновение с краеведением оказывалось минимальным. В других университетах и педагогических институтах не было даже этого. Поэтому говорить о каких-то заметных сдвигах, связанных с развитием исторического краеведения в системе высшей школы не приходилось, хотя вполне ощутимая работа в этом направлении велась по линии археологии и этнографии, но должного внимания не уделялось и им.

В годы Великой Отечественной... В годы Великой Отечественной войны краеведческая работа несколько активизировалась, хотя эта активизация носила довольно специфический характер. Перестройка экономики страны на военные рельсы требовала выявления новых местных хозяйственных ресурсов. В связи с этим краеведы были ориентированы на поиск таких ресурсов, особенно сырьевых, на местах. Кроме того, подъем патриотических чувств усилил интерес к героическому прошлому страны, ее истории и культуре.

В июне 1942 г. Наркомпрос предложил с помощью краеведов *«усилить собирание местных материалов по истории края и участию местного населения в Великой Отечественной войне»*. Эта работа прежде всего развернулась в школе. Школьники вели поиск документальных материалов о героизме своих земляков на фронте и в тылу врага. Создавались поисковые группы и кружки юных краеведов-следопытов. Возникло даже движение «красных следопытов». В сложнейших условиях военного времени была развернута работа по выявлению и сбору вещественных и письменных источников об участии населения того или иного края в борьбе против захватчиков. Проведенная работа дала разнообразные материалы для организации в школах краеведческих

уголков, комнат боевой и трудовой славы, школьных и народных музеев.

Школьное историческое краеведение получило существенную поддержку со стороны созданной в 1943 г. Академии педагогических наук. В ее составе была организована специальная комиссия по школьному краеведению, в работе которой приняли активное участие академик А.М. Панкратова, профессор С.В. Бахрушин, методист А.Ф. Родин и др.

В 1945 г. I Всероссийское совещание работников культпросветучреждений приняло решение о развертывании краеведческой работы библиотеками, клубами, Домами культуры. А с 1949 г. при областных краеведческих музеях стали создаваться музейно-краеведческие советы для координации работы по изучению родного края и научно-методической помощи народным, школьным музеям, краеведческим кружкам и другим организациям. Краеведческий актив формировался в основном в сфере деятельности государственных музеев, архивов и библиотек.

Ярославль. Знаменская башня
Главный худ С. А. Глушкова

Определенную роль в развитии краеведческой работы сыграла реализация постановления СНК СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

Школьное краеведение. В конце 1940 – начале 1950-х гг. переживало своеобразный подъем школьное краеведение. Поддержку ему оказывали дома пионеров и детские экскурсионно-туристические станции. В русле школьного краеведения развивалось в это время и юннатское движение.

Формы и способы краеведческой деятельности школьников были весьма разнообразны. Вот как вспоминал об одной из них зам. директора по научной работе Ярославского музея-заповедника М.Г. Мейерович: *«Я организовал при музее археологический кружок для старшеклассников. Кружок этот числился при Детской областной туристической станции, где в 1955 г. была издана моя брошюра «Юным археологам. В помощь юным туристам-краоведам». В 1954 г. по моей просьбе Е.И. Горюнова возглавила экспедицию нашего кружка по раскопкам славянских курганов XI – XIII вв. в районе дома отдыха «Красный холм» на Волге. Ребята были очень довольны, работали с большим интересом. А один из них, Слава Сагетдинов, и в дальнейшем участвовал во многих экспедициях, стал краеведом, работал в Ярославских реставрационных мастерских, учился на истфаке ЯГПИ».*

Свое место в системе краеведения занимали высшие учебные заведения, где краеведение развивалось в рамках учебных дисциплин, но, как правило, дело не шло дальше определенных вкраплений по истории, географии и природе края в общие курсы по отечественной истории, географии, биологии и т.д. Нужно сказать и о библиотеках, где стала проводиться определенная библиографическая работа по краеведческой тематике.

Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. обозначилось повышение интереса к краеведческой работе, что во многом было стимулировано серьезными общественно-политическими изменениями в стране. Выразилось это, в частности в значительном расширении туризма и туристической деятельности. С историко-краеведческой проблематикой оказалась тесно связанной и работа по охране памятников истории и культуры.

1960 – 1980-е гг. В середине 1960-х гг. было создано Всесоюзное общество по охране памятников истории и культуры (ВООПИК), в рамках которого и произошло объединение большинства краеведов страны. Примерно два десятилетия оно выполняло роль своеобразного координирующего центра, способствующего возрождению краеведения, хотя и на уровне распыленного еще, неорганизованного структурно, во многом любительского занятия части провинциальной интеллигенции.

На это время приходится создание многих областных издательств, начинающих выпускать литературу по истории края. Все чаще стали появляться краеведческие сборники и альманахи, подготовленные на материалах местных государственных архивов и музеев. Так, с 1957 г. стали регулярно выходить «Краеведческие записки» в Ярославле, инициатором и организатором выпуска которых был заместитель по научной работе заведующего Ярославским музеем-заповедником, историк М.Г. Мейерович. *«В этих выпусках, – писал он позже в своих воспоминаниях, – публиковались материалы по географии, геологии, биологии, но большая часть статей была посвящена истории и культуре края. Это были сообщения о семибратовских мельницах XVIII в., об известиях иностранцев о Ярославле XVI – XVII вв., планировке и застройке города по «регулярному плану» 1778 г., изучении Ярославского края экспедицией Академии наук в середине XVIII в., о первом русском провинциальном журнале «Уединенный пошехонец», о «Топографических описаниях» края, о помещичьей вотчине XVIII в., о связях драматурга Анфиногенова с ярославским театром в 1920-е годы, о ярославской деревне в годы нэпа и т.д., и т.п. <...> А III выпуск «Краеведческих записок», изданный в 1958 г., был целиком посвящен «Краткому описанию коллекции рукописей Ярославского музея», автором которого был В.В. Лукьянов».* Отметим сразу, что в 1994 г. М.Г. Мейерович, один из самых известных в области историков-краеведов и музейных деятелей, возглавил Ярославское областное краеведческое общество.

С конца 1980-х гг. Советский фонд культуры (во главе с Д.С. Лихачевым) проводил целенаправленную работу по координации деятельности возникавших на местах республиканских и областных краеведческих обществ. Однако после отхода

Д.С. Лихачева от его руководства фонд перестал содействовать развитию краеведческого движения.

Союз краеведов России. В мае 1990 г. состоялась учредительная конференция в Челябинске, на которой был создан Союз краеведов России (СКР) (председатель – С.О. Шмидт). Он также стал играть определенную координирующую роль в развитии краеведческого движения. С 1990 г. стал издаваться краеведческий альманах «Отечество». В 1992 г. вышел в свет первый номер «Вестника Союза краеведов России», в котором были опубликованы статьи-обращения Д.С. Лихачева и С.О. Шмидта, Устав СКР и комплексная долговременная программа «Краеведение» с разъяснениями о содержании целевых программ СКР, таких как «Теория и история краеведения», «Школьное краеведение», «Природное наследие», «Общественные музеи», «Земляки», «Летописание», «Исторический некрополь России», «Исчезнувшие памятники России», «Великая Отечественная война», «Культурные гнезда России». С этого времени в развитии отечественного краеведения начался новый этап, связанный во многом и с изменениями в жизни государства и общества. После ослабления жесткой централизации во всех областях общественной, научной и культурной жизни России происходит значительное усиление самостоятельности регионов и областей, а вместе с тем и определенное их обособление от столичного центра. *«Особенно результативными для краеведения оказались недавние годы, – писал в 1999 г. С.О. Шмидт. – Это – следствие и демократических изменений в нашей общественной жизни, и возрастания в стране роли провинции, побуждающее больше внимания уделять местным традициям. Это – следствие перемены поисково-тематических возможностей гуманитарных наук. < ... > И изменившиеся условия работы историков, ранее ограниченных в тематике своих изысканий, и в их источниковой базе ...»*

Краеведческие общества и организации. В ряде регионов и областей стали создаваться (а в некоторых случаях и воссоздаваться) краеведческие общества и организации, объединяющие усилия любителей истории своего края. Так, после неудачной попытки создать в конце 1980-х гг. Вологодское областное общество краеведения, в Вологде было возрождено Вологодское общество изучения Северного края, закрытое в 1937 году. В

марте 1995 г. ВОИСК было зарегистрировано как областное общественное объединение, имеющее своими основными целями изучение Вологодского края в естественноисторическом, географическом, экономическом, историко-культурном, бытовом, художественном отношении, координацию и кооперацию усилий научных, учебных, просветительских, государственных и предпринимательских структур, общественных объединений в изучении и освоении экономического, исторического, культурного и художественного потенциала Северного края.

Краеведческие конференции. В свое время существенную роль в развитии краеведения и краеведческого движения играли краеведческие конференции различного уровня: всесоюзные, всероссийские, региональные и т.д. Со второй половины 1980-х гг. практика проведения таких конференций возобновилась. Первая Всесоюзная конференция по историческому краеведению была проведена в Полтаве в 1987 г., а вторая в Пензе в 1989 году. Всего к началу нового столетия было проведено 7 краеведческих конференций всесоюзного и всероссийского уровня.

Краеведческий характер носили и разнообразные научные конференции 1990 – начала 2000-х гг., которые регулярно проводились во многих провинциальных городах и по материалам которых издавались сборники материалов. Так, в Ярославской области постоянным явлением культурной жизни края стали «Тихомировские краеведческие чтения», проводимые Ярославским музеем-заповедником в сотрудничестве с Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова, «Золотаревские краеведческие чтения», организуемые Рыбинским музеем-заповедником опять же в сотрудничестве с Ярославским государственным университетом, конференции по истории и культуре Ростовской земли, проводимые Музеем-заповедником «Ростовский Кремль», Опочининские чтения (Мышкин), Данииловские чтения (Данилов) и т.д. Конференции являлись ярким свидетельством и подтверждением того, что историки, этнографы, археологи, литературоведы, географы, педагоги, музейные и архивные деятели и краеведы-любители вносят многосторонний вклад в изучение истории своего края.

Краеведческая литература. В последние годы в регионах и областях России стала активно издаваться разнообразная по уровню и качеству научная, популярная и учебная литература по истории края. Очень широк и, надо сказать, достаточно пестр круг авторов, публикующих свои краеведческие изыскания, весьма разнообразные, в свою очередь, по характеру. Это и научные исследования по истории, археологии, этнографии, географии и т.п. того или иного региона, и научно-популярные краеведческие издания, и мемуарные публикации известных краеведов, переиздаваемые после долгого забвения или же печатающиеся впервые. Появились и продолжающиеся историко-краеведческие издания, рассчитанные на самую широкую аудиторию. Это – «Тверская старина», «Ярославская старина», «Ярославль многоликий», «Томская старина», «Губернский дом» (Кострома), «Пензенский временник любителей старины» и др. Краеведческие материалы нередко появляются на страницах текущей периодики, рассчитанной на массового читателя.

Растет интерес к истории российских малых городов, сел и деревень, причем здесь особенно заметно разнообразие авторских интересов. Книги о своей малой Родине публикуют профессиональные историки, сельские учителя, потомки российских эмигрантов, архивные и музейные деятели и т.д. (Приведем в качестве примера несколько таких изданий: Михеевский А. История села Благовещенское. Архангельск, 1997; Карсаков О.Б. Мышкин – город классической провинции. Мышкин, 2000; Перунова А.Н. Село Глубокое: Историко-биографические очерки. Шадринск, 2000; Левыкин К.Г. Деревня Левыкино и ее обитатели. М., 2002; Гречухин В.А. На реках неславных. Рыбинск, 2002; Темняткин С.Н. Моя Кацкая Русь: Люди предания, обычаи, верования западных земель Ярославского края. Ярославль, 2003; Шмеман С. Эхо родной земли. Двести лет одного русского села. М., 2003; Исторические города и села Костромской области / Под ред. С.Н. Конопатова. Кострома, 2004; Летопись Ярославских сел и деревень / Сост. А.Н. Грешневилов. Рыбинск, 2004; и т.д.).

Помимо этого, готовятся и издаются многотомные своды, требующие скрупулезной и длительной работы авторских коллективов: «Книги Памяти», посвященные как погибшим землякам в годы Великой Отечественной войны, так и жертвам сталин-

ских репрессий, своды материалов о памятниках истории и культуры края.

Растет выпуск различных энциклопедий и словарей краеведческого характера (См., например: Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях/ Под ред Е.В. Кузнецова. М., 1992; Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начало XX века: Краеведческий словарь. Архангельск, 1993; Курск: Краеведческий словарь-справочник / Под ред Ю.А. Бугрова. Курск, 1997; Нижегородский край: факты, события, люди. 2-е изд. / Под ред. Н.Ф. Филатова, А.В. Седова. Нижний Новгород, 1997; Москвоведение: Справочник/ Сост. А.М. Хмуров. М., 1998; Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. 2-е изд. Екатеринбург, 2000; Энциклопедия Саратовского края в очерках, событиях, фактах, именах. А-Я / Редколл. А.И. Аврус и др. Саратов, 2002; Кострома: Историческая энциклопедия / Гл. ред. А.К. Шустов. Кострома, 2002; Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2003; Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004; и др.).

Весьма характерным явлением последних лет стало появление в некоторых регионах книжных издательств, специализирующихся на выпуске краеведческой литературы. Примером такого активно работающего издательства может служить издательство «Александр Рутман» в Ярославле, последовательно и целенаправленно выпускающее (и надо отметить, на самом высоком уровне) книги по истории и культуре Ярославского края как в рамках уже сложившихся серий («Граждане Ярославля», «Земля Ярославская» и др.), так и отдельные разноплановые издания.

Краеведение и образование. Примечательным явлением последнего времени становится и регионализация содержания образования, связанная с выделением и внедрением в систему обучения региональных компонентов. Среди факторов, вызывающих необходимость этого, можно выделить: природно-экологическое, историко-этнографическое, национально-культурное своеобразие того или иного региона, не нашедшее еще должного отражения в содержании образования; присущую региону ментальность, концентрированную прежде всего в его

духовной культуре; региональную специфику формирования, развития и ориентированности населения региона в тех или иных образовательных услугах.

В учебные планы и программы высших учебных заведений (причем не только гуманитарного профиля) вводятся многоплановые курсы, связанные с изучением местного края. Так, на исторических факультетах университетов в качестве обязательных присутствуют дисциплины, предполагающие изучение истории и культуры края и историческое краеведение. В учебные планы, например, исторических факультетов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова и Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского введены такие дисциплины, как: «История Ярославского края», «История культуры Ярославского края», «Историческое краеведение». В ряде университетов открываются специальные кафедры, ориентированные на региональную историю и краеведение. Так, в Российском государственном гуманитарном университете была открыта кафедра региональной истории, в Нижегородском государственном университете – кафедра отечественной и региональной истории, в Ярославском государственном университете – кафедра музеологии и краеведения (с образованной при ней исследовательской лабораторией по истории и культуре Ярославского края) и т.д.

Активно вводятся региональные компоненты в образовательные стандарты средних учебных заведений. В середине 1990-х гг. своего рода экспериментальной площадкой по подготовке региональных образовательных стандартов Министерство образования России выбрало Вологодскую область. Региональный компонент в содержании общего среднего образования в данном случае отражал то образовательное пространство, которое обозначалось понятием «Вологодский край». Содержание и объем этого понятия определялись природно-географическим, социально-экономическим и историко-культурным единством региона. Региональный компонент предполагал включение в базисный учебный план области комплекса учебных курсов, характеризующих объекты краеведения, которые могут быть освоены методами обширного комплекса гуманитарных и естественных наук. Объекты краеведения соотносились со следующими образователь-

ными областями: «Природа края», «История края», «Экономика края», «Культура края». В свою очередь, региональные образовательные области соотносились с соответствующими учебными курсами федерального компонента.

Остановимся только на одном из базовых блоков Вологодского регионального образовательного стандарта, а именно «История края».

«Объектом изучения «Истории края», – говорилось в объяснительной записке к этому блоку, – является прошлое региона, условно называемого Вологодским краем...

История края изучается и как часть истории Европейского Севера крупного региона России, имеющего признанную специфику исторического и культурного развития, а также свою роль в общероссийском историческом процессе.

История Вологодского края не отделяется от общероссийской истории в самостоятельную отрасль знаний. В научном плане она изучается в русле общих закономерностей истории России, а в дидактическом – в русле образовательных линий, предусмотренных федеральным образовательным стандартом по истории. Вот почему изучение истории Вологодского края может быть реализовано как посредством ведения специальной учебной дисциплины в объеме, предусмотренном для этих целей базисным учебным планом, так и посредством интеграции ее в общий курс истории России...

Названный объект (Вологодский край) предстает на различных уровнях: история края, история микротерриторий (района, города, сельской местности), история отдельных институтов, социальных групп и социумов, персоналий. В связи с этим стандарт содержит не только те единицы исторического знания, которые подлежат обязательному изучению на всей территории области, но и те, которые могут варьироваться в рамках малых территорий, наполняясь в каждом случае своим конкретно-краевым содержанием. Важно, чтобы историческое прошлое края излагалось во всей целостности социальных, нравственно-этических, материальных, идеологических, культурологических и иных отношений».

Коллегия Министерства образования РФ, состоявшаяся 11 ноября 1995 г., одобрила опыт Вологодской области и рекомен-

довала использовать его во всех субъектах Федерации при разработке и введении национально-региональных компонентов Государственных образовательных стандартов.

Одним из очевидных свидетельств, что работа в этом направлении проводится во многих местах, является заметно выросший за последнее десятилетие выпуск различных учебных изданий по истории и культуре российских регионов и областей. Приведем для примера несколько таких изданий: Наш край: Книга для учащихся школ, гимназий и лицеев. Нижний Новгород, 1997; История Костромского края. XX век / Под ред. В.Р. Веселова. Кострома, 1997; Край наш Московский: история, природа, современность: Учебное пособие по москвоведению. М., 1998; История и современность Курского края: Региональное учебное пособие / Под ред. Б.Н. Королева. Курск, 1998; Андюсев Б. Сибирское краеведение: Учебное пособие для учащихся и студентов. Красноярск, 1999; История Саратовского края: с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие для средних и старших классов. 2-е изд. Саратов, 2000; История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000; История Владимирского края: Учебное пособие для старших классов школ Владимирской области / Под ред. Д.И. Копылова. Владимир, 2001; История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учебное пособие / Отв. ред. Ю.М. Смирнов. Муром, Владимир, 2001; Баранов С.Ю., Глебова А.А., Розанов Ю.В. Культура Вологодского края: Ч. 1: Пособие к факультативному курсу для старшего возраста. М., 2004; Салова Ю.Г. История культуры Ярославского края (XIX – XX вв.). Ярославль, 2004; и т.д.

Все это позволяет говорить об определенных положительных тенденциях в развитии отечественного краеведения в последние годы, расширении возможностей накопления, обобщения и трансляции краеведческих знаний в современном российском обществе.

Вместо заключения

Заканчивая изложение вопроса на оптимистической, казалось бы, ноте — констатации растущего внимания российского общества к историко-культурному наследию, связанным с этим наследием краеведческими изысканиям и расширению возможностей трансляции уже накопленных краеведческих знаний через образовательную систему, издательскую сферу и средства массовой информации, хотелось бы в то же время заметить, что состояние современного краеведения (и исторического краеведения в том числе) и перспективы его развития особого оптимизма не вызывают. И такой настрой связан с несколькими обстоятельствами.

Так, государство уже не видит необходимости в практическом применении краеведческих знаний, как это было на ранних этапах развития краеведения, когда накопление этих знаний и их использование имели общегосударственное значение, что особенно отчетливо продемонстрировал XVIII век.

Кроме того, современное краеведение не представляет собой того широкого общественного движения, каким оно было во второй половине XIX — начале XX вв. и уж тем более не является массовым движением, как в 1920-е гг. — «золотой период» в развитии отечественного краеведения. Ликвидация этого движения и уничтожение краеведов и краеведческих организаций в конце 1920 — начале 1930-х гг. стали необратимым явлением для науки и общественной жизни страны. И в этом отношении возрождение традиций былого краеведения в современных условиях абсолютно невозможно. В самом лучшем случае стремление к этому будет напоминать все учащающиеся случаи возрождения историко-культурных памятников в виде «новоделов», весьма отдаленно напоминающих изначальные оригиналы.

«Память и история, — говорил Д.С. Лихачев, — играют тем большую роль, чем выше организация явления». Обозначив краеведение как явление, безусловно, связанное с памятью и истори-

ей, приходится констатировать весьма слабую его организацию даже в прямом непосредственном значении этого понятия. Современное краеведение до сих пор (а точнее будет сказать с каких-то пор) напоминает затухающий костер, в котором только время от времени и кое-где вспыхивают пусть яркие, но недолговечные искры. Краеведение остается пока уделом немногочисленных энтузиастов-подвижников. Правда, так было во все времена, но ситуация и возможности приложения их усилий, реакция на них общества и государства все-таки были иными.

Ранее уже шла речь о положительных тенденциях в развитии отечественного краеведения последнего времени, но эти тенденции пока еще не носят устойчивого характера. И здесь приходится говорить о факторах, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к проблеме: последовательном снижении общего культурного уровня населения и уменьшении социальной доступности культурных благ. При всем позитивном настрое в стране не происходит качественного перелома в отношении к своему культурному наследию, его изучению и использованию. Сохранение культурного наследия является конституционной обязанностью государства, к выполнению которой (в частности к выделению гарантированных объемов финансовых и материальных ресурсов) оно во-многом подходит с прежних позиций. И как результат – устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны.

В этот контекст вполне отчетливо вписывается и развитие отечественного краеведения. И это не внушает особых надежд на то, что оно хотя бы в самом общем виде приблизится к образу бывшего краеведческого движения и займет свое достойное место в научной и общественной жизни России. А хотелось бы...

Персоналии

Авдеев Михаил Васильевич (1821-1876), писатель. Сотрудник «Нижегородских губернских ведомостей».

Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886), публицист, поэт, издатель, общественный деятель. Учился в Петербургском училище правоведения (1838-1842). В 1842-1851 служил в Сенате, ездил с поручениями по России. В 1851 подал в отставку. Редактор славянофильского сборника «Московский сборник» (1852-1853). По поручению РГО сделал описание украинских ярмарок, был удостоен Константиновской медали РГО и Демидовской премии. В 1857 путешествовал по Европе, познакомился с А.И. Герценом, став его тайным корреспондентом. С 1861 и до конца жизни ведущий славянофильский публицист и редактор газет «День» (1861-1865), «Москва» и «Москвич» (1867-1868), «Русь» (1880-1886), журнала «Русская беседа». Председатель Общества любителей российской словесности (1872-1874), председатель Московского славянского комитета (1875-1878).

Альбицкий Леонид Андреевич (1872-1934), краевед, археолог, музейный работник. Окончил физико-математический факультет Казанского университета. Служил по акцизному ведомству. После 1917 преподавал в средних учебных заведениях Рыбинска. Был сотрудником Рыбинского естественноисторического музея (1917-1928). Один из учредителей Рыбинского отделения ЯЕИО, входил в его совет. Был членом правления РНО, возглавлял его фотографическую секцию. В 1920-1921 был заведующим естественноисторическим музеем РНО. В 1929 был репрессирован, выслан в Архангельскую губернию. После возвращения из ссылки жил в Рыбинске

Алябьев Александр Васильевич (1746-1822), государственный и общественный деятель. Вице-губернатор в Перми (1783). Правитель (гу-

бернатор) Тобольского наместничества (1787-1796). Правитель Кавказского наместничества (1796). Сенатор (1796). Президент Берг-коллегии (1798-1803), директор Горного училища (института) (1800-1803). В 1803 переведен в Москву, служил в Сенате (1804), руководил Межевой канцелярией (1818-1822).

Андросов Василий Петрович (1803-1841), географ, статистик, журналист. Окончил Московский университет. Служил чиновником по особым поручениям у Д.В. Голицына. Преподаватель географии и статистики в Московской земледельческой школе (1827-1829). Сотрудник «Московского вестника», издатель журнала «Московский наблюдатель» (1835-1837). Автор ряда работ по статистике, в том числе: «Хозяйственная статистика России» (1827), «Статистическая записка о Москве» (1832), «Земледельческая статистика России» (1832).

Анучин Дмитрий Николаевич (1843-1923), антрополог, этнограф, археолог, географ. Академик (1896), почетный член (1898) Петербургской АН. Учился на историко-филологическом и физико-математическом факультетах Московского университета (1860-1867). Стал заниматься зоологией, антропологией, этнографией и археологией. Ученый секретарь Общества акклиматизации животных и растений (1871-1874). Действительный член ОЛЕАЭ при Московском университете (1874), сотрудник отдела антропологии этого общества (1875), его президент (1890). В 1876-1879 изучал антропологические коллекции в зарубежных музеях. Хранитель Музея антропологии при Московском университете (1879). С 1884 профессор Московского университета, работал на кафедре географии и этнографии, преподавал антропологию и этнографию. Организатор нескольких географических экспедиций. Принимал активное участие в работе VI-IX археологических съездов. Член МАО (1875), РГО (1879). Редактор журналов «Этнографическое обозрение» (с 1889), «Землеведение» (с 1894), «Русский антропологический журнал» (с 1900). Сотрудничал в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Почетный председатель президиума ЦБК при Российской АН (с 1922). Автор около 300 трудов по антропологии, этнографии, археологии, истории, исторической географии, истории науки.

Анциферов Николай Павлович (1889-1958), историк культуры, краевед, музеевед. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Преподавал историю, работал в Петроградской публичной библиотеке. С 1918 сотрудничал в Музейном отделе Наркомпроса, в 1921-1924 работал в Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте и Экскурсионно-справочной секции ЦБК. Был членом ЦБК. В 1929-1933 был репрессирован и отбывал заключение на

Соловках и Беломорканале. После освобождения жил в Москве и работал в Коммунальном музее. После нового ареста в 1937 и отбытия заключения работал в Литературном музее (с 1939). Автор книг по истории культуры и краеведению, в том числе: «Душа Петербурга» (1922).

Арсений (в миру Верещагин Василий Иванович) (1736-1799), архиепископ Ростовский (с 1783), первый архиепископ Ярославский с открытием в Ярославле архиерейской кафедры (1788).

Арсеньев Константин Иванович (1789-1865), историк, географ, статистик. Действительный член Российской академии (1836), Член-корр. (1826), а затем академик Петербургской АН (1841). Окончил Петербургский педагогический институт (1810), преподавал там же латинский язык и географию. С 1817 адъюнкт главного педагогического института (в 1819-1821 Петербургского университета) по части статистики и географии. С 1819 преподавал в Главном инженерном училище. С 1824 в Комиссии по составлению законов. С 1828 личным повелением Николая I назначен наставником наследника-цесаревича по части статистики, истории и географии. С 1832 член совета министерства внутренних дел, управляющий Статистическим комитетом МВД (1835-1853). Член ОЛРС (1821), один из учредителей РГО (1845), один из основателей экономической географии как науки в России, организатор широкомасштабных статистических исследований. Автор многих трудов по статистике и географии, в том числе: «Начертание статистики Российского государства» (1818-1819), «Материалы для статистики Российской империи» (1839), «Статистические очерки России» (1848). Профессор Петербургского университета. Возглавлял статистическое отделение МВД (1835-1852).

Артлебен Николай Андреевич (1827-1882), архитектор, реставратор, археолог, исследователь древнерусского зодчества. Автор трудов по церковной археологии.

Архангельский Сергей Иванович (1882-1958), историк, краевед. Окончил Нижегородский Дворянский институт (1900), Московский университет (1906). Преподавал в Нижегородской Мариинской женской гимназии и губернской гимназии (1907-1917), затем в Нижегородском университете и Учительском институте. Председатель ННОИМК, член Нижегородской ГУАК. Член-корр. АН СССР. Доктор исторических наук, профессор. Автор трудов по истории Нижегородского края.

Афанасьев (псевд. Афанасьев-Чужбинский) **Александр Степанович** (1817-1875), поэт, прозаик, издатель, этнограф, лингвист, историк литературы. Автор работ по истории и фольклору Украины.

Багале́й Дми́трий Ива́нович (1857-1932), историк, государственный и политический деятель. Академик Российской АН (1919). Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Приват-доцент (1884), ординарный профессор (1887), заслуженный профессор (1908), ректор Харьковского университета (1906-1911). С 1905 в партии кадетов. В 1906, 1911-1914 член Государственного совета от российских университетов и АН. В 1914-1917 городской голова Харькова. Проводил раскопки и составил археологическую карту Харьковской губернии. Был секретарем и председателем ряда археологических съездов. Будучи с 1883 зав. историческим архивом Харькова, руководил его описанием. Был членом ряда исторических обществ. Один из учредителей АН Украины, ее вице-президент (1918). Автор трудов по истории России, Украины, Белоруссии, Литвы, в том числе: «Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства» (1887); «Русская история» (1914); «Декабристы на Украине» (1926).

Бакмайстер (Логин) Людвиг Иванович (1730-1806), библиограф, историк, лингвист. С 1762 жил в Петербурге. Инспектор Академической гимназии (1766-1778). Позже служил в финансовом ведомстве. С 1801 в отставке. Составитель фундаментального труда «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи!» (1771-1774). Автор учебника по географии России (1767), ряда библиографических работ.

Барков Александр Сергеевич (1873-1953), географ. Действительный член АПН РСФСР (1944), доктор географических наук (1935), профессор (1926). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1898). Преподавал географию в Александровском училище (1899), на Высших женских курсах (1902-1912), а также в московских средних учебных заведениях. С 1925 работал в вузах Москвы, с 1931 в Московском университете. В 1928-1937 редактор отдела физической географии в БСЭ и МСЭ (1928-1937), руководитель сектора географии в НИИ методов АПН РСФСР (1944-1948). Один из авторов лучших в России начала XX в. учебников и хрестоматий по географии, насыщенных краеведческим материалом.

Бартольд Василий Владимирович (1869-1930), историк, филолог, востоковед, музейный деятель. Академик Петербургской АН (1913) и АН СССР. Профессор Петербургского университета (1905). Секретарь Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (1903-1918). С 1921 директор МАЭ. Руководил Среднеазиатскими этнологическими экспедициями (1926-1930).

Барщевский Иван Федорович (1851-1948), краевед. Член-корр. МАО, член Ярославской, Костромской и Смоленской ГУАК. Автор трудов по истории Ярославля. Специалист в области истории архитектуры и прикладных искусств. Владелец фотомастерских в Ростове и Ярославле (1877-1898). Фотограф АН и МАО (1883). Создал первую в России коллекцию фотографий памятников искусства. Директор музея «Русская старина» (1911). В 1920-нач.1930-х работал хранителем Смоленского исторического музея. Последние годы жизни работал в музее «Коломенское» (1933-1948). Автор ряда работ по истории края, в том числе: «Исторический очерк города Ярославля» (1900).

Бахрушин Сергей Владимирович (1882-1950), историк. Окончил лицей в память цесаревича Николая (1900), историко-филологический факультет Московского университета (1904). Ученик В.О. Ключевского. Приват-доцент Московского университета (1909). Был членом Московской городской думы (1908-1918). Занимался историей Киевской Руси и Русского государства XV-XVII вв., социально-экономической историей народов Сибири и Средней Азии. В 1930 был арестован по «делу Платонова» и отправлен в ссылку в Семипалатинск. Вернулся в Москву в 1933. Член-корр. АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР. Автор более 200 работ по русской истории, источниковедению, историографии, исторической географии.

Башкиров А.С., краевед, археолог. Председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

Бекаревич Н.М., краевед, археолог. Член КНОИМК, член Костромской ГУАК. Автор работ по археологии Костромского края, в том числе: «О некоторых городищах в Костромской губернии» (1902); «О каменном веке в Костромской губернии» (1902).

Белобородов Александр Георгиевич (1891-1938), партийный и государственный деятель. В 1923-1927 нарком внутренних дел РСФСР.

Бенуа Александр Николаевич (1870-1960), художник, художественный критик, историк искусства, музейный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1894). Был вольнослушателем Академии художеств (1887-1888). Идейный вдохновитель объединения «Мир искусства» (1899), сотрудник, а затем редактор одноименного журнала, создатель и редактор журнала «Художественные сокровища России» (1901-1903). Один из инициаторов создания Музея Старого Петербурга (1909). Товарищ председателя ОЗСПИС (1910). После 1917 принимал активное участие в музейном строительстве, был членом Коллегии по делам музеев при Наркомпросе РСФСР, членом комиссии по охране памятников искусства и старины. Был зав. картинной галереей Эрмитажа (1918-1926). С 1926 жил и работал в Париже.

Берендтс Эдуард Николаевич (1860-?), правовед. Закончил юридический факультет Петербургского университета (1884). Служил в департаменте государственного казначейства Министерства государственных имуществ. Профессор ДЮЛ, профессор Петербургского университета. Помощник статс-секретаря Государственного Совета (1900-1904). Профессор училища правоведения в Петербурге (1907). Председатель Ярославской ГУАК (1894-1900). Был членом Ярославского ГСК, ЯЕИО.

Бернштейн Борис Львович (1868-?), краевед, биолог, почвовед. Закончил Петровскую земледельческую и лесную академию (1888-1894). Ярославский губернский почвовед, зав. почвенной лабораторией Ярославского губсовнархоза, руководитель Центральной опытной станции (1918-1919). Зав. кафедрой почвоведения Ярославского университета (1920), затем зав. аналогичной кафедрой Ярославского педагогического института (1924), профессор (1925). Член ЯЕИКО. Автор ряда почвенных карт Ярославской губернии.

Бирюков В.И., уральский краевед, создатель Шадринского научного хранилища.

Битюцкий Павел Михайлович, врач, краевед, член Рыбинского научного общества. Репрессирован в 1930 за принадлежность к РНО.

Блинов Николай Николаевич (1839-1917), священник, этнограф, просветитель. Член Вятского ГСК. Закончил Вятскую духовную семинарию. Преподавал в духовных училищах, работал в Вятском земском статистическом бюро. Был священником в г. Сарапуле Вятской губернии. Занимался этнографией и статистикой. Член РГО. Автор краеведческих книг, очерков, статей, учебников для начальной школы.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785-1864), литератор, учредитель «Арзамасского братства». Статс-секретарь, товарищ министра народного просвещения (1826-1832). Министр внутренних дел (1831-1838) Главноуправляющий II отделением Собственной его императорского величества канцелярии, председатель департамента законов Государственного совета (1832-1839). Председатель Государственного Совета и Комитета министров (1862-1864). Президент АН (1855-1864).

Богданов Анатолий Петрович (1834-1896), антрополог, зоолог. Окончил естественное отделение Московского университета (1855). Инициатор создания Императорского ОЛЕАЭ при Московском университете (1863), его председатель (1886-1889). Заведующий Зоологическим музеем Московского университета. Профессор Московского университета (1867). Член-корр. Петербургской АН (1890). Почетный член МАО (1890). Состоял членом более 30 российских и иностранных научных обществ.

Богданов Владимир Владимирович (1868-1946), этнограф, музейный деятель. Зам. председателя президиума ЦБК при РАН (1922), руководитель Московского отделения ЦБК. Секретарь ОЛЕАЭ при Московском университете (1894-1930). Директор Музея ЦПО (1919-1930). В 1930-е преподавал в Московском университете. С 1943 сотрудник ИЭ АН СССР.

Богданович Адам Егорович (1862-1940), этнограф, лингвист, фольклорист, библиограф, музейный работник. Окончил Несвижскую учительскую семинарию (1882). Был учителем в Минске, работал в банке Гродно. Занимался научной деятельностью. Собрал богатый материал по этнографии и фольклору белорусского народа. Научные исследования продолжал в Нижнем Новгороде, куда был переведен в 1896. С 1908 служил в Ярославле. Член Ярославской ГУАК (1910). Зав. научной библиотекой Ярославского государственного музея (1920-1931). Один из организаторов секции краеведения ЯЕИО (1923). Участник многих краеведческих конференций и съездов в Ярославле, Рыбинске и других городах. Под его руководством сформированы книжная и рукописная коллекции Ярославского музея. Член коллегии Ярославского губернского подотдела по делам музеев, охране памятников искусства и старины.

Богословский Михаил Михайлович (1867-1929), историк. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1886-1890). Готовил магистерскую диссертацию, одновременно сотрудничая в АК, МАО, Историко-юридической комиссии при Юридическом обществе Московского университета. Приват-доцент Московского

университета (1908). С 1904 член МОИДР, был его секретарем. Защитил докторскую диссертацию (1910). С 1911 ординарный профессор Московского университета и преемник В.О. Ключевского по кафедре русской истории, которую возглавлял до 1925. Фактически возглавил работу воссозданного Исторического общества при Московском университете. С 1920 член-корр., а с 1921 действительный член РАН. С 1921 возглавлял секцию русской истории научно-исследовательского института истории факультета общественных наук Московского университета и Общий исторический разряд ГИМ, принимал активное участие в историко-краеведческой деятельности. Автор ряда трудов и учебников по русской истории.

Богословский Николай Гаврилович (1824-1892), священник, краевед, музейный деятель. Секретарь Новгородского ГСК (1863-1878). В 1865 выступил инициатором создания местного музея. Собирал статистические материалы о населении, промышленности, церквях, памятниках старины Новгородской губернии. Осуществил ряд археологических исследований на территории губернии. Член-корр. МАО (1871), член-сотрудник РАО (1875).

Болховитинов Евфимий Алексеевич (в монашестве Евгений) (1767-1837), церковный деятель, историк, археограф, писатель. Член Российской академии (1806), академик Петербургской АН (1829). Учился в Воронежской семинарии, Славяно-греко-латинской академии, был слушателем Московского университета. С 1789 преподаватель Воронежской духовной семинарии, ее префект (1790), затем ректор. Занимался историческими исследованиями. Подготовил «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800). С 1799 в Петербурге, в марте 1800 принял монашество. С 1800 преподаватель и префект Петербургской духовной академии, затем настоятель Зеленецкого Троицкого монастыря, Троице-Сергиевой пустыни (Петергофский уезд Петербургской губернии). В Петербурге сблизился с Н.П. Румянцевым, был активным участником его кружка. В 1804 назначен викарием Новгородским, с 1808 архиепископ в Вологде, с 1813 в Калуге, с 1816 в Пскове. С 1822 митрополит Киевский и Галицкий, член Синода. В Киеве руководил раскопками древних памятников, в том числе Десятинной церкви, Золотых ворот, способствовал сохранению и введению в научный оборот архивных источников. Был почетным членом Московского университета (1805), Общества любителей наук, словесности и художеств (1810), почетный член ОИДР (1811), других научных обществ и учебных заведений. Автор ряда трудов, в том числе: «Словарь русских писателей» (издан в 1845), «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» (1808).

Бочкарев Валентин Николаевич (1880-1967), историк, краевед. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, после окончания которого (1906) оставлен при кафедре русской истории. Преподавал в учебных заведениях Москвы. Приват-доцент (1915), профессор (1917). После 1917 преподавал в Московском университете, Московском педагогическом институте, Московском областном педагогическом институте, Военной академии РККА, в учебных заведениях Твери, Нижнего Новгорода. С 1920 преподавал на ФОН Ярославского университета, работал в Ярославском педагогическом институте (до 1930). Одновременно являлся преподавателем Ярославского отделения МАИ. Член секции краеведения ЯЕИКО. Один из организаторов и руководитель ярославского филиала НИИВП (1928). Участвовал в исследовательской работе Ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии. В 1930 был арестован и выслан в Сибирь. Позже профессор кафедры истории Московского государственного педагогического института. Автор целого ряда работ по истории, экономике и общественному развитию Ярославского края и России.

Брюс Яков Вилимович (1670-1735), государственный деятель, ученый, сподвижник Петра I. Получил хорошее домашнее образование. Участвовал в Крымских и Азовских походах, сопровождал Петра I в Голландию и Англию. Генерал-майор артиллерии (1700), участник Полтавской битвы. Был начальником Артиллерийского приказа и Инженерной канцелярии, сенатором, президентом Мануфактур- и Берг-коллегии, начальником Монетной канцелярии, заведующим русским книгопечатным делом. Один из организаторов планомерной разведки полезных ископаемых. Проявил себя как дипломат, представляя Россию на международных конгрессах. Подготовил к изданию первую русскую книгу гражданской печати «Геометрия славенски землемерие» (1708), составил первые голландско-русский и русско-голландский словари, редактировал многие издания по математике, военному делу, географии. Был знаком с Ньютоном, Лейбницем, Татищевым. Собрал библиотеку (более полутора тысяч томов) по математике, физике, химии, астрономии, военному делу, архитектуре, медицине, истории, богословию, искусству и художественной литературе. Свое книжное собрание, картинную галерею, коллекции (нумизматическую, минералогическую, этнографическую) завещал Петербургской АН. В 1726 вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала и поселился в своей подмосковной усадьбе Глинках. Занимался научной деятельностью.

Булатов Дмитрий Александрович (1837-1889), краевед, генеалог, коллекционер. Окончил школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, затем на военной службе, которую оставил в 1857. Был почетным мировым судьей Ростовского уезда, ростовским уездным пред-

водителем дворянства, председателем Ростовской уездной земской управы. Принимал участие в восстановлении памятников Ростовского кремля, был членом комитета РМЦД. Член-корр. МАО (1883), член Одесского общества истории и древностей. Автор ряда работ по генеалогии ростовского дворянства, в том числе: «Материалы для генеалогии и истории дворянских родов Ростовского уезда Ярославской губернии 1783-1887 гг.» (1887)

Бычков Афанасий Федорович (1818-1899), историк, археограф, библиограф, палеограф, археолог. Член-корр. (1855), экстраординарный академик (1866), академик (1869) Петербургской АН., председатель Отделения русского языка и словесности АН (с 1893). Член Государственного совета (1890). Окончил философский факультет Московского университета (1840). С 1840 на службе в АК, главный редактор летописей (1854-1873), правитель дел (1865-1873), ее председатель (1891). В 1867 по поручению Комиссии осматривал архивы и библиотеки монастырей Ярославской губернии. Одновременно в 1841-1850 преподавал словесность в Дворянском полку, а с 1844 служил в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, с 1882 ее директор (1882-1899). Служил также во 2-м отделении Собственной его императорского величества канцелярии (1849-1882), был председателем Комиссии для разбора и описания дел архива Синода (1866) членом Совета министерства народного просвещения (1888-1890), временно управляющим Министерством народного просвещения (1888, 1891). Член РАО (с 1846, в 1874-1885 возглавлял Отделение славяно-русской археологии), один из основателей РИО (1866, с 1882 помощник председателя, редактор и составитель ряда его изданий), почетный член Петербургской духовной академии, а также многих русских и иностранных археологических и других научных обществ. С 1875 избирался почетным мировым судьей Рыбинского уезда, в 1890 (к 50-летию научной деятельности) получил звание почетного гражданина Рыбинска и Ярославля. Автор многих научных трудов по истории, археологии, нумизматике, археографии, истории литературы, организатор публикации письменных источников.

Бычков Федор Афанасьевич (1861-1909), краевед, генеалог, археограф, коллекционер. Сын А.Ф.Быčkova. Закончил Петербургский университет. Служил в одном из департаментов Министерства народного просвещения. В 1885 переведен в Ярославскую губернию. Служил в Ярославском губернском правлении, затем земским начальником в Рыбинском уезде. Один из членов-учредителей Ярославской ГУАК, правитель ее дел. Редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» (1887-1890). Был членом комитета РМЦД. Участник VII Археологического съезда в Ярославле. Автор ряда работ по истории и генеалогии, публикатор

источников по истории края, в том числе: «Акты относящиеся к истории Ярославской губернии» (1889).

Васьков Иван Кузьмич (1746-1813), историк, краевед. Костромской вице-губернатор (1800-1813). Автор одного из первых печатных трудов по истории Костромы «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы» (1792).

Вахрамеев Иван Александрович (1843-1908), купец, археограф, коллекционер, меценат. Крупный земский деятель, гласный городской думы и губернского земского собрания. Городской голова Ярославля (1881-1887, 1897-1905). Один из учредителей Ярославской ГУАК, ее председатель (1906-1908), почетный член ЯГУАК. Член Ярославского ГСК, ЯЕИО, многих других ученых и научных обществ. Содействовал реставрации памятников в Ярославле и изданию трудов по его истории. Входил в комитет по управлению РМЦД.

Введенский Сергей Николаевич (1867-после 1931), историк, краевед. Руководитель Воронежского краеведческого общества

Вернадский Владимир Иванович (1863-1945), геохимик, геолог, минералог, географ, историк науки. Окончил Петербургскую классическую гимназию. Закончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1885). Член Петербургского общества естествоиспытателей и ВЭО. В 1890 приглашен в Московский университет преподавать минералогию. Занимался также кристаллографией, историей естественных наук. Избирался членом Государственного совета от Московского университета (1906). В 1912 избран ординарным академиком АН. Организатор экспедиции, открывшей первое месторождение урановых руд в стране. В 1914 назначен директором Геологического и Минералогического музея АН. В 1915 стал председателем КЕПС. В 1917 уехал на Украину, где в Киеве им была создана Украинская АН, первым президентом которой он стал. Читал курс лекций в Сорбонне во Франции (1922-1926). В 1926 вернулся в Россию. Возглавил Государственный радиевый институт и Биогеохимическую лабораторию. Основоположник учения о биосфере и ноосфере.

Вершинский Анатолий Николаевич (1888-1944), историк, краевед. С 1918 жил в Твери. Член Общества изучения Тверского края. Профессор Калининского государственного педагогического института.

Веселовский Александр Александрович (1880-?), краевед. Окончил Петербургский университет, служил в библиотеке Петербургской АН, занимался историей русской литературы. С 1920 жил в Вологде, работал в научно-техническом комитете Вологодского совнархоза и в Вологодской публичной библиотеке. Профессор Вологодского государственного педагогического института. Член ВОИСК. Автор (совместно с сыном) библиографического труда «Вологжане – краеведы» (1923).

Веселовский Алексей Александрович (1906-1923), краевед. Сын А.А. Веселовского. Еще в школе начал заниматься краеведческой работой, опубликовал несколько статей в местной печати. Автор (совместно с отцом) библиографического труда «Вологжане – краеведы» (1923).

Веселовский Николай Иванович (1848 – 1918), археолог, востоковед. Член-корр. Петербургской АН (1914). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1873). С 1878 доцент, а затем профессор Петербургского университета. Член РАО (1881), глава его Восточного отделения (1908). Изучал архитектурные памятники средней Азии. Член-корр. (1886), затем действительный член (1889) Археологической комиссии. В 1889-1917 совершал ежегодные археологические экспедиции на Юг России, в Крым и др. В 1891 избран профессором первобытной археологии в ПАИ. Автор многих научных трудов по истории и археологии, в том числе: «История Императорского Русского археологического общества, 1846 – 1896» (1900).

Виноградов Николай Николаевич (1876 – 1938), историк, этнограф, фольклорист, коллекционер, краевед. Закончил Костромскую духовную семинарию (1896). Работал учителем Семтловской церковно-приходской школы Костромского уезда (1897 – 1902). С 1902 член Костромской ГУАК, занимался комплектованием музея, сбором фольклорного материала. В 1905 поступил в Санкт-Петербургский университет, одновременно являясь секретарем отдела этнографии при РГО и редактором журнала "Живая старина". С 1909 чиновник по особым поручениям при костромском губернаторе, один из организаторов Романовского музея в Костроме. В 1916 уезжает в Москву для учебы в Московском университете, принимает участие в работе ОЛЕАЭ. В 1920-х работал в газете. Был арестован и отправлен в СЛОН, где сотрудничал в СОК. С 1932 научный сотрудник заповедника "Кивач". Действительный член Карельского научно-исследовательского института. В 1938 расстрелян.

Владиславлев Василий Федорович (1820-1895), священник, историк церкви. Окончил Тверское духовное училище и семинарию, затем Московскую духовную академию (1846). Преподавал в Литовской духовной семинарии. Вернулся в Тверь и принял сан священника при Тверской Владимирской церкви. Был законоучителем во многих учебных заведениях Твери. Член Духовной консистории. Действительный член Тверского ГСК (1863). Создатель и редактор газеты «Тверские епархиальные ведомости» (1877-1895). Автор трудов по российской истории и истории церкви, в том числе и по церковной истории местного края.

Волков Евгений Николаевич (1864-1933), офицер императорской свиты, государственный деятель. Закончил Николаевский кадетский корпус (1882), Николаевское гвардейское училище (1884). Служил в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. Вице-губернатор, а затем губернатор Черноморской губернии (1900-1905), московский градоначальник (январь-апрель 1905), губернатор Таврической губернии (1905-1906). Управляющий Кабинетом его императорского величества (1909-1917), товарищ председателя ОЗСПИС (1910). В 1907 в чине генерал-майора зачислен в свиту императора Николая II. После Февральской революции 1917 в отставке. В годы гражданской войны был в Вооруженных силах Юга России, генерал-губернатор Черноморской области (1919). Затем в эмиграции во Франции.

Волконская Зинаида Александровна (1792-1862), поэтесса, певица, композитор, коллекционер. Родилась в Турине в семье русского посланника князя А.М. Белосельского-Белозерского. Получила домашнее образование. В 1805 впервые приехала в Россию. Вышла замуж за Н.Г. Волконского, флигель-адъютанта Александра I. Занимала видное место при дворе. Приняла участие в заграничном походе русской армии в свите императора (1813-1814). В Париже организовала оперную труппу. В 1817 оставила сцену и по настоянию Александра I вернулась в Россию. Ее салон стал одним из культурных центров Москвы. Собрала обширные коллекции живописи, скульптуры, античных монет. Изучала отечественную историю и древнерусскую литературу, опубликовала исследование по истории древних славян («Славянская картина»). Почетный член ОИДР, ОЛРС. В 1829 навсегда покинула Россию, до конца жизни жила в Риме.

Воробьев Николай Иванович (1869 – 1942), статистик, краевед. Жил и работал в Костроме (1906 – 1925). Зав. статистическим бюро Костромского губернского земства. В 1917 был городским головой. В 1918 – 1923 исполнял обязанности заведующего статистическим отделом Костромского губсовнархоза. Член КНОИМК. Автор трудов по истории коопе-

рации, исследований крестьянских бюджетов, обзоров экономического состояния Костромской губернии.

Врангель Николай Николаевич (1882 – 1915), историк искусства, художественный критик. Участвовал в издании журнала «Старые годы» (1907), один из редакторов журнала «Аполлон» (1911). Секретарь ОЗСПИС (1910). Автор работ по истории искусства и музейному делу, в том числе: «Русский музей Императора Александра III. Живопись и скульптура» (1904).

Второв Николай Иванович (1818-1865), историк, этнограф, краевед, музейный деятель. В 1837 закончил Казанский университет и поступил на службу в канцелярию казанского генерал-губернатора. Столоначальник МВД в Петербурге (1844), советник Воронежского губернского правления (1849-1857). Член Воронежского ГСК (1853). Стоял у истоков исторического краеведения в Воронежской губернии, начал разбор и публикацию рукописей по истории края XVII – XVIII вв. В итоге этнографических поездок по губернии подготовил «Воронежский этнографический альбом», удостоенный медали РГО. Разработал проект создания Воронежского краеведческого музея.

Гациский Александр Серафимович (1838-1893), краевед, историк, статистик, археолог, литератор, общественный деятель. Окончил Нижегородскую гимназию (1856), затем Казанский университет (1861) и был назначен в Нижний Новгород чиновником для особых поручений при губернаторе. С 1862 становится редактором неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости», действительным членом и секретарем Нижегородского ГСК. Действительный член РГО (1866). Участник I, III и IV Археологических съездов, международных статистических конгрессов в Санкт-Петербурге (1872) и Будапеште (1876). В 1887 стал членом основателем Императорского ОИДР при Московском университете. Инициатор создания Нижегородской ГУАК (1887), ее первый председатель (1887-1893).

Георги Иван Иванович (Иоганн Готлиб) (1729-1802), натуралист, медик, этнограф, путешественник

Гераклитов А.А., историк. Член Саратовской ГУАК, член СОИАЭ. Автор трудов по истории и краеведению, в том числе: «История Саратовского края в XVI – XVIII вв.» (1923).

Герд Владимир Александрович (1870-1926), педагог. С конца 1890-х директор Тенишевского училища, директор известной в Петербурге гимназии М.Н.Стоюниной (1905-1912), директор Путиловского коммерческого училища (1912-1914). С 1924 преподавал в Краснодаре, затем в Твери, был активным организатором краеведческого дела.

Герман Карл Федорович (Карл Теодор) (1767-1838), географ, статистик. Профессор статистики в Педагогическом институте и Петербургском университете (1806-1821). Инспектор классов в Смольном и Екатерининском институтах. Академик Петербургской АН (1836)

Герцен Александр Иванович (1812-1870), писатель, публицист, мемуарист, философ, общественный деятель. В конце 1830-начале 1840-х дважды подвергался арестам и ссылкам по подозрению в «противоправительственных деяниях». Во время ссылки в Вятке и Владимире работал в губернских статистических комитетах и газетах «губернские ведомости»

Гильденштедт Иоганн Антон (1745-1781), врач, естествоиспытатель, путешественник. Академик (1771).

Гмелин Иоганн Георг (1709-1755), ученый-натуралист. Доктор медицины (1727). Академик Петербургской АН (1731). Адъюнкт Петербургской АН (1730), профессор химии и истории натуральной (1731). Руководил вместе с Г.Ф. Миллером работой академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733-1743). Профессор ботаники и истории натуральной. В 1749-1755 профессор ботаники и химии Тюбингенского университета. Опубликовал свой дневник «Путешествие по Сибири» (1751-1752). Свои ботанические и минералогические коллекции завещал Петербургской АН

Гмелин Самуил Готлиб (1744-1774), ученый-натуралист, путешественник. Племянник И.Г. Гмелина. Член Петербургской АН (1767). Окончил Тюбингенский университет. Доктор медицины (1763), профессор ботаники (1767), химии (1772) Тюбингенского университета. Приехал в Россию по приглашению Петербургской АН. Возглавлял одну из Астраханских экспедиций АН (1768). В 1772 отправился в Персию, попал в плен, где и умер. Его записки были изданы АН (1771-1785).

Голицын Дмитрий Михайлович (1665-1737), князь, государственный деятель. Из рода Голицыных. С 1686 комнатный стольник царевича Петра I, с 1694 капитан Преображенского полка. С 1707 киевский воевода, в 1711-1718 губернатор. Организовал переводы многих экономических и исторических трудов европейских ученых. В 1718-1722 президент Камер-коллегии, с 1718 сенатор. В 1726 один из организаторов Верховного тайного совета, президент Коммерц-коллегии. После роспуска Верховного тайного совета, сохраняя звание сенатора, жил в подмосковном с. Архангельское. Занимался науками, собирал библиотеку (6 тысяч книг: русские летописи, хронографы, переводы сочинений иностранных историков и писателей). В 1737 заточен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

Головнин Александр Васильевич (1821-1886), государственный деятель. Министр народного просвещения (1861-1866).

Головщиков Константин Дмитриевич (1835-1900), историк, краевед, журналист. Окончил Ярославскую духовную семинарию. Служил в Ярославской губернской казенной палате. В 1864 вышел в отставку. Затем служил в ДЮЛ, был секретарем его совета. Являлся гласным Ярославской городской думы. Редактор «Ярославских губернских ведомостей» (1881-1882). Член Ярославской ГУАК (1891), Ярославского ГСК, других научных обществ. Автор многочисленных работ по истории и этнографии Ярославского края, в том числе: «История города Ярославля» (1889), «Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк» (1898).

Голышев Иван Александрович (1839-1896), крестьянин-иконописец из Мстеры, археолог-любитель. Окончил церковно-приходскую школу. Учился в Строгановской московской рисовальной школе. Член Владимирского ГСК. Основатель первой в России сельской литографии. Действительный член ОИДР, почетный корреспондент Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, член-корр. Общества любителей древней письменности, действительный член Киевского исторического общества, почетный член Нижегородского ГСК. Лауреат малой золотой медали Петербургского русского археологического общества. Автор статей по археологии, истории, этнографии, статистике.

Горегляд Карл Екимович, краевед. Редактор «Архангельских губернских ведомостей»

Городцов Василий Алексеевич (1860-1945), археолог, музейный деятель. Учился в Рязанской духовной семинарии, Московском военном юнкерском училище. С 1893 служил в Ярославле. Был членом Ярославской ГУАК (1895), ее правителем дел. Являлся членом Общества для ис-

следования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении, членом Нижегородской, Рязанской ГУАК, других научных обществ. Вел археологические исследования. В 1906 вышел в отставку. Хранитель РИМ, основатель его Археологического отдела. Преподаватель МАИ, создатель в нем кафедры археологии (1907-1914), преподаватель археологии в Народном университете им. Шанявского (1915-1918) После 1917 профессор Московского университета (1918), зав. кафедрой археологии МГУ (1918-1930), затем в Институте философии, литературы и истории им. Н.Г.Чернышевского (до конца жизни). Руководил археологической секцией РАНИОН (1920-1929), продолжал работу в Историческом музее, руководил археологическими экспедициями. Один из основоположников отечественной научной археологической школы. Заслуженный деятель науки РСФСР (1943). Автор более 200 работ по истории, археологии, этнографии, нумизматике, геологии, в том числе: «Первобытная археология» (1908), «Бытовая археология» (1910), «Русская доисторическая керамика» (1915).

Гревс Иван Михайлович (1860-1941), историк, педагог, музеевед, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1883), защитил магистерскую диссертацию (1890). Занимался революционной деятельностью. С 1886 преподавал в средних учебных заведениях Петербурга. Преподавал в Петербургском (затем Ленинградском) университете, приват-доцент по кафедре истории средних веков (1890), профессор (1903). В течение ряда лет - декан историко-филологического факультета Бестужевских курсов. Выступил как один из основателей культурологической школы в русской историографии, разработал и реализовал метод исторических экскурсий как один из способов подготовки специалистов-историков, выступал пропагандистом этого метода. После 1917 преподавал в Петроградском университете (до 1923) В 1920-е активно включился в краеведческое движение. Был одним из создателей Петроградского НИЭИ, возглавлял его Гуманитарный отдел (1921-1924). Был членом ЦБК. Публиковал книги и статьи по краеведению. Совместно с Н.П.Анциферовым разработал основы историко-культурного краеведения. В 1930 подвергся кратковременному аресту, с 1934 вновь преподавал в Ленинградском университете.

Греч Николай Иванович (1787-1867), журналист, писатель, филолог, лингвист. Издатель журнала «Сын отечества» (1812-1838) и газеты «Северная пчела».

Гуляев Капитон, краевед. Член Вятского ГСК. Автор статистико-этнографического описания Сизнерской волости Малмыжского уезда Вятской губернии.

Гумилевский Матвей Иванович (1770-1852), священник, краевед. Окончил Ярославскую духовную семинарию. Был священником в с. Спасском Рыбинского уезда (1790-1807). В 1807 переведен в Рыбинск, где более двадцати лет служил в Спасо-Преображенском соборе. В 1830 в сане протоиерея уволился со службы. Автор одного из первых исследований по истории городов Ярославского края «Описание города Рыбинска» (1837).

Диев Михаил Яковлевич (1794-1866), священник, краевед. Окончил Костромскую духовную семинарию (1813). Рукоположен в священники села Тетеринское Нерехтского уезда Костромской губернии. В 1827 определен законоучителем Нерехтского уездного училища. С 1832 священник села Сыпаново Нерехтского уезда. В 1865 уходит со службы в сане протоиерея. Член-соревнователь ОИДР (1829), член ОЛРС (1830), действительный член РИО (1832), член Костромского ГСК (1854), корр. газеты «Костромские губернские ведомости». Автор опубликованных и рукописных трудов по истории Нерехтского края.

Дилакторский Прокопий Александрович (1862-1910), краевед, этнограф, библиограф. Учился в Вологодском реальном училище. Служил в Кадниковской земской управе, одновременно собирая этнографические материалы по Кадниковскому уезду (1886-1893). В 1893 переехал в Вологду, где подготовил и выпустил сборник «Вологжанин» и библиографическую работу «Вологжане – писатели». По заданию АН составлял словарь русского языка по Вологодской губернии. В 1905 переехал в Петербург. Подготовил библиографический указатель по Северному краю, но издать не успел; позже ВОИСК опубликовало этот указатель.

Дингес Георг (Георгий) Генрихович (1891-1932), этнограф, филолог, музейный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917). Профессор Саратовского университета (1923). С 1929 зам. ректора Немецкого педагогического института в Покровске (ныне Энгельс). Организовал работу по этнографическому и лингвистическому изучению населения немецких колоний и украинских сел Республики немцев Поволжья. В 1920-е работал в Саратовском обществе искусствоведения и истории литературы. Председатель этнографической секции Нижневолжского областного научного общества краеведения. Основатель Общества научного изучения Республики немцев Поволжья. Разработал план создания Центрального музея АССР немцев Поволжья как

учреждения научно-исследовательского профиля (открыт в 1925); директор этого музея (1926). Совместно с Саратовским университетом организовывал исследовательские экспедиции в немецкие колонии и украинские села.

Дмитриев Сергей Сергеевич (1906-1991), историк, краевед. Член ЯЕИКО. Историк культуры России XIX – начала XX вв. Профессор Московского университета.

Доброхотов Василий Иванович (1816-1857), археолог, этнограф, краевед. В 1850-е редактор газеты «Владимирские губернские ведомости», в которой печатал свои краеведческие статьи. Автор книг «Памятники древности во Владимире Кляземском» (1849), «Древний город Боголюбов и монастырь» (1852).

Докучаев Василий Васильевич (1846-1903), естествоиспытатель, почвовед, музейный деятель. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1871) Действительный член Петербургского общества естествоиспытателей (1872). Участвовал в составлении почвенной карты Европейской России по опросным материалам, присланным из губерний (1875). Профессор Петербургского университета (1883), основатель первой в России кафедры почвоведения (1895). Руководил комплексными экспедициями по изучению природных условий Нижегородской губернии (1882-1886), Полтавской губернии (1888-1894). В 1885 разработал «Примерный устав земского естественнoисторического музея», разосланный во все земские управы и губернские статистические комитеты. При его содействии и на основе «Примерного устава...» были созданы естественнoисторические музеи в Нижнем Новгороде (1885), Кишиневе (1889), Полтаве (1890) и других городах. Автор научных трудов, в том числе «Русский чернозем» (1883), «Наши степи прежде и теперь» (1892).

Дубасов Иван Иванович (1843-1913), историк, археограф, краевед. Окончил Тамбовское духовное училище, семинарию (1863), Киевскую духовную академию (1867). Преподавал в Тамбовской духовной семинарии, Александринском институте благородных девиц, Екатерининском учительском институте. Директор Екатерининского учительского института (1884) Основатель и первый председатель Тамбовской ГУАК (1884-1900). Директор народных училищ в Курске (1900-1903). В 1903 уволен со службы за выслугу лет и вернулся в Тамбов. Автор ряда работ по всеобщей и отечественной истории.

Дюбюк Евгений Федорович (1876-1942), статистик, историк, экономист. Окончил Владимирский кадетский корпус в Киеве, Петербург-

ский лесной институт. Работал статистиком в Ярославской земской управе. Участвовал в революционном движении, был членом ЦК «Северного рабочего союза». Арестован и выслан в Архангельскую губернию. После ссылки жил во Владимире (1904), Саратове (1905-1907). В 1907 переехал в Кострому, где стал работать зав. секцией лесной статистики статистического бюро губернского земства. Являлся членом КНОИМК (1912), принимал активное участие в работе его экономической и географической секций, был его председателем (1919-1920). Первый губернский уполномоченный Главархива, организатор создания губархива, его заведующий (1921-1924). Заведующий губстатотделом (1925). Преподавал в Костромском университете, институте народного образования, на лесных курсах при губземотделе, в промышленно-экономическом техникуме. В 1927 был отозван в Москву для работы в ЦСУ, где возглавлял отдел статистики мелкой промышленности. Автор многих работ по статистике, истории и экономике Костромской губернии, в том числе: "Леса и лесное хозяйство Костромской губернии"(1912-1920), "Очерки по истории рабочего движения в Костромской губернии"(1926). За совокупность научных трудов удостоен медали Русского географического общества (1926).

Евдокимов Иван Васильевич (1887-1941), писатель, искусствовед, краевед. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1911-1915). Член ВОИСК и СКЛИИ. Работал зав. библиотекой, читал лекции по истории искусства в Вологде. С 1922 работал в Московском государственном издательстве. Автор статей и очерков о вологодской живописи и архитектуре. Со второй половины 1920-х активно работал как писатель-прозаик

Евреинов Константин Николаевич (1867-1909), археолог, краевед, коллекционер, музейный деятель. Получил домашнее образование. Был владельцем нескольких торговых предприятий. Являлся гласным Угличской городской думы, Угличского уездного земского собрания. Инициатор создания Угличского музея отечественных древностей, его хранитель, член комитета по его управлению. Член Ярославской ГУАК (1896), других научных обществ. Проводил археологические раскопки в Угличе и его окрестностях. Автор работ по истории Углича и Угличского уезда, в том числе: «Прошлое Углича. Исторический очерк» (1898)

Ефименко Петр Саввич (1835-1908), этнограф, фольклорист, статистик, краевед. Окончил мужскую гимназию в Екатеринославе, учился

в Харьковском университете, Киевском университете. Занимался революционной деятельностью. В 1859 путешествовал по южным губерниям России, вел этнографические наблюдения, собирал фольклор. В 1860-1861 находился в ссылке в Пермской губернии, с 1861 в ссылке в Архангельской губернии. Активно участвовал в работе Архангельского ГСК, был его секретарем. Организовал сбор материалов по этнографии, фольклору и обычному праву поморов. В 1870-х жил в Воронеже, Самаре, Чернигове, служил в местных губернских статистических комитетах и статистических отделах губернских земских управ. В 1879 поселился в Харькове, служил в статистическом отделе губернской земской управы. Был секретарем Харьковского ГСК (1883-1886), редактором справочного издания «Харьковский календарь», сотрудничал в газете «Харьковские губернские ведомости», в «Древностях» МАО, журналах «Юридический вестник», «Киевская старина» и др. Член МАО (1869), действительный член ОЛЕАЭ, член-сотрудник РГО, член Юридического общества при Киевском университете и Историко-филологического общества при Харьковском университете. Автор многих работ по истории, этнографии, праву.

Жизневский Август Казимирович (1819-1896), историк, археолог, краевед, музейный деятель. Окончил философский факультет Московского университета (1841). С 1843 на государственной службе: младший помощник секретаря 2-го отделения 6-го департамента Сената (1844-1845), стряпчий уголовных дел в Новгороде (1845-1851), товарищ председателя Тверской уголовной палаты (1851-1856), прокурор в Самаре (1858-1862), в Казани (1862), председатель Тамбовской казенной палаты (1862-1863), председатель Тверской казенной палаты (1863-1896). В 1872 избран на должность товарища председателя Тверского ГСК и возглавил находившийся при комитете Тверской историко-археологический музей. Действительный член МАО (1873). Основатель и бессменный председатель Тверской ГУАК (1884-1896), инициатор создания ее исторического архива. Руководил разбором и регистрацией всех архивов на территории губернии. Автор около 150 публикаций по истории Тверского края, археологии, архивоведению, нумизматике, в том числе: «Курганы и находки каменного века в Тверской губернии», «Описание Тверского музея» (1888)

Журавский Дмитрий Петрович (1810-1856), статистик. Окончил кадетский корпус в Петербурге. Служил в армии. В 1831 перешел на гражданскую службу, работал под началом М.М. Сперанского. Занимался архивными разысканиями. Служил по ведомству МГИ в Каменце Подоль-

ском и Одессе (1839-1841), в канцелярии главного директора Комиссии финансов и казначейства Царства Польского (1841-1843). Был управляющим имениями Нарышкина в Балашовском уезде Саратовской губернии (1843-1845). С 1845 чиновник для особых поручений при киевском губернаторе. За работу «Об источниках и употреблении статистических сведений» (1846) отмечен премией РГО, в 1847 избран членом-сотрудником РГО. В 1851 назначен ученым секретарем «Комиссии для исследования губерний Киевского учебного округа в естественном, сельскохозяйственном и промышленном отношении и для статистического описания оных», созданной при Киевском университете. Автор ряда работ по статистике, в том числе: «План статистического описания губерний Киевского учебного округа» (1851); «Статистическое описание Киевской губернии». ч. 1-3 (1852)

Забелин Иван Егорович (1820-1908), историк, археолог, археограф, знаток русских древностей. Закончил Преображенское училище для сирот в Москве. В 1837 поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля. В 1848 получил место помощника архивариуса в Дворцовом ведомстве Московского Кремля, а с 1856 стал архивариусом. Преподавал историю и археологию межевого дела в Константиновском межевом институте, русскую историю в школе межевых топографов (1853-1871). Член-корр. (1884), почетный член (1907) Петербургской АН, член МАО, сотрудник Археологической комиссии (1859-1876), председатель ОИДР (1879-1888). Один из главных организаторов Исторического музея в Москве, его фактический руководитель (1885-1906).

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфентьевич (1807-1881), государственный и общественный деятель, экономист, историк, статистик. Член-корр. Петербургской АН (1856). Окончил физико-математический факультет Московского университета. Служил в хозяйственном департаменте МВД (1832-1833). В 1833 издал «Статистические сведения о Санкт-Петербурге». Редактор «Журнала Министерства внутренних дел» (1833-1834), правитель канцелярии Статистического отдела МВД (с 1835). Затем работал в МГИ, Государственном Совете. С середины 1840-х активно работал в отделении статистики РГО. Автор работ по истории, статистике, экономике, финансам России.

Закревский Николай Васильевич (1805-1871), краевед, знаток древностей Киева. Автор трудов «Очерки истории города Киева» (1836), «Летопись и описание города Киева» (1858)

Заринский Мамант Григорьевич, краевед. Редактор газеты «Архангельские губернские ведомости» (1842-1857)

Зверев Стефан Егорович (1860-1920), священник, краевед, археограф, музейный работник. Окончил Московскую духовную академию (1884). Преподавал церковную и гражданскую историю в Воронежской духовной семинарии (1887-1894). Был секретарем Воронежского ГСК (1891-1894), занимался систематизацией его коллекций и архива, редактор и составитель «Памятных книжек Воронежской губернии» (1891-1894). В 1894 принял сан священника, в 1894-1918 настоятель церкви и законоучитель в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, протоиерей. Инициатор создания и руководитель губернского музея (с 1894). Один из учредителей и правитель дел Воронежской ГУАК (1901-1918), редактор ее «Трудов». Член правления Церковного историко-археологического комитета (1900-1918). Занимался проблемами светской и церковной истории Воронежского края, руководил археологическими раскопками, готовил к изданию документы из центральных и местных архивов. Член МАО, Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии, участник работы археологических съездов (начиная с IX съезда). Автор трудов по истории Воронежского края.

Зеленин Дмитрий Константинович (1878-1954), этнограф, фольклорист, диалектолог, библиограф. Окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета (1904) Профессор Петербургского университета (1916), профессор Харьковского университета (1917). Член-корр. АН СССР (1925). С 1925 работал в ИЭ АН СССР и руководил кафедрой этнографии Ленинградского университета. Автор трудов по этнографии восточных славян, народов Сибири. За труды по русской этнографии удостоен Большой золотой медали РГО.

Золотарев Алексей Алексеевич (1879-1950), писатель, краевед, общественный деятель. Окончил Рыбинскую мужскую классическую гимназию (1897). Учился в Киевской духовной академии, на физико-математическом факультете Петербургского университета, в Новороссийском университете, на естественном факультете Сорбонны в Париже, но законченного высшего образования не получил. Занимался активной революционной деятельностью, подвергался арестам, ссылке в Сибирь, высылке за границу. Занимался литературным трудом. В 1914 вновь поселился в Рыбинске, посвятив себя общественно-культурной деятельности и краеве-

дению. Был председателем РНО (1918-1930). Участник и организатор ежегодных краеведческих съездов в Рыбинске. Член губернской комиссии по охране памятников искусства, старины и природы. Член ЦБК при РАН (1923). В начале 1930-х был репрессирован по делу РНО и выслан в Архангельскую губернию. После ссылки жил в Москве, Рыбинске, затем снова в Москве.

Золотарев Давид Алексеевич (1885-1935), этнограф, антрополог, краевед. Профессор Петроградского университета (1918). В 1920-е зав. этнографическим отделом Русского музея; зав. разрядами этнической антропологии и этнографии ГАИМК; председатель антрополого-этнографической секции ЛОИМК. Член редколлегии журнала «Краеведение».

Зябловский Евдоким Филиппович (1763-1846), статистик, географ. Учитель народного училища в Колывани (1788). Профессор истории и географии, а затем статистики в Санкт-Петербургской учительской гимназии (1797). Профессор статистики (1816-1833), профессор кафедры географии Санкт-Петербургского университета. Автор научных трудов и учебников по статистике и географии.

Измайлов Николай Васильевич (1893-1981), филолог-пушкинист. Зять С.Ф.Платонова. С 1923 г. – зав. рукописным отделом Пушкинского дома, старший ученый хранитель. Арестован 14 ноября 1929 г. По постановлению коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. получил 5 лет лагеря. До 1934 г. – в заключении. С 1957 г. до ухода на пенсию – снова зав. РО ПД. Реабилитирован в 1967 г.

Износков Илиодор Александрович (1835-?), математик, археолог. Товарищ председателя Казанского ГСК и КОАИЭ. Автор работ по археологии, топонимике, этнографии Казанской губернии

Израилев Аристарх Александрович (1817-1901), священник, краевед, исследователь церковной истории, знаток колокольной музыки. Окончил Ярославскую духовную семинарию (1840). Был диаконом Петропавловской церкви в городе Петровске. Священник ростовского Рождественского монастыря (1842). Протоиерей (1885). С 1887 жил в Москве. Член ОЛЕАЭ при Московском университете, других научных обществ. Автор

трудов по церковной истории Ярославского края, в том числе: «Ростовские колокола и звоны» (1884)

Иконников Владимир Степанович (1841-1923), историк, общественный деятель. Член-корр. Российской АН (1893), академик (1914). Академик Украинской АН (1920). Окончил Киевский кадетский корпус (1861), историко-филологический факультет Киевского университета (1865). Приват-доцент Харьковского университета (1866-1867). Доцент (1868), затем профессор кафедры русской истории Киевского университета (1870), декан историко-филологического факультета (1877-1880, 1883-1887, 1906). Один из членов-учредителей Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете (1872), его председатель (1872). Главная сфера научных интересов – историография, история общественной мысли, культуры и просвещения в России, исторические биографии. Член МАО (1875), ОЛЕАЭ (1878), Славянского благотворительного общества (1882), ОИДР (1883), Церковно-исторического общества при Киевской духовной академии (1903), РИО (1906), Владимирской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской ГУАК, почетный член Киевского, Петербургского, Харьковского и Юрьевского университетов, Императорской Публичной библиотеки в Петербурге и других научных учреждений, обществ и комиссий. Автор многих работ по русской истории, историографии истории русской культуры, в том числе: «Опыт русской историографии» (т. 1, 1891-1892; т. 2, 1908).

Иловайский Дмитрий Иванович (1832-1920), историк, публицист. Автор широко известных учебников по истории для средней школы, научных трудов по истории России

Кавелин Константин Дмитриевич (1818-1885), историк, общественный деятель, публицист. Участник подготовки крестьянской реформы.

Кадек Матвей Егорович (1897-1950), географ, краевед, журналист. Окончил учительскую семинарию (1917). Работал учителем в Костроме. В 1917 переехал в Ярославль. Учился в Ярославском учительском институте. Работал на партийной и советской работе. В 1921 учился на биолого-географическом отделении педагогического факультета Ярославского университета. С 1924 преподавал в Ярославском педагогическом институте. Редактировал журнал губернского отдела народного образования

«Наш труд». Был членом секции краеведения ЯЕИКО, сотрудником НИИВП, членом бюро секции научных работников. Являлся член-корр. ЦБК. Опубликовал ряд работ по истории, географии и экономике Ярославского края, в том числе: «Очерки по экономике Ярославского края в связи с экономической географией СССР и Центрально-Промышленной области» (1925). Затем переехал в Москву, где преподавал экономическую географию в Московском университете, Московском областном педагогическом институте. После войны был профессором Латвийского государственного университета. Академик АН Латвийской ССР (1946).

Калачов Николай Васильевич (1819-1885), историк, правовед, археограф, архивист. Академик Петербургской АН (1883). Окончил юридический факультет Московского университета (1840). Служил в Петербургской археографической комиссии. Библиотекарь Московского главного архива МИД (1846), профессор кафедры истории русского законодательства Московского университета (1848). В 1852-1854 совершил археографические экспедиции по обследованию ряда монастырских и частных архивов в центральных губерниях России и опубликовал собранные документы. В 1865-1885 возглавлял Московский архив МЮ, в 1873-1885 Временную комиссию об устройстве архивов. Организатор ПАИ (1877), его первый директор (1878). Член ОИДР (1847), АК (1851), РГО (в 1861-1865 председатель его Этнографического отделения). Автор ряда работ по археографии, редактор и составитель многих сборников архивных документов.

Канкрин Егор Францевич (1774-1845), граф, государственный деятель. Окончил Гессенский и Магдебургский университеты, получив степень доктора прав (1794). В 1797 по вызову отца приехал в Россию, служил комиссионером, бухгалтером, учителем. В 1803 определен в МВД советником при Экспедиции государственной экономии. Участвовал в исследовании соляных месторождений Оренбургской губернии. Инспектор иностранных колоний Петербургской губернии (1809-1811). Помощник генерал-провиантмейстера Военного министерства (1811). С начала Отечественной войны 1812 генерал-интендант 1-й Западной армии, с апреля 1813 генерал-интендант всей русской действующей армии. В 1816-1820 в должности генерал-интенданта находился при Главной квартире 1-й армии в Могилевской губернии. В 1820 по своему прошению уволен от должности и назначен членом Военного совета. С 1821 член Государственного совета, с 1823 сенатор. Министр финансов (1823-1844). В 1839-1843 осуществил денежную реформу. Одну из своих главных задач как министра финансов видел в поощрении науки и образования. В 1844 по болезни вышел в отставку с поста министра, оставаясь членом Государственного совета. Почетный член Петербургской АН (1824), Парижской АН (1844).

Карамзин Николай Михайлович (1766-1826), историк, писатель, журналист, критик. Член Российской академии (1818). Почетный член Петербургской АН (1818). Автор «Писем русского путешественника» (1801), «Записки о древней и новой России» (1811), «Истории государства Российского» (1816-1829). Редактор «Московского журнала» (1791-1792), «Вестника Европы» (1802-1803)

Карманов Диомид И. (1740-1795), историк, краевед, первый историкограф Тверского края

Кеппен Петр Иванович (1793-1864), статистик, географ, историк, этнограф, библиограф. Академик Петербургской АН (1843). Один из членов-учредителей РГО (1845), заведующий его статистическим отделением (1845-1850). Организатор систематического сбора данных о численности и национальном составе населения России. Создатель первой «Этнографической карты Европейской России» (1851). Автор многочисленных трудов по этнографии, статистике, археологии, географии, истории.

Кирилов Иван Кириллович (1689-1737), государственный деятель, географ, картограф, статистик. С 1712 служил в Сенате, его обер-секретарь (1727). В Сенате ведал регистрацией и хранением карт, затем возглавил астрономические, топографические и картографические работы. В 1727 написал книгу «Цветущее состояние Всероссийского государства», в которой впервые было дано систематизированное статистическое и экономико-географическое описание России. С 1728 возглавлял работы по топографической съемке страны. В 1734 опубликовал первый выпуск «Атласа Всероссийской империи». Был одним из организаторов Второй Камчатской экспедиции. Возглавлял Оренбургскую экспедицию (1734-1737)

Киссель Федор Харитонович (1807-1852), краевед, историк. Окончил гимназию в Чернигове (1833), после окончания которой работал учителем истории и географии Угличского уездного училища. Автор одного из первых исследований по истории городов Ярославского края «История города Углича» (1844)

Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914), археолог, этнограф, музейный деятель, востоковед, путешественник, публицист. Окончил 1-ю мужскую гимназию в Казани (1866), учился на физико-математических факультетах Казанского и Петербургского университетов. Занимался революционной деятельностью, один из организаторов «хождения в народ» (1874), вел пропаганду в Москве и Ярославской губернии. Входил в руководящий центр общества «Земля и воля». В 1881 сослан в

Восточную Сибирь. Жил в Минусинске. Один из создателей Минусинского музея. В 1883-1890 ежегодно совершал экспедиции по Восточной Сибири и Забайкалью, собирая материал по археологии, этнографии и антропологии народов Сибири. С 1886 жил в Томске, затем переехал в Иркутск (1889). Служил хранителем музея Восточно-Сибирского отделения РГО в Иркутске (в 1891-1894 правитель дел отделения, его фактический руководитель). В 1897 вернулся в Петербург, служил консерватором, затем старшим этнографом в МАЭ. Создатель и первый заведующий этнографическим отделом Русского музея (1902). В 1909 вышел в отставку и переехал в Москву. Последние годы жизни работал над мемуарами. Был членом МАО (1877), Восточно-Сибирского отделения РГО (1890). Автор ряда работ по истории, археологии, этнографии, в том числе: «Древности Минусинского музея» (1886).

Ключевский Василий Осипович (1841-1911), историк. Академик (1900), почетный академик (1908) Петербургской АН. Профессор Московского университета и Московской духовной академии. Создатель научной школы. Автор трудов по русской истории историографии, источниковедению, в том числе: «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871), «Боярская дума Древней Руси» (1882), обобщающий «Курс русской истории» (1904)

Колосов В.И., историк, археолог, краевед. Товарищ председателя Тверской ГУАК. Инициатор создания музея в Твери. Автор ряда работ по истории и культуре Тверского края, в том числе: «Прошлое и настоящее Твери» (1917).

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892-1938), экономист. Закончил экономическое отделение юридического факультета Петербургского университета (1915). Оставлен при кафедре политической экономии и статистики юридического факультета для подготовки к профессорской и преподавательской деятельности (1915-1916). Состоял членом Костромского и Кинешемского научных обществ по изучению местного края (с 1912). Служил в Петроградском Земском союзе в должности заведующего статистико-экономическим отделом (1915-1916). Был ученым секретарем Социологического общества. Член партии эсеров, председатель Совета крестьянских депутатов, секретарь А.Ф.Керенского по вопросам сельского хозяйства (1917). В 1918 перебирается в Москву и работает в должности зав. экономическим отделом Центрального товарищества льноводов, а также в Московском народном банке, преподает в университете Шанявского. С 1920 директор Конъюнктурного института в Петровской академии (1920-1928), профессор академии (1920-1929), зав. кафедрой «Учение о сельскохозяйственных рынках». В 1921 начальник управления сельскохо-

зяйственной экономии и плановых работ Наркомзема РСФСР, представитель Наркомзема в сельхозсекции Госплана. С 1922 член Плановой комиссии (Земплана) Наркомзема РСФСР. В 1930 арестован по делу т.н. «Трудовой крестьянской партии». Приговорен к тюремному заключению. В 1938 расстрелян.

Короленко Владимир Галактионович (1853-1921), писатель. Во время пребывания в Нижнем Новгороде (1885-1896) принимал активное участие в работе Нижегородской ГУАК (1887-1895) По его инициативе комиссия стала не просто собирать архивные материалы, но и систематизировать их и публиковать. Сам он подготовил к публикации семейную переписку И.П.Кулибина, составил «Опись дел Балахнинского городского магистрата», в которой попытался раскрыть «картину промышленной деятельности приволжского уездного города». Изучал жизнь губернии, почти всю ее обошел пешком и в результате опубликовал целый ряд историко-этнографических очерков и статей «Павловские очерки» (1890) и др.

Корсунский Николай Николаевич (1843-1899), историк, краевед, коллекционер. Редактор неофициальной части газеты «Ярославские епархиальные ведомости» (1871-1898). Закончил Московскую духовную академию (1866), преподавал в Ярославской духовной семинарии. Был одним из учредителей Ярославской ГУАК, членом Ярославского ГСК, других научных обществ. Автор нескольких работ по церковной истории края

Костомаров Николай Иванович (1817-1885), историк, археограф, этнограф, писатель, публицист. Член-корр. Петербургской АН (1876). Один из основателей и руководителей Кирилло-Мефодиевского общества. В 1848 сослан в Саратов, где служил в губернской канцелярии, занимался изучением старообрядчества, собирал фольклор. С 1854 делопроизводитель Саратовского ГСК. Редактор газеты «Саратовские губернские ведомости», где поместил ряд статей по истории, статистике, краеведению и публиковал фольклорные материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций. С 1859 профессор русской истории Петербургского университета. Член АК (1860), Виленской археологической комиссии, РГО, РИО, ПАО, МАО, ОИДР, Исторического общества Нестор-летописца, ряда иностранных научных обществ.

Костров Николай Алексеевич (1823 – 1881), краевед, исследователь Сибири. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1844 на государственной службе. Служащий межевой канцелярии (1844), Енисейского губернского правления (1846), Енисейского губернского суда (1858). С 1861 чиновник особых поручений Томского губернского управления. С 1866 секретарь Томского ГСК. Занимался сбором и

публикацией материалов по этнографии, фольклору, географии, экономике, обычному праву, статистике, истории. Член РГО, Сибирского, а затем Западно-Сибирского его отделов. Автор более 190 работ, в том числе: "Историко-статистическое описание городов Томской губернии", "Нарымский край" (1872), "Каинская Бараба" (1874), "Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии" (1876).

Кравец Торичан Павлович (1876-1955), физик. В начале 1920-х профессор Института инженеров путей сообщения в Москве, член коллегии НТО ВСНХ. Товарищ председателя президиума ЦБК при РАН (с 1922). Арестован в августе 1922 и выслан на три года в Сибирь. Сотрудник Иркутской сейсмологической станции, профессор Иркутского университета (1923). В 1926 освобожден из ссылки с правом свободного проживания по СССР. Член-корр. АН СССР (1943).

Крашенинников Степан Петрович (1713-1755), географ, ботаник, путешественник. Один из первых русских академиков Петербургской АН (1750). Учился в Славяно-греко-латинской академии (1724-1732). С 1732 студент Петербургской АН. Исследователь Сибири и Камчатки. Участник Второй Камчатской экспедиции (1733-1743), собранные в ходе которой материалы легли в основу труда «Описание земли Камчатки». Адъюнкт Петербургской АН (1745), профессор натуральной истории и ботаники (1750) Ректор академического университета и инспектор академической гимназии (1748). Заведующий ботаническим садом АН.

Крестинин Василий Васильевич (1729-1795), краевед, историк, общественный деятель. Член-корр. Петербургской АН (1786). Служил в различных учреждениях Архангельска (1747-1785). С 1785 в отставке. Основал в Архангельске первое в России Общество для исторических исследований, целью которого была разработка «истории здешнего города и страны»(1759). После прекращения деятельности Общества (1768) продолжал историко-краеведческие изыскания. Был знаком с И.И.Лепехиным, участвовал в подготовке его «Путевых записок». Занимался публикаторской деятельностью. Автор трудов по истории Архангельска и Архангельского края

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872-1959), партийный и государственный деятель. Академик (1929), вице-президент АН СССР (1929-1939). Герой Социалистического Труда (1957). В 1920 председатель комиссии ГОЭЛРО. Председатель Госплана (1921-1923, 1925-1930). Автор трудов по электрификации народного хозяйства.

Критский Петр Андреевич (1865-1922), краевед, журналист, педагог. Окончил Московский учительский институт (1885). Преподавал историю и географию в школах и училищах Галича, Буя, Ярославля и Углича. Редактировал «Вестник Ярославского земства», был секретарем редакции газеты «Голос», был одним из редакторов журнала «Русский экскурсант», издававшегося в Ярославле в 1914-1917. Был членом Ярославской ГУАК (1900), ЯЕИО, других научных обществ. После 1917 преподавал в Ярославском институте народного образования, был зав. городской библиотекой. Автор трудов по истории края, в том числе «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения» (1907)

Крупская Надежда Константиновна (1869-1939), партийный и государственный деятель. Почетный член АН СССР (1931). Жена В.И.Ленина. Член коллегии Наркомпроса РСФСР (1917), председатель Главполитпросвета при Наркомпросе (1920), зам. наркома просвещения РСФСР (1929). Действительный член Социалистической Академии общественных наук (1918). Член ЦКК (1924), член ЦК ВКП(б) (1927). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Автор трудов по педагогике и истории партии.

Крылов Апполинарий Платонович (1834-1912), историк, краевед. Исследователь церковной истории местного края. Окончил Ярославскую духовную семинарию (1854). Был учителем латинского языка в Ярославском духовном училище. Секретарь Ярославской духовной консистории (1860). Затем на гражданской службе: мировой судья Ярославского округа, председатель губернской земской управы (1899-1910). Первый редактор газеты «Ярославские епархиальные ведомости» (1860-1864). В начале 1900-х редактировал «Вестник Ярославского земства». Был членом Ярославской ГУАК (1895), ЯЕИО. Автор многих исследований по церковной истории края, в том числе: «Церковно-археологическое описание города Ярославля» (1860), «Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии» (1861).

Кузнецов Алексей Кириллович (1845-1928), участник революционного движения, краевед, археолог, музейный деятель. Окончил Московское коммерческое училище (1864), учился в Петровской земледельческой и лесной академии. Занимался революционной деятельностью, входил в состав тайного общества «Народная расправа» С.Г.Нечаева. В 1869 арестован по делу «нечаевцев», в 1871 выслан в Сибирь на каторгу и вечное поселение. С 1878 в Нерчинске, где создал частную школу, занимался краеведением, первым в Забайкалье начал вести археологические раскопки. Инициатор создания в Нерчинске первой общедоступной библиотеки (1885) и первого в Забайкалье Музея местного края при ней (1886), его директор (до 1893). В 1889 переехал в Читу, где занялся фотографией, со-

вершал научные поездки по Забайкалью, вел археологические раскопки. Составил «Археологический атлас Южного Забайкалья» (1892). Один из инициаторов открытия Читинского отделения Приамурского отдела РГО (1894), Музея местного края при нем (1896), который возглавлял более 30 лет. После активного участия в революционных событиях 1905 г. арестован, сослан в Якутскую область. В 1911 переведен в Якутск, где участвовал в организации местного музея, его хранитель (1913). В 1913 вернулся в Читу, где занялся строительством местного музея. После установления советской власти создал в музее Отдел истории каторги и ссылки. В 1921-1930 Дальневосточный республиканский музей носил его имя. В 1928 выехал для лечения в Москву, где и умер.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819-1897), украинский писатель, публицист, критик, историк, фольклорист, переводчик. Окончил Новгород-Северскую гимназию. Был вольнослушателем философского отделения Киевского университета. Был учителем в Луцке, Киеве, Ровно, Петербурге. В Петербурге сблизился с Н.И.Костомаровым и Т.Г.Шевченко. За участие в Кирилло-Мефодиевском обществе был вместе с ними арестован и позже выслан в Тулу, где во время ссылки служил в канцелярии губернатора и редактировал неофициальную часть газеты «Тульские губернские ведомости». В начале 1850-х вернулся в Петербург. В 1860-1870-е служил в Варшаве, Галиции. Последние годы жизни провел в Черниговской губернии. Занимался изучением творчества Н.В.Гоголя, издал два сборника народно-поэтических и исторических материалов об Украине. Автор исторических исследований, романов, стихов и переводов.

Куроптев М.И. (1835-1893), священник, историк, краевед. Член Вятского ГСК. Награжден медалью РГО за исследование «Этнография Сарапульского уезда» (1876). В 1860-е секретарь Вятского ГСК, затем действительный член Нижегородского ГСК

Лазарев Иван Артемьевич (1865-1933?), учитель, фотограф, музейный деятель. Окончил Московский учительский институт (1896). Был учителем арифметики и геометрии в Алексинском уездном училище Тульской губернии, Угличском и Ярославском городских училищах. Преподаватель торговой школы в Ярославле (1900-1917). После 1917 председатель Ярославского художественного общества, заведующий 4-й советской школой Волжского района, зав. музеем Ярославского промышленно-экономического техникума.

Лебедев Алексей Николаевич (1812-1880), историк, краевед. Исследователь церковной истории Ярославского края. Получил домашнее образование. Был вольнослушателем Петербургского университета. Путешествовал по России. Поселился в Вологде и служил в дворянском депутатском собрании. В 1854 переехал в Ярославль. Постоянного места службы не имел. Автор нескольких монографий и множества статей по местной церковной истории, в том числе: «Успенский кафедральный собор в Ярославле» (1896)

Леопольдов Андрей Филиппович (1800-1875), краевед, археолог, этнограф, историк, статистик. Закончил Пензенское духовное училище и пензенскую духовную семинарию. Окончил Московский университет. С конца 1820-х жил в Саратове, служил в полиции, в отделении питейных сборов, в казенной палате, палате государственных имуществ. Член-корр. Статистического отделения МВД (1836). Редактор газеты «Саратовские губернские ведомости» (1842-1847, 1850-1852). Автор более 250 книг и статей по истории края: «Статистическое описание Саратовской губернии» (1839), «Исторический очерк Саратовского края» (1848), «Исторический очерк Саратова и пугачевщина» (1874) и др.

Лепехин Иван Иванович (1740-1802), естествоиспытатель, путешественник. Академик Петербургской АН (1771). Зав. Ботаническим садом Петербургской АН (1771) и академической гимназией (1777-1794). Непременный секретарь Российской АН (1783-1802). Руководитель одного из отрядов Академических экспедиций (1768-1773). Исследователь Поволжья, Урала и севера европейской части России.

Лествицын Вадим Иванович (1827-1889). Окончил Московскую духовную академию (1848). Служил в Ярославском губернском правлении. С 1856 начальник газетного стола и редактор официальной части газеты «Ярославские губернские ведомости». Член Ярославского ГСК. Был членом МАО, участником двух археологических съездов. Автор многих трудов по истории Ярославского края, в том числе: «Открытие Ярославской губернии в 1777 году» (1877), «Краткий путеводитель по церквам города Ярославля» (1887)

Ливанов Александр Николаевич (1846-1922), священник, земский деятель, краевед. Окончил Ярославскую духовную семинарию. Работал учителем в Рыбинске, затем служил настоятелем церкви Живоначальной Троицы в с. Александрова Пустынь (1872). Гласный Рыбинского земства от Николо-Задубровской волости (1879), основатель в своем приходе Общества трезвости, попечительства о вдовах и сиротах. Действительный

член Ярославской ГУАК (1889), один из создателей Древлехранилища. Автор ряда статей в «Ярославских епархиальных ведомостях» и неопубликованных рукописей, в том числе: «История бывшей Александровой Пустыни», «Свадебные обычаи в Николо-Задубровской волости Рыбинского уезда».

Липинский Мариан Александрович (1854-1919), правовед, статистик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Доцент ДЮЛ (1879-1901). С 1901 на службе в Ярославской казенной палате. В 1906 вышел в отставку. Секретарь Ярославского ГСК. Один из членов-учредителей Ярославской ГУАК (1889), позже ее председатель (1900-1903). Автор работ по истории края в том числе: «Очерк материалов для историко-статистического описания Угличского уезда» (1884), «Описание собрания документов, принадлежащих Ростовскому музею церковных древностей» (1886).

Лихачев Андрей Федорович (1832-1890), археолог, нумизмат, коллекционер. Учился в Казанском университете (1848-1853) на физико-математическом факультете, изучал арабский и татарский языки. Археологией заинтересовался после окончания университета. Член РАО (1865). Основатель КОАИЭ (1878). Его коллекции составили основу Казанского городского научно-промышленного музея

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906-1999), филолог, исследователь культуры, общественный деятель. Окончил Ленинградский университет (1928). В 1928 арестован и до 1932 находился в лагере на Соловецких островах и на строительстве Беломоро-Балтийского канала. После возвращения из ссылки работал корректором в издательстве АН СССР, а с 1938 – в Институте русской литературы АН (Пушкинском доме). В 1941 защитил кандидатскую диссертацию, в 1947 докторскую. В 1954 возглавил сектор древнерусской литературы Пушкинского дома. Профессор ЛГУ (с 1951). Член-корр. АН СССР (1953), академик (1970). Лауреат Сталинской (1952) и государственной премий (1969, 1973). Герой Социалистического труда (1986). Председатель Пушкинской комиссии Академии наук (1982). Председатель правления Советского Фонда культуры (1986-1993). Академик и член-корр. многих зарубежных научных академий, почетный доктор многих зарубежных университетов. 1-й почетный гражданин Санкт-Петербурга, 1-й кавалер ордена Андрея Первозванного. Автор научных трудов по истории культуры и древнерусской литературе.

Лихачев Николай Петрович (1862-1936), историк, искусствовед, книговед, коллекционер. Член-корр. Петербургской АН (1901), действительный член АН СССР (с 1925, исключен в 1931, восстановлен в 1990).

Окончил Казанскую гимназию, затем историко-филологический факультет Казанского университета (1884). С 1894 профессор дипломатики ПАИ, тогда же избирается членом АК. Выезжал в Западную Европу, посещал Константинополь и Афон. Собрал уникальное и редкое по полноте собрание икон, переданное им позже в Русский музей. После 1917 работал в ГА-ИМК (1919-1929). Создатель Музея палеографии на основе переданных им государству коллекций (1925), его директор (1925-1929). В январе 1930 был арестован по «делу АН» (или «делу Платонова») и в августе 1931 осужден на пятилетнюю ссылку в Астрахань. В августе 1933 из-за болезни получил разрешение вернуться в Ленинград. Автор многих работ по истории, дипломатике, сфрагистике, генеалогии.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765), ученый, писатель, организатор науки. С 1741 начал службу в АН. Профессор химии (1745). Принимал активное участие в работе различных академических департаментов (исторического, географического и др.). Руководил Географическим департаментом АН (1757-1765). Советник канцелярии АН (1757). Ученый-энциклопедист, выступавший как химик, физик, астроном, геолог, географ, историк, внес крупный вклад в развитие русской науки. Автор ряда исторических и географических сочинений

Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933), партийный, государственный и общественный деятель, драматург, публицист, критик, историк литературы. Народный комиссар просвещения РСФСР (1917-1929). Член ВЦИК, ЦИК СССР, председатель Ученого совета при ЦИК СССР

Майков Леонид Николаевич (1839-1900), историк литературы, этнограф, фольклорист. Много лет служил в ЦСК. Профессор Археологического института (1868). Помощник директора Публичной библиотеки (1882-1893). Был председателем этнографического отделения РГО. Академик (1891). Вице-президент АН (1893-1900)

Максимов Сергей Васильевич (1831-1901), писатель, этнограф, фольклорист, путешественник. Почетный член Российской АН по отделению русского языка и словесности (1900). Исходил пешком почти всю Россию с целью изучения быта и жизни народа. Автор многочисленных книг и очерков этнографического содержания.

Марр Николай Яковлевич (1864-1934), историк, археолог, языковед, востоковед. Окончил Петербургский университет (1890). Действительный член Петербургской АН (1912). Вице-президент АН СССР (1930-1934). Председатель Центрального совета СНР (1923). Основатель школы лингвистики языков народов Кавказа. Автор трудов по истории, археологии, этнографии и языкам Кавказа. Один из руководителей ЦБК, зам. председателя президиума ЦБК (1927).

Мартьянов Николай Михайлович (1844-1904), естествоиспытатель, краевед, музейный деятель. Окончил фармацевтическое отделение медицинского факультета Московского университета. Работал в одной из аптек Казани, занимался ботаникой в Казанском университете. Увлекался естественнонаучным коллекционированием. В 1874 переехал в Минусинск. Служил зав. аптекой, одновременно занимаясь изучением края. С 1875 совершал ежегодные экспедиции и экскурсии, в ходе которых собрал обширные коллекции (в частности, местной флоры), наладил обмен коллекционными материалами с музеями Петербурга, Казани, Вены, Бреславля. Инициатор создания и директор Минусинского музея (1877), основу которого составили его коллекции. Удостоен звания почетного гражданина Минусинска (1885).

Межев Владимир Измайлович (1830-1894), библиограф. С 1851 работал в Императорской Публичной библиотеке помощником библиотекаря, затем регистратором. Автор библиографических трудов «Русская историческая библиография», «Литература русской географии, этнографии и статистики», «Сибирская библиография», «Туркестанский сборник».

Мейерович Михаил Германович (1921-2000), историк, музейный деятель, краевед. Учился в МИФЛИ (1939-1940). С 1940 в Красной армии. Участник Великой Отечественной войны. Закончил исторический факультет Московского государственного университета (1946-1951). Научный сотрудник (1951), зам. директора по научной работе Ярославского краеведческого музея (1953). Кандидат исторических наук (1970). Преподаватель Ярославского государственного университета (1970), доцент кафедры истории СССР (1977). С 1996 жил в Израиле. Автор трудов по отечественной истории, истории рабочего класса, музейному делу, краеведению, в том числе: «Когда был основан Ярославль» (1959); «Так начинался Ярославль» (1984); «Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г.: Хроника» (1995).

Мельгунов Алексей Петрович (1722-1788), государственный деятель. Учился в Сухопутном кадетском корпусе. Был адъютантом Вел. Кн. Петра Федоровича. Директор Сухопутного шляхетского кадетского

корпуса (1756-1761). Генерал-поручик (1761). С 1764 губернатор Новороссии; стал известен организацией раскопок скифских курганов. В 1765 возвращен в столицу, назначен в Комиссию по межеванию. Сенатор, президент Камер-коллегии, депутат Уложенной комиссии. В 1777 назначен генерал-губернатором Ярославского наместничества (1777-1788). В 1778 наместник Ярославский и Костромской, в 1779 наместник Ярославский и Архангельский, в 1780 наместник Ярославский и Вологодский. Покровительствовал литературе и искусству. Отмечен многими российскими орденами.

Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский) (1818-1883), писатель, историк. Окончил Казанский университет. Преподавал историю в Нижегородской гимназии. Вел краеведческие изыскания. Был редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» (1845-1850). С 1847 чиновник для особых поручений при губернаторе. Член МАО, РГО, Московского общества сельского хозяйства. Член Нижегородской археографической комиссии. Автор научных трудов и художественной прозы, в том числе диалоги «В лесах» (1875) и «На горах» (1881)

Мешалин И.В. (1901-1942), историк, краевед. Начал заниматься научной деятельностью в Костромском университете. Работал в Костромском губстатбюро. Член КНОИМК. Автор трудов по истории России, в том числе: «Экономическое описание Нерехтского уезда» (1927), «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века» (1950).

Миллер Всеволод Федорович (1848-1913), филолог, фольклорист, этнограф, археолог, востоковед. Академик. Профессор Московского университета (1884), академик (1911). Возглавлял этнографическое отделение ОЛЕАЭ (1881). Председатель отделения этнографии РГО (1912). Был хранителем Дашковского этнографического музея в Москве и директором Лазаревского института восточных языков. Автор трудов по истории русского фольклора, по индо-иранским языкам.

Миллер Герард Фридрих (1705-1783), историк, археограф, этнограф, картограф. Учился в университетах Рингельна и Лейпцига (1722-1725). С 1725 на службе в Петербургской АН (студент, с 1730 профессор). Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1725) и издатель «Примечаний на «Ведомости». Основатель первого русского исторического журнала на немецком языке (1732). Во время Второй Камчатской экспедиции (1733-1743) обследовал десятки сибирских архивов, собрав множество документов и материалов, на основе которых написал «Историю Сибири» (1743-1750). Составил проект создания исторического департамента при АН

(1746), который не был принят. Получил российское подданство со званием историографа (1748). Конференц-секретарь Петербургской АН (1728-1730, 1754-1765). В 1765 переехал в Москву, где стал надзирателем Воспитательного дома. С 1766 служил в Московском главном архиве Коллегии иностранных дел, ее управляющий (1773). Депутат Уложенной комиссии от АН (1767). Автор исторических трудов и публикатор источников по русской истории.

Миловидов Иван Васильевич (1851 – 1898), краевед, педагог, археолог. Окончил Санкт-Петербургский университет. Работал в Шуйской прогимназии, Тверском реальном училище. Преподаватель истории и географии Костромского реального училища (с 1883). Член Костромской ГУ-АК. Один из создателей музея и библиотеки ГУАК. Составитель первой археологической карты Костромской губернии. Автор работ по истории, археологии края, в том числе: «Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича» (1885); «Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Вып. I-II (1887-1888).

Милорадович Григорий Александрович (1839-1905), граф, генерал-лейтенант, историк, генеалог. Окончил Пажеский корпус (1857). Старший адъютант при дежурном генерале Главного штаба (1865), чиновник для особых поручений при начальнике Главного штаба (1867), при командующем войсками Киевского военного округа (1869), флигель-адъютант (1871). С 1878 генерал-майор Свиты его императорского величества. Черниговский губернский предводитель дворянства (1890-1896). Член Совета министра земледелия и государственных имуществ (1898). Председатель Черниговской ГУАК, член Вятского ГСК, многих научных обществ. Автор книг и статей по истории и генеалогии, в том числе: «Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии»(1890).

Минцлов Сергей Рудольфович (1870-1933), писатель, библиограф, историк, библиофил. Окончил Александровское военное училище в Москве (1890). Служил по военному ведомству. В 1892 вышел в отставку. Окончил Нижегородское отделение МАИ(1895). Служил в Одессе, Чернигове, Уфе, Новгороде и других городах (по таможенному ведомству, в губернских канцеляриях и земствах). Был журналистом, земским деятелем, сотрудником провинциальных археографических комиссий. Занимался краеведческими исследованиями. В 1900-1914 жил в Петербурге, занимаясь литературной деятельностью. Собрал уникальную библиотеку рукописных материалов, книг, брошюр, листовок (около 4 тысяч томов: книги по истории, описания монастырей и церквей, российские записки и мемуары). После 1917 жил в Финляндии, Югославии, в последние годы в Риге.

Автор фундаментального библиографического труда «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке» (1911-1912)

Мордовцев Даниил Лукич (1830-1905), украинский и русский писатель, историк, публицист. Служил в Саратовском ГСК (1854-1856), редактировал неофициальную часть газеты «Саратовские губернские ведомости» (1856-1862), печатал историко-этнографические и статистические очерки, повести, рассказы и фельетоны, собирал фольклор Поволжья и Украины. Правитель канцелярии саратовского генерал-губернатора (1867-1873), служащий статистического отдела МПС (1873-1885). Один из самых плодovitых писателей (более 100 томов сочинений)

Морозов Георгий Федорович (1867-1920), лесовод. Профессор Петербургского Лесного института. Один из руководителей Постоянной комиссии по организации лесного опытного дела (1905). Профессор по кафедре лесоводства агрономического факультета Таврического университета (1918-1920). Автор фундаментальных трудов по лесоводству, в том числе: «Учение о лесе» (1912), «Основания учения о лесе» (1920).

Муравьев Михаил Никитич (1757-1807), поэт, писатель, ученый, государственный деятель. Учился в Московском университете. Служил в Измайловском гвардейском полку. В 1777 был сотрудником «Вольного собрания любителей российской словесности». В 1785 по просьбе Екатерины II преподавал русский язык, историю и нравственную философию Вел. Кн. Александру и Константину Павловичам. В 1800 был назначен сенатором, в 1801 секретарем по принятию решений в собственном кабинете Александра I, в 1802 товарищем министра народного просвещения. Попечитель Московского университета (1803-1807). Член Российской АН. Издатель «Московских Ученых Ведомостей». Интересовался механикой, физикой, историей, живописью, стихосложением. Помогал Н.М.Карамзину в работе над «Историей государства Российского». В 1773-1775 выпустил семь стихотворных книг. «Полное собрание сочинений» опубликовано в 1819-1820.

Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744-1817), граф, государственный деятель, археограф, историк, коллекционер. Окончил Артиллерийское училище. Служил адъютантом при князе Г.Г. Орлове, затем церемониймейстером двора Екатерины II. В 1772 подал в отставку. Путешествовал по Европе (1772-1775). В 1775 вернулся на государственную службу, руководил Корпусом чужестранных единоверцев (1789-1796). С 1774 возглавлял Академию художеств, являлся ее президентом (1794-1799). Член Российской академии (1789). Был обер-прокурором Синода (1791-1797). В

1799 оставил все государственные должности и поселился в Москве. Владелец крупнейшего в России частного хранилища древностей. Опубликовал много рукописных памятников, в том числе: «Правда Русская» (1792), «Поучение Владимира Мономаха» (1793), «Слово о полку Игореве» (1800).

Надеждин Николай Иванович (1804-1856), критик, поэт, переводчик, этнограф. Профессор по кафедре изящных искусств и археологии Московского университета (1831-1835). Издатель журнала «Телескоп» (1831-1836)

Наумов Николай Иванович (1838-1901), писатель. Служил юнкером (1856-1860). Приехав в Санкт-Петербург, хотел завершить гимназический курс и поступить в университет, но дважды был арестован (1861, 1862). В 1864 переехал в Сибирь, где сблизился с членами Общества независимости Сибири Г.Н.Потаниным и Н.М.Ядринцевым. В 1865 снова арестован. С 1869 по 1884 жил в Санкт-Петербурге, затем вернулся в Сибирь, где служил и занимался общественной деятельностью. Литературную деятельность начал в «Военном сборнике» и «Современнике», сотрудничал в «Отечественных записках», «Деле», «Русском богатстве» и др. Автор многих повестей и рассказов о русской деревне и крестьянстве.

Нафанаил II (Соборов), епископ архангельский. Инициатор создания Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета с древлехранилищем

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848-1936), писатель. Автор многих книг путевых очерков: «Страна холода» (1870), «По Волге» (1877), «Кама и Урал» (1890) и др. Один из авторов «Живописной России».

Николай Михайлович (1859-1919), вел. князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук императора Николая I, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, историк. Окончил Академию Генерального штаба, занимал различные командные должности в армии (1884-1903). Председатель Императорского РГО, председатель Императорского РИО (1909-1917). Инициатор учреждения в России ОЗСПИС, его председатель (1910). Почетный член РЭО. Автор ряда исторических трудов.

Никольский Федор Яковлевич (1816-1870), краевед, историк, журналист. Окончил Ярославскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию. Был профессором Вологодской духовной семинарии. С 1846 секретарь Вологодского губернского правления. Затем переехал в Ярославль, поступил на службу в палату государственных имуществ. Редактор неофициальной части газеты «Ярославские губернские ведомости» (1842-1862). Член Ярославского ГСК. Автор трудов по истории края, в том числе: «Путеводитель по Ярославской губернии» (1859).

Нил (в миру Исакович Николай Федорович) (1799-1874), священник, историк, краевед. Окончил Могилевскую духовную семинарию, а затем Петербургскую духовную академию. В 1830-1835 ректор Ярославской духовной семинарии, настоятель ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. Позднее был архиепископом в Вятке, Иркутске, Нерчинске, Якутске. Глава Ярославской епархии (1853-1873). Основатель газеты «Ярославские епархиальные ведомости» (1860). Собрал богатую коллекцию минералов, переданную по завещанию Петербургскому университету. Автор работ по церковной истории и краеведению, в том числе: «Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом» (1861); «Путевые заметки о путешествии по Сибири» (1874)

Норцов Алексей Николаевич (1859-1922), историк, генеалог, теософ, краевед. Служил в лейб-гусарском Павлоградском и гусарском Нарвском полках (1878-1880). Учился в Тверском кавалерийском юнкерском училище. В 1880 вышел в отставку. Жил в Тамбове. Занимался изучением древних языков и историей религии. Благодаря работам по истории религии был принят в члены английского Королевского Азиатского общества, одновременно состоял членом Лондонского фольклорного общества. Собрал большую библиотеку, внесенную в «Адресную книгу русских библиофилов» (1904). Занимался литературной деятельностью. Член Тамбовской ГУАК (1898), затем ее председатель (1900-1922). Почетный член Псковского археологического общества, Тамбовской, Тульской и Псковской ГУАК, член-учредитель и член совета Московского историкородословного общества, Тамбовского церковного историкорархеологического комитета, Тамбовского отделения Русского Военно-исторического общества, действительный член МАО, Общества ревнителей русской истории, Бородинского общества охраны памятников, Русского генеалогического общества, Витебской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тверской ГУАК, член-сотрудник ПАИ. Уполномоченный Главархива по охране архивов Тамбовской губернии (1918-1919).

Огурцов Николай Григорьевич (1881-1942), библиограф, краевед, журналист. Окончил Московский учительский институт. В 1912 переехал в Ярославль, работал в газете «Голос», в издательстве Ярославского губернского сельскохозяйственного кредитного союза кооператоров. Член Ярославской ГУАК. Был слушателем Ярославского отделения МАИ, учился на историческом отделении факультета общественных наук Ярославского государственного университета, затем работал здесь же на кафедре русской истории. Один из организаторов секции краеведения в ЯЕИО, секретарь этой секции. С 1926 жил в Москве. Работал в ГИМ. Член-корр. ЦБК. Автор капитального труда «Опыт местной библиографии. Ярославский край» (1924)

Озерецковский Николай Яковлевич (1750-1827), естествоиспытатель, путешественник. Член Санкт-Петербургской АН (1782). В 1768-1773 принимал участие в академической экспедиции, в которой был помощником И.И.Лепехина. Много путешествовал, собрал обширный естественнонаучный, этнографический, археологический и статистический материал. Исследовал Ладожское и Онежское озера. Член Российской АН (1783), ряда русских и иностранных научных обществ. Автор научных трудов, в том числе: «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (1792), «Путешествие на озеро Селигер» (1817).

Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934), востоковед, филолог, историк, исследователь фольклора Азии и Востока. Адъюнкт АН (1900), экстраординарный академик АН (1903), ординарный академик АН (1908). Член ЦК партии к.-д., министр просвещения Временного правительства (июль-август 1917). Непременный секретарь АН (1904-1929). Видный деятель РГО. Директор Азиатского музея АН (1916-1930). Председатель ЦБК (1921-1927). В последние годы жизни руководил ИВ АН СССР (1930-1934)

Орешников Алексей Васильевич (1855-1933), историк, археолог, нумизмат. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. Член-корр. (1881), действительный член МАО (1883). Хранитель РИМ (1887). Один из организаторов МНО (1888). Член-корр. АН СССР (1928). Автор трудов по нумизматике, в том числе: «Русские монеты до 1547 года» (1896).

Павлов Алексей Петрович (1854-1929), геолог, палеонтолог. Окончил Московский университет (1879). Профессор Московского университета (1886). Академик Петроградской Академии наук (1916), вице-президент Московского общества испытателей природы (1916). Создатель московской геологической школы. Товарищ председателя президиума ЦБК при РАН (1922)

Паллас Петр Симон (1741-1811), естествоиспытатель, географ, путешественник. Академик Петербургской АН (1762). В 1768-1774 возглавлял экспедицию Петербургской АН в центральные области России, Поволжье, Прикаспий, Урал, Южную Сибирь. Автор «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (1773-1788), а также книги «Флора России» (1784-1788).

Пассек Вадим Васильевич (1808-1842), историк, археолог, этнограф. Действительный член ОИДР. Правитель дел Московского ГСК. Участник кружка А.И.Герцена и Н.П.Огарева (1831-1834). Автор книг «Путевые записки Вадима» (1834), «Очерки России» (1838-1842), «Московская справочная книжка» (1842).

Первухин Николай Григорьевич (1850-1889), педагог, этнограф, археолог. Член-корр. МАО. Член Нижегородского ГСК (1877), затем член Вятского ГСК (1885-1889). Закончил Тверскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Работал преподавателем истории и педагогики Нижегородского Мариинского института. Затем инспектор народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии. Занимался археологическими и этнографическими исследованиями. Активно сотрудничал в КОАИЭ.

Первухин Нил Григорьевич (1874-1954), историк искусства, краевед, музейный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1896). Работал преподавателем в гимназиях Ярославля, Рязани, Коломны. Был инспектором Ярославского реального училища. После 1917 работал в губернском архиве. Директор губернского музея (1921). В 1930 переехал в Казань. Был членом Ярославской ГУАК (1900), активным автором журнала «Русский экскурсант» и газеты «Ярославские губернские ведомости». Был секретарем Ярославского отдела ОЗСПИС. Организатор секции краеведения ЯЕИО (1923). Автор научных

трудов по истории ярославского зодчества, в том числе: «Церковь Ильи Пророка в Ярославле» (1914), «Церковь Богоявления в Ярославле» (1916).

Перцев Василий Александрович (1866-1940), музейный деятель, краевед, коллекционер. Учился в Ярославской и Вятской гимназиях. Был слушателем Ярославского отделения МАИ. С 1919 работал в Ярославском музее. Был зав. картинной галереей (1921-1922), зав. отделом древнерусского искусства (1922), при котором организовал реставрационную мастерскую. Член коллегии губернского подотдела по делам музеев, охране памятников искусства и старины. Член секции краеведения ЯЕИКО.

Перцев Николай Васильевич (1902-1981), реставратор, исследователь древнерусского искусства, музейный работник, художник. Учился на факультете общественных наук Ярославского государственного университета. В 1918-1930 работал в органах контроля, Ярославском государственном музее, Ярославском отделении ЦГРМ, Ярославском отделении Ивановского областного музея. В 1931 переехал в Ленинград, работал в ГРМ, управлении по охране памятников, в архитектурно-художественных и скульптурных мастерских. В послевоенные годы работал художником-реставратором в Ленинграде, Ярославле

Петров Федор Николаевич (1876-1973), партийный и государственный деятель, организатор музейного дела. Профессор (1939). Дважды Герой Социалистического труда (1961, 1971). Член Коммунистической партии с 1896. Начальник Главнауки (1923-1927), зам. главного редактора БСЭ (1927-1941), затем директор государственного института «Советская энциклопедия». В 1934-1952 директор НИИ музееведения и краеведения Наркомпроса РСФСР. Автор и отв. редактор ряда работ по музейному строительству, деятельности краеведческих и историко-революционных музеев

Петровский Андрей Станиславович (1831-1882), ботаник, краевед. Окончил естественное отделение Московского университета (1854). Работал преподавателем мужской гимназии в Ярославле, преподавателем кафедры естественной истории Демидовского лицея (1862). Профессор ДЮЛ (1867). После закрытия естественного цикла в лицее – преподаватель женской Мариинской гимназии в Ярославле. Инициатор создания и первый председатель «Общества для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении» (1864), организатор музея при нем (1865). Изучал флору Ярославской губернии, под его руководством впервые был собран гербарий Ярославской губернии. Член многих научных обществ. Автор ряда работ по ботанике, посвященных в основном ярославской флоре, в том числе: «Очерк ярославской флоры // Труды

Яросл. губ. стат. ком. Вып. 4» (1868), «Флора Ярославской губернии // Труды Общества для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении. Вып. 1» (1880).

Пиксанов Николай Кирьякович (1878-1969), литературовед, библиограф, историк культуры, археограф. Член-корр. АН СССР (1931). Профессор Саратовского, Московского, Ленинградского университетов. Автор научных трудов по истории культуры, библиографии, археографии, в том числе: «Областные культурные гнезда» (1928), «Областные литературы и литературное областничество» (1934)

Пинкевич Альберт Петрович (1883-1937), педагог, государственный деятель. Окончил Казанский университет (1909). Профессор (1918), доктор педагогических наук (1935). В начале 1920-х работал в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых. Член Ленинградской СНР. Член редколлегии журнала «Научный работник» (1926-1929). Ректор 2-го МГУ, зав. кафедрой педагогики (1924-1930). В середине 1920-х зам. председателя Главнауки Наркомпроса, зав. отделом науки. Член Государственного Ученого совета (ГУС) Наркомпроса (1923-1932). Преподавал в Высшем коммунистическом институте просвещения (1931-1936), затем в Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина (1936-1937). В 1937 арестован, погиб в лагере.

Пирогов В.Г., историк, археолог, краевед. Секретарь Костромского ГСК.

Платонов Сергей Федорович (1860-1933), историк. Член-корр. АН (1908). Академик РАН, затем АН СССР (1920-1931). Окончил Петербургскую гимназию, историко-филологический факультет Петербургского университета (1882). Профессор русской истории Петербургского университета (1890). Преподавал историю великим князьям. Возглавлял Женский педагогический институт (1903). В течение многих лет был профессором и деканом историко-филологического факультета Петербургского университета. Председатель АК (1918-1929). Директор Археологического института (1918-1923). Директор Пушкинского Дома (1925-1929). Член ЦБК при РАН. В 1930 арестован по «Академическому делу» историков. Был сослан в Самару, где и умер. Автор трудов по отечественной истории, в том числе: «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.» (1890), «Учебник по русской истории для средней школы» (1909-1910).

Плетнев В.А., археолог. Председатель Тверского ГСК. Создатель одной из первых в России археологических карт Тверской губернии. Автор работ по отечественной археологии, в том числе: «О курганах и городищах

Тверской губернии» (1884), «Об остатках древностей и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии» (1903).

Погодин Михаил Петрович (1800-1875), историк, писатель. Окончил Московскую гимназию (1818), Московский университет (1821). Академик Петербургской АН (1841). Профессор Московского университета (1826-1844), где занимал кафедру русской истории (1835-1844). Издатель журналов «Московский вестник», «Москвитянин». Разделял идеи славянофильства. Автор трудов по летописанию, истории Древней Руси.

Покровский Михаил Николаевич (1868-1932), историк. Окончил Московский университет. Участвовал в революционном движении. Член РСДРП (1905). В 1906-1917 в эмиграции. Активный участник установления Советской власти. Зам. наркома просвещения РСФСР (1918-1932). Возглавлял Коммунистическую академию, Институт красной профессуры, Институт истории АН СССР, Общество историков-марксистов и др. учреждения. В 1929 избран (по измененному Уставу АН) академиком. Автор ряда трудов по русской истории, в том числе: «Русская история с древнейших времен» в 5 томах; «Очерк истории русской культуры».

Покрышкин Петр Петрович (1870-1922). Окончил архитектурное отделение Высшего художественного училища при Академии художеств (1895). В 1894-1896, 1898-1900 по поручению ИАК изучал памятники Самарканда. В 1897-1898 совершил стипендиатскую поездку по Европе. В 1900, 1902 изучал храмовую архитектуру в Сербии по заданию Академии художеств. Штатный член ИАК (1902-1918). Академик архитектуры (1909). Автор историко-архитектурных и реставрационно-методических трудов, составитель реставрационных выпусков «Известий ИАК», автор реставрационных проектов и исследований. После 1917 зав. археологическим отделом Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины. Вскоре покинул гражданскую службу и принял сан священника. Служил в г.Лукоянове Нижегородской губернии.

Полосин Иван Иванович (1891-1956), историк, краевед. Окончил Московскую академию коммерческих наук, затем историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал в Московском педагогическом институте, в вузах Твери, Курска, Ярославля. С 1921 преподавал на ФОН Ярославского университета. После его преобразования работал в Ярославском педагогическом институте, являясь одновременно преподавателем Ярославского отделения МАИ. Был членом краеведческой секции ЯЕИКО, сотрудником НИИВП. Работал в РАНИОН (1922-1929).

Полунин Федор Афанасьевич, воевода города Вереи. Составитель словаря «Географический лексикон Российского государства...» (1773)

Поляков Иван Семенович (1847-1887), зоолог, этнограф, археолог, путешественник. Участник Олекминско-Витимской экспедиции (1866), исследовал Онежское озеро (1871-1873), верховья Волги (1874), долину реки Оби (1876), Кузнецкий кряж (1877). В 1879 совершил поездку по Средней и Восточной России для археологического исследования некоторых местностей, в 1880-1882 – экспедицию на Сахалин, посетил Японию и Южный Китай. Собрал богатые зоологические, ботанические и этнографические коллекции. Один из авторов «Живописной России»

Потанин Григорий Николаевич (1835-1920), ученый, путешественник, публицист, музейный деятель. Окончил Сибирский кадетский корпус в Омске (1852). Учился в Петербургском университете. Принадлежал к общественно-политическому течению сибирских областников. В 1865-1874 за участие в движении за независимость Сибири содержался в тюрьме, затем на каторге и в ссылке. Организатор ряда экспедиций по Южной Сибири и Центральной Азии (Монголия, Китай, Тибет и др.). Инициатор создания Общества по изучению Сибири и краеведческого музея при нем в Томске.

Праве Георгий Константинович (1862-1925), краевед, общественный и музейный деятель, просветитель, коллекционер. Профессор. Герой Труда (1922). Окончил Петербургское коммерческое училище, служил в государственном банке. В 1885 переехал в Ставрополь, открыл нотариальную контору, активно работал на ниве народного просвещения. Собирали коллекции по энтомологии и ботанике Кавказа, наглядных учебных пособий. На их основе в 1904 был создан Ставропольский городской музей наглядных пособий им. Г.К.Праве. Был зам. председателя Общества для содействия распространению народного образования в Ставрополе, председателем правления и почетным членом Общества для изучения Северо-Кавказского края, членом РЭО, почетным гражданином Ставрополя (1917). С 1920 зав. музейно-экскурсионной секцией Ставропольского губоно и одновременно зав. Центральным народным музеем М.В.Праве (назван в честь его жены). В 1920-е консультировал многие музеи на Северном Кавказе: Майкопский, Ейский, Кропоткинский, Краснодарский

Преображенский Гавриил Николаевич (1845-1903), краевед. Окончил Московскую духовную семинарию (1872). Был преподавателем Костромской духовной семинарии. В 1875 переведен в Ярославскую семинарию. Преподавал в других учебных заведениях города. Редактор неофи-

циальной части газеты «Ярославские епархиальные ведомости». член-учредитель Ярославской ГУАК. Автор трудов по истории Ярославского края, в том числе: «Монастыри и храмы г. Ярославля, их святыни и древности» (1901).

Преображенский Иона Дмитриевич (? – 1915), археолог, краевед. Письмоводитель Костромского губернского предводителя дворянства. Член Костромской ГУАК, ее делопроизводитель и заведующий музеем. Автор источниковедческих публикаций, в том числе: «Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий "Долматовского архива"» (1895, совместно с Н.А. Альбицким), «Материалы для Костромской губернии» (1907).

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837), великий русский поэт, прозаик, драматург, историк, журналист, основоположник русского литературного языка. Окончил Царскосельский лицей (1817). С 1817 – на службе в Коллегии иностранных дел. Был членом общества «Арзамас», Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1818), кружка «Зеленая лампа» (1819). Был знаком с участниками движения декабристов. В 1820 отправлен в ссылку на юг. В 1824 был уволен со службы и находился в ссылке в родовом имении Михайловском (1824-1826). После возвращения в Петербург занимался литературной и исследовательской деятельностью. В 1831 вернулся на службу в Иностранную коллегию с правом работы в государственном архиве для написания «Истории Петра» (1831-1835), «Истории Пугачева» (1833-1834). Был создателем «Литературной газеты» (1830) и журнала «Современник» (1836), в которых был редактором и автором. Автор исторических трудов и литературных произведений на исторические темы. Смертельно ранен на дуэли и умер в 1837.

Радищев Александр Николаевич (1749-1802), писатель, философ. Учился в Пажеском корпусе, затем был отправлен в Лейпцигский университет для получения юридического образования. Активно изучал труды французских просветителей и разделял их идеи. Вернувшись в Петербург, служил протоколистом в Сенате (1771-1773), был обер-аудитором (прокурором) штаба Финляндской дивизии. В 1775 получил место в Коммерц-коллегии и был помощником управляющего петербургской таможни. В 1783 написал оду «Вольность», а в 1790 опубликовал свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», тираж которой был уничтожен, а автор приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Илимский острог.

В Сибири писал стихи, философские трактаты, работы по истории и естествознанию. После смерти Екатерины II был возвращен в свое калужское имение Немцово. С 1801 работал в Комиссии по составлению законов.

Розанов Михаил Михайлович (1902-1989), журналист. В 1930 репрессирован. Пробыл в различных лагерях одиннадцать лет. Автор книг «Завоеватели белых пятен» (ФРГ, 1951), «Соловецкий концлагерь в монастыре»: в 3 т. (США, 1979-1987).

Румянцев Николай Петрович (1754-1826), государственный деятель, дипломат, граф, историк, меценат. Министр коммерции (1802-1811), министр иностранных дел (1807-1814), канцлер (с 1809). С 1814 в отставке. Интересовался русской историей, был библиофилом и нумизматом, собрал богатейшую библиотеку, составившую основу будущего Румянцевского музея, коллекцию монет и медалей. Покровительствовал многим ученым, создал т.н. «румянцевский кружок», способствовал развитию просвещения, занимался издательской деятельностью. Почетный член Российской академии, почетный член ВЭО, почетный член ОИДР, почетный член иностранных научных обществ в Филадельфии и Париже

Рыков Павел Сергеевич (1884-?), археолог, музейный работник. Организатор археологического изучения Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Калмыкии, Северного Казахстана. Преподавал и вел археологическую работу в Курске, Вильно, Рязанской губернии. С 1920 в Саратове. Зав. кафедрой археологии, профессор, декан педагогического факультета (1924-1927), зам. ректора (до 1932) Саратовского университета. В 1931-1937 профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Саратовского педагогического института. Директор Саратовского музея краеведения (1922-1937). Создатель первого национального музея Калмыкии (1931). На протяжении многих лет председатель Саратовского общества краеведения. В 1937 арестован, погиб в заключении.

Рычков Петр Иванович (1712-1777), историк, экономист, краевед. Первый член-корр. Петербургской АН (1759). Член ВЭО в Петербурге (1765). В 1734-1737 участвовал в Оренбургской экспедиции. С 1744 работал в Оренбургской губернской канцелярии, затем возглавлял Оренбургские соляные промыслы. Автор ряда трудов по истории, географии и экономике края, в том числе: «История Оренбургская...» (1759), «Топография Оренбургская...» (1762), составитель карты Оренбургского края.

Савельев Александр Александрович (1848-1916), земский деятель, краевед, архивист. Окончил Нижегородскую гимназию и юридический факультет Казанского университета. Работал в Нижнем Новгороде мировым судьей, председателем Нижегородской уездной земской управы (1890-1900), председателем Нижегородской губернской земской управы (1900-1908). Трижды избирался депутатом Государственной Думы. Член-учредитель Нижегородской ГУАК (1887), затем ее председатель (1893-1909). Много времени уделял краеведческой деятельности. Автор работ по истории права, развитию местного самоуправления, народного образования края.

Савенков Иван Тимофеевич (1846-1914), педагог, археолог. Заведующий Минусинским музеем.

Садовский Александр Яковлевич (1850-1926), краевед, историк, архивист, археолог. Состоял на службе в Нижегородской удельной конторе. Член Нижегородской ГУАК (1891-1908), затем ее председатель (1908-1918). Одновременно с деятельностью в ГУАК заведовал Нижегородским отделением МАИ (1911-1917). С 1919 преподавал археологию в МАИ. Имел звание профессора. В 1919-1921 уполномоченный Главного управления архивным делом по охране архивов в Нижегородской губернии, председатель Нижегородской археолого-этнографической комиссии. С 1924 член учредительной комиссии ННОИМК. Работал над составлением археологической карты губернии. Автор 35 работ по истории и археологии края.

Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843-1911), историк права, археограф, архивист, археолог. Окончил Петербургский университет (1868). Преподавал в Варшавском университете (1873-1892). Управляющий Московским архивом МЮ (1892). Профессор Московского университета (1894). Организатор археологических раскопок. Член ИАК.

Санковский Василий Демьянович (1741-?), журналист, литератор, краевед. Учился в Киевской, а затем в Московской духовной академии. Окончил Московский университет (1763). Занимался литературной деятельностью. Служил переводчиком в Коммерц-коллегии. С начала 1780 жил в Ярославле, служил секретарем Приказа общественного призрения. Преподавал историю в первом в Ярославле главном народном училище. Редактор и автор первого в России провинциального журнала «Уединен-

ный пошехонец» (1786-1788), с 1787 «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле», одной из главных задач которого было изучение Ярославского края в географическом, историческом и этнографическом отношении. В 1788 подал в отставку. Вскоре снова поступил на службу судьей Угличской нижней земской расправы

Святский Даниил Осипович (1881-1940), астроном, метеоролог, историк. Ученый секретарь ЦБК при РАН (1922). Член Русского общества любителей мироведения. В 1930-1932 гг. и в 1935-1940 гг. – в лагерях и ссылках

Севергин Василий Михайлович (1765-1826), естествоиспытатель, минералог, географ, химик. Академик (1793). Основатель русской минералогической школы. Автор научных трудов по минералогии, в том числе: «Подробный словарь минералогический» (1807), «Опыт минералогического землеописания Российского государства» (1809).

Селиванов Алексей Васильевич (1851-1915), краевед, общественный деятель, коллекционер. Закончил Рязанскую гимназию (1874), был вольнослушателем на естественном факультете Московского университета. Служил в Рязанской губернии. Инициатор создания Рязанской ГУАК (1884), правитель ее дел. Управляющий государственным имуществом Владимирской и Рязанской губерний (1897). Инициатор создания Владимирской ГУАК (1898), товарищ ее председателя. Основатель Владимирского общества любителей естествознания (1903). Один из организаторов музеев в Рязани и Владимире. Член ОЛЕАЭ, ПАИ, Рязанского ГСК. Организатор проведения III историко-археологического съезда во Владимире (1906).

Селифонтов Николай Николаевич (1835-1900), государственный деятель, сенатор, археограф, краевед, музейный деятель, библиофил. Закончил училище правоведения, поступил на службу в МЮ. Председатель Костромской ГУАК (1891-1900). Инициатор создания Музея древностей в Костроме. Автор ряда работ по истории края, в том числе: «Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX столетия первого собрания «Линевского архива» с двумя приложениями» (1892); «Родословная костромских дворян Куломзиных» (1895); «Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концепции их содержания».

Семевский Михаил Иванович (1837-1892), историк, писатель, журналист, издатель, общественный деятель. Брат В.И. Семевского. Одна из первых печатных работ посвящена этнографическому исследованию Великолуцкого уезда. Издатель журнала «Русская старина» (с 1870).

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827-1914), географ, естествоиспытатель, статистик, общественный деятель. Окончил естественное отделение Петербургского университета (1848). Занимался географическими исследованиями. Почетный член Петербургской АН (1873). Вице-председатель РГО (1873), РЭО (1889). Возглавлял ЦСК (1864-1881), Статистический совет (1874). В 1856-1857 исследовал Тянь-Шань, составил первую схему его орографии. Инициатор ряда экспедиций в Центральную Азию. Организатор Первой Всероссийской переписи населения (1897).

Семенов-Тянь-Шанский Вениамин Петрович (1870-1942), географ, статистик. Сын П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Область научных интересов: геология, антропогеография, страноведение, статистика. Автор научных трудов, в том числе: «Город и деревня в Европейской России» (1910).

Серебренников Василий Иванович (1829-1885), краевед, коллекционер. Был гласным Угличской городской думы, секретарем Угличской земской управы. Собрал большую коллекцию рукописей, книг, документов. Был членом Ярославского ГСК. Автор многих статей по истории Углича и Угличского уезда, значительная часть которых опубликована в «Ярославских губернских ведомостях».

Серебренников Дмитрий Иванович (1771-1845), краевед, историк. Автор одного из первых трудов по истории Ярославля

Серебренников Семен Алексеевич (?-1866), ярославский купец, краевед, коллекционер. Был одним из первых ярославских краеведов. Собрал большую коллекцию рукописей, книг, монет. Был членом-сотрудником РАО, соревнователем ОИДР при Московском университете, членом Ярославского ГСК. Автор большого количества краеведческих статей, напечатанных в основном в газете «Ярославские губернские ведомости»

Смидович Петр Гермогенович (1874-1935), партийный и государственный деятель. Член РСДРП (1898). Окончил Тульскую гимназию (1892), учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. Активно занимался революционной деятельностью, подвергался арестам и ссылкам. Участник борьбы за установление и упрочение Советской власти в Москве. С 1918 на государственной и партийной работе. Председатель Московского совета (1918), председатель Московского губсовнархоза (1918-1919), заведующий МОНО

(1920). С 1920 основная работа в Президиуме ВЦИК. Член ВЦИК и ЦИК СССР, председатель и член многих партийных и правительственных комитетов и комиссий. Председатель президиума ЦБК (1927), председатель бюро краеведческой секции при Комакадемии.

Смирнов Александр Иванович (1878-?), историк, краевед, архивист. Окончил МАИ. В 1901-1917 служил в земстве. Работал в Губернском совете народного хозяйства и учился на факультете общественных наук Ярославского университета (1918). Уполномоченный Центрархива по Ярославской губернии, зав. губернским архивом (1920-1925). Преподавал в Ярославском отделении МАИ. Затем был преподавателем промышленно-экономического техникума. Член ЯЕИКО, один из организаторов секции краеведения при нем (1923), затем товарищ председателя секции. Сотрудник НИИВП, член-сотрудник ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии. Один из редакторов сборника «Ярославская старина», подготовленного по материалам губернского архива. Организатор в архиве музея древнерусской письменности. Автор ряда работ по истории края, в том числе: «Земский исторический музей» (1915), «Декабристы-ярославцы» (1926).

Смирнов Василий Иванович (1882-1941), краевед, музейный деятель. Окончил историческое отделение Московской духовной академии (1906). С 1907 в Костроме. Преподаватель гимназии (1908-1917), директор коммерческого училища (1917-1919), преподаватель Костромского университета (1918-1922). Член-учредитель (1912) и до 1920 секретарь КНОИМК, затем его председатель (1921-1929). Заведовал Музеем местного края (1919-1928), лично осуществляя связь между ним и КНОИМК. Занимался археологической и этнографической исследовательской деятельностью. Заведовал энтомологической станцией КНОИМК (1922-1929). В 1930 репрессирован и сослан в Архангельск, где был зав. музеем Северного геолого-разведочного треста (1931-1941), Северного краевого музея (1932-1934).

Смирнов Михаил Иванович (1869-1949), краевед. Председатель Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Организатор историко-художественного музея в Переславль-Залесском

Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828-1893), краевед, библиограф. Закончил Пермскую гимназию (1844). Занимался работой в области просвещения и здравоохранения. Был председателем Пермской губернской земской управы (1870-1879). Редактор неофициальной части газеты «Пермские губернские ведомости» (1882). В 1870-1880-е был товарищем председателя Пермского ГСК, затем секретарем комитета

(1890-1893). Автор работ по археологии, этнографии, библиографии, в том числе библиографического справочника «Источники и пособия для изучения Пермского края» (1876)

Соболевский Алексей Иванович (1856-1929), филолог, славист, палеограф, этнограф, историк культуры. Окончил Московский университет (1878). Профессор славяно-русской палеографии в ПАИ (1892-1902). Профессор Петербургского университета. Член-корр. Петербургской АН (1893), академик (1900). Действительный член Ярославской ГУАК. Автор трудов по топонимике, этнографии, истории древнерусского искусства

Соколов Борис Матвеевич (1889-1930), этнограф, краевед, музейный деятель. Учился в Московском университете. В 1919 научный сотрудник государственного музея ЦПО (Москва). В 1919 переехал в Саратов, где был избран профессором университета. В 1920 создал и возглавил этнографический музей Саратовского края, включавший Музей волгара и Музей голода (1921). С 1923 в Москве. Руководил созданием центрального Музея народоведения, с 1924 стал его директором. Внес значительный вклад в изучение фольклора народов СССР. Ответственный секретарь журнала «Этнография» (1926-1930)

Соколов Юрий Матвеевич (1889-1941), фольклорист, этнограф, краевед, историк литературы. Брат-близнец Б.М.Соколова. Провели вместе с братом две крупные фольклорно-этнографические экспедиции в Кирилло-Белозерский край, собрали несколько сотен былин Русского Севера. В 1920-е был членом СОИАЭ. В 1930-е один из ведущих советских фольклористов, зав. кафедрой фольклора Московского университета. Автор ряда научных и учебных трудов, в том числе: учебник для вузов «Русский фольклор» (1938).

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808-1839), поэт, журналист. Учился в Московском университете. В 1834 был арестован по делу «о лицах, певших пасквильные куплеты». Три года провел в московской тюрьме и Шлиссельбургской крепости. В 1837 выслан в Вологду. Редактировал газету «Вологодские губернские ведомости» (до 1839)

Соллогуб Владимир Александрович (1814-1882), писатель. Сотрудник «Нижегородских губернских ведомостей».

Соснина-Пуцилло Евгения Васильевна (1888-1930?), краевед, искусствовед, художник. Работала в музеях Петрограда. Член РНО. Зам. заведующего Рыбинским музеем (1926). Арестована за принадлежность к РНО. Умерла в ссылке

Спасский Николай Александрович (1846-1920), краевед, историк, статистик. Секретарь Вятского ГСК (1873-1918)

Спицын Александр Андреевич (1858-1931), археолог, историк, краевед. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Преподаватель Мариинской женской гимназии в Вятке (1882-1892). Член Вятского ГСК (1884), РАО (1891), Петербургской археологической комиссии (1892). С 1909 начал читать первый в России курс археологии в Петербургском университете в должности приват-доцента кафедры русской истории. С 1918 заведовал разрядом славяно-русских, финских и литовских древностей ГАИМК. Член-корр. Российской АН (1927). Основные труды по археологии бронзового и железного века.

Станкевич Николай Владимирович (1813-1840), поэт, философ, глава философско-литературного кружка в Москве

Стеклов Владимир Андреевич (1863-1926), математик. Профессор Харьковского и Петербургского университетов. Академик (1912), вице-президент РАН (1919-1926). Основатель и первый директор Физико-математического института АН (1921-1926).

Строев Павел Михайлович (1796-1876), историк, археограф, коллекционер. Академик Петербургской АН (1849). Учился на историческом факультете Московского университета (1813-1816). Служил в архиве МИД (1816-1834). Участвовал в деятельности кружка любителей русской истории графа Н.П.Румянцева, обследовал подмосковные монастыри для поиска древних рукописей (1816-1826). Явился инициатором организации Археографической экспедиции в северо-западные и центральные губернии России (1828). Служил в созданной (1834) для издания найденных письменных памятников Археографической комиссии (1839). Всего обследовал около 200 библиотек и архивов, где было собрано более 3000 историко-юридических актов XIV-XVIII вв. Составитель «Ключа к Истории государства Российского Н.М.Карамзина» (1836).

Суворов Иван Николаевич (1860-1926), историк, краевед, археограф. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1882). Преподавал в Вологодской семинарии (до 1918). Был редактором газеты «Вологодские епархиальные ведомости» (1896-1916), председателем Постоянной церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей при Вологодском древлехранилище. В 1918 заведовал губернским архивом, преподавал в Вологодском педагогическом институте. Состоял членом РАО, ВОИСК, ряда ГУАК. Ав-

тор трудов по церковной истории Вологодского края. Подготовил к публикации десятки документов XVI-XVIII вв.

Суворов Николай Иванович (1816-1896), историк, краевед, археограф. Отец Н.И. Суворова. Окончил Вологодскую духовную семинарию (1836) и Московскую духовную академию (1841). С 1841 и почти до конца жизни преподавал в Вологодской семинарии. Одновременно являлся редактором неофициальной части газеты «Вологодские епархиальные ведомости». Научную деятельность начал в 1858. Опубликовал более 300 работ по истории края. Обследовал архивы вологодских монастырей и вологодского Архиерейского дома. Инициатор создания в Вологде епархиального древлехранилища, в котором был председателем Церковно-археологической комиссии.

Сумароков Николай Степанович (1727-1812), историк, краевед. Служил по военному ведомству. После выхода в отставку жил в Костроме. Костромской предводитель дворянства (1775-1778). Первый историограф Костромского края.

Сумароков Панкратий Платонович (1765-1814), поэт, журналист. Внучатый племянник поэта А.П.Сумарокова. Считается, что был инициатором и фактическим редактором первого сибирского ежемесячного журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789-1791). В 1791 встречался в Тобольске с А.Н.Радищевым. Выпустил 12 книг «Библиотеки ученой, экономической, исторической и увеселительной» (1793-1794). Редактировал журнал «Вестник Европы» (1804)

Тарачков Александр Степанович (1819-1870), естествоиспытатель, статистик, экономист, краевед. Секретарь Орловского ГСК, редактор неофициальной части «Орловских губернских ведомостей». Участник ряда экспедиций по обследованию Московской, Тульской, Владимирской, Курской, Рязанской и Орловской губерний по поручению РГО и ВЭО. Автор книг о садах и садоводстве, почве, климате и лесах Орловской губернии.

Тарле Евгений Викторович (1874-1955), историк. Приват-доцент (1903), профессор Петроградского (Ленинградского) университета (1917-1930). Член-корр. РАН (1921). Академик АН СССР (1927, исключен 1931, восстановлен 1938). В 1930 арестован по т.н. «Академическому делу», до 1933 в ссылке. С 1933 профессор Ленинградского историко-

лингвистического института, затем Ленинградского и Московского университетов.

Татищев Василий Никитич (1686-1750), историк, государственный деятель. Управлял казенными заводами на Урале, основал Екатеринбург (1720-1722, 1734-1737). Был астраханским губернатором (1741-1745). После 1745 жил в своем имении Болдино. С 1719 занимался исследованиями по русской истории и географии. Автор научных трудов по истории и географии, в том числе «Истории Российской с самых древних времен», составитель первого отечественного энциклопедического словаря «Лексикон Российский...»

Теплоухов Федор Александрович (1845-1905), лесовод, ботаник, археолог, музейный деятель, коллекционер. Сын А.Е. Теплоухова. Продолжал комплектование и изучение археологической коллекции отца, собрал единственную в России коллекцию ив и крупнейшую на Урале энтомологическую коллекцию. Археологические коллекции Теплоуховых выставлялись на Ярославском (1887) и Московском (1890) археологических съездах, демонстрировались в Перми (1894). Один из основателей Пермского научно-промышленного музея (1890), его первый почетный член

Титов Андрей Александрович (1844-1911), купец, предприниматель, общественный деятель, краевед, археограф, реставратор, музейный деятель, библиофил, коллекционер. Занимался торговлей. Его торговые предприятия были в Ростове, Ярославле, на Нижегородской ярмарке. Являлся чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения. Был гласным Ростовской и Ярославской городских дум, Ростовского уездного и Ярославского губернского земских собраний. С 1884 член-сотрудник АК. Участвовал в работах по реставрации Ростовского кремля. Инициатор создания РМЦД, был секретарем, а затем товарищем председателя комиссии по управлению музеем. Долгое время являлся правителем дел Ярославской ГУАК. Был членом многих научных обществ. Собрал обширную коллекцию книг и рукописей XVI-XVIII вв., передав ее в 1900 в Императорскую Публичную библиотеку. Автор многих работ по истории, археологии, реставрации, музейному делу, в том числе: «Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание» (1885; книга была отмечена большой серебряной медалью РАО), «Древние памятники и исторические святыни Ростова Великого» (1888).

Тихомиров Илларион Александрович (1861-1933), краевед, музейный деятель, археолог, археограф, этнограф, реставратор. Окончил

Нижегородскую военную гимназию. Затем учился в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Ученый секретарь Ярославской ГУАК (1890-1919). Библиотекарь, архивариус и хранитель Исторического музея-древлехранилища в Ярославле (1895-1932). Член целого ряда ГУАК и научных обществ. Собрал материалы по местному фольклору, археологии, этнографии, географии и истории края. Организовывал археологические раскопки в Ярославской, Тверской, Новгородской губерниях. Был участником нескольких историко-археологических съездов. Являлся членом ЯЕИО. В 1918-1932 работал в Ярославской реставрационной комиссии. Главным делом его жизни стало изучение памятников древнерусской архитектуры и живописи, практическая работа по их охране и реставрации. Автор работ по истории, археологии, этнографии края, в том числе: «Кто насыпал ярославские курганы» (1905, 1908), «К вопросу об устройстве древневедения в России» (1908), «Ярославское Поволжье. Краткий путеводитель» (1909).

Тихонравов Константин Никитич (1822-1879), служащий, краевед, археолог. Закончил духовную семинарию. Работал в канцелярии Владимирского губернатора. С 1844 делопроизводитель Владимирского ГСК и редактор неофициальной части газеты «Владимирские губернские ведомости», затем секретарь Владимирского ГСК (1844-1879). Редактор первой «Памятной книжки Владимирской губернии» (1862). Организатор выпуска «Трудов Владимирского статистического комитета», а затем «Ежегодника» этого же комитета. Заведующий губернским музеем (1869-1879). Член-сотрудник РГО (1849), член-сотрудник (1850), а затем действительный член Санкт-Петербургского археологического общества (1861), член-соревнователь Московского ОИДР (1853). Принимал участие в археологических экспедициях. Автор многих научных статей по археологии края, публикатор старинных документов

Токмаков Иван Федорович (1856-1914), писатель, архивист, археолог. Работал делопроизводителем в Московском архиве МИД. Автор ряда научных трудов по истории, археологии, библиографии, в том числе: «Историко-статистическое и археологическое описание городов Дмитрова, Великого Устюга, Богородицка, Егорьевска с уделами» (1893-1901)

Трапезников Владимир Николаевич (1874-1937), краевед, участник революционного движения. Окончил юридический факультет Казанского университета (1897). Активный участник революционного движения, социал-демократ (меньшевик). В 1907 сослан в Вологду, где остался жить после ссылки. Занимался краеведением. Член правления ВО-ИСК, председатель его редакционной комиссии, редактор «Известий ВО-ИСК». Автор ряда статей по истории и этнографии края. После февраля

1917 активно занимался политической деятельностью. Жил в Москве. В 1922 выслан в Архангельск. В 1930-е жил в Перми. В 1937 арестован и расстрелян.

Третьяков Петр Николаевич (1909-1976), археолог. Член-корр. АН СССР (1958). Член КНОИМК. Автор работ по истории славян и народов Восточной Европы в железном веке.

Трефолев Леонид Николаевич (1839-1905), писатель, поэт, журналист, общественный деятель, историк, краевед. Окончил Ярославскую гимназию (1856). Поступил на службу в Ярославское губернское правление. В 1864 перешел на службу в Ярославскую губернскую строительную и дорожную комиссию. В 1871 оставил службу и полностью посвятил себя земской деятельности. Избирался гласным Пошехонского уездного земского собрания. Редактор «Вестника Ярославского земства» (1872-1902). Редактор неофициальной части газеты «Ярославские губернские ведомости» (1868-1871). Член Ярославского ГСК, ЯЕИО, других научных обществ. Член Ярославской ГУАК, а затем ее председатель (1903-1905). Автор многих историко-литературных и исторических работ, посвященных в основном местной истории XVIII в., в том числе: «Алексей Петрович Мельгунов. Биографический очерк» (1888), «Ярославль при императрице Елизавете Петровне».

Трехлетов Егор Васильевич (1801-1853), купец, краевед, коллекционер, владелец собрания рукописей. Занимался торговлей. Его торговые предприятия были в Ярославле, на Нижегородской ярмарке. Владелец большой коллекции рукописей и документов, переданной позже в Императорскую Публичную библиотеку. Автор ряда статей по истории края, опубликованных в «Ярославских губернских ведомостях», «Ярославском литературном сборнике».

Троицкий Иван Дмитриевич (1803-1878), священник, краевед, коллекционер. Учился в Ярославской духовной семинарии, затем в Московской духовной академии, после окончания которой стал профессором словесности Ярославской духовной семинарии (1830). Одновременно был законоучителем и преподавателем церковной истории Демидовского лицея. Преподавательскую деятельность совмещал с церковной службой. В 1836 произведен в протоиереи. В 1856 оставил службу в семинарии. В последние годы жизни был законоучителем и настоятелем церкви Ярославского училища девиц духовного звания. Секретарь Ярославского ГСК. Автор большого количества работ по истории края, в том числе первой опубликованной монографии по истории Ярославля «История губернского города Ярославля» (1853).

Трунов М.П., врач, краевед. Инициатор создания музея в Липецке (1909), его директор (1918).

Тхоржевский Сергей Иванович (1893-1942), историк. Автор книг о народных движениях XVII-XVIII вв. Арестован 14 января 1930 г., осужден (10 февраля 1931 г.) на 10 лет. Освобожден досрочно в 1933 г. (в связи с окончанием строительства канала), до 1940 г. работал экономистом по вольному найму в управлении Бамлага. Умер от голода в Ленинграде во время блокады

Уваров Алексей Сергеевич (1825-1884), граф, археолог, историк, организатор археологических исследований. Окончил словесное отделение философского факультета Петербургского университета (1845), слушал лекции в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Член-корр. Петербургской АН (1856), затем ее почетный член (1857). Один из основателей Петербургского археолого-нумизматического общества (позднее РАО) (1846). Создатель и первый председатель МАО (1864), инициатор проведения регулярных всероссийских археологических съездов. Председатель Московского общества любителей художеств (1860). Один из инициаторов и создателей РИМ (1872-1883). Владелец разнообразных коллекций, в том числе самой крупной в России частной археологической коллекции. Автор фундаментальных работ по археологии.

Уварова Прасковья Сергеевна (1840-1924), археолог, историк, общественный деятель, коллекционер. Жена А.С.Уварова. Председатель МАО (1884). Председатель Комиссии Общества по сохранению древних памятников, председатель Комиссии по изучению старой Москвы. Почетный член Петербургской АН (1894), почетный член управления Исторического музея. После октября 1917 жила на Северном Кавказе, в 1920 эмигрировала, жила в Белграде.

Устрялов Николай Герасимович (1805-1870), историк. Профессор, зав. кафедрой русской истории Петербургского университета (1834). Академик АН (1837). Автор первого в России университетского курса по русской истории (1837-1841). Занимался публикаторской деятельностью, был автором учебников по истории для гимназий и реальных училищ.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824-1871), педагог, основоположник научной педагогики в России. Профессор ДЮЛ (1846-1849). Преподаватель и инспектор классов Гатчинского сиротского института (1854-1859), инспектор классов Смольного института (1859-1862). Редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1860). Редактор газеты «Ярославские губернские ведомости» (1848)

Фальк Иоганн Петер (1727-1774), шведский врач, естествоиспытатель. Участник Академических экспедиций 1768-1774 гг.

Фармаковский Борис Владимирович (1870-1928), археолог. Член-корр. АН СССР (1925), член корр. Российской АН (1917), член-корр. Петербургской АН (1914). Автор трудов по античной археологии и искусству.

Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945), геохимик, минералог. Академик (1919). Работал в Московском университете, народном университете им. Шанявского, Минералогическом музее АН. Совершил ряд геологических экспедиций. Вице-президент АН (1926-1929). С 1929 в отставке. Член многих отечественных и зарубежных научных обществ. Товарищ председателя президиума ЦБК при РАН (1922)

Фриче Владимир Максимович (1870-1929), историк литературы. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894). Приват-доцент Московского университета (1904-1910). Принимал участие в революционном движении. Член РСДРП(б) с 1917, член лекторской группы Московского комитета РСДРП(б). После 1917 занимался культурно-административной работой (в Институте красной профессуры, Коммунистической академии), редактировал журналы «Литература и марксизм» (1928-1929), «Печать и революция» (1929) Один из первых академиков-марксистов (1929). Автор работ по зарубежной литературе, по эстетике и теории искусства.

Хлебников Петр Васильевич (1806-1865), купец, краевед, коллекционер. Занимался торговлей. Был владельцем нескольких домов с лав-

ками. Являлся ростовским городским головой. Владелец большой коллекции рукописей, документов, икон, монет, медалей, часть которой была передана в музей РАО, где он состоял членом-сотрудником. Автор нескольких статей по истории Ростова.

Чепурковский Е.М. (1871 – 1950), антрополог. Член КНОИМК. После 1917 жил и преподавал во Владивостоке. В середине 1920-х уехал в Маньчжурию, где работал в библиотеке КВЖД. В конце 1930-х перебрался в США. В последние годы жизни отошел от занятий антропологией.

Чубинский Павел Платонович (1839-1884), краевед, этнограф. Чиновник по особым поручениям при архангельском губернаторе. Секретарь Архангельского ГСК, редактор неофициальной части газеты «Архангельские губернские ведомости»

Шаханин Николай Иванович (1890-1955), биолог, ботаник, музейный работник. Окончил Ярославскую гимназию (1909). Учился в Московском и Петербургском университетах. С 1918 жил в городе Данилове Ярославской губернии, преподавая естествознание в педагогическом техникуме. В 1921 переехал в Ярославль. Работал на кафедре ботаники Ярославского университета, затем Ярославского педагогического института. Заведующий этой кафедрой (1931-1947). Специализировался на изучении флоры местного края. С 1912 был членом-сотрудником, затем действительным членом ЯЕИКО. Входил в комитет ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии. В 1922 был избран заведующим музеем ЯЕИО, который позже стал отделом Ярославского государственного музея (1925). Заведовал естественноисторическим отделом этого музея. Член многих научных обществ. Автор ряда статей по флоре Ярославского края и истории музея ЯЕИО.

Шелехов Дмитрий Потапович (1792-1854), писатель, историк, публицист, агроном, основатель первой в России сельскохозяйственной школы для обучения крестьян. Окончил Московский университет (1811). Участвовал в боевых действиях во время Отечественной войны 1812, за-

граничных походов русской армии (1813-1814). В 1817 вернулся в Россию, а в 1821 ушел в отставку в чине полковника. Занимался литературной деятельностью. В 1821 купил село Фролово Зубцовского уезда Тверской губернии, поселился в нем и занялся сельским хозяйством. В 1841-1844 читал публичные лекции в Петербурге в ВЗО. Написал и издал книги: «Главные основания земледелия» (1826), «О земледелии в России» (1827), «Народное руководство в сельском хозяйстве» (1838-1839), «Курс опытного русского сельского хозяйства» (включивший, в частности, очерк «Путешествие по русским проселочным дорогам»). Последняя книга «Мысли о России» не была опубликована.

Шергин Борис Викторович (1896-1973), писатель, фольклорист. Учился в Строгановском художественном училище (1913-1917), затем руководил мастерской художественных ремесел в Архангельске. Занимался изучением русского народного творчества. Работал в Москве в Институте детского чтения (1921-1933). Всю свою жизнь посвятил сохранению северного русского фольклора. Свои собственные произведения основывал на народных преданиях, стремясь сохранить подлинность народного языка. Автор более 15 книг, в том числе: «Океан – море русское» (1959), «Запечатленная слава» (1967).

Шестаков Андрей Валентинович (1890-1933), зоолог, энтомолог. Окончил Петербургский университет (1915). С 1916 занимался педагогической деятельностью. Член РЭО (1910). Сотрудник Зоологического музея АН (1918). С 1922 профессор кафедры зоологии и энтомологии Ярославского университета, затем Ярославского педагогического института. Товарищ председателя ЯЕИО, зав. зоологическим и энтомологическим отделами его музея. Совершил несколько поездок на Кавказ и в Среднюю Азию (1924-1932). В 1927 находился в научной командировке в Австрии, Германии и Франции. Умер в Москве в 1933. Его энтомологическая коллекция была приобретена Зоологическим музеем АН.

Шишкин Иван Васильевич (1792-1872), купец, историк, археолог-любитель. Отец художника И.И.Шишкина

Шляков Иван Александрович (1843-1919), археолог, историк искусства, реставратор, коллекционер. Окончил Ростовское уездное училище (1855). Работал в комиссии по восстановлению Ростовского кремля (1882-1896). Член МАО (1883), по поручению которого принимал участие в реставрации древних храмов в Ярославле и Романово-Борисоглебске. Член ОИДР (1887), Ярославской ГУАК. Участвовал в работе нескольких археологических съездов. Входил в комитет по управлению Ростовским

музеем церковных древностей (1883-1918). Автор трудов о памятниках древнерусского церковного зодчества.

Шмидт Петр Юльевич (1872-1949), зоолог, ихтиолог. Окончил Петербургский университет (1895). В 1906-1930 профессор сельскохозяйственного института в Петербурге (Петрограде, Ленинграде). В 1914-1931 читал курс ихтиологии в университете и работал в Зоологическом музее АН СССР. С 1930 до конца жизни ученый секретарь Тихоокеанского комитета АН СССР. Участник ряда крупных экспедиций, в том числе Камчатской экспедиции РГО (1908-1909), где собрал богатую коллекцию рыб.

Шмидт Сигурд Оттович (р. 1922), историк. Окончил исторический факультет Московского университета (1944). Ученик М.Н. Тихомирова. Доктор исторических наук (1965), профессор (1970). Действительный член Российской Академии образования (1992), иностранный член Польской Академии наук (1997). Заслуженный деятель науки РФ (1989). С 1949 преподает в Московском государственном историко-архивном институте (ныне РГГУ); с 1956 сотрудник Института истории АН СССР (ныне Института российской истории РАН); с 1968 председатель Археографической комиссии АН СССР. Председатель Союза краеведов России (1990). Автор трудов по отечественной истории, историографии, источниковедению, археографии и краеведению, в том числе: «Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного» (1973); «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (1984); «Краеведение и документальные памятники» (1992); «Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии» (1997).

Шмурло Евгений Францевич (1853-1934), историк, археограф. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Приват-доцент Петербургского университета. Профессор Дерптского (Юрьевского) университета (1889). Организатор этнографически-географических поездок за Урал и на Южный Алтай (1897-1900). Ученый корреспондент АН в Риме (с 1903). После 1917 переехал в Прагу, где был выбран членом Русской учебной коллегии. Один из инициаторов учреждения Русского исторического общества в Праге, его первый председатель. Автор трудов по отечественной истории, в том числе: «История России. 862-1917» (1922); «Петр Великий и его наследие» (1925); «Курс русской истории» (1931-1934).

Шокальский Юлий Михайлович (1856-1940), географ, океанограф, картограф. С 1880 работал в Главном Гидрографическом управле-

нии. Член РГО (1882), президент РГО (1917-1931), почетный президент (1931-1940). Почетный академик (1939). Профессор Военно-морской академии (1910-1930) и Ленинградского университета (1925-1940). Товарищ председателя президиума ЦБК при РАН (1922)

Шпилевский Сергей Михайлович (1833-1907), правовед, историк, археолог. Профессор истории русского права Казанского университета (1870). Один из основателей КОИАЭ (1878). Был редактором неофициальной части газеты «Казанские губернские ведомости». Директор ДЮЛ в Ярославле (1885-1904). Один из инициаторов создания Ярославского юридического общества. Редактировал «Временник Демидовского юридического лицея». Учредитель Ярославской ГУАК и ее первый председатель. Член Ярославского ГСК, ЯЕИО. Член МАО, Тверской и Нижегородской ГУАК. Автор нескольких работ по истории Ярославского края, в том числе: «Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле» (1893)

Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766-1835), библиограф, экономист, историк, статистик. Первый в России академик в области политической экономики и статистики (1804). Вице-президент Петербургской АН (1830). Автор трудов по истории и экономике России, много сделал для популяризации научных сведений о России за границей

Шубинский Сергей Николаевич (1834-1913), историк, журналист. Редактор журнала «Древняя и Новая Россия» (1875-1879). Основатель и редактор журнала «Исторический вестник» (1880-1913)

Щапов Афанасий Прокопьевич (1831-1876), историк. Учился в Иркутской духовной семинарии, Казанской духовной академии, Казанском университете. Заведовал кафедрой в Казанском университете. Служил в Министерстве иностранных дел (1862-1864). В 1864 сослан в Сибирь, поселился в Иркутске и занимался изучением Сибири. Автор трудов по русской истории, автор концепции «областной» (или местной) истории.

Щуровский Григорий Ефимович (1803-1884), геолог, биолог. С 1835 профессор геологии и минералогии Московского университета, читал также курсы зоологии и сравнительной анатомии. Путешествовал по Уралу, Алтаю, Северному Кавказу, автор геолого-географических описаний этих регионов и центральной части Европейской России. Один из ос-

нователей и первый президент ОЛЕАЭ при Московском университете (1864-1884). Один из создателей Политехнического музея в Москве (1872). Автор научных трудов по геологии, в том числе: «Геологическое путешествие по Алтаю» (1846).

Эдинг Дмитрий Николаевич (1887-1946), археолог, музейный работник. Учился в Киевском, затем Воронежском реальных училищах. Закончил физико-математический факультет Московского университета, одновременно обучаясь в МАИ. Был оставлен при кафедре геологии Московского университета для подготовки к научной деятельности. Работал в геологических экспедициях, с 1910 в археологических экспедициях. Был избран член-корр. МАО. С 1912 начал работать в ГИМ сотрудником отдела народного творчества, затем зав. отделом славяно-финской археологии. С 1920 преподавал на ФОН Ярославского университета, а также в Ярославском и Ростовском отделениях МАО. В 1921 начал раскопки Сарского городища в Ростовском уезде, затем других археологических памятников в уезде и губернии. Был членом ЯЕИКО, РНОИМК, сотрудником НИИВП. Автор трудов по археологии, в том числе: «Сарское городище» (1928).

Юшков С.В. (1888-1952), правовед, историк права. Член СОИАЭ. В 1920-е председатель Саратовской СНР.

Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894), публицист, общественный деятель, путешественник, этнограф, археолог. Учился в Томской гимназии, Санкт-Петербургском университете. В 1863 вернулся в Омск, а в 1865 переехал в Томск. В 1865 арестован по делу о «сибирском сепаратизме». После трехлетнего пребывания в Омском остроге сослан в Шенкурск. В 1873 восстановлен в правах и приехал в Санкт-Петербург. Сотрудничал во многих периодических изданиях по вопросам развития Сибири. С 1876 служил в управлении западносибирского генерал-губернатора. Совершил ряд экспедиций на Алтай (1876), по Томской гу-

бернии (1880), на реку Орхон (1889). В 1894 принял место зав. статистическим бюро при управлении Алтайским горным округом, но умер вскоре после приезда в Барнаул. Награжден золотой медалью РГО (1881). Автор ряда работ по истории Сибири, в том числе: «Сибирь как колония» (1882), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891).

Якушкин Евгений Иванович (1826-1905), правовед, общественный деятель, краевед, этнограф, библиограф. Сын декабриста И.Д.Якушкина. Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал в Москве, затем на службе в Ярославле (с 1859). Управляющий палатой государственных имуществ. Был членом губернского по крестьянским делам присутствия. В 1884 вышел в отставку. Занимался научной и литературной деятельностью. Член-учредитель Ярославской ГУ-АК (1889). Долгое время являлся помощником председателя Ярославского ГСК. Член многих научных обществ. Автор трудов по праву, этнографии и истории края, в том числе: «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права» (1875-1909), «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии» (1896).

Якушкин Павел Иванович (1822-1872), фольклорист, этнограф, писатель. Учился на математическом факультете Московского университета. Под влиянием П.В.Киреевского увлекся устной народной поэзией. Стал первым в России профессиональным собирателем фольклора, собрание которого насчитывало огромное количество текстов. Собранные фольклорные материалы при жизни издал лишь частично: «Русские песни, собранные Павлом Якушкиным». Вып. 1-2 (1860). Автор многочисленных «Путевых писем» из российских губерний.

Янсон Юлий Эдуардович (1835-1892), статистик. Профессор Петербургского университета и декан его юридического факультета (1876-1888). Автор трудов по статистике, в том числе многократно переиздававшейся «Теории статистики»

Яхонтов С.Д., председатель Рязанской ГУАК, председатель Рязанского краеведческого общества.

Использованная литература

Абрамов Л.С. Описания природы нашей страны: Развитие физико-географических характеристик. М., 1972.

Акинъшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6 – 7.

Аксаков И.С. Ярославские письма // Ярославия: Сборник / Сост. В.Хохлов. М., 1990.

Аксаков И.С. Письма из Ярославской губернии // И.С. Аксаков. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991.

Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994.

Алексеев В.П. Профессора Демидовского юридического лицея – соратники И.А. Тихомирова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7.

Алексеев В.П. Ярославский ученый-краевед И.А. Тихомиров (1861 – 1933) // Ярославский календарь на 1996 год. Ярославль, 1996.

Алексеев В.П. Краевед И.Д. Троицкий // Ярославский календарь на 2003 год. Ярославль, 2003.

Алексеева О.В. Роль российской общественности XIX в. в охране древностей // История и культура Ростовской земли, 2003. Ростов, 2004.

Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992.

Архангельский С.И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае // Краеведение. М.; Л., 1925. Т. 2.

Археология: история и перспективы: Первая межрегион. конф.: Сб. статей. Ярославль, 2003.

Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Писатели Ярославского края. 2-е изд. Ярославль, 1990.

Астафьева Н.А. Ярославский литературный сборник // Ярославский календарь на 1999 год. Ярославль, 1999.

Афиани В.Ю. «Открываемая Россия»: путешествие как метод краеведческого изучения // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.

Ашурков В.Н., Кацюба Д.В., Матюшин Г.Н. Милонов Н.П. Историческое краеведение: Учебное пособие. М., 1975.

Багрова Н.В. Из истории первых музеев Ярославля // Краеведческие записки: Сб. / Яросл. ист.-архитект. музей-заповедник; отв. ред М.Г.Мейерович. Ярославль, 1984. Вып. 5, 6.

Барков А.С. О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М., 1961.

Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки. М., 1973.

Бастракова М.С., Павлова Г.Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М., 2000.

Белов С.П. Вологодское общество изучения Северного края: История и перспективы // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 2000. Вып. 8.

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.

Бердинских В.А. Вятские историки XIX – начала XX века // Вопросы истории. 1991. № 12.

Бердинских В.А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX веке // Вопросы истории. 1998. № 10.

Библиографический указатель краеведческих статей и публикаций в периодической печати XIX – XX вв. по Угличскому Верхневолжью / Сост. Л.С. Смирнова, О.Б. Шелепугина. Углич, 2001.

Биллингтон Д.Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.

Ваганова И.В. Деятельность И.А. Тихомирова в Ярославской губернской ученой архивной комиссии // К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1990.

«Взглядишь в минувшее бесстрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20-30-х гг.: Документы и материалы / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1995.

Вейман Р. История литературы и мифология. М., 1975.

Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917 – 1927 / Отв. ред. М.П. Ким. М., 1985.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Вернадский В.И. О науке. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование. СПб., 2002.

Возилов В.В. Интеллигенция провинциального города в истории России: Научные очерки и учебные материалы к спецкурсу по локальной истории. Иваново, 2003.

Волга от Твери до Астрахани / Сост. Н.П. Боголюбов. СПб., 1862.

Волкова Т.И., Полева Г.Н. Создание и деятельность Ярославской губернской ученой архивной комиссии в области архивного дела // К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1990.

Волкова Т.И. Из истории организации земских музеев // Человек и культура в культурно-историческом пространстве России: опыт региональных и краеведческих исследований: Матер. междунар. науч. конф. Кострома, 2002.

Вопросы краеведения: Сб. докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 г., созданной Академическим центром / Под ред. В.В. Богданова. Нижний Новгород, 1923.

В помощь работнику музея: Законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству / Под ред. А.Б. Гиленсона. М., 1936.

Гейнике Н.А. Краеведение и учитель // Вестник просвещения. 1924. № 2-3.

География интеллигентности: эскиз проблемы: Дискуссия в Тартуском университете // Литературная учеба. 1989. № 2.

Герцен А.И. Былое и думы // А.И. Герцен. Сочинения в 9 т. М., 1956. Т. 4 – 5

Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. М., 2002.

Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917 – 1939). М., 2001.

Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9.

Гревс И.М. Краеведение и экскурсионное дело // Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10 – 12 марта 1923 г. Пг., 1923.

Гревс И.М. История в краеведении // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1991. Вып. 2.

Гречухин В.А. На реках неславных. Рыбинск, 2002.

Гречухин Г.Б. Из опыта организации краеведческой работы в школе // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991.

Демидова Е.Л. Сто лет вологодской книги (1830-е – 1930-е годы) // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3.

Дергачева И.С. Проблемы сохранения и освоения культурного наследия провинциального города (на примере Рыбинска) // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: Матер. регион. науч. конф. Ярославль, 2000.

Десятников В.А. Подвижники: Книга для учащихся. М., 1993.

Деятельность Костромского городского Совета рабочих депутатов, 1918 – 1919. Кострома, 1919.

Дитмар А.Б. Над старинными рукописями («Топографические описания» Ярославского края конца XVIII века). Ярославль, 1972.

Дмитриев С.В. Воспоминания / Вступит. статья и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1999.

Дмитриев С.С. Периодическая печать // Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981.

Дмитриев С.С. Губернские ведомости // Памятные книжные даты. 1988. М., 1988.

Докучаев В.В. Земский губернский музей (Проект Устава), 1882 // В.В. Докучаев. Сочинения. М., 1953. Т. 7.

Дойков Ю.В. Самые знаменитые историки России. М., 2004.

Дряхлицын Д.Н. Периодическая печать архипелага (1924 – 1930) // Север. 1990. № 9.

Дубов И.В. Российский этнографический музей: прошлое и настоящее // Пигмалион музейного дела в России: (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб., 1998.

Дутов Н.В. Ярославский краевед П.А.Критский // Народ, политика, власть в истории России: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Г.Н. Кочешкова. Ярославль, 2005. Вып. 2.

Дутов Н.В. Ростовский краевед А.А.Титов и Л.Н.Трефолев // Л.Н. Трефолев: Материалы Трефолевских чтений. Ярославль, 2004.

Егорова Л. Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения в сфере локальных исторических исследований // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX вв.: Сб. статей. Челябинск, 2003.

Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Воспламененные к отечеству любовью: (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990.

Ермолин Е.А. Л.Н.Трефолев и традиции ярославского краеведения // Л.Н. Трефолев: Материалы Трефолевских чтений. Ярославль, 2004.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

Зайцева А.А. К вопросу изучения историко-культурной среды русского провинциального города XVIII – XIX вв. // Культура российской провинции: век XX – XXI веку. Калуга, 2000.

Закс А.Б. Музееведческий центр России (1930 – 1960-е годы) // Вопросы истории. 1994. № 10.

Записки о Саратове К.И. Попова // Волга. 1990. № 5.

Захаров В. Первый краевед // Волга. 1991. № 10.

Землянская Н.С. И.А. Тихомиров – хранитель музея при Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7.

Зименков В.Н. Формирование музейной сети Пензенской губернии в конце XIX – начале XX веков // Российская провинция XVIII – XX вв.: Матер. Всерос. конф. Пенза, 1996. Кн. 2.

Зозуля Л.И. История городов и сел в трудах губернских статистических комитетов // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.

Зыбко Н.В. С.И. Архангельский и нижегородское краеведение // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991.

Иванов А.Н. К.Д. Ушинский. Гимназист. Студент. Профессор. Ярославль, 1973.

Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917 – 1927 гг.). М., 1980.

Ивановская О.Г. Архиепископ Нил (Н.Ф. Исакович) как ярославский краевед и общественный деятель // Век нынешний, век минувший: Исторический альманах. Ярославль, 2000. Вып. 2.

Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.

Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев. М., 1949.

Истомина Э.Г. Краеведение и земство: опыт взаимодействия // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.

Историки России, XVIII – начало XX века / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996.

Историография истории России до 1917 года: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003.

Исторические города и села Костромской области / Под ред. С.Н. Конопатова. Кострома, 2004.

История Владимирского края: учебное пособие для старших классов школ Владимирской области / Под ред. Д.И. Копылова. Владимир, 2001.

История губернского города Ярославля, составленная законоучителем студентов Ярославского Демидовского Лицея, Протоиереем Иоанном Трицким. Ярославль, 1853.

История Костромского края, XX век / Под ред. В.Р. Веселова. Кострома, 1997.

История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учебное пособие / Отв. ред. Ю.М. Смирнов. Муром; Владимир, 2001.

История Нижегородского края в словаре Брокгауза и Ефрона. 2-е изд. / Сост. и ред. В.В.Ниякий. Нижний Новгород, 1993.

История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / Под ред. А.М.Селиванова. Ярославль, 2000.

Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.

Карамзин Н.М. История государства Российского: 12 томов в 4 книгах. М., 1997.

Карсаков О.Б. Мышкин – город классической провинции. Мышкин, 2000.

Киссель Ф. История города Углича // Ярославия: Сборник / Сост. В. Хохлов. М., 1990.

Клабуновский И.Г. Задачи краеведения после IV Всероссийской конференции по краеведению // Советское краеведение. 1930. № 5.

Клеменц Д.А. Из письма заведующему Минусинским музеем Н.М. Мартьянову // Пигмалион музейного дела в России: (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб., 1998.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 4 // В.О. Ключевский. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4.

Ключевский В.О. Методология местной истории // В.О. Ключевский. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 6.

Ключевский В.О. Русская историография 1861-1893 гг. // В.О. Ключевский. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 7.

Ключевский В.О. Юбилей Общества истории и древностей российских // В.О. Ключевский. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 7.

Козлов В.Ф. Из истории составления фундаментального описания церквей и монастырей г. Москвы (XIX – XX вв.) // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.

Козляков В.Н. Об издании документальных памятников в трудах Ярославской губернской ученой архивной комиссии // К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1990.

Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1: Общественно-культурная среда. М., 1998.

Колчинский И.Э. Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX веках: Исторические очерки. СПб., 2003.

Колчинский Э.И. Союз науки и труда: неравноправный брак по расчету // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX веках: Исторические очерки. СПб., 2003.

Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992.

Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начало XX века: Краеведческий словарь. Архангельск, 1993.

Контрольные цифры 5-летнего перспективного плана 1928/29 – 1932/33 по народному просвещению РСФСР (без АССР). М.; Л., 1929.

- Конюхова Т.А. Хроника истории исторической науки (История СССР, 1917-1927) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968.
- Костомаров Н.И. Скотской бунт. М., 2002.
- Кострома: Историческая энциклопедия / Гл. ред. А.К. Шустов. Кострома, 2002.
- Краеведение за десять лет Советской власти // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 8.
- Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Л., 1925.
- Критский П.А. Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения. Ярославль, 1907.
- Крупская Н.К. Основы политпросветработы // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7.
- Крупская Н.К. Краеведение и библиотека // Н.К.Крупская. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1960. Т. 8.
- Крупская Н.К. Краеведение и народное просвещение: Речь на III Всероссийской конференции по краеведению // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1960. Т. 8.
- Крупская Н.К. О краеведческих музеях // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1960. Т. 8.
- Культурная Москва: Сб. статей / Под ред И.М. Диомидова. М., 1923.
- Культурное строительство в Нижегородской губернии (1917 – 1927 гг.): Документы и материалы. Горький, 1988.
- Купайгородская А.П., Лебина Н.Б. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917 – 1937 гг.: (Тенденции развития) // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917 – 1937 гг.: Сб. статей. Л., 1989.
- Курас Г.М. Деятельность Черниговской губернской ученой архивной комиссии по изучению истории городов и сел // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.
- Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725 – 1800). М., 1957.
- Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.
- Левинтов А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Методология: вчера, сегодня, завтра. М., 2005. Т. 3.
- Левыкин К.Г. Деревня Левыкино и ее обитатели. М., 2002.
- Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М., 1981.
- Летопись Твери / Авт.-сост. В.Б. Финкельштейн. Тверь, 1996.
- Летопись Ярославских сел и деревень / Сост. А.Н. Грешневилов. Рыбинск, 2004.
- Лихачев Д.С. Земля родная: Книга для учащихся. М., 1983.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989.

Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991.

Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-политической мысли в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. № 1.

Макарихин В.П. Научные и общественные связи губернских ученых архивных комиссий Поволжья // Российский исторический журнал. 1998. № 2.

Макогоненко Г.П. Комментарии // Н.М. Карамзин. Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2.

Марасанова В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы (1777– 1917): Историко-биографические очерки. Ярославль, 1996.

Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. М., 1987.

Мейерович М.Г. У меня появилась мечта... Ярославль, 2004.

Мельников П.И. Автобиография // П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений: В 8 т. М., 1976. Т. 1.

Методика историко-краеведческой работы в школе: Пособие для учителей / Под ред. Н.С. Борисова. М., 1982.

Милов Л.В. Экономико-географические и статистические описания // Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981.

Мильков Ф.Н. П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993 – 1995.

Моя родина – Норский посад: Сб. / Ред. и подг. текстов А.М. Рутман, Л.Е. Новожилова. Ярославль, 2005.

Муратов М.В. Основные вопросы краеведения // На путях к педагогическому самообразованию. М., 1925.

Мусины-Пушкины / Сост. Т.И. Гулина, Г.В. Раздобурдина, М.Г. Шиманская. Ярославль, 1996.

Насонкина Л.И., Кошман Л.В. Историческое образование в Московском университете (1934 – 1941) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968.

Наш край: Книга для учащихся школ, гимназий и лицеев. Нижний Новгород, 1997.

Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях: Хрестоматия / Под ред Е.В. Кузнецова. М., 1992.

Нижегородский край: факты, события, люди. 2-е изд. / Под ред. Н.Ф. Филатова, А.В. Седова. Нижний Новгород, 1997.

Никонов А.В., Воронцова Е.А. Региональный и этнокультурный подходы к изучению русской культуры // Культура российской провинции: век XX – XXI веку. Калуга, 2000.

Никонова М.А., Данилов П.А. Землеведение и краеведение: Учебное пособие. М., 2000.

Новый этап в краеведении // Советское краеведение. 1930. № 1-2.

Образовательные стандарты в Российской Федерации: Материалы по разработке национально-региональных компонентов государственного образовательного стандарта / Под ред. В.В. Судакова. Якутск, 1996.

Огурцов Н.Г. Опыт местной библиографии: Ярославский край (1718 – 1924) / Предисл. В.Н. Бочкарева. Ярославль, 1924.

Ойнас С. Первые в России // Ярославские епархиальные ведомости. 2005. № 3 – 4.

Организация советской науки в 1926 – 1932 гг.: Сб. док. М., 1974.

Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1; М., 1996. Т. 2; М., 2000. Т. 3.

От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологии – 70 лет. М., 2002.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.

Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А.С. Щенкова. М., 2002.

Перунова А.Н. Село Глубокое: Историко-биографические очерки. Шадринск, 2000.

Перченков Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1.

Петров М. Одиссея полковника Шелехова // Литературная учеба. 1990. № 1.

Пиксанов Н.К. Областной принцип в русском культуроведении // Искусство. М., 1925. № 2.

Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928.

Пинкевич А.П. Предмет советского краеведения // Советское краеведение. 1930. № 1 – 2.

Письма Н.П. Лихачева к А.В. Орешникову (1917 – 1922) // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 2: Гражданское общество и частная жизнь.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

Полознев Д.Ф. Возникновение музея в Ростове Великом // Краеведческие записки: Сб. / Ярослав. ист.-архитект. музей-заповедник; отв. ред М.Г.Мейерович. Ярославль, 1984. Вып. 5, 6.

Полунина Н.М. Коллекционеры России XVII – начала XX вв.: Энциклопедический словарь. М., 2005.

Пономарев А.М. Превращение русских исторических знаний в науку. Ярославль, 1985.

Пономарев А.М. Ф.Х. Киссель – историк города Углича // Век нынешний, век минувший: Исторический альманах. Ярославль, 1999.

Пономарев А.М. И.Д. Троицкий – первый историк Ярославля // Век нынешний, век минувший: Исторический альманах. Ярославль, 2000. Вып. 2.

Попова М.П. И поиск длится целый век... Владимир, 2002. (Библиотека владимирского краеведа)

По реке Обноре: Любим и его окрестности / Сост. А.М. и И.А. Рутманы. Ярославль, 2005.

«*Правьте на звезды...*». Рыбинский край в отечественной науке XIX – XX вв. / Сост. Ю.И.Чубукова. Рыбинск, 1999.

Производительные силы Ярославской губернии: Труды Второй губернской конференции по изучению производительных сил Ярославской губернии. Ярославль, 1928.

Пушкин А.С. История Пугачева // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 4.

Пушкин А.С. О Татищеве // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 5.

Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 5.

Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005.

Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2.

Разработка национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов: Материалы семинара-совещания руководителей органов управления образования России. М., 1996.

Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры, том 5 (XIX век). М., 1996.

Региональный компонент в системе воспитания и обучения детей и молодежи / Под ред. В.И.Рыбаковой. Ярославль, 1996.

Ривкин М.С. Из опыта внеклассной краеведческой работы по истории. М., 1961.

Рогов Е.Н. Атлас истории культуры России. М., 1993.

- Родин А.Ф. История родного села: Пособие по внеклассной краеведческой работе. М., 1954.
- Розанов М.М. Соловецкие фактории: Воспоминания // Север. 1990. № 9.
- Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб., 2004.
- Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001.
- Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М., 1993.
- Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., 1994. Вып. 5.
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М., 2002.
- Ростовский краевед: Сборник трудов Ростовского научного общества по изучению местного края. Ростов, 1929. Вып. 1.
- Рязанцев Н.П. «Спасти живую старину...»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918 – 1929 гг. Ярославль, 2000.
- Салова Ю.Г. История культуры Ярославского края (XIX – XX вв.). Ярославль, 2004.
- Самарцева Е.И. Священнослужители и изучение истории: (на примере Тульской губернии конца XIX – начала XX века) // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: Матер. XV междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2004.
- Сараева Е.Л. Формирование культурной среды в России в конце XVIII – начале XX веков // Народ, политика, власть в истории России: Межвузов. сб. науч. тр. / Под ред. Г.Н. Кочешкова. Ярославль, 2005. Вып. 2.
- Светильники веры земли Ярославской: Труды священнослужителей Ярославской епархии XIX – XX вв. / Сост. М.Ф. Бойко, Л.Г. Горячева, Ю.В. Бузанова. Ярославль, 2000.
- Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в.: Учебное пособие по спецкурсу. Ярославль, 1988.
- Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века: Тексты лекций по спецкурсу. Ярославль, 1990.
- Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1.
- Сизинцева Л.И. Метод Н.К. Пиксанова как орудие исследования культурной жизни городов // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.
- Сизинцева Л.И. Земские музеи в системе местного самоуправления // Вестник Костромского педагогического университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1997. № 2.
- Смидович П.Г., Кржижановский Г.М. Социалистическое строительство и краеведение. М., 1930.

- Смирнов Я.Е. Андрей Александрович Титов (1844 – 1911). М., 2001.
- Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека: Библиографическое описание: В 2 т. М., 1969.
- Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. 5-е изд. М., 1983.
- Соболев В.С. Для будущего России: Деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия 1890 – 1930 гг. СПб., 1999.
- Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
- Советская культура в реконструктивный период. 1928 – 1941 / Под ред. М.П. Кима. М., 1988.
- Солоухин В.А. Письма из Русского музея. Черные доски. Время собирать камни. М., 1990.
- Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921-1923 гг.). Новосибирск, 1971.
- Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989.
- Спиридонова Е.В. VII Археологический съезд в Ярославле как явление в культурной жизни города // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: Матер. регион. науч. конф. Ярославль, 2000.
- Старый Рыбинск: История города в описаниях современников XIX – XX вв. / Под ред. Э.Г. Истоминой. Рыбинск, 1993.
- Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Суслов В.В. Русское зодчество по преданиям народной старины. СПб., 1911.
- Тагильцева Н.Н. Специфика краеведения как синтеза наук: (на примере краеведения Уральского региона конца XIX – 1930-х гг. XX в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.
- Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Темняткин С.Н. Моя Кацкая Русь: Люди, предания, обычаи, верования западных земель Ярославского края. Ярославль, 2003.
- Тихомиров И.А. Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила / Вступ. статья и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1998.
- Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004
- Томская область: Исторический очерк / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994.
- Традиции краеведческих изданий в Ярославле (XVIII – XX вв.) // Ярославская старина. Ярославль, 1994. Вып. 1.

- Третьякова Т.А. Мышкинские перелогы: историко-литературные этюды о Мышкинском крае. Мышкин, 2002.
- Трефолев Л.Н. Странники: Эпизод из истории раскола // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1866. Вып. 1.
- Трефолев Л.Н. «Уединенный Пошехонец»: Заметки краеведа // Ярославия: Сборник / Сост. В. Хохлов. М., 1990.
- Трефолев Л.Н. Исторические произведения. Ярославль, 1991.
- Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М., 1963.
- Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927 – 1937) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4.
- Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
- Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- Ушинский К.Д. Первый выпуск Этнографического Сборника... // Современник: Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. Т. ХLI. СПб., 1853.
- Федеральный и национально-региональный компоненты государственных образовательных стандартов: Методические материалы по разработке стандартов содержания образования. Якутск, 1996.
- Фенютин А.А. Увеселения города Мологи // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1866. Вып. 1.
- Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.
- Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917 – 1929). М., 1989.
- Филимонов С.Б. Вопросы методики изучения истории городов и сел в периодике Центрального бюро краеведения 1920-х годов // Историческое краеведение: По матер. III Всесоюз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.
- Флейман Е.А. Некоторые вопросы становления и развития костромского краеведения в первые годы Советской власти (1917 – 1924) // Краеведческие записки / Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Ярославль, 1983. Вып. 3.
- Флейман Е.А. К вопросу об участии Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) в исследовании природных ресурсов нашего края (1917 – 1929 гг.) // Краеведческие записки: Сборник/ Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник; Под ред. В.С. Соболева. Ярославль, 1986. Вып. 4.
- Флейман Е.А. Научно-просветительная деятельность краеведческих обществ в 1920-х гг. // Перестройка высшей школы и историческая наука: проблемы формирования исторического сознания. Кострома, 1990.

Флейман Е.А., Шипилов А.Д. Краеведческое движение – важный фактор общественной жизни // Перестройка высшей школы и историческая наука: проблемы формирования исторического сознания. Кострома, 1990.

Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995.

Флейман Е.А. Костромской край в печатных трудах ученых и краеведов. Кострома, 1995.

Фомина Т.А. Опыт изучения фабрики (Фабрика «Красный Октябрь» и ее влияние на район). Нижний Новгород, 1930.

Фриче В. Культурная Москва // Культурная Москва: Сб. статей / Под ред. И.М. Диомидова. М., 1923.

Хартанович М.Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX века. СПб., 1999.

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1993.

Шаповалов В.Ф. Россиеведение: Учебное пособие для вузов. М., 2001.

Шелехов Д. Путешествие по русским проселочным дорогам // Литературная учеба. 1990. №1.

Шергин Б.В. Поэтическая память. М., 1978.

Шикман А.П. Деятели отечественной истории: Биографический словарь-справочник: В 2 кн. М., 1997.

Шипилов А.Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885 – 1917 гг.) // Краеведческие записки: Сборник / Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник; Под ред. В.С. Соболева. Ярославль, 1986. Вып. 4.

Шипилов А.Д. Костромское церковно-историческое Общество // Перестройка высшей школы и историческая наука: проблемы формирования исторического сознания. Кострома, 1990.

Шипилов А.Д. М.Я. Диев – историк Нерехтского края // Высшая школа и историческая наука: историография, источниковедение, методика. Кострома, 1991.

Шипилов А.Д. Губернская ученая архивная комиссия (1885 – 1917) и провинциальная историография // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1997. Вып. 2.

Шмеман С. Эхо родной земли. Двести лет одного русского села. М., 2003.

Шмидт С.О. Николай Кирьякович Пиксанов (1878 – 1969) // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971.

Шмидт С.О. Помни об отчем доме // Известия. 1988. 6 сентября

Шмидт С.О. «Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1989. № 1 (19).

- Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1.
- Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.
- Шмидт С.О.* Сельские церковноприходские летописи как историко-краеведческий источник // Историческое краеведение: По матер. III Все-союз. конф. по историческому краеведению. Пенза, 1993.
- Шмидт С.О.* Усадьбоведение и краеведение // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М.; Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17).
- Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Советская историография. М., 1996.
- Шмидт С.О.* Краеведение – наука о прошлом и путь в будущее / Беседовал Я.Е. Смирнов // Ярославская старина. 1997. Вып. 4.
- Шмидт С.О.* Без краеведения нет России // Мир библиографии. 1999. № 1.
- Шмурло Е.Ф.* Миллер Герард Фридрих // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 19
- Шулепова Э.А.* К 70-летию Российского института культурологии: этапы, исследователи, проблемы // От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологии – 70 лет. М., 2002.
- Шурупова Е.* К проблеме становления исторического краеведения в Архангельской губернии: формирование локального сообщества краеведов в XIX в. // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX вв.: Сб. статей. Челябинск, 2003.
- Щапов А.П.* Великорусские области в смутное время (1606 – 1613) // А.П. Щапов. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1.
- Эволюция* культурной деятельности в новом столетии: социально-экономические аспекты культурной политики: В 3 т. Т. 1: Очерки культурной жизни России на рубеже веков / Отв. ред. Б.Ю. Сорокин. СПб., 2005.
- Якушкин П.И.* Сочинения. М., 1986.
- Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1913.
- Ярославль* в гравюрах С.А. Глушкова. Ярославль, 1997.
- Ярославские краеведы:* Библиогр. указ., аннотир. / Сост. В.П. Алексеев. Ярославль, 1988. Ч. 1.
- Ярославские краеведы:* Библиогр. указ., аннотир. / Сост. В.П. Алексеев. Ярославль, 1989. Ч. 2.
- Ярославский край* в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1996.

Указатель имен

А

Авдеев М.В., 95, 267
Аверин А.Н., 238
Аврус А.И., 260
Аксаков И.С., 98, 99, 267, 338
Александров П.А., 176
Алексеев В.В., 260
Алпатов М.А., 89
Альбицкий Л.А., 238, 267
Алябьев А.В., 88, 267
Андронов В.П., 70, 268
Андюсев Б., 264
Анучин Д.Н., 143, 145, 191, 268
Анциферов Н.П., 214, 223, 224, 235, 236, 268
Арсений (в миру Верещагин В.И.), 65, 85, 269
Арсеньев К.И., 73, 269
Артлебен Н.А., 74, 121, 269
Архангельский С.И., 173, 219, 269, 342
Арцыбашев Н.Г., 87
Астров Д.Н., 158
Афанасьев (псевд. Афанасьев-Чужбинский) А.С., 94, 270
Аш К.И., 65

Б

Багалея Д.И., 74, 143, 270
Бакарев М.Н., 68
Бакмаистер (Логин) Л.И., 270
Баранов С.Ю., 264
Барков А.С., 14, 270
Бартольд В.В., 74, 271
Барщевский И.Ф., 167, 171, 172, 271
Бахрушин С.В., 225, 236, 253, 271
Башкиров А.С., 219, 271

Беззубцев Н.М., 238
Бекарев Н.М., 165, 272
Белобородов А.Г., 203, 272
Бенкен А.Ф., 216
Бенуа А.Н., 147, 272
Бердинских В.А., 123, 130, 134, 214
Бережной Н.Б., 212
Берендтс Э.Н., 168, 169, 170, 176, 177, 272
Бернштейн Б.Л., 219, 272
Биллингтон Д.Х., 38, 56, 215, 216
Бирюков В.И., 179, 273
Битюцкий П.М., 238, 273
Бичурин Н.Я., 78
Блинов Н.Н., 136, 273
Блюдов Д.Н., 91, 273
Богданов А.П., 145, 273
Богданов В.В., 191, 273
Богданович А.Е., 210, 273
Богословский М.М., 221, 225, 234, 274
Богословский Н.Г., 121, 274
Болховитинов Е.А., 65, 67, 274
Бороздин К.М., 66
Боч Г.Н., 193
Бочкарев В.Н., 210, 219, 230, 237, 275
Брюс Я.В., 275
Булатов Д.А., 178, 276
Буш В.В., 220
Быстров Н.В., 158
Бычков А.Ф., 276
Бычков Ф.А., 168, 169, 277

В

Вангенгейм А.Ф., 201, 202, 245
Васьков И.К., 55, 277
Вахрамеев И.А., 169, 170, 171, 177, 277
Введенский С.Н., 238, 278

Вейман Р., 9
 Веретенников В.И., 219
 Вернадер К.Р., 158
 Вернадский В.И., 37, 62, 75, 184, 278
 Вершинский А.Н., 219, 278
 Веселов В.Р., 263, 342
 Веселовский Александр
 Александрович, 210, 278
 Веселовский Алексей
 Александрович, 210, 278
 Веселовский Б.В., 202, 245
 Веселовский Н.И., 147, 279
 Вильбрехт А., 56
 Виноградов А.Ф., 238
 Виноградов Н.Н., 216, 279
 Владиславлев В.Ф., 127, 279
 Воинов П.К., 54
 Волков Е.Н., 147, 279
 Волконская З.А., 81, 280
 Воробьев Н.И., 219, 280
 Врангель Н.Н., 147, 280
 Второв Н.И., 176, 280
 Высоцкий А.В., 225
 Вышеславцев Л.В., 158

Г

Гаевский П.И., 77
 Гациский А.С., 94, 108, 121, 143, 165,
 176, 281
 Георги И.Г., 38, 281
 Гераклитов А.А., 219, 281
 Герд В.А., 219, 281
 Герман К.Ф., 67, 68, 70, 281
 Герцен А.И., 71, 79, 92, 93, 94, 282,
 340
 Гильденштедт И.А., 36, 38, 282
 Глаголев А., 214
 Гладкой Ю.Н., 13
 Глебова А.А., 264
 Гмелин И.Г., 24, 36, 282
 Гмелин С.Г., 36, 38, 41, 43, 282
 Голицын Д.М., 25, 28, 282, 268
 Голицын М.М., 27
 Головнин А.В., 148, 283
 Головщиков К.Д., 167, 171, 283
 Голышев И.А., 131, 136, 283

Гомаюнов С.А., 11
 Горегляд К.Е., 93, 94, 283
 Горецкий А.К., 158
 Городцов В.А., 164, 170, 283
 Горюнова Е.И., 255
 Гревс И.М., 7, 223, 224, 284
 Греч Н.И., 77, 284
 Гречухин В.А., 260
 Грешневилов А.Н., 260, 345
 Григоровский М.П., 158
 Гуляев К., 132, 284
 Гумилевский М.И., 102, 284
 Гурко А.Л., 168

Д

Даль В.И., 15
 Деборин А.М., 234
 Диев М.Я., 131, 285
 Дилакторский П.А., 209, 285
 Дингес Г.Г., 220, 285
 Дитмар А.Б., 87
 Дмитриев С.С., 219, 286
 Дмитриенко Н.М., 260, 350
 Доброхотов В.И., 286
 Докучаев В.В., 175, 286, 341
 Долгополов В.А., 238
 Достоевский А.М., 168
 Дубасов И.И., 143, 158, 172, 286
 Дубровин Н.Ф., 177
 Дыбов Г.Г., 208
 Дюбюк Е.Ф., 219, 286

Е

Евдокимов И.В., 209, 287
 Евреинов К.Н., 287
 Екатерина II, 37, 54, 100, 307, 308,
 317
 Ефименко П.С., 121, 136, 287

Ж

Жизневский А.К., 288
 Жуков Б.С., 231
 Журавский Д.П., 71, 72, 289

З

Забелин И.Е., 18, 289
Заблоцкий-Десятовский А.П., 70, 77, 83, 289
Закревский Н.В., 290
Замятин Г.А., 238
Заринский В.А., 158
Заринский М.Г., 94, 97, 290
Зверев С.Е., 176, 290
Зеленин Д.К., 74, 290
Золотарев А.А., 210, 238, 290
Золотарев Д.А., 197, 219, 291
Зябловский Е.Ф., 68, 69, 70, 73, 291

И

Иванов Д.И., 66
Иванов П.В., 219
Измайлов Н.В., 235, 291
Износков И.А., 144, 291
Израилев А.А., 171, 292
Иконников В.С., 76, 292
Иловайский Д.И., 74, 117, 292
Иродионов П., 54

К

Кавелин К.Д., 137, 293
Кадек М.Е., 219, 293
Калачов Н.В., 137, 138, 155, 156, 293
Канкрин Е.Ф., 82, 294
Карамзин Н.М., 21, 56, 58, 59, 60, 64, 101, 102, 103, 294, 307, 325, 345
Карапетов А.И., 158
Карманов Д.И., 54, 165, 294
Карсаков О.Б., 260
Кеппен П.И., 83, 116, 294
Кирилов И.К., 21, 26, 27, 32, 51, 69, 294, 342
Кирштейн И.И., 208
Киссель Ф.Х., 102, 295, 347
Клабуновский И.Г., 201, 202, 245
Клеменц Д.А., 176, 295
Ключевский В.О., 6, 7, 8, 25, 82, 181, 271, 274, 295, 343
Козляков В.Н., 84

Коковцев Н.И., 85
Колосов В.И., 165, 176, 296
Комаров В.Л., 193
Кондратьев Н.Д., 219, 296
Коновалов Ф.Я., 260
Копылов Д.И., 264, 342
Корнильев В., 89
Корнильев Д., 89
Королев Б.Н., 264
Короленко В.Г., 165, 296
Корсунский Н.Н., 168, 297
Костомаров Н.И., 94, 96, 137, 297
Костров Н.А., 74, 297
Котляревский Л.С., 168
Кравец Т.П., 191, 297
Красюк А.А., 219
Крашенинников М.А., 238
Крашенинников С.П., 21, 24, 35, 36, 37, 238, 298, 365
Крестинин В.В., 53, 54, 298
Кржижановский Г.М., 205, 245, 298
Критский П.А., 14, 298
Кротков А.А., 220
Крупская Н.К., 226, 248, 299, 344
Крылов А.П., 299
Кузнецов А.К., 175, 299
Кузнецов Е.В., 260
Кулиш П.А., 94, 300
Куроптев М.И., 136, 300
Кушечкина Е.Н., 220

Л

Лазарев И.А., 210, 300
Лебедев А.Н., 300
Левинтов А.Е., 13
Левыкин К.Г., 260
Ленивцев М.А., 82
Леопольдов А.Ф., 94, 96, 97, 301
Лепехин И.И., 36, 38, 40, 43, 301
Лествицын В.И., 121, 301
Ливанов А.Н., 177, 301
Липинский М.А., 168, 170, 302
Литвинов В.В., 238
Лихачев А.Ф., 144, 175, 302
Лихачев Д.С., 216, 257, 265, 302
Лихачев Н.П., 186, 234, 235, 302, 347

Ловиц Г.М., 41
Ломоносов М.В., 21, 26, 32, 33, 50,
52, 69, 303, 342, 365
Лотман Ю.М., 56, 57, 58
Лукин Н.М., 234
Лукьянов В.В., 256
Луначарский А.В., 190, 199, 226, 303
Любомиров П.Г., 220

М

Майков Л.Н., 117, 303
Макарихин В.П., 9, 155, 173
Максимов Б.В., 201
Максимов С.В., 117, 303
Максимович А.А., 77
Максимович Л.М., 48
Максютин П.С., 66
Манкиев А.И., 35
Маркузен А., 13
Марр Н.Я., 197, 200, 304
Мартьянов Н.М., 175, 176, 304, 343
Межов В.И., 130, 304
Мейерович М.Г., 255, 256, 257, 304
Мельгунов А.П., 56, 85, 98, 305
Мельников П.И. (псевд.
Андрей Печерский), 94, 95,
305, 345
Менделеев Д.И., 89
Мессершмидт Д.Г., 24
Мешалин И.В., 219, 305
Миллер В.Ф., 140, 145, 305
Миллер Г.Ф., 21, 24, 26, 32, 33, 34,
35, 36, 39, 48, 50, 52, 69, 282,
305, 352, 365
Миловидов И.В., 165, 306
Милорадович Г.А., 132, 306
Милюков Ф.Н., 52
Минцлов С.Р., 74, 306
Михайловский А.С., 82
Михеевский А., 260
Молчанов К., 68
Мордовцев Д.Л., 108, 307
Морозов Г.Ф., 219, 307
Мосягин В.П., 177
Муравьев А.П., 158
Муравьев М.Н., 64, 307

Мусин-Пушкин А.И., 64, 65, 308, 338
Мусин-Пушкин С.А., 170

Н

Надеждин Н.И., 137, 308
Наумов Н.И., 112, 308
Нафанаил II (Соборов), 152, 308
Неволин К.А., 78
Некрасов А.И., 219
Немирович-Данченко В.И., 117, 309
Нефедов Ф.Д., 143
Николаев И.Н., 159
Николай Михайлович, 309
Никольский Ф.Я., 94, 98, 99, 309
Нил (в миру Исакович Николай
Федорович), 309
Новиков Н.И., 48, 80
Ногтев В.П., 231
Норцов А.Н., 172, 309

О

Огурцов Н.Г., 172, 210, 219, 229, 310
Озерецковский Н.Я., 66, 310
Олейников Т.М., 238
Ольденбург С.Ф., 191, 195, 197, 200,
311
Орешников А.В., 186, 311, 347

П

Павлов А.П., 191, 311
Паллас П.С., 36, 38, 39, 40, 41, 43,
311
Панкратова А.М., 253
Панов Л.С., 260
Пассек В.В., 77, 311
Пацюков Ф.П., 159
Первухин Ник. Григ., 144, 312
Первухин Нил Григ., 210, 219, 228,
237, 312
Перунова А.Н., 260
Перцев В.А., 219, 237, 312
Перцев Н.В., 210, 219, 312
Перченков Ф.Ф., 188, 236

Петр I, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 35, 36,
77, 146, 275, 282
Петри Г.Э., 236
Петров П.А., 215
Петров Ф.Н., 313
Петровский А.С., 149, 313
Пиксанов Н.К., 9, 313
Пинкевич А.П., 194, 202, 313
Пирогов В.Г., 165, 314
Пирогов Н.И., 193
Пискарев П.И., 159
Платонов С.Ф., 161, 191, 234, 235,
314
Плетнев В.А., 164, 314
Погодин М.П., 64, 78, 314
Покровский М.Н., 10, 314
Покровский Н.А., 158
Покрышкин П.П., 147, 315
Поливанов А.И., 165
Полосин И.И., 219, 315
Полунин Ф.А., 35, 48, 315, 347
Поляков И.С., 117, 315
Попов Н.С., 67
Потанин Г.Н., 112, 113, 316
Правдин И.Ф., 219
Праве Г.К., 176, 316
Преображенский Г.Н., 171, 316
Преображенский И.Д., 165, 316
Протопопов Я.Е., 94
Путинцев А.М., 238
Пушкин А.С., 1, 24, 27, 41, 53, 317,
347

Р

Равикович Д.А., 180
Радищев А.Н., 63, 88, 317
Разгон А.М., 180
Размустова Т.А., 180
Римский-Корсаков М.Н., 193
Родин А.Ф., 253
Розанов М.Г., 158
Розанов М.М., 215, 317
Розанов Ю.В., 264
Романов Н.М., 231
Руднев Д.Д., 216
Румянцев Н.П., 82, 318

Рыков А.И., 195, 197
Рыков П.С., 220, 318
Рычков П.И., 32, 51, 52, 53, 318, 345

С

Савельев А.А., 165, 319
Савельев П.С., 121
Савенков И.Т., 319
Садовский А.Я., 319
Салова Ю.Г., 264, 348
Самоквасов Д.Я., 137, 319
Санковский В.Д., 56, 85, 86, 87, 319
Санковский Н.В., 85
Сапунов А.П., 121
Сатин А.И., 158
Святский Д.О., 320
Севастьянова А.А., 84
Севергин В.М., 66, 69
Седов А.В., 260
Селиванов А.В., 176
Селиванов А.М., 264
Селифонтов Н.Н., 176
Семевский М.И., 101
Семенов-Тянь-Шанский В.П., 118,
321
Семенов-Тянь-Шанский П.П., 49, 114,
116, 117, 118, 321
Серебренников В.И., 99, 321
Серебренников Д.И., 98, 321
Серебренников С.А., 98, 100, 321
Серебряков Б.П., 231
Смидович П.Г., 197, 200, 201, 202,
205, 245, 321
Смирнов А.И., 219, 229, 322
Смирнов А.М., 229
Смирнов В.И., 219, 236, 239, 322
Смирнов М.И., 220, 236, 322
Смирнов Ю.М., 264, 342
Смушкова М.А., 248
Смышляев Д.Д., 121, 124, 132, 323
Соболевский А.И., 165, 323
Соколов А.А., 237
Соколов Б.М., 209, 220, 323
Соколов Ю.М., 220, 323
Соколовский В.И., 93, 323
Соллогуб В.А., 95, 324

Соловский В.В., 158
 Соснина-Пуцилло Е.В., 238, 324
 Спасский Н.А., 121, 324
 Спицын А.А., 74, 124, 141, 143, 144,
 147, 164, 219, 324
 Станкевич Н.В., 70, 324
 Стеклов В.А., 324
 Степанов Ю.С., 106
 Степанский А.Д., 133
 Строев П.М., 83, 324
 Суворов И.Н., 325
 Суворов Н.И., 325
 Суворов Н.С., 168
 Сумароков Н.С., 55, 325
 Сумароков П.П., 88, 89, 325

Т

Тарачков А.С., 121, 326
 Тарле Е.В., 234, 235, 326
 Татищев В.Н., 21, 26, 27, 28, 29, 31,
 32, 35, 48, 52, 69, 103, 326, 342,
 350, 365
 Темняткин С.Н., 260
 Теплоухов Ф.А., 144, 326
 Тимофеев Д.И., 158
 Титов А.А., 143, 168, 169, 176, 177,
 326, 341
 Тихий И.Ф., 158
 Тихомиров И.А., 105, 164, 170, 172,
 176, 177, 210, 219, 327, 338,
 339, 342
 Тихонравов К.Н., 74, 121, 327
 Токмаков И.Ф., 74, 159, 328
 Травьянский М.С., 78
 Трапезников В.Н., 209, 328
 Третьяков П.Н., 219, 328
 Трефолев Л.Н., 87, 125, 126, 129, 168,
 170, 328, 341
 Трехлетов Е.В., 98, 99, 100, 101, 329
 Троицкий И.Д., 100, 101, 102, 121,
 126, 329, 338, 347
 Трунов М.П., 176, 329
 Тхоржевский С.И., 329

У

Уваров А.С., 121, 141, 142, 144, 155,
 329
 Уваров Н.В., 260
 Уваров Н.Ф., 85
 Уварова П.С., 143, 144, 164, 179, 180,
 330
 Уланов В.Я., 14
 Успенский Б.А., 57, 58, 131
 Устрялов Н.Г., 330
 Ушаков И.Ф., 260
 Ушинский К.Д., 94, 98, 330, 342

Ф

Фальк И.П., 38, 41, 43, 330
 Фармаковский Б.В., 147, 330
 Фенютин А.А., 99, 129
 Ферсман А.Е., 191, 197, 198, 200, 331
 Филатов Н.Ф., 260
 Фомина Т.А., 249
 Фредерикс А.А., 158
 Фриде А.Я., 168
 Фриче В.М., 213, 234, 331
 Фролов А.И., 180

Х

Хитров Г.В., 158
 Хлебников П.В., 99, 331
 Хмуров А.М., 260
 Холодный Г.М., 158
 Холщевников А.В., 98
 Хомутов А.Н., 85

Ч

Чепурковский Е.М., 219, 331
 Чернов С.Н., 68
 Чирсков Б.Ф., 236
 Чистобаев А.И., 13
 Чубинский П.П., 121, 136, 331

Ш

Шаповалов В.Ф., 11
Шаханин Н.И., 219, 332
Шелехов Д.П., 81, 332
Шергин Б.В., 18, 332
Шереметев Б.П., 35
Шестаков А.В., 219, 333
Шестова С.Н., 238
Шишкин И.В., 132, 333
Шляков И.А., 143, 178, 333
Шмеман С., 260
Шмидт П.Д., 216
Шмидт П.Ю., 333
Шмидт С.О., 16, 17, 18, 188, 189, 244,
257, 333
Шмурло Е.Ф., 34, 334
Шокальский Ю.М., 191, 334
Шпилевский С.М., 167, 168, 334
Шторх А.К., 70, 335
Шубинский С.Н., 335
Шустов А.К., 260, 344

Щ

Щапов А.П., 5, 6, 105, 109, 110, 335,
365
Щекатов А.М., 48, 49
Щуровский Г.Е., 145, 335

Э

Эдинг Д.Н., 219, 336

Ю

Юшков С.В., 219, 336

Я

Ядринцев Н.М., 112, 336
Якушкин Е.И., 177, 337
Якушкин П.И., 337
Янсон Ю.Э., 114, 337
Яхонтов А.А., 193
Яхонтов С.Д., 157, 337

Список сокращений

- АГВ – Архангельские губернские ведомости
АК – Археографическая комиссия
АН – Академия наук
АПН РСФСР – Академия педагогических наук РСФСР
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники
для содействия социалистическому строительству в СССР
ВГВ – Владимирские губернские ведомости
ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВОИСК – Вологодское общество изучения Северного края
ВООПИК – Всесоюзное общество по охране памятников истории и культуры
ВЭО – Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
ГСК – Губернский статистический комитет
ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
ГУС – Главный Ученый совет
ДЮЛ – Демидовский юридический лицей
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИВ АН СССР – Институт востоковедения АН СССР
ИВГНОК – Иваново-Вознесенское губернское научное общество краеведения
ИИС – Институт исследования Сибири
ИЭ АН СССР – Институт этнографии АН СССР
КЕПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил России.
КНОИМК – Костромское научное общество по изучению местного края
КОАИЭ – Казанское общество археологии, истории и этнографии
ЛОИМК – Ленинградское общество изучения местного края
МАИ – Московский Археологический институт
МАО – Московское Археологическое общество
МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МВД – Министерство внутренних дел
МГИ – Министерство государственных имуществ
МИД – Министерство иностранных дел
МНО – Московское нумизматическое общество
МНП – Министерство народного просвещения
МПС – Министерство путей сообщения
МСЭ – Малая советская энциклопедия
МЮ – Министерство юстиции
НГВ – Нижегородские губернские ведомости
НИИВП – Научно-исследовательский институт Верхнего Поволжья и Русского Севера
НИИКМ – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы
НИЭИ – Научно-исследовательский экскурсионный институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ННОИМК – Нижегородское научное общество по изучению местного края
НТО ВСНХ – Научно-технический отдел Высшего совета народного хозяйства
ОЗСПИС – Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины
ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОИС – Общество изучения Сибири
ОКМ – Общество краеведов-марксистов
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОЛРС – Общество любителей российской словесности
ПАИ – Петербургский Археологический институт
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО – Русское археологическое общество
РГО – Русское географическое общество
РИМ – Российский Исторический музей
РИО – Русское историческое общество
РМО – Русское минералогическое общество
РМЦД – Ростовский музей церковных древностей
РНО – Рыбинское научное общество
РНОИМК – Ростовское научное общество по изучению местного края
РЭО – Русское энтомологическое общество
СГВ – Саратовские губернские ведомости
СКЛИИ – Северный кружок любителей изящных искусств
СКР – Союз краеведов России

СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения
СНК – Совет народных комиссаров
СНР – Секция научных работников
СОАОК – Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения
СОИАЭ – Саратовское общество истории, археологии и этнографии
СОК – Соловецкое общество краеведения
ТГВ – Томские губернские ведомости
ТЕВ – Тверские епархиальные ведомости
ФОН – Факультет общественных наук
ЦБК – Центральное бюро краеведения
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦК РКП(б) – Центральный комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)
ЦПО – Центрально-Промышленная область
ЦСК – Центральный статистический комитет
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости
ЯЕИО – Ярославское естественноисторическое общество
ЯЕИКО – Ярославское естественноисторическое и краеведческое общество

Список иллюстраций

1. Нестор-летописец. Скульптура М.М. Антокольского
2. Монастырская деревянная шатровая церковь с звонницей и часовней. Рис. В.В. Сулова
3. Деревянная шатровая церковь. Рис. В.В. Сулова
4. Каменная трехпридельная церковь с звонницей. Рис. В.В. Сулова
5. Каменный дом в вотчине. Рис. В.В. Сулова
6. Старый дом. Рис. В.В. Сулова
7. Гравюра худ. И.Я. Билибина
8. Сергиев-Посад. Гравюра худ. В.А. Фаворского
9. Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь. Собор. Гравюра худ. С.А. Глушкова
10. Ярославль. Церковь Николы "Рубленый город". Гравюра худ. С.А. Глушкова
11. Ярославль. Дом общества врачей. Гравюра худ. С.А. Глушкова
12. Ярославль. Художественный музей (бывш. Дом губернатора). Гравюра худ. С.А. Глушкова
13. Ярославль. Церковь Рождества Христова. Гравюра худ. С.А. Глушкова
14. Ярославль. Знаменская башня. Гравюра худ. С.А. Глушкова

Содержание

<i>Введение</i>	<i>6</i>
<i>Глава I. Накопление и развитие краеведческих знаний в XVIII – первой половине XIX вв.</i>	<i>21</i>
<i>«Много вещей старых изрядных...» * И.К.Кирилов и его «Цветущее состояние Всероссийского государства» * В.Н.Татищев * М.В.Ломоносов и работа по подготовке описаний страны и ее регионов * Г.Ф. Миллер и его труды по региональной истории * Камчатские экспедиции. «Описание земли Камчатки» С.П.Крашенинникова * «Академические экспедиции» 1768 – 1774 гг. * Топографические описания * Географические словари * «Вольное экономическое общество» и региональное изучение страны * Местные краеведческие описания второй половины XVIII века * Н.М.Карамзин * «...Уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» * «Краевые» описания начала XIX века * «Краевые» описания 1830 – 1850-х гг. * Статистические органы МВД * Губернские статистические комитеты * Научные общества * Провинциальные журналы * Губернские ведомости *</i>	
<i>Глава II. Развитие исторического краеведения во второй половине XIX – начале XX вв.</i>	<i>101</i>
<i>Провинциальная интеллигенция как социальная основа краеведческого движения * Концепция «областной» истории А.П.Щапова * Сибирское «областничество» * Государственная статистика * Губернские статистические комитеты * Секретари ГСК * Издательская деятельность ГСК * ГСК и «Губернские ведомости» * «Памятные книжки» ГСК * Научные периодические издания ГСК * Состав ГСК * Научные общества * Русское географическое общество * Московское археологическое общество * Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии * Археологическая комиссия * Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины * Научные общества по изучению местного края * Церковно-археологические и исторические общества * Губернские ученые архивные комиссии * Состав ГУАК * Архивная деятельность ГУАК * Издательская деятельность ГУАК * Археологическая деятельность ГУАК * Ярославская ГУАК * И.А.Тихомиров * Провинциальные музеи *</i>	
<i>Глава III. Историческое краеведение в 1917 – 1930-х гг. 177</i>	
<i>Краеведческое движение в новых условиях</i>	
<i>Общественные организации в годы гражданской войны * Институт исследования Сибири * «Золотое краеведческое десятилетие» *</i>	
<i>Организация и руководство краеведческим движением</i>	

Центральное бюро краеведения при РАН * От Академии наук к Главнауке НКП * ЦБК – орган Главнауки * Формирование задач «нового краеведения» * «Общественность для нас не фетиш» *

Развитие исторического краеведения

В годы гражданской войны * Костромское научное общество по изучению местного края * Саратовское общество истории, археологии и этнографии * Вологодское общество изучения Северного края * Краеведческие организации и общества Ярославской губернии * Краеведение в Сибири * Краеведные учреждения СССР * Соловецкие краеведы * Местные краеведческие съезды и конференции * Направления деятельности и состав краеведческих обществ * Эволюция программных задач исторического краеведения * Два краеведения * «... Внимание на те вопросы краеведения, которые тесно связаны с хозяйством» * Производительные силы края – главный объект изучения * «Академическое дело» * Против «краеведческой контрреволюции» *

Глава IV. Историческое краеведение в 1930-е – 2000-е гг.

.....235
Уничтожение краеведческого движения * К «новому краеведению» * В условиях ликвидации * В годы Великой Отечественной ... * Школьное краеведение * 1960 – 1980-е гг. * Союз краеведов России * Краеведческие общества и организации * Краеведческие конференции * Краеведческая литература * Краеведение и образование *

Вместо заключения258

Персоналии.....260

Использованная литература327

Указатель имен342

Список сокращений.....349

Список иллюстраций352

Учебное издание

А.М. Селиванов

Историческое краеведение:

накопление и развитие
краеведческих знаний в России
(XVIII – XX вв.)

Учебное пособие

Редактор, корректор Л.Н. Селиванова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 20.12.2005 г. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 21,36. Уч.-изд. л. 16,9.
Тираж 150 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37

***Ярославским государственным университетом
им. П.Г.Демидова выпущены в свет следующие издания по истории и
культуре Ярославского края***

«Вглядись в минувшее бесстрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20-30-х гг.: Документы и материалы / Сост. Н.П. Рязанцев, Ю.Г. Салова и др.; под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1995. 392 с.

Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона / Сост. В.П. Федюк, Ю.Г. Салова, Н.П. Рязанцев; под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1996. 272 с.

Шустрова И.Ю. Этнография русских Верхнего Поволжья: семья и семейный быт крестьян в XIX - начале XX века. Ярославль, 1996. 75 с.

Шустрова И.Ю. Очерки по истории русской семьи Верхневолжского региона в XIX – XX вв. Ярославль, 1998. 130 с.

Марасанова В.М. Ярославский край в XVIII веке. Ярославль, 1997. 66 с.

Ярославские губернаторы, 1777 – 1917: Историко-биографические очерки / В.М. Марасанова, Г.П. Федюк; отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 1998. 420 с.

Волкова Т.И. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865-1918 гг.). Ярославль, 1998. 88 с.

Ярославский район: страницы истории: В 3 ч. / Н.П. Рязанцев, В.М. Марасанова, Ю.Г. Салова; отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 1997 – 1999. 124 с. + 136 с. + 196 с.

Шаброва О.Г., Шабасова О.И. Ярославль в XVII веке. Ярославль, 1999. 124 с.

Рязанцев Н.П. «Спасти живую старину...»: Музейное строительство и охрана памятников истории и культуры в Ярославской губернии в 1918 – 1929 гг. Ярославль, 2000. 166 с.

История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / Рук. автор. колл. и отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 2000. 368 с.

История Ярославского края: Учебно-метод. пособие / А.М. Селиванов, В.М. Марасанова, Н.П. Рязанцев; под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000. 88 с.

Станкевич И.Л. Записки археолога. Ярославль, 2000. 168 с.

Марасанова В.М., Саблина А.А. Ярославский край в XIX веке. Ярославль, 2001. 128 с.

Служить Отечеству честь имею: Документы по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI вв. / Сост. А.М. Селиванов, Н.П. Рязанцев, В.М. Марасанова, Ю.Г. Салова, А.А. Саблина; отв. ред. и рук. авт. колл. А.М. Селиванов. Ярославль, 2002. 632 с.

Очерки истории высшей школы Ярославского края / Отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 2003. 384 с.

Салова Ю.Г. История культуры Ярославского края (XIX – XX вв.). Ярославль, 2004. 260 с.

Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Вып. 1 - 4. Ярославль, 1999-2005.